

Н. Ю. Сивкина

ПОСЛЕДНИЙ
КОНФЛИКТ
В НЕЗАВИСИМОЙ
ГРЕЦИИ

СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА
220–217 гг. до н. э.

Санкт-Петербург
2007

Рецензенты:

доктор исторических наук *И. Е. Суриков*,
доктор исторических наук *С. К. Сизов*

Научный редактор

кандидат исторических наук *А. Я. Тыжов*

Ответственный редактор

Ю. С. Довженко

Сивкина Н. Ю.

С34 Последний конфликт в независимой Греции: Союзническая война 220—217 гг. до н. э. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2007. — 384 с. : ил. — (Серия «Studia classica»).

ISBN 978-5-93762-067-5

Монография Н. Ю. Сивкиной — первое как в отечественной, так и в зарубежной историографии специальное исследование, посвященное Союзнической войне — последней войне в Греции, которую вели Эллинская лига и Этолийская федерация. Автор не только воссоздает ход боевых действий, но и затрагивает обширный круг вопросов, связанных с международными и социальными проблемами конца III в. до н. э. Особое внимание уделено личности предпоследнего македонского царя Филиппа V.

Издание предназначено как специалистам-антиковедам, так и всем, интересующимся античной историей и военным искусством древности.

ISBN 978-5-93762-067-5

© Н. Ю. Сивкина, 2007

© А. Я. Тыжов, вступительная статья, 2007

© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2007

НОВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА

«Жизнь человеческого рода, — писал известный русский антиковед Ф. Ф. Соколов, — не прекращается и не останавливается; останавливаться необходимо только нам, отдельным личностям, и решительно все равно, в каком пункте мы остановимся для обозрения событий. Где бы мы не провели черту, всякая такая граница будет произвольна; в изложении истории любого избранного промежутка нам придется отрезать и отбросить множество фактов, выходящих за наши рамки; в характеристике каждого периода будут встречаться черты, общие с периодами предшествующим и последующим. <...> С чего бы мы ни начали, мы прямо попадаем *in medias res*; дочитав последнюю страницу многотомного исторического сочинения, мы оставляем историческую жизнь в таком же полном разгаре, в каком она является на первой странице»¹.

Эти слова со всей справедливостью можно отнести к любому историческому исследованию, тем более к исследованию, касающемуся «седой древности». Следует лишь сделать небольшое дополнение: важно и то, сколь глубоко проникает исследователь в ткань избранного им сюжета, насколько полно удастся увидеть ему внутреннюю причинно-следственную связь событий, оживить образы и характеры исторических персонажей. Эта далеко не простая задача, как нам кажется, оказалась вполне по силам молодой отечественной исследовательнице Н. Ю. Сивкиной, автору предложенной на суд читателей монографии:

¹ Соколов Ф. Ф. Третье столетие до Рождества Христова: Речь, произнесенная на акте Имп. С.-Петербургского историко-филологического института 3-го июня 1886 года // ЖМНП. 1886, июль. С. 1—16. Цит. по: Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910. С. 243—244.

«Последний конфликт в независимой Греции: Союзническая война 220—217 гг. до н. э.».

Н. Ю. Сивкина избрала объектом своего исследования сравнительно узкий отрезок эллинистической истории (примерно 5—6 лет из двух последних десятилетий III в. до н. э.). Однако выбор сюжета весьма удачен: это ключевой момент, подводящий итог истории эллинистического мира, развивающегося, если так можно выразиться, на собственной, самобытной основе, по своим собственным законам, не испытывающего еще глобально-определяющего давления внешних факторов. Тучи, которым предстоит в следующем столетии придти с Запада, еще только намечаются на историческом горизонте. Римско-италийский мир делает лишь первые шаги в сторону подчинения эллинистических государств, но по преимуществу занят борьбой с Карфагеном и собственными проблемами.

Что же представляют из себя в этот период (конец III в. до н. э.) эллинистические государства? Возникнув и сложившись в первой половине III столетия, они являли собой сложное сочетание двух несхожих друг с другом государственно-политических систем: это эллинистические или, как их иногда именуют в научной литературе, территориальные монархии (Египет Лагидов, Сирия Селевкидов, Греция и Македония Антигонидов, Пергамское царство Атталидов, в некотором отношении Сицилийская держава Агафокла и некоторые государства меньшего масштаба) и государства, структура которых представляла собой федерацию отдельных городов, делегировавших все функции союзного управления и внешней политики избранным магистратурам. Таковы были союзы Ахейский и Этолийский — два мощных политических образования, поделивших между собой Среднюю Грецию и Пелопоннес. Весь сравнительно недолгий период «чистого» эллинизма был наполнен бесконечными военными конфликтами между государствами. Однако указанным различием в политической системе, разумеется, не исчерпывалось все разнообразие данной эпохи. Куда большие особенности коренились в этнической структуре эллинистических государств и в той роли, которую играл в них комплекс эллинской культуры.

Для эллинистического мира характерен также контраст между сверхдинамичным развитием внешней политики и почти полным отсутствием внутригосударственных структурных изменений. Акцент на внешнеполитических интересах, реализовавшихся в военных союзах и открытых конфликтах, сильно обескровил эллинистические государства. Пройдет всего каких-нибудь шесть десятилетий с момента окончания Союзнической войны, как большая часть эллинистических государств оказывается инкорпорированными в римскую государственную систему, а те, что уцелеют, попадут в такую зависимость от римского сената, что практически будут лишены всякой самостоятельности.

Из всего сказанного выше становится понятно, что избранный Н. Ю. Сивкиной период для исследования является крайне важным для эллинистической истории. Труд ее приобретает еще большую важность, если принять во внимание то обстоятельство, что конец III в. до н. э. нашел очень мало места в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей и, если не ошибаюсь, книга Н. Ю. Сивкиной является здесь единственным специальным монографическим исследованием.

Сюжет книги связан с событиями Союзнической войны и политическими мотивациями ее главных действующих лиц, и в первую очередь молодого в ту пору македонского царя Филиппа V. Главные государства-участники войны — Этолийский и Ахейский союзы и Македония во главе с Филиппом V, выступающая как военно-политический партнер Ахейской федерации. Место действия — различные районы Эллады.

Несколько слов об источниковедческой базе работы. Она очень объемна, если не сказать исчерпывающая. К исследованию привлечено все, что имеет прямое или косвенное отношение к интересующему автора периоду. Главным источником, ближе всех стоящим по времени к исследуемым событиям, является ахейский историк Полибий из Мегалополя, автор огромной — в сорока книгах — «Всеобщей истории», охватывающей период в целом от I Пунийской войны до 146 г. до н. э. Особенно подробно излагал Полибий события, начиная с 140 Олимпиады (220 г. до н. э.), что хронологически совпадает с началом Со-

юзнической войны. К сожалению, книги с VI по XL сохранились фрагментарно, что однако не умаляет значение Полибия как источника; сочинение Полибия кроме того хорошо дополняется текстом Тита Ливия и других более поздних авторов.

Н. Ю. Сивкина ставит целью своей работы определенный пересмотр сложившихся в антиковедной науке взглядов на роль Филиппа V в Союзнической войне, на политические и личные мотивы, которыми руководствовался македонский царь. Традиционный взгляд строится в целом на полибиевской традиции и исходит, следовательно, из доверия к ней. Н. Ю. Сивкина безусловно права, когда говорит о личном и тенденциозном отношении Полибия к Филиппу V, но, на наш взгляд, слишком далеко порой заходит в своем к нему недоверии. В лице македонского царя автор видит разумного, конструктивного политика, склонного действовать миром, а не войной, и даже допускает мысль, что если бы история отвела Филиппу V больше времени до начала римского вторжения, то римляне застали бы в Элладе совершенно другое положение дел, чем то, какое было в действительности. Все это, как было указано выше, сильно разнится с образом Филиппа V, созданным пером Полибия. Впрочем, решение вопроса о том, что ближе к исторической истине, оставим на суд читателей, поскольку цепь рассуждений и выводы Н. Ю. Сивкиной весьма интересны и логически выверены, а охват современной научной литературы по всем проблемам, так или иначе связанным с предметом исследования, в книге столь широк, что не оставляет сомнений в научной компетенции автора.

Несмотря на ряд спорных, с научной точки зрения, выводов и положений, монография Н. Ю. Сивкиной представляется нам весьма отрядным явлением в отечественном антиковедении и, безусловно, достойна внимания читателей, занимающихся или интересующихся эллинистической историей.

А. Я. Тыжов

ПОСЛЕДНИЙ
КОНФЛИКТ
В НЕЗАВИСИМОЙ
ГРЕЦИИ

СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

220–217 гг. до н. э.

Принято считать, что на войне все решает число воинов, их доблесть, искусство военачальников и судьба, которой подвластны все дела человеческие, а дела войны всего более.

Тит Ливий (9, 17, 3)

ВВЕДЕНИЕ

Многочисленные исследователи неоднократно обращались к истории эллинизма, изучая различные ее аспекты: социальную и экономическую жизнь, вопросы идеологии и религии, политические и международно-правовые отношения. Охватывая всего три столетия¹, эпоха эллинизма до сих пор привлекает внимание неизученностью отдельных вопросов, нерешенностью поставленных проблем и неожиданными подходами к старым дискуссиям.

Политическая и военная история этого периода достаточно полно представлена в трудах зарубежных и отечественных антиковедов, но детально изучены лишь некоторые войны, которые вели эллинистические правители между собой и, особенно, с Римом. При этом внимание исследователей привлекают, как правило, последние этапы существования эллинис-

¹ Хронология эллинистического периода традиционно охватывает время от Александра до включения Египта в состав Римской империи Октавианом Августом, т. е. от 334 г. до 30 г. до н. э. Однако в вопросе периодизации нет единого мнения. Для политических отношений более удачна, на наш взгляд, схема, представленная у В. И. Кашеева, который следует в этом вопросе за Ф. Уолбэнком: эпоха эллинизма делится на три периода: 1. Ранний эллинизм — создание империи Александра Македонского, ее распад и образование эллинистических государств (336 [или 334] — ок. 280 гг. до н. э.); 2. «Классический» эллинизм — время политического равновесия в эллинистическом мире (ок. 280 — ок. 220 гг. до н. э.); 3. Поздний эллинизм — установление римской гегемонии в эллинистическом мире (ок. 220—30 гг. до н. э.). (См.: *Кашеев В. И. Из истории межгосударственных отношений в эпоху эллинизма: Два очерка.* М., 1997. С. 10 сл.)

тических монархий в ущерб концу III в. до н. э.², что объясняется состоянием источниковой базы, с одной стороны, а с другой стороны, желанием историков дать ответ на вопрос, поставленный Полибием в его знаменитом труде: каким образом Рим подчинил почти весь известный в то время мир?³ Не являясь исключением в этом плане, автор данного труда считает, что причину успешного проникновения римлян на Балканы следует искать во взаимоотношениях греков с Македонией, в особенностях их восприятия друг друга.

В имеющихся нарративных источниках³ предпоследний македонский правитель, на долю которого выпали две войны с Римом, Филипп V, предстает перед нами весьма мрачной фигурой: подверженный низменным страстям, обладающий деспотическими наклонностями, амбициозный, охваченный идеей о мировом господстве, он развязал конфликт с римля-

нами и открыл им дорогу для завоевания эллинистического мира. Плутарх, например, пишет, что Филипп превратился из милосердного царя и скром-

ного юноши в разнузданного и гнусного тирана (Plut. Arat., 51). Павсаний характеризует Филиппа V как человека коварного, который «вызвал к себе ненависть со стороны всей Эллады» (VIII, 50, 4). Ливий утверждает, что ахейцы относились к нему с подозрением из-за его жестокости и вероломства, хотя были обязаны македонянам многими благодеяниями (32, 19, 7). В другом пассаже (32, 21, 21–25)

² Далее все даты, кроме оговоренных особо — до н. э.

³ Plut. Arat., 49; 51; 52; Polyb., III, 2, 8; IV, 77, 4; V, 12, 5–7; VII, 12–14; IX, 23, 9; 30, 1–4; X, 26, 1–7; XIII, 3–5; XV, 20; 22–23; XVIII, 8, 8; 44; XXI, 1, 5; XXII, 9, 1; Paus., II, 9, 4; VII, 7, 5.

римский историк обвиняет Филиппа в убийствах и грабежах, учиненных им в Мессене, в убийстве обоих Аратов, в надругательствах над девами и матронами, рисуя его человеком, жестокости которого все боятся.

Однако все негативные отзывы о царе берут свое начало в более ранних произведениях, из которых, указанные выше авторы, несомненно, во многом черпали свои сведения — из труда Полибия⁴, из мемуаров ахейского стратега Арата, из сочинений римских анналистов. К сожалению, столь же неприглядный образ Филиппа V существует и в современной исследовательской литературе. В данной работе нам хотелось бы внести некоторые коррективы в уже сложившиеся стереотипы восприятия македонского царя и попытаться показать на примере первых лет его царствования, насколько серьезные проблемы ему приходилось решать, как ему удалось вполне успешно справиться с ними и, в соответствии с этим, показать Филиппа V в ином свете — как человека, руководствовавшегося в своей политике принципами, существенно отличавшимися от тех, что приписывают ему греческие историки.

Конец III в. как внутри греческих государств, так и в их взаимоотношениях с соседями характеризуется новым витком противоречий, вызванных неравномерностью их экономического и политического развития. Как и в предшествующее столетие, не изжила себя борьба городов за власть и влияние в

⁴ Полибий описывает шесть циклов политических устройств. Монархия, согласно его взглядам, через несколько поколений вырождается в тиранию (VI, 7, 8). Образ Филиппа, созданный ахейским историком, соответствует этой теории. Автор противопоставляет деяния Филиппа, совершенные в молодые годы и в старости. Особенно мрачно выглядят последние годы правления царя. Полибий рисует человека, снедаемого всеми муками ненависти, ярости, жестокости, беспокойства, подозрения, затем — сожаления: *Pédech P. La méthode historique de Polybe. P., 1964. P. 238.*

греческом мире — напротив, она поднялась на новый уровень, ибо теперь ее вели не отдельные полисы, а союзы государств. С другой стороны, этот факт, а также растущее осознание эллинами их этно-социального и культурного единства стимулировали развитие федеративных отношений в Элладе⁵. На закате эллинистической истории наибольший след в ней оставили Этолийский и Ахейский союзы. Их формирование и развитие отразило тенденцию могущественных федераций к расширению и укреплению своего господства не только в пределах «собственных» географических регионов, но и во всей Элладе.

Этолийский союз издавна располагался вокруг общего этолийского святилища в Ферме. Этолия известна как суровая страна, жители которой были прекрасными воинами, всегда носившими при себе оружие. Продемонстрировав свою храбрость во время нападения на Дельфы галлов (279—278 гг.), они захватили святилище, распространили свое влияние на Амфикионию и тем самым подняли свой престиж среди эллинов⁶. В то же время они захватили некоторые территории: на западе — в Акарнании, на востоке — в Фокиде, Западной Локриде, в Фессалии, образовав самое обширное из всех греческих государств. В 245 г. этолийцы присоединили Беотию и таким образом, не вступая в открытый конфликт с Македонией, объединили под своей властью большую часть Средней Греции, кроме Атики, охраняемой македонским гарнизоном. Сверх того, к 220 г. под их контролем находилась Малида, Дорида, энианы и долопы, Ахайя Фтиотидская. Членами союза на пра-

⁵ Строецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991. С. 65.

⁶ Левек П. Эллинистический мир / Пер. с франц. Е. П. Чиковой. М., 1989. С. 22; Павловская А. И. Греция и Македония в эпоху эллинизма // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 413.

вах исполитии стали Кефалления, Амбракия, Кеос, Хиос, Фигалея и Мессения⁷.

Соперником Этолийского союза была Ахейская федерация, быстро вышедшая за пределы нищей Ахайи благодаря энергичным действиям Арата из Сикиона. Одной из побудительных причин объединения могло стать стремление ахейцев сообща противостоять экспансии этолийцев⁸. Важными вехами в истории Ахейского союза были сначала присоединение Сикиона, а затем захват Коринфа. Постепенно, добровольно или принудительно, почти весь Пелопоннес вошел в его состав. К 228 г. членами лиги были Ахайя, Сикион, Коринф, Мегара, Аргос, Арголида и города побережья, Эгина, Мегалополь и большая часть Аркадии⁹. Все эти территории прежде находились в сфере македонских интересов. Не присоединенной ни к одной федерации оставалась лишь свободная Спарта. Желание включить ее в Ахейскую лигу было закономерным явлением. Однако в отличие от остальных городов Пелопоннеса, которые видели в союзе возможность избавиться от македонского контроля, в Спарте, и в прежние времена не подчинявшейся Македонии, такого стремления не было,

⁷ Тарн В. Эллинистическая цивилизация / Пер. с англ. С. А. Лясковского. М., 1949. С. 84; Власюков С. Ю. Этолийский союз эллинистического времени (социально-экономические отношения и политическая организация). Автореф. ... к. и. н. М., 1991. С. 8.

⁸ Существует версия, что в молодости Арат под воздействием юношеского романтизма стремился к объединению Греции. Ахейская лига должна была служить инструментом для реализации его замыслов. Эти надежды были оставлены после первых неудач в Аргосе. Впоследствии в своих мемуарах Арат предпочел умолчать об этом этапе своей политической карьеры: *Golan D. Aratus' policy between Sicyon and Argos: an attempt at Greek Unity // Rivista Storica dell'Antichita'. Anno III. 1973. P. 59–70.*

⁹ Тарн W. W. The Greek Leagues and Makedonia // *CAH. Vol. 7. 1928. P. 750; Fine J. The Background of the Social War of 220–217 B. C. // AJPh. Vol. 61. 1940. P. 131.*

что неизбежно вело к конфликту с державными интересами союза. Кроме того, имперские устремления, свойственные лидерам и Этолийской и Ахейской федераций рано или поздно должны были столкнуться между собой оба союза¹⁰.

Македония в эллинистический период была довольно сильным государством, распространявшим свое влияние даже на формально независимые полисы Греции. Ей противостояли лишь Этолийский и Ахейский союзы. Конечно, она была не самым блестящим из эллинистических царств, но ее военное могущество долгое время оставалось значительным благодаря ее знаменитой фаланге. Примечательно, что к концу III в. федеральные и монархические принципы воздействовали друг на друга. По мнению В. Тарна¹¹, глава Ахейской лиги Арат стал почти таким же «монархом», как любой Антигонид в Македонии. Следует учитывать и то обстоятельство, что кризис полиса неизбежно усиливал авторитарные тенденции, увеличивал влияние «сильной личности» в политике¹². Именно взаимоотношения этих трех государств долгое

¹⁰ Едва ли правомерно утверждение, что ни одна из федераций не стремилась объединить Грецию и даже не ставила перед собой такой цели по причине отсутствия необходимых для этого сил (Беликов А. П. Полибий между греками и римлянами: оценка политической деятельности историка // ВДИ. 2003. № 3. С. 153). Ниже будет разобран военный потенциал этих союзов, преимущества и недостатки их тактики, а также то, какую роль в боевых действиях они отводили своим союзникам.

¹¹ *Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia. P. 732.* Подобное высказывание есть и у Дж. Дэвиса: *Davies J. K. Cultural, social and economic features of the Hellenistic world // CAH². Vol. 7. 1984. P. 296.*

¹² *Сизов С. К. Ахейский союз. М., 1989. С. 58; см. также: Розовский А. А. Понятие «эллинизм»: цивилизационный подход (постановка проблемы) // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 27.*

время определяли всю политическую обстановку на Балканах. Но с конца 40-х гг. III в. на международные отношения начинает действовать еще один важный фактор — социальное движение, зародившееся в Спарте и нашедшее отклик во всех полисах Греции.

Вторая половина III в. принесла Балканской Греции лишь несколько мирных лет; одна коалиционная война практически сразу сменяла другую. В столкновения были вовлечены все государства, за исключением Афин, которым удалось сохранить нейтралитет в конфликтах того периода. При этом освободительное движение против македонского засилья переплеталось с получением финансовых субсидий от египетского правителя, борьба за социальные преобразования сопровождала политическому соперничеству между государствами. Столь тесный клубок противоречий создавал благодатное поле для амбициозных политиков, подобных ахейскому стратегу Арату¹³, опиравшихся для реализации намеченных планов то на одни силы, то на другие, использовавших слабости друзей и врагов в своих целях, считавших, что успех оправдывает все.

Показательно, что как и в предыдущем столетии, в III в. единство на Балканах так и не было достигнуто греками. Их единение в Деметриевой войне (239—229 гг.) было временным. Хотя цели союзников в существенных пунктах отличались, но достичь их можно было тогда лишь ценой заметного ослабления Македонии, и антимакедонский альянс был тем общим знаменателем, который сводил и сплачивал партнеров. Но как только угроза северного вмешательства была ликвидирована, на первый план вышли внутренние противоречия между имущими и неимущими слоями населения, усугублявшие ситуацию.

¹³ Как метко отметил В. Форрест, Арат был «способный, но не очень приятный интриган»: *Forrest W. G. A history of Sparta 950—192 B. C. L., 1980. P. 146.*

губившиеся соперничеством государств за гегемонию и обращением за помощью к другим державам. «Представляя собой одно из высших достижений античной государственности, Ахейский и Этолийский союзы одновременно вписали и немало мрачных страниц в историю Эллады; ...федеративные государства по самой своей природе были предназначены для борьбы за единство и независимость Греции, на практике же они внесли, каждое по-своему, немалый вклад в дело уничтожения и единства, и независимости греков»¹⁴. Хотя масштабы войн в Греции, по сравнению с борьбой диадохов, были не особенно велики, но их непрерывность приводила к взаимному ослаблению и неспособности самостоятельно решать общегреческие проблемы, что создавало почву для новой внешней интервенции.

Следует вспомнить тот факт, что каждый эллинистический правитель испытал влияние греческих идей и желал иметь какую-то идеологическую базу для своего правления, помимо прав завоевателя. В Азии и Египте эта основа была найдена в идее божественности царя. Македония в этом отношении отличалась: ни один Антигонид не решился на установление царского культа в собственном государстве, не говоря уже о Греции. Начиная с Филиппа II и Александра Великого наметились две тенденции в отношениях между македонской монархией и греческими полисами. Филипп II создал Коринфскую лигу¹⁵. Он, а затем его сын рассматривали эллинов

¹⁴ Сизов С. К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород, 1990. С. 78.

¹⁵ Общая литература по Коринфской лиге Филиппа II и Александра Македонского: Борухович В. Г. Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и его значение // Учен. зап. ГГУ. Вып. 46. 1959. С. 199–208; Кондратьев М. А. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV века до н. э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25–42; Маринович Л. П. Конец классической Греции (Ламийская война) // Эллинизм: экономика, политика, куль-

как свободных союзников; лишь в самом конце правления Александр изменил этой позиции. Второе направление берет свое начало от Антипатра, который управлял Элладой с помощью македонских гарнизонов и поддержки промакедонских режимов.

Все последующие правители избирали второй путь, за исключением недолгого союза между Антигоном Одноглазым, его сыном Деметрием Полиоркетом и греками. Как отмечал Ф. Г. Мищенко¹⁶, последующие правители Македонии готовы были пользоваться каждым случаем для того, чтобы обратить свободных эллинов в своих покорных подданных.

Следующую попытку обосновать свои претензии на контроль в Элладе на законном основании предприняли Антигон Досон, а затем Филипп V. Таким основанием должен был стать договор об Общем Мире, условия которого были оговорены при образовании Эллинской лиги в 224 г. Если в

тура. М., 1990; Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45—62; Фролов Э. Д. Панэллинизм в политике IV века до н. э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 157—207; Cawkwell G. Philip of Macedon. Bristol, 1978; Ellis J. R. Philip II and macedonian imperialism. L., 1976; Hammond N. Philip of Macedon. Baltimore, 1994; Hammond N., Griffith C. A history of Macedonia. Vol. 2. Oxford, 1979; Jehne M. Koine Eirene. Stuttgart, 1994; Larsen J. A. O. Representative government in Greek and Roman history. Berkeley—Los Angeles, 1956; Perlman S. Greek diplomatic tradition and the Corinthian league of Philip of Makedon // Historia. Bd. 34. 1985. P. 153—174; Ryder T. T. B. Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxford, 1965; Wilcken U. Alexander der Grosse und der Korinthische Bund // SB Berlin. Abh. 18. 1922; Wilcken U. Beiträge zur Geschishte des Korinthischen Bundes // SB München. Abh. 10. 1917; Wilcken U. Philipp II von Makedonien und die panhellenische Idee // SB Berlin. Abh. 18. 1929.

¹⁶ Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. С. 45.

прежние времена идея всеобщего мира была несовместима с идеей суверенного полиса¹⁷, то в конце III в. в лигу вошли не отдельные города, а федерации, которые были более привычны к некоторым ограничениям своих действий, с одной стороны, но и более готовы к равноправному партнерству, с другой¹⁸. Такой союз обеспечивал полную внутреннюю автономию государств-участников¹⁹, хотя внешняя политика, как правило, определялась более могучим из союзников. Отношения дружбы великой державы с более слабым государством всегда оставались неоднозначными. В хороших руках подобная система не обязательно приводила к насилию²⁰. Македонские правители Александр Великий, Деметрий Полиоркет, Антигон Досон довольно успешно использовали союз с греками в своих целях. Но в случае с Филиппом V дело обстоит сложнее.

Его отношение к грекам коренным образом отличалось от державной политики предшественников. Потеря контроля над Грецией в Деметриевой войне наглядно продемонстрировала македонским правителям ошибочность их действий в Элладе. Опираясь на тиранов, они оттолкнули от себя зажиточные круги полисов и лишились опоры этого наиболее заинтересованного в Македонии социального слоя, подтолкнув

¹⁷ Ротермель Л. Р., Шофман А. С. Герман Бенгтсон и его концепция эллинизма // ВДИ. 1984. № 4. С. 166.

¹⁸ По мнению Ф. Уолбанка, федерализм давал возможность преодолеть ограниченность города-государства. (Свенцицкая И. С. Рец. на кн.: F. W. Walbank. The Hellenistic World. L., 1992 // ВДИ. 1994. № 2. С. 198.)

¹⁹ Кошеленко Г. А. Греция в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 151.

²⁰ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. С. 77. С ним согласен Р. Томлинсон: Tomlinson R. H. Argos and the Argolid: from the end of the Bronze Age to the Roman occupation. Ithaca—N. Y., 1972. P. 161.

их в антимакедонский лагерь²¹. Антигон Досон справедливо учел просчеты предшественников и, когда представилась возможность, вернулся к союзным отношениям с греками. Он предпочел не бороться с федеративным движением, а приспособить его к интересам Македонии. Филипп V, оценив преимущества этого пути развития отношений с Грецией, следовал тем же курсом.

Предлагаемое исследование призвано показать, что хотя Филипп и заслужил много нареканий, но за ним остаются и великие заслуги. Если исходить из нравственных норм того времени, а также иметь в виду условия, в которых проходила его юность, принять во внимание непомерность задач, стоявших перед ним, и излишнюю пристрастность источников, то внешняя политика Филиппа отнюдь не выглядит чудовищной. Напротив, он, как никто другой, проявил с молодых лет талант полководца и государственного деятеля. Можно также отметить еще один момент. Поскольку на любой войне существуют два фронта — внешний, сфера действий командующего, где сражения ведутся оружием, и внутренний, психологический фронт, сфера государственного лидерства, где важное значение приобретают идеи и их пропаганда, — то можно утверждать, что Филипп V в Союзнической войне был вынужден сражаться на два фронта. Настоящая работа предлагает не только рассмотрение обоих направлений, но и выяснение того факта, на каком из них царь одержал победу.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают годы Союзнической войны, которая имела место в 220—217 гг. Тем не менее в некоторых случаях, когда это кажется вполне обоснованным для логики исследования, мы выходили за указанные границы. В частности, это касается как отдельных эпизодов, так и переворота в Мессении, произошедшего в конце 216 г., но явившегося следствием войны.

²¹ Сизов С. К. Ахейский союз. С. 18.

Основным источником для данного периода остается «Всеобщая история» Полибия — грандиозный по объему и охвату материала труд. Полибий (ок. 200—120 гг.) — сын влиятельного политического деятеля Ахейского союза, политик и командующий конницей ахейцев, был глубоко эрудированным человеком, взявшимся за перо лишь после основательного изучения трудов историков, как предшественников, так и современников, а также официальных документов из архивов Рима, Македонии, Родоса, Ахейского союза. Таким образом, он был хорошо осведомлен о том, о чем писал, и об исследуемой нами войне, в частности.

В историографии неоднократно делались попытки охарактеризовать работу и мировоззрение историка²². Важность Полибиева труда определяется тем, что пытаясь ответить на вопрос: «как Рим покорил весь эллинистический мир?», историк обстоятельно описывает события того периода, исследуя их причины и взаимосвязь. Его «Всеобщая история», которую по степени достоверности изложенных в ней фактов и по ее значимости как исторического источника и как памятника исторической мысли можно поставить в один ряд с сочинением Фукидида, значительна еще и другим — тем, что она учит извлекать уроки из прошлого и указывает каждому историку фундаментальные принципы профессионального мастерства²³.

²² См. например: Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий. С. 35—141; Мирзоев С. Б. Полибий. М., 1986; Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. С. 5—34; Немировский А. И. Полибий как историк // ВИ. 1974. № 6. С. 87—106; Самохина Г. С. Полибий: эпоха, судьба, труд. М., 1995; Pédech P. La méthode historique de Polybe. P., 1964; Walbank F. Polybius. Berkeley—Los Angeles—L., 1990; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1—3. Oxford, 1957—1979.

²³ Кащеев В. И. Из истории межгосударственных отношений... С. 21.

Добросовестно описывая политические и военные события, греческий автор ставит во главу угла выявление причинно-следственных связей. Он сам говорит, что историки должны обращать внимание не столько на событие, сколько на обстоятельства, предшествующие им, одновременные с ними и следующие за ними (III, 31, 11).

Полибий обращался к проблемам теории истории, прерывая рассказ многочисленными рассуждениями, что вызывало критические замечания современных исследователей. Но, как доказала Г. С. Самохина²⁴, это было связано не с темпераментом и складом ума историка, а с потребностями времени. Выяснение причины, повода и начала событий занимает в системе исторических доказательств, по мысли Полибия, основное место. Его можно с полным основанием назвать новатором, ибо он первым из греческих историков, чьи произведения дошли до нас, попытался оценить роль необходимых в любом историческом труде доказательств²⁵.

Следует принять во внимание, что по исследуемой тематике не сохранилось другого столь глубокого труда, способного сравниться с произведением ахейского историка. Союзническая война изложена у него довольно полно. В связи с вышесказанным ценность его произведения бесспорна. Добросовестно и обстоятельно описывая политические и военные события, создавая так называемую «прагматическую историю»²⁶, Полибий при этом действующими лицами истории

²⁴ Самохина Г. С. Polybiana: история как наука в эллинистической историографии III–II вв. до н. э. // ВДИ. 1986. № 4. С. 96.

²⁵ Самохина Г. С. О системе исторических доказательств в интерпретации Полибия // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 56–57.

²⁶ Подробнее о прагматической истории Полибия см., например: Кашеев В. И. Полибий и его «прагматическая история» // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 23–30; Walbank F. Polybius. P. 66–96.

считал людей: «...во всем окончательное суждение определяется не самим деянием, но причинами его, намерениями людей и их особенностями» (Polyb., II, 56, 16)²⁷. Неудивительно, что при подобном подходе к изложению кампаний Союзнической войны историк акцентирует внимание читателя именно на личностях, на их планах и устремлениях, часто в ущерб реальным фактам.

Нужно помнить еще один существенный момент: сам автор не был беспристрастным и объективным, когда речь заходила о противниках или соперниках Ахейского союза. Отец Полибия, ахейский стратег Ликорт, и знаменитый Филопмен привили ему глубокое чувство патриотизма²⁸. Воспитанный в кругу тех политических деятелей Ахейского союза, которые боготворили Арата и рассматривали себя в качестве наследников его политики, Полибий представляет читателю Арата как мудрого государственного мужа, способного предвидеть последствия тех или иных политических действий, когда результат их еще никому не был ясен²⁹. Полибий не просто восхищается Аратом, он искренне разделяет его внешнюю политику. Поэтому далеко не все высказывания историка можно принимать на веру. Как отмечал Хэммонд, он унижал врагов своей страны — Этолию, Спарту, Македонию. При этом Полибий так восхищался Римом, что унижал и врагов «вечного Города» — прежде всего, Македонию. Его оценка македонского царя Филиппа V вообще далека от

²⁷ *Кащеев В. И.* Полибий и его «прагматическая история». С. 27.

²⁸ О патриотизме Полибия см., например: *Беликов А. П.* Полибий между греками и римлянами... С. 150–161.

²⁹ *Eckstein A. M.* Polybius, Demetrius of Pharus, and the Origins of the Second Illyrian War // *Cl. Ph.* Vol. 89. № 1. 1994. P. 53; *Chrimes K. M.* Ancient Sparta. A reexamination of the evidence. Manchester, 1949. P. 3.

объективности³⁰. Характерно замечание историка: он считает невероятным, чтобы семнадцатилетний юноша (т. е. Филипп) мог дать правильное суждение в важном деле; высказанное царем мнение с наибольшей вероятностью должно быть приписано стратегу Арату (Polyb., IV, 24, 1 и 3). Успехи ахейцев он объясняет дальновидностью их вождей и лучшими качествами их характера. Этолийцы же в его описании — зачинщики постоянных беспорядков в Греции и нарушители мира. Они не стыдятся ничего, что приносит выгоду (Polyb., IX, 38, 6; XVIII, 34, 7), непрерывно грабят Элладу (Polyb., IV, 16, 4) и даже не ищут каких-либо оправданий своим поступкам (ibid.). Эти и другие не менее резкие отзывы довольно часто встречаются на страницах произведения Полибия. Интересен тот факт, что Плутарх, не раз упоминая об этолийцах, не обнаруживает к ним такой нетерпимости и раздражения, какие присутствуют у Полибия, хотя автор «Сравнительных жизнеописаний» не скрывает их пороков (Plut. Flamin., 8; 10; 15). По мнению Чарльза Эдсона³¹, портрет Филиппа у Полибия был призван мотивировать — и таким образом оправдать — измену ахейцев в римско-македонской войне. Поэтому сведения Полибия нуждаются в критическом осмыслении.

Более того, даже при осторожном чтении, остается впечатление, что Полибий противоречит себе³². Так, например, его сведения относительно иллирийских событий и их роли в македонской политике выглядят несколько неправдоподобно. По Полибию, Деметрий Фарский воспользовался тяжелым положением римлян накануне второй Пунической войны,

³⁰ Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 367.

³¹ Edson C. Rev.: Walbank F. W. Philip V of Macedon // The American Historical Review. Vol. 47. № 4. 1942. P. 827.

³² Larsen J. A. O. Rev.: Pédech P. La méthode historique de Polybe // Cl. Ph. Vol. 62. № 3. 1967. P. 215.

нарушил соглашение с ними, развернул широкомасштабные пиратские действия на море, чем спровоцировал войну. Потерпев сокрушительное поражение, он прибыл ко двору македонского царя Филиппа, стал его советником и подтолкнул молодого правителя к столкновению с Римом. Источником Полибия в данном вопросе был, вероятно, Фабий Пиктор, труд которого носил пропагандистско-патриотический характер³³. Таким образом, Полибий оказался под сильным влиянием римской пропаганды. Это обстоятельство создает для современных исследователей серьезные трудности. Каждый автор должен прежде всего рассмотреть вопрос о степени доверия к приведенным во «Всеобщей истории» фактам и к тем комментариям, которые дает ахейский историк.

С другой стороны, сам Полибий неоднократно критикует Фабию, обвиняя его в нелогичности и неправдоподобности изложенных им событий, якобы приведших к началу Ганнибаловой войны (III, 8, 1 — 9, 5). Более того, Полибий предупреждает читателя, не верить всему, что говорит Пиктор (III, 9, 4—5). Трудно предположить, что после таких заявлений ахейский историк стал бы беспечно повторять его версию. Скорее всего, дело в стремлении Полибия изобразить поучительный для аристократической аудитории портрет Деметрия Фарского, показав его безрассудным и опрометчивым человеком в противовес Арату Сикионскому, конец карьеры которого ознаменовался острым конфликтом с этим иллирийцем. Подводя итог вышесказанному, можно подчеркнуть, что современные авторы довольно часто вынуждены по тем или иным причинам отклонять предлагаемые ахейским историком версии событий, но вследствие отсутствия другого материала они в этом случае нередко оказываются в области чистых предположений и гипотетических построений.

³³ *Walbank F. Polybius. P. 164; Eckstein A. M. Polybius, Demetrius of Pharos... P. 48 ff.*

Писатели более позднего времени во многом зависели от этого первоисточника. «История» Полибия была основой для жизнеописаний Арата и Фламинина у Плутарха и, в известной степени, для труда Тита Ливия. Из написанного Плутархом мировую славу ему принесли «Сравнительные жизнеописания» — биографии выдающихся греков и римлян, объединенные в пары. Плутарх не стремится дать подлинное жизнеописание своего героя, его задача иная — показать великого человека, обрисовать его характер. К сожалению, история для Плутарха — всего лишь фон для изображения портрета политического деятеля. Характерно, что македонские правители, за исключением Александра Великого, не удостоились внимания автора. Поэтому краткие сообщения о начальном периоде деятельности Филиппа V можно почерпнуть только из биографии его современника — Арата. При этом следует учитывать и тот факт, что Плутарх кроме труда Полибия пользовался и собственно «Воспоминаниями» Арата³⁴. Особенности этого источника также не могли не отразиться на выводах биографа. Характерен пример: Арат не имел возможности влиять на македонского царя Антигона Досона, но ему было выгодно представить собственное положение как весьма близкое к царю. Эта тенденция нашла выражение у Плутарха, который пишет об исключительно дружественных отношениях Арата и Досона с момента их первой встречи (Plut. Arat., 43), что весьма странно, если учесть, сколько сил Арат потратил в прежние годы на выдворение македонян из Греции.

Тит Ливий еще более дискредитировал Македонию, чем Полибий, хотя обычная информация по римской истории у него дана правильно. Его произведение «История Рима от основания города» сохранилось не полностью: дошли первая

³⁴ Прямые ссылки на мемуары Арата: Plut. Arat., 32, 5; 33, 3; 38, 11.

и третья декада и частично книги четвертой и пятой декады, до победы Эмилия Павла в 168 г.; об остальных частях известно благодаря кратким обзорам — периодам, составленным еще в древности. Поскольку основной задачей автора было создание апологетической картины римских завоеваний, то естественно, что Ливий при описании военно-дипломатических действий Рима в Греции всецело зависит от Полибия, заимствуя зачастую и его оценки событий³⁵. История Греции и Македонии затрагивается в 21—41 книгах «Истории Рима». Но до римско-македонских войн Ливий не удостаивает Балканы пристальным вниманием. Он достаточно подробно рассказывает о деятельности Филиппа V по восстановлению экономического положения Македонии после второй Римско-македонской войны (39, 24, 1—4), но о начале правления этого царя его данные остаются отрывочными и довольно искаженными. Примером может служить сообщение (23, 33, 1—3), что за ходом второй Пунической войны следили все народы и особенно царь македонский. Узнав о переходе Ганнибала через Альпы, Филипп обрадовался войне между римлянами и карфагенянами, но пока было неизвестно, на чьей стороне перевес, он колебался, кому желать победы. Такая версия, однако, не выдерживает критики, поскольку подразумевает, что события, происходящие в Италии, не только были важны для всего эллинистического мира, но и определяли политику независимых от власти римлян монархов. Вряд ли здесь следует видеть что-то, кроме отражения общей для всего труда Тита Ливия концепции о величии Рима.

³⁵ О заимствованиях Ливия у Полибия см.: *Nissen H. Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius*. В., 1863. S. 53—85, 119—279; *Walbank F. A historical commentary on Polybios*. Vol. 3. Oxford, 1979. P. 1 ff.; *Briscoe J. A commentary on Livy. Books XXXIV—XXXVII*. Oxford, 1981. P. 1—3.

Наряду с указанными «базовыми» источниками привлекался и материал, содержащий отрывочную информацию по выбранной теме. К вспомогательным источникам следует отнести труд Страбона «География». Страбон родился около 64/63 г. и был современником заката эллинизма. Он получил хорошее по тому времени образование, посвятил себя путешествиям и научным занятиям, результатом которых стал труд «Исторические записки», а затем «География»³⁶. Основная часть приведенных им сведений — несомненно книжного происхождения³⁷. География для Страбона — наука практическая, цель которой приносить пользу властителям (II, 1, 18). Поэтому в его труде помимо географических описаний различных территорий с подробным указанием населенных пунктов, сообщений о достопримечательностях, климате, природных ресурсах, особенностях хозяйственной жизни, имеются и исторические экскурсы, в частности, отмечены мероприятия македонских царей, в числе коих упоминаются и некоторые деяния Филиппа V.

Труд Диодора Сицилийского «Историческая библиотека» (I в.) также затрагивает эллинистическую эпоху. Она представлена у Диодора в XVIII—XL книгах. Однако начиная с XXI книги это не более, чем скудные отрывки, сохранившиеся благодаря «Библиотеке» Фотия, цитатам в поздних сочинениях или благодаря рукописи, опубликованной в XVII в., но позднее утерянной. Диодор не был крупным историком, ценность его сообщений зависела от тех источников, на которые он опирался. По сравнению с Полибием он — второстепенный писатель. Довольно долго даже господствовало

³⁶ Стратановский Г. А. Страбон и его география // Страбон. География. М., 2004. С. 6.

³⁷ Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1986 г. М., 1988. С. 33.

мнение, что Диодор был не более чем механическим переписчиком, который составил свое сочинение на основе компиляции из нескольких недошедших до нас источников³⁸. Тем не менее его данные о начале эпохи эллинизма часто оказываются весьма полезными — при сопоставлении с другими авторами. К сожалению, однако, материал собственно о Филиппе V практически не сохранился.

Аппиан (нач. II в. н. э. — 70 гг. II в. н. э.) по происхождению был греком, уроженцем египетской Александрии. Он жил и писал в тот период, когда Италия и Рим потеряли преобладающее значение в обширном Римском государстве. Культурное возрождение империи было тесно связано с распространением эллинской культуры по территории всей империи, которое позднее получило название «Греческое Возрождение»³⁹. Аппиан поставил себе задачей написать на греческом языке обширную историю Рима и покоренных им народов. Главное место в его труде занимают войны Рима, как внешние, так и междоусобные. Труд его состоял из 24 книг, из них полностью уцелели только книги VI—VIII и XII—XVII, остальные — во фрагментах. Историю эллинистической Греции и Македонии Аппиан затрагивает как раз в тех книгах, которые плохо сохранились: IX («Македонская и Илирийская»), X («Греческая и Ионийская»), XI («Сирийская»). Сведения его отрывочны и требуют сопоставления с другими источниками.

Среди авторов римской эпохи, дающих некоторый материал для изучаемой темы, можно назвать и Павсания. Он был воссоздателем направления, пришедшего в упадок на ис-

³⁸ *Строгецкий В. М.* Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции (на материале изучения «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского). Горький, 1985. С. 21.

³⁹ *Лукомский Л. Ю.* «Римская история» Аппиана // Аппиан. Римские войны. СПб., 1994. С. 414.

ходе старой эры — жанра периегезы (описания достопримечательностей какой-либо страны). Данный жанр зародился в архаическую и раннеклассическую эпоху, но расцвета достиг в период эллинизма. Анализ текстов показывает, что целью автора было описание того, «что не попало в историю» (I, 23, 2), а не повторение сведений, о которых «уже было хорошо сказано» до него (II, 30, 4). Он не оформил свой труд как беспорядочное собрание разнообразных выписок и заметок, а придал ему форму итинерария, т. е. дорожника, руководства для путешественников. Особое место в «Описании Эллады» занимают исторические экскурсы, которые распадаются на три группы: очерки древнейшей истории той или иной области, краткие заметки *ad hoc* и очерки, посвященные истории Эллады со времен Филиппа II до конца I в. н. э. Последние разбросаны по всем книгам. Фактического материала в них сообщается немного. Примечательно, что идеалом для Павсания была Эллада до Херонеи; в дальнейшем, по мнению автора, история стала цепью злодеяний⁴⁰. К врагам Греции Павсаний относится дифференцированно. О македонянах он отзывался негативно, поскольку именно в результате неудачной борьбы с ними погибла греческая независимость. Он нещадно бранит их царей, в частности, Филиппа V, человека коварного (II, 9, 4; VII, 7, 5), который «вызвал к себе ненависть со стороны всей Эллады» (VIII, 50, 4).

Следует отметить и общий для всех использованных в данном исследовании нарративных источников недостаток — в них отсутствует абсолютная хронология событий. Как известно, только с III в. благодаря исследованиям алек-

⁴⁰ Чистяков Г. П. Павсаний как исторический источник. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1983. С. 7–13; Никитюк Е. В. Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого Греческого Возрождения // Павсаний. Описание Эллады. СПб., 1996. С. 33.

сандрийских ученых стали появляться хронологические таблицы. Их авторы стремились разработать универсальную систему, с помощью которой можно было бы датировать события, синхронизируя их между собой. Среди историков Полибий одним из первых пытался применить такую систему, основанную на счете по олимпиадам. Однако, как показывает его труд, он нередко отказывался от этой системы по причине трудности ее соблюдения. Главное противоречие хронологической системы Диодора заключалась в том, что он вынужден был объединять несоединимые элементы: год по архонтам, олимпиадам и консульствам. Приравнивая римское начало года (с 153 г. — 1 января) к греческому (июль — август), Диодор, естественно, допускал ошибки. Павсаний также интересуется хронологией истории Греции, но часто понимает под ней генеалогию⁴¹.

Ценным источником для периода эллинизма остаются данные эпиграфики. Их преимущество заключается, в первую очередь, в том, что они являются документальными свидетельствами той эпохи. К сожалению, от времени Союзнической войны эпиграфических источников сохранилось немного и они проливают мало света на интересующие нас события. Так, например, в одной надписи сообщается, что жители Тегей, подвергшейся в 218 г. нападению спартанских войск, воздают почести двум мужам за храбрость, проявленную в борьбе за свободу полиса (Syll³, 533). А в другой — о том, что димеяне дают гражданство переселенцам, воевавшим вместе с ними в 219 г. (Syll³, 529).

Весьма полезными оказались сохранившиеся фрагменты надписей, относящихся к более ранним временам, но имею-

⁴¹ *Строгецкий В. М.* Возникновение и развитие исторической мысли... С. 40 сл.; *Никитюк Е. В.* Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого Греческого Возрождения. С. 31.

щих отношении к Коринфским лигам 338 и 302 гг., поскольку между последними и Эллинским союзом 224 г. прослеживается много аналогий в организации и структуре. Дело в том, что союзный договор Антигона Досона с греками известен только по нарративной традиции. Полибий приводит список государств, входивших в лигу (II, 54, 3; IV, 9, 4; 15, 1; XI, 5, 4), отмечает полномочия гегемона и синедриона (II, 54, 4; IV, 22, 2; 24, 4; 25, 1 sqq.; V, 102, 8), описывает процедуру приема новых членов в союз (IV, 9, 2) и т. п. Но историк не ставил своей целью исследование всех особенностей Эллинской лиги 224 г. Его сведения довольно фрагментарны, в них есть некоторые расхождения⁴², поэтому сопоставление их с договорами Коринфских лиг позволяет дополнить некоторые проблемные аспекты темы. В частности, афинская надпись (SVA, III, 403 или Syll³, 260), относящаяся к союзу Филиппа II с греками, содержит текст клятвы делегатов греческих государств — участников Ко-

⁴² Расхождения касаются, например, списка участников Эллинской лиги. Polyb., IV, 9, 4: Фессалия, Эпир, Ахейский союз, Акарнания, Фокида, Беотия, Македония; Polyb., IV, 15, 1: Македония, Эпир, Ахейский союз, Акарнания, Беотия, Фокида; Polyb., IX, 38, 5: Фессалия, Эпир, Ахейский союз, Акарнания, Беотия; Polyb., XI, 5, 4: Фессалия, Эпир, Ахейский союз, Акарнания, Беотия, Фокида, Эвбея, Опунтская Локрида; Polyb., IV, 29, 7: «илирийцы под предводительством Скердилаида»; Polyb., IV, 55, 2: некоторые города Крита; Polyb., IV, 15, 2 и 16, 1: Мессения; Polyb., II, 65, 4: в битве при Селассии участвовали беотийцы, эпироты, акарнанцы, илирийцы под предводительством Деметрия Фарского. См. также: SVA, III, 507. Гораздо существеннее тот факт, что Полибий называет союз 224 г. симмахией (IV, 9, 2; 9, 4; 24, 5; 55, 2), но вместе с этим упоминает и «общеэллинский мир» (IV, 3, 8), не объясняя, был ли заключен особый тип договора или, что видимо ближе к истине, поскольку наблюдалось в союзах 338 и 302 гг., некоторые параграфы, типичные для договора об Общем Мире, были внесены в договор о военном союзе.

ринфского конгресса и позволяет при сравнении с другими источниками воссоздать условия договора 338 г. между греками и Филиппом. Текст клятвы сильно пострадал; при его восстановлении возникают различные интерпретации — в зависимости от того, как тот или иной исследователь решает вопрос о характере лиги. Второй фрагмент надписи, с нашей точки зрения, более интересен. Он содержал, вероятно, список полисов — участников союза, а также символы, означавшие, скорее всего, количество делегатов, которое должен был направлять в синедрион каждый полис. Эти символы послужили основой для исследования В. Швана⁴³, который произвел подсчет количества войск греческих союзников, всех вместе и каждого в отдельности. Данные эти признаются достоверными большинством историков.

Значительную ценность представляет надпись из Эпидавра (SVA, III, 446), относящаяся к союзу 302 г. Она была обнаружена при раскопках в 1918 г. П. Каввадиусом. Тогда было найдено три больших фрагмента, которые Каввадиус отнес ко времени Антигона Досона, приняв во внимание союз 224 г. За 25 лет до этой находки были найдены семь маленьких фрагментов, которые У. Вилькен⁴⁴ приписывал союзу 338 г., но, как позднее оказалось, тесно связанных с надписями, найденными в 1918 г. Находка П. Каввадиуса позволила У. Вилькену сделать другое предположение: все названные выше фрагменты относятся к договору Деметрия Полиоркета и Антигона Одноглазого с греками⁴⁵. Это предположение блестяще подтвердилось в 1926 г., когда при

⁴³ Schwahn W. Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien. Leipzig, 1930.

⁴⁴ Wilcken U. Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes // SB München. Abh. 10. 1917. S. 1–40.

⁴⁵ Wilcken U. Alexander der Grosse und der Korinthische Bund. S. 97–118.

раскопках в Эпидавре было найдено еще два фрагмента этой же надписи, в которых также регламентировались отношения между греческими союзниками. По версии У. Вилькена, все пять фрагментов относятся к 302 г. до н. э. Предложенное историком расположение фрагментов и восстановление утраченных строк до сих пор признаются в ученом мире наиболее удачными⁴⁶. Надпись состоит из пяти частей. Первая излагает общие условия договора, вторая сохранилась слишком плохо, чтобы можно было с уверенностью говорить о ее содержании. Третью, напротив, удалось восстановить почти полностью; она касается судебных функций синедриона, определяет где и как долго должны проходить заседания общего совета, как назначаются председатели и какова их роль. Четвертая, сохранившаяся почти так же плохо, как и вторая, вероятно, содержала предусмотренные союзниками меры против нарушителей договора. Пятая включала список участников союза и текст клятвы, которая имела много общих черт с условиями, изложенными в первой части.

Любопытные данные содержатся в сохранившихся фрагментах военного устава, идентичные копии которого были найдены в Дrame и Кассандрии. По начертанию букв их относят ко времени Филиппа V. Впервые они были опубликованы в 1999 г.⁴⁷ В этих надписях есть сведения о сроке военной обязанности, возрастные ограничения для службы, сведения о принципах набора в агему, фалангу и в отряд гипаспистов.

Одного лишь беглого перечисления указанных выше источников вполне достаточно для справедливого замечания В. И. Казеева: «Ввиду того, что “Всеобщая история” Поли-

⁴⁶ *Wilcken U.* Zu der epidaurischen Bundesstele vom J. 302 v. Chr. // SB Berlin. Abh. 26. 1927. S. 277–301.

⁴⁷ *Hatzopoulos M. B.* L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes, 2001. P. 153–160.

бия остается главным нашим источником по периоду эллинизма, любая новая работа по истории той эпохи с неизбежностью становится своеобразным комментарием к этому замечательному памятнику исторической мысли»⁴⁸. Из написанных к настоящему времени «комментариев» самым объемным и полным является труд английского антиковеда Фрэнка Уолбэнка. Трехтомное произведение «Исторический комментарий к Полибию»⁴⁹ впечатляет грандиозностью и эрудированностью автора. Как справедливо отметил Дж. Ларсен⁵⁰, эта работа занимает видное место среди самых полезных трудов по греческой и римской истории. Разбирая каждый пункт греческого текста, автор отмечает дискуссионные моменты по политическим, социальным и другим вопросам, приводит основные точки зрения ученых по данному пассажи, подчеркивает спорность отдельных трактовок, проводит аналогии и сопоставление сведений с другими источниками и, наконец, высказывает свое мнение. Примечательно, что Ф. Уолбэнк не забывает давать обзор международной обстановки. Некоторые примечания касаются текстологических проблем и несогласованности материала в разных изданиях. Первый том посвящен книгам I—VI, т. е. непосредственно относится к войне 220—217 гг. Автор подробно рассматривает причины и повод к началу боевых действий, сопоставляет численность военных сил союзников и их противников, затрагивает проблемы топографии. Однако структура книги — комментарии к тексту источника — не позволяет Уолбэнку представить цельную картину боевых действий и общей стратегии войны.

⁴⁸ *Кащеев В. И.* Из истории межгосударственных отношений... С. 30.

⁴⁹ *Walbank F.* A historical commentary on Polybios. Vol. 1—3. Oxford, 1957—1979.

⁵⁰ *Larsen J. A. O. Rev.:* Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. I // *Cl. Ph.* Vol. 53. № 4. 1958. P. 246.

Несмотря на значительный вклад историков в изучение отдельных вопросов военно-политического характера конца III — начала II вв., Союзническая война не была предметом специального исследования ни в зарубежной, ни в отечественной историографии. Как правило, авторы ограничиваются либо кратким упоминанием о ней и пересказом версии Полибия, либо дают небольшой разбор военных действий в рамках обширного произведения по истории Македонии. К последним работам можно отнести монографию Ф. Уолбэнка «Филипп V Македонский» и его совместный с Н. Хэммондом третий том «Истории Македонии»⁵¹. Как отмечал Дж. Ларсен⁵², задача Уолбэнка — написать биографию Филиппа — довольно трудная, так как фигура этого царя остается загадочной по причине враждебной традиции, представившей читателям его изображение в мрачных красках. Тем не менее автору удалось показать целостный портрет этого деятеля. Он поднял на новый уровень отдельные высказывания своих предшественников (например, М. Олло) и отказался от неубедительных аргументов тех, кто представлял Филиппа борцом за общегреческие интересы в войне с Римом. Его исследование сложнее и глубже. В шести главах своей книги о Филиппе Ф. Уолбэнк старается объективно осветить правление этого царя. Автор раскрывает этапы распространения его власти на соседние территории, показывает неординарные способности царя, не скрывая при этом его жестокости и импульсивности. Союзнической войне отведена в труде Уолбэнка целая глава. Пересказывая версию Полибия, английский историк во многом следует за своим источником: он также возлагает основную

⁵¹ *Walbank F. Philip V of Macedon. Hamden, 1940; 2-nd ed. Cambridge, 1967; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988.*

⁵² *Larsen J. A. O. Rev.: Walbank F. Philip V of Macedon // Cl. Ph. Vol. 38. № 1. 1943. P. 57.*

вину за развязывание войны на этолийцев, признает вину македонян в кризисном состоянии Ахейского союза в конце первой кампании, подчеркивает необходимость сохранения тайны продвижения македонской армии зимой 219 г. и т. п. При этом Ф. Уолбэнк, конечно, более объективно оценивает действия македонского царя. В его изложении Филипп не стремился к разжиганию войны — бремя её легло на него, как на гегемона Эллинской лиги; он был вынужден обратиться к системе гарнизонов не из-за своего деспотического характера, а в результате требований военного времени. Не ускользнули от внимания исследователя и финансовые проблемы молодого царя после первых дорогостоящих боевых действий. Именно финансовыми трудностями Уолбэнк объясняет как необходимость разгрома Ферма, так и недовольство армии. Оценивая первые операции Филиппа в 219 г., автор, стараясь избежать категорических суждений, придерживается мнения о присутствии римского фактора в политике македонского правителя, хотя и не преувеличивает его значение, как некоторые историки⁵³. Немалое место в исследовании уделено так называемому «заговору Апеллеса». Автор называет его движением против Арата, вылившимся в государственную измену⁵⁴. Виновником имперских устремлений Филиппа стал, по мнению Уолбэнка, Деметрий из Фароса, который пробудил у молодого царя, занятого исключительно греческими делами, мечты о завоеваниях на Западе, а затем подтолкнул его к роковому союзу с Ганнибалом⁵⁵. Историк отрицает наличие у римлян каких-либо агрессивных устремлений и, вслед за М. Олло⁵⁶,

⁵³ *Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia. P. 765; Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J.-C. P., 1921. P. 140 sq.*

⁵⁴ *Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 45.*

⁵⁵ *Ibid. 1940. P. 105.*

⁵⁶ *Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies... P. 173.*

высказывает мысль о вынужденной обороне Рима от наступления Македонии. Подобные идеи высказаны и в других его работах⁵⁷.

Также начальному периоду правления Филиппа и его участию в Союзнической войне посвящена отдельная глава в «Истории Македонии» Ф. Уолбэнка и Н. Хэммонда, изданной в 1988 г. Примечательно, что точки зрения этих историков на сообщения Полибия и на сам ход военных действий далеко не всегда совпадают. Расходятся они и во мнении относительно римского фактора в македонской политике: в отличие от Уолбэнка Хэммонд настроен более решительно и признает стремление Рима к войне с Македонией. Поскольку интересующую нас часть труда написал Хэммонд, то этот факт отразился на страницах книги в некоторой полемике с соавтором. Хэммонд, например, расценивает как признак недовольства Рима политикой Македонии тот факт, что после первой Иллирийской войны послы римлян к грекам не прибыли к македонскому двору. Однако его аргументы не всегда столь убедительны, как у Фрэнка Уолбэнка. Зато в отличие от соавтора Хэммонд подробнее затрагивает организационные вопросы: структуру Эллинской лиги, ее отличия от Коринфских союзов 338 и 302 гг., влияние условий договора Общего Мира на политику македонских царей и греческих политических лидеров. Любопытно его сопоставление Филиппа с молодым Александром Македонским: залогом побед обоих царей, по Хэммонду, стали скорость и тайна передвижения. Расходятся историки и в вопросе аутентичности речи Агелая: если Уолбэнк признает ее подлинность⁵⁸, то

⁵⁷ *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957; Walbank F. Macedonia and Greece // САН². Vol. 7. 1984. P. 221–256.*

⁵⁸ *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 629; Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 66.*

Хэммонд приписывает авторство этой речи Полибию⁵⁹. Следует отметить и стремление Н. Хэммонда более подробно пересказать источник, чем у это позволял себе Ф. Уолбэнк. Вслед за Полибием, историк признает виновниками войны этолийцев⁶⁰, а сложную обстановку в Спарте сводит к противостоянию проэтолийских и промакедонских сил⁶¹. Остается сожалеть, что социальный фактор, игравший немалую роль в годы войны, не привлек внимание историка. Указанные недостатки относятся и к изложению самого хода Союзнической войны. Хэммонд ограничивается констатацией фактов, военные действия снабжены лишь небольшими комментариями. Так, например, операция 218 г. в Этолии названа «очевидной кампанией»⁶², целью которой был раскол лагеря врага⁶³. Гораздо большее внимание историка привлек упомянутый выше «заговор Апеллеса» в ближайшем окружении македонского царя, имевший место в 218 г. В этом вопросе он пошел дальше соавтора. Н. Хэммонд довольно резко критикует Полибия, смешавшего несвязанные, по его мнению, между собой события в единое целое.

Что касается исследований, вскользь упоминающих об этой войне, то прежде всего следует назвать общие труды, посвященные эпохе эллинизма — произведения В. Тарна, А. Б. Рановича, П. Левека, Б. Низе, П. Клозе, М. Олло, М. Кэри и др.⁶⁴ Характерно сравнение «Истории Македо-

⁵⁹ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia.* P. 390.

⁶⁰ *Ibid.* P. 370.

⁶¹ *Ibid.* P. 372.

⁶² *Ibid.* P. 380.

⁶³ *Ibid.* P. 379.

⁶⁴ *Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль.* М.—Л., 1950; *Лебек П. Эллинистический мир; Тарн В. Эллинистическая цивилизация; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia.* Т. 2. Gotha, 1899;

нии» Роберта М. Эррингтона и одноименного произведения Н. Хэммонда и Ф. Уолбэнка. Труд Эррингтона нельзя назвать фундаментальным. На двухстах страницах он излагает период от персидских войн до завоевания Македонии римлянами. Естественно, в книге содержится минимум обсуждаемых деталей. Роль Филиппа V сведена к расширению македонской сферы влияния⁶⁵. Упоминается также о его вмешательстве в дела Иллирии и союзе с Ганнибалом, имевшим «фатальное значение для эллинистического мира». При этом явно преувеличена роль Деметрия Фарского, якобы заставившего македонского царя скорее закончить войну в Греции⁶⁶. Как подчеркнул А. Босворт, Эррингтон ограничивается отсылкой читателя к обсуждениям, приведенным у Н. Хэммонда или Э. Вилля⁶⁷. Характеризуя политику македонской монархии в целом как агрессивную и империалистическую, автор не считает, что действия Филиппа V чем-то отличались от действий его предшественников⁶⁸.

Иной тип представляют собой монографии, посвященные различным проблемам античной истории, в которых так или

Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia. P. 732–768; Tarn W. W. Macedonia and Greece // CAH. Vol. 7. 1928. P. 197–223; Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies...; Cary M. A history of the Greek World from 323 to 146 B. C. L., 1932; Klose P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt in der Zeit von 280 bis 168 v. Chr. München, 1972.

⁶⁵ Подобные идеи Р. Эррингтон высказывает и в другой своей работе: *Errington R. M. Philip V, Aratus and the «Conspiracy of Apelles» // Historia. 1967. Bd. XVI. Hft. 1. P. 19–36.*

⁶⁶ *Errington R. M. Geschichte Macedoniens: Von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches. München, 1986. S. 109–110.*

⁶⁷ *Bosworth A. B. Rev.: Errington R. M. Geschichte Macedoniens: Von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches // Cl. Ph. Vol. 84. № 2. 1989. P. 161.*

⁶⁸ *Errington R. M. Geschichte Macedoniens: Von den Anfängen... S. 198–222.*

иначе затрагиваются, в том числе, и некоторые аспекты Союзнической войны. Убедительную характеристику причин войны дал Дж. Файн⁶⁹. То, что Полибий называл предлогом войны, по мнению исследователя, на самом деле имело основное значение: сближение Мессении с врагами Этолийского союза грозило кардинально изменить соотношение сил. Несомненно, прав он и в том, что ни Этолийский союз, ни группа Доримаха и Скопаса не были заинтересованы в развязывании большой войны с участием Македонии. Не обошел вниманием Союзническую войну и Герман Бенгтсон в своем труде о стратегиях эллинистического времени. Исследователь останавливается на функциях стратегов в державе Антигонидов⁷⁰. Он считал, что кроме Тавриона, оставленного Антигоном Досоном уполномоченным по делам Пелопоннеса, в качестве стратега следует выделить македонца Александра, в ведении которого находились фокидские города. Спорное упоминание о последнем сохранилось у Полибия (V, 24, 12) в связи с этой войной.

Еще одну группу исследований составляют произведения, посвященные Эллинским лигам 338, 302 и 224 гг., образованным под эгидой Македонии⁷¹. Самым спорным в

⁶⁹ *Fine J.* The Background of the Social War... P. 129 ff.

⁷⁰ *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944. S. 363.

⁷¹ В дополнение к литературе, указанной в сн. 15, см. также: *Мищенко Ф. Г.* Федеративная Эллада и Полибий; *Самохина Г. С.* Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 104–119; *Wilcken U.* Zu der epidaurischen Bundesstele vom J. 302 v. Chr.; *Heuss A.* Antigonos Monophthalmos und die griechischen Städte // *Hermes*. LXXII. 1938. S. 133–194; *Ferguson W. S.* Demetrius Poliorcetes and the Hellenic League // *Hesperia*, 17, 1948, № 2. P. 112–133; *Larsen J. A.* O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968; *Bengtson H.* Die

современной историографии остается вопрос о так называемых «стражах мира» в лиге Филиппа и Александра. Кто они такие? Какие функции выполняли? Почему носили столь расплывчатое наименование — «лица, поставленные на страже общего дела» (Ps.-Dem., XVII, 15)? Почему единственное упоминание о них содержится лишь в речи Псевдо-Демосфена? Эти и другие вопросы совсем недавно были поставлены исследователями⁷². Тем не менее большинство современных авторов за редким исключением ограничиваются лишь краткими упоминаниями о них⁷³. В число «стражей мира» иногда включают командиров македонских гарнизонов в Греции⁷⁴, гегемона и его заместителя⁷⁵. По мнению Э. Босворта⁷⁶, неясность терминологии была намеренной, так как оставляла Александру свободу выбора для назначения своих людей на эту должность. Союз 302 г. также относится

Diadochen: Die Nachfolger Alexanders des Grossen. München, 1987; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia; Hammond N. G. The Macedonian State. Origins, institutions and history. Oxford, 1989; Billows R. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley—Los Angeles—L., 1990; Jehne M. Koine Eirene. Stuttgart, 1994.

⁷² Hammond N., Griffith G. A history of Macedonia. P. 639 ff.

⁷³ Wilcken U. Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes. S. 40. Anm. 1; Wilcken U. Alexander der Grosse und der Korinthische Bund. S. 109. Anm. 7; Heuss A. Antigonos Monophthalmos... S. 180 Perlman S. Greek diplomatic tradition... P. 173; Фролов Э. Д. Коринфский конгресс... С. 58.

⁷⁴ Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 1. S. 50; Cawkwell G. Philip of Macedon. P. 172; Bosworth A. B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, N. Y., 1988. P. 191.

⁷⁵ Schwahn W. Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien. S. 49; Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 1. S. 50; Bosworth A. B. Conquest and Empire... P. 191.

⁷⁶ Bosworth A. B. Conquest and Empire... P. 191.

к малоисследованным темам. Г. Бенгтсон даже заявил⁷⁷, что о нем и не вспомнили бы, если бы не находка надписи в Эпидавре (SVA, III, 446). Объясняется такое равнодушие исследователей тем, что основное их внимание сосредотачивается на союзе 338 г., при изучении которого в качестве дополнительного источника привлекается вышеуказанная надпись, хотя союз 302 г. не был точной копией лиги Филиппа. Примечательно, что далеко не все историки прослеживают развитие этих организаций до лиги Антигона Досона. Если же сопоставление этих двух лиг и союза 224 г. имеет место, то исследователи, как правило, делают следующие выводы: отличие союза Антигона Досона с греками от предшествующих греко-македонских лиг состоит в том, что его членами были в основном федерации; участники имели больше самостоятельности, и лига Досона носила не всегреческий характер⁷⁸. Исследование всех трех лиг позволяет проследить развитие союзных организаций, роль условий договора Общего Мира в македонско-греческих взаимоотношениях, а также выявить реальное соотношение сил партнеров в союзе Антигона и Филиппа V.

В ряде работ исследуются социальные проблемы в греческих государствах III в. Труды, посвященные социальным реформам, проведенным в Спарте Агисом и Клеоменом⁷⁹,

⁷⁷ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 102.

⁷⁸ *Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia. P. 759; Klose P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt... S. 106 ff.; Die Staatsverträge des Altertums, III: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. / Hrsg. von H. H. Schmitt. München, 1969. S. 215; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. 1. 2-eme ed. Nancy, 1979. P. 390; Walbank F. Philip V of Macedon. 1967. P. 15 f.*

⁷⁹ *Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980; Shimron B. Late Sparta. The Spartan revolution 243–146 B. C. Buffalo, 1972;*

отражают неоднозначный подход исследователей к внутренним событиям в этом государстве и его внешнеполитическим акциям. Так, Д. Мендельс, на примере нескольких кризисов, в том числе и в годы Союзнической войны, доказала непричастность Филиппа V к поддержке низов общества и разжиганию социальных конфликтов⁸⁰. П. Олива ограничился высказыванием, что в этой войне демократические силы выступали на стороне этолийцев, а консервативные поддерживали ахейцев и Македонию⁸¹.

Нельзя обойти вниманием и произведения, посвященные Этолийскому и Ахейскому союзу — основным участникам данного конфликта, а также федеративному движению в целом. Из отечественных исследователей первым обратился к этим вопросам Ф. Г. Мищенко, критиковавший Полибия за субъективные оценки и непонимание сути социально-поли-

Shimron B. The Spartan Polity after the Defeat of Cleomenes III // *The Cl. Q.* Vol. 14. № 2. 1964. P. 232–239; *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971; *Forrest W. C.* A history of Sparta 950–192 B. C. L., 1980; *Fuks A.* Agis, Kleomenes and Equality // *Cl. Ph.* Vol. 57. № 3. 1962. P. 161–166; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 4. Berlin—Leipzig, 1925; *Fine J.* The Background of the Social War... P. 152; *Larsen J. A. O.* Greek Federal States...; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 a.v. J. C.). T. 1. Nancy, 1966; *Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen. Leipzig, 1937; *Bengtson H.* Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson. München, 1971; *Walbank F.* A historical commentary on Polybios. Vol. 1; *Errington R. M.* A history of Macedonia. Berkeley—Los Angeles—Oxford, 1990.

⁸⁰ *Mendels D.* Polybius, Philipp V and the Socio-economical Questions in Greece // *Ancient Society.* № 8. Louvain, 1977. P. 154–174.

⁸¹ *Oliva P.* Die soziale Frage im hellenistischen Griechenland // *Eirene.* № 12. 1974. S. 58.

тических процессов в Греции⁸². Из современных авторов следует назвать С. К. Сизова, внесшего существенный вклад в разработку вопроса о характере федерального движения в Греции в его самостоятельном развитии, без контроля извне⁸³. К сожалению, ученый не рассматривает период взаимоотношений греков и македонян после 224 г., ограничиваясь отдельными замечаниями. Из зарубежных исследователей нужно отметить Дж. Ларсена⁸⁴ и его теорию о развитии представительного правления в античности.

Естественно, нами приняты к сведению и работы, затрагивающие первые контакты греческого мира с римлянами. Весьма полезной оказалась книга «Эллинистический мир и Рим» В. И. Кащеева⁸⁵, рассматривающего теории сущности восточной политики Рима, а также отдельные аспекты истории Македонского государства, в частности, потенциал его вооруженных сил. Труд А. П. Беликова «Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов» довольно подробно рассматривает иллирийские войны и их влияние на политику македонского царя. Однако в тексте неоднократно встречаются противоречивые высказывания, благодаря которым точка зрения автора о враждебности Македонии Риму и о желании вытеснить римлян из Иллирии выглядит не всегда убедительно⁸⁶. Вопрос о первых контактах римлян и македонян затрагивался в работах

⁸² Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий. С. 35–40.

⁸³ Сизов С. К. Ахейский союз; Сизов С. К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород, 1990.

⁸⁴ Larsen J. A. O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968.

⁸⁵ Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., 1993.

⁸⁶ Беликов А. П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 51 и 63.

М. Олло, Ф. Уолбэнка, Х. Делла и др.⁸⁷ Все они, в той или иной степени, признают агрессивность Македонии. Так, например, Э. Грюен, отрицая стремление Филиппа вторгнуться в Италию и не признавая за ним мечты о мировом господстве, полагает, что целью царя являлось распространение македонского влияния на Адриатическое побережье⁸⁸.

Итак, исследование истории Союзнической войны и начального периода правления македонского царя Филиппа V еще далеко от завершения. Целый ряд проблем остается открытым и будет рассмотрен в настоящей работе. Прежде всего это касается самого хода боевых действий: каковы были силы воюющих сторон, их слабости и преимущества друг перед другом; какой тактики придерживались эти военные блоки; чем объясняются разные по характеру кампании Союзнической войны; каковы ее итоги для греко-македонских и для международных отношений? Следует обсудить также роль иллирийских событий в македонской политике: имела ли Иллирия столь большое значение для царей Антигона Досона и Филиппа V, какое ей приписывают современные исследователи; действительно ли влияние иллирийского авантюриста Деметрия Фарского послужило причиной завершения Союзнической войны; в какой момент у Филиппа появилось стремление к завоеванию западных земель? Мы не обойдем вниманием и вопрос о балансе сил в Греции; выяс-

⁸⁷ *Holleaux M.* The Romans in Illyria // *CAH*. Vol. 7. Oxford, 1928; *Errington R. M.* Rome and Greece to 205 B. C. // *CAH*². Vol. 8. Cambridge, 1989. P. 81–106; *Walbank F.* A historical commentary on Polybios. Vol. 1–3. Oxford, 1957; *Dell H. J.* Antigonus III and Rome // *Cl. Ph.* Vol. 42. № 2. 1967. P. 94–103; *Hammond N.* Illyris, Rome and Macedon in 229–205 B. C. // *JHS*. Vol. 58. 1968. P. 1–21; *Fine J.* Macedon, Illyria and Rome, 220–219 B. C. // *JRS*. Vol. 26. 1936. P. 24–39.

⁸⁸ *Gruen E. S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1. Berkeley—Los Angeles—L., 1984. P. 375.

ним, с какой целью при образовании Эллинской лиги в договор были внесены параграфы об Общем Мире; способствовали ли они фактическому утверждению мира в Греции; каким образом ведущие политики Ахейского союза и Македонии пытались их интерпретировать. Рассматривая же положение союзников в Эллинской лиге, образованной в 224 г., требуется выяснить, соответствует ли действительности утвердившееся в историографии мнение, что все выгоды от войны получил лишь Филипп V. Говоря о личности предпоследнего македонского царя, мы остановимся на его полководческих и дипломатических способностях: необходимо выявить степень самостоятельности предпринятых им шагов и определить степень влияния на него таких деятелей, как Арат и Деметрий Фарский. Поскольку следствием военных действий в Греции обычно являлось обострение социальных проблем в городах, то следует затронуть в нашем исследовании и вопрос об использовании македонским правителем возникавших смут в своих интересах.

Дискуссионный характер указанных проблем и их явно недостаточная изученность во многом и обусловили наш интерес к заявленной в заглавии книги теме.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в работе над книгой доктору исторических наук С. К. Сизову и кандидату исторических наук Ю. Н. Кузьмину.

1. Причины и повод к войне

К двадцатым годам III в. расстановка политических сил в Греции изменилась. Еще несколько лет назад совместными усилиями двух федераций — Ахейской и Этолийской — македонское влияние в Элладе было фактически уничтожено. В ходе Деметриевой войны 239—229 гг. Македония потеряла возможность контроля и вмешательства в дела греческих государств¹. Сразу после смерти Деметрия от Македонии отпала Фессалия, македонские гарнизоны покинули Афины, Пирей, Мунихий; последние промакедонские тираны в Пелопоннесе (в Аргосе, Флиунте, Гермione) отказались от своей власти и передали города ахейцам. Хотя новый правитель Антигон Досон вернул часть Фессалии, в целом положение Македонии оставалось чрезвычайно тяжелым². Однако следующий конфликт в Пелопоннесе, известный как Клеоменова война³ 229—222 гг. между Спартой и Ахейским союзом,

¹ О Деметриевой войне см., например, следующие работы: *Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280—220 гг. до н. э. Казань, 1980. С. 132 сл.; *Дройзен И.* История эллинизма. Т. 3. СПб., 2002; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. Т. 1. 1979. P. 311 ss.; *Tarn W. W.* The Greek Leagues and Makedonia. P. 744 ff.

² *Кошеленко Г. А.* Греция в эллинистическую эпоху. С. 150.

³ О Клеоменовой войне см.: *Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств... С. 146 сл.; *Дройзен И.*

навсегда погубил этот хрупкий шанс на развитие федерализма⁴ и независимости в Греции. Этолия, провозгласив нейтралитет в этом столкновении, преследовала собственные экспансионистские цели, рассчитывая на ослабление бывшего союзника и утрату им ведущих позиций на международной арене. Действительно, обстоятельства сложились таким образом, что Ахейская федерация оказалась на грани катастрофы. Возрожденное Клеоменом милитаристское государство едва не стерло Ахейский союз с политической карты Греции. В столь безвыходной ситуации стратег федерации Арат Старший решился на шаг, перечеркнувший всю его прежнюю политику. Он обратился за помощью к той державе, в борьбе с которой все прошлые годы видел свою основную задачу, — к Македонии, к царю Антигону Досону⁵. Неудивительно, что победителем в войне между Ахейским союзом и Спартой стала Македония⁶. Ее царь увидел воз-

История эллинизма. Т. 3; *Will E. Histoire politique du monde hellénistique*. Т. 1. 1979. Р. 343 ss.; *Walbank F. W. Macedonia and the Greek Leagues*. Р. 461 ff.

⁴ Говоря о федерализме следует помнить, что это понятие в древности отличалось от современного: *Кащеев В. И.* Проблемы государственности эллинистической Греции в научном творчестве Дж. Ларсена // ВДИ. 1982. № 4. С. 143 сл.; *Сизов С. К.* Отцы-основатели США об уроках древнегреческого федерализма // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 1994. С. 87–93.

⁵ О ходе переговоров см.: *Сизов С. К.* Тайная дипломатия в годы Клеоменовой войны // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 58–71; *Сизов С. К.* Ахейский союз. С. 101–110; *Briscoe J.* The Antigonids and the Greek states, 276–196 B. C. // *Imperialism in the Ancient World*. Cambridge, 1978. Р. 152.

⁶ В. Тарн (*Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia*. Р. 757) полагает, что ахейцами двигал, в первую очередь, страх перед социальными реформами. Однако это весьма спорный вопрос. Есть даже мнение, что Досон косвенно мог быть причастен к вой-

возможность одним дипломатическим ударом восстановить то свое положение в Греции, за которое его предшественники вынуждены были долго бороться. Результатом соглашения между Аратом и Досоном стал договор об образовании лиги, заключенный в 224 г.⁷ С ахейской точки зрения, этот союз спасал то, что еще могло быть спасенным, т. е. само существование федерации⁸.

Включая в себя ряд новшеств, в целом условия договора были сходны с принципами, на которых основывались прежние союзы под эгидой Македонии — Коринфская лига, созданная Филиппом II в 338 г. и альянс Антигона Одноглазого и его сына Деметрия с греками в 302 г. Прежде всего, вероятно, гарантировалась неизменность государственных устройств, которые существовали у участников лиги на момент заключения договора, и их автономия; запрещалось введение гарнизонов и выплата дани (Polyb., IV, 25, 7). По мнению Ф. Уолбэнка⁹, гарантия πατριος πολιτεία была закреплена в официальном документе, именно поэтому у По-

не, результаты которой были в его интересах. Он должен был стремиться не найти в Греции союзников, а разрушить политическое равновесие в Пелопоннесе: *Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues // CAH². Vol. 7. 1984. P. 459.* Некоторые исследователи заходят еще дальше, полагая, что именно Досон развязал Клеоменову войну: *Treves P. Studi su Antigono Dosone // Athenaeum. Vol. 12. 1934. P. 411.*

⁷ Полибий сообщает (II, 54, 4), что на синоде в Эгии осенью 224 г. Антигон Досон κατασταθείς ἡγεμῶν πάντων τῶν συμμάχων, то есть стал главой новой Эллинской лиги. Следует отметить компромиссный характер союзного договора. Антигон при заключении союза пошел на некоторые уступки грекам: во-первых, он не насаждал в Греции марионеточные режимы; во-вторых, отказывался от силовой политики предшественников.

⁸ *Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. 1. P. 350.*

⁹ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 353.*

либия и использовано такое стандартное выражение. Вероятность существования данного пункта в договоре велика, учитывая, что в аналогичных союзах (в 338 г. и 302 г.) такое условие существовало. Нельзя не отметить, что сохранение существующих конституций стало практически традиционным положением в договорах греков с Македонией¹⁰. Между участниками союза, а также против македонского царя запрещались военные действия; вероятно, именно это подразумевается у Полибия (IV, 16, 5), который сообщает, что лакедемоняне обязались воздерживаться от всяких неприязненных действий против македонцев и Филиппа. В речи Филиппа (IV, 24, 5) содержится фраза, что наказание от имени симмахии должно следовать за обиды, которые касаются целого союза, но не за действия внутри государства. Такое постановление было обязательным в союзах 338 и 302 гг.¹¹ В случае нападения на одного из союзников потерпевший мог обратиться к членам лиги за помощью (Polyb., IV, 15, 2).

¹⁰ При Филиппе II это условие имело для македонян очень важное значение, так как накануне заключения союза в греческих полисах произошли перевороты, в результате которых к власти пришли промакедонские лидеры. В то время положение о неизбежности государственных устройств означало сохранение власти за сторонниками Македонии, что обеспечивало македонскому царю поддержку всех его начинаний. Во времена союза Деметрия I с греками ситуация уже изменилась. Условие сохранения конституций присутствовало в договоре, но нельзя с уверенностью утверждать, что оно повсеместно ставило у власти именно сторонников Македонии. Уже в то время это условие начало терять свое первоначальное значение для македонского царя, а в союзе 224 г. уже не приносило никакой выгоды Македонии и лишь закрепляло те формы правления, которые существовали в момент заключения договора с Македонией, какими бы они ни были.

¹¹ Для союза 338 г.: Ps.-Dem., XVII, 2, 4, 11, 15, 17, 19, 30; SVA, III, 403. v. 5 sqq.; для союза 302 г.: SVA, III, 446. v. 9 sqq., 145 sqq.

Важнейшим условием явилось запрещение союзникам вести самостоятельную внешнюю политику (Polyb., IV, 16, 5; Plut. Agat., 45). Возможно, однако, что союзникам позволялись отдельные внешнеполитические акции до тех пор, пока они не мешали интересам лиги в целом (Polyb., IV, 9, 5). Подобное ограничение, но не упразднение права сношений с иностранными государствами, кажется, существовало и в Ахейском союзе, хотя этот союз был не симмахией, а федерацией, что является существенным отличием¹². Конечно, Ахейский союз нельзя считать «Эллинской лигой в миниатюре», но, вполне возможно, поведение ахейцев в 220 г.¹³, объяснялось тем, что они видели в лиге некое подобие своего союза. Скорее всего, среди запретов в договоре лиги не было полного запрещения ведения самостоятельной внешней политики. Вероятно, отдельные внешнеполитические контакты государств-участников Эллинского союза допускались, если они не наносили ущерб другим союзникам. По мнению Дж. Ларсена¹⁴, члены лиги имели право даже вести самостоятельную войну против государства, не участвующего в союзе. Но в таком случае из этого условия выте-

¹² Как пример можно рассмотреть посольство Мегалополя в 227 году к Антигону Досону (Polyb., II, 47–49; Paus., 7, 18, 6; 10, 22, 6), когда мегалополиты, испросив разрешения у всеахейского собрания, отправились просить помощи у македонского царя.

¹³ Дело в том, что ахейцы в 220 г. самостоятельно постановили собрать войско и оказать помощь мессенцам по их просьбе (Polyb., IV, 7, 2 и 5). Вполне возможно, что они в данном случае действовали не как участники Эллинской лиги, а как суверенное государство, которое имело право на самостоятельные внешнеполитические акции. Не известен ни один случай, когда ахейцы для своих внешнеполитических актов испрашивали разрешение Филиппа: *Klose P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt... S. 106.*

¹⁴ *Larsen J. A. O. Greek Federal States... P. 325; Schmitt H. SVA, III. S. 215.*

кает возможность начать войну без разрешения совета союзников — синедриона. Следовательно, агрессор, как член лиги, мог надеяться на помощь союзников, если возникнет необходимость просить о помощи, хотя война была начата им не в интересах лиги, а только в своих собственных. Вряд ли подобная перспектива устроила бы других членов, поэтому правильнее, на наш взгляд, предположить, что объявление войны относилось все же к компетенции синедриона (Polyb., IV, 25, 1 — 26, 1; 13, 1—7).

В новую организацию в 224 г. вошли Македония и Ахейская лига, а также их союзники¹⁵. С этого момента военное счастье отвернулось от спартанского царя Клеомена III. Он был разбит в битве при Селассии в 222 г.¹⁶ и бежал в Египет. Антигон занял Спарту, вернул ей прежние законы и государственное устройство, затем увел свои войска в Македо-

¹⁵ Единого списка членов нового союза в источниках нет; есть разрозненные упоминания, которые порождают множество предположений и споров. Полибий (IX, 38, 5) упоминает в числе союзников Фессалию, Эпир, Ахейский союз, Акарнанию и Беотию. Фессалия, хотя и находилась под контролем Македонии, была самостоятельным членом симмахии и, вероятно, посылала своих представителей в синедрион. См. также: Сивкина Н. Ю. Состав Эллинской лиги 224 г. до н. э. // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н. П. Соколова. Н. Новгород, 1998. С. 43 сл.

¹⁶ В разное время исследователи называли датой битвы при Селассии либо 223, либо 221 г. до н. э. Основывались они на сообщении Полибия о том, что после битвы Антигон отправился в Тегею, а затем в Аргос, как раз ко времени Немейского празднества (Polyb., II, 70). Немейские игры всегда проводились на второй и четвертый год Олимпиады (т. е. в 223 или в 221 г.). Дальнейшие исследования и, в частности, свидетельство египетского папируса о смерти Птолемея III Эвергета (февраль 221 г.), заставили пересмотреть дату битвы в пользу 222 г. Немейские игры, должно быть, были отложены из-за войны. Подробнее см.: *Oliva P. Sparta and her Social Problems*. P. 262.

нию, так сообщает Плутарх (Слеот., 30). Победители установили контроль над Спартой¹⁷.

Естественно, пока шла Клеоменова война антиспартанский характер лиги был очевиден. Однако после разгрома Спарты союз не прекратил своего существования. С инициативой его расторжения не выступили ни Македония, ни Ахейский союз. В связи с этим закономерен вопрос: против

¹⁷ Вопрос о положении Спарты в лиге довольно дискуссионный. Согласно одной из версий, после 222 г. она вошла в состав Эллинской лиги: *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. С. 250; *Самохина Г. С.* Панэллинская идея в политике Македонии... С. 109; *Хабахт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху / Пер. с нем. Ю. Г. Виноградова. М., 1999. С. 186; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. S. 718, Anm. 1; *Tarn W. W.* The Greek Leagues and Makedonia. P. 762; *Fine J.* The Background of the Social War... P. 152; *Larsen J. A. O.* Greek Federal States... P. 325; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. T. 1. P. 361; *Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus... S. 30; *Walbank F.* A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 457; *Walbank F.* Macedonia and the Greek Leagues. P. 472; *Hammond N. G., Walbank F. W.* A history of Macedonia. P. 362; *Errington R. M.* A history of Macedonia. P. 183. Однако другие сведения Полибия позволяют усомниться в участии Спарты в союзе. Б. Шимрон считает, что со Спартой был заключен договор, но это была симмахия «с Филиппом и македонцами», поскольку данные Полибия об этом, как он полагает, более внятные, чем об участии спартанцев в Эллинской лиге: *Shimron B.* Late Sparta... P. 68. Г. Бенгтсон утверждает, что лишение Спарты независимости не входило в интересы ахейцев и македонского царя; им было достаточно изгнать Клеомена: *Bengtson H.* Die Inschriften... S. 49. Н. Хэммонд также высказывается за существование альянса Спарты с Антигоном Досоном, а не с Эллинской лигой: *Hammond N. G., Walbank F. W.* A history of Macedonia. P. 372, n. 1. В то же время В. Д. Жигунин (Международные отношения эллинистических государств... С. 159) считает, что «Спарта как побежденная держава» вообще не могла быть членом лиги.

кого же теперь была направлена эта симмахия? По мнению одних исследователей¹⁸, против Этолийского союза, по другой версии¹⁹, против Рима. Первое предположение кажется достаточно убедительным только в применении к ахейцам. Поэтому следует рассмотреть отношение союзников к вопросу о сохранении лиги по отдельности.

Можно указать, что при создании лиги Ахейский союз в первую очередь учитывал свои собственные интересы. Рано или поздно ахейцы должны были столкнуться с притязаниями Этолийского союза на влияние в Пелопоннесе. Как образно отметил Дж. Ларсен²⁰, не стоит обелять позицию этолийцев: они были агрессивны и до, и после Клеоменовой войны. Это же было свойственно и ахейцам. Арат стремился расширить федерацию как можно больше, причем любыми средствами, даже нарушая международное право. Война между ними была совершенно неизбежна²¹. Поэтому Арат, стратег союза, видел в альянсе с Македонией реальную возможность получить помощь в предстоящей войне с Этолией²².

Однако вызывает сомнение тот факт, что в 224 г. при создании лиги, в тяжелейший для Ахейского союза момент, Арат мог предвидеть не только благоприятный исход Клеоменовой войны, но и замышлять новую военную акцию. Даже после победы в 222 г. над Спартой ахейцам потребовалось

¹⁸ Кошеленко Г. А. Греция в эллинистическую эпоху. С. 151; *Errington R. M. A history of Macedonia.* P. 180, 185; *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia.* P. 353, 364.

¹⁹ *Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies...* P. 119–122.

²⁰ *Larsen J. The Aetolians and the Cleomenic war // The classical tradition detetary and historical studies in honor of Harry Caplan.* Ithaca, 1966. P. 43 f.

²¹ *Fine J. The Background of the Social War...* P. 158 ff.

²² Р. Эррингтон прямо заявляет, что Арат стремился направлять Филиппа и использовать союз в ахейских интересах: *Errington R. M. Philip V, Aratus...* P. 21.

немало времени, чтобы поправить свои пошатнувшиеся позиции. Более того, ослабленные из-за потерь в ходе войны они сами легко могли стать объектом агрессии со стороны этолийцев. Они были не в состоянии самостоятельно организовать врагу отпор на должном уровне, что и показали впоследствии события при Кафиях и в Кинефе. Скорее всего, их мысли в этот момент склонялись к миру. Тем более, что такой искусный дипломат, как Арат, имел возможность ослабить противника, воспользовавшись отдельными статьями договора лиги, в частности, условием свободы мореплавания, предусмотренным параграфами Общего Мира²³. Позиция ахейцев изменится через два года. Поводом к новой войне послужила перемена внешнеполитического курса Мессении, которая, благодаря дипломатическим усилиям Арата, разорвала союзные отношения с Этолией и заявила о намерении вступить в Эллинскую лигу²⁴. Однако нельзя утверждать, что уже после Клеоменовой войны направленность лиги против Этолийского союза была очевидной.

²³ Хотя Эллинская лига была симмахией, Полибий упомянул и «общеэллинский мир» — κοινὴ εἰρήνη (IV, 3, 8). Вряд ли имелся в виду особый договор. По мнению М. Йене (*Jehne M. Koine eirene. S. 158 ff.*), Общий Мир в IV в. не принес стабильности в греческие полисы. Думается, что в конце III в. это обстоятельство было учтено эллинами при заключении договора с Македонией. Скорее всего, как и в союзах 338 и 302 гг., которые, видимо, послужили образцом для организации лиги 224 г., имело место включение в договор о военном союзе нескольких положений об Общем Мире. К характерным условиям Общего Мира относится запрещение междоусобных конфликтов, автономия греческих государств и борьба с пиратством.

²⁴ О сближении Мессении с Ахейским союзом см.: Tac. Ann., 4, 43; Polyb., II, 61, 4; 62, 10; IV, 5, 8; 16, 1; Plut. Cleom., 24; Paus., IV, 29, 9. Из литературы: *Fine J. The Background of the Social War... P. 155; Roebuck C. A history of Messenia from 369 to 146 B. C. Chicago, 1941. P. 70 f.; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 453.*

Версия об антиримском характере лиги с самого начала существования союза 224 г. несколько сомнительна. В двадцатых годах III в. интересы Рима были направлены, главным образом, на юг Средиземноморья, а в отношении Греции римляне не предпринимали ничего, что могло создать какой-то повод к войне. Ни македонский царь, ни Арат не могли заглядывать в отдаленное будущее, предвидеть начало агрессии Рима и задумать лигу как организацию обороны против римлян. Тем более, что внутри Греции стабильности по-прежнему не было. Это обстоятельство не давало возможности ни ахейцам, ни македонянам отвлекаться от внутри-греческих проблем.

Следует рассмотреть еще один фактор, которому некоторые исследователи придают слишком большое значение. Речь идет об иллирийских делах и установлении римского протектората на Балканах после победы в первой Иллирийской войны в 229—228 гг. Хотя глубокое исследование этой проблемы не входит в задачу настоящего труда, но этот вопрос нельзя и обойти молчанием, так как начиная с этого времени греческий мир приходит в соприкосновение с римским и греко-македонские отношения так или иначе затрагивают иллирийско-римские. Поэтому мы ограничимся некоторыми существенными замечаниями.

Основные данные об истории иллирийских войн содержатся у противоречащих друг другу Полибия и Аппиана. Но оба автора подчеркивают размах иллирийского пиратства в правление предводителя племени ардиев Агрона и его жены Тевты, сообщают об отправке в Иллирию римлянами послов и убийстве одного из них (Агр. Илл., II, 7, 3—4) или обоих (Полиб., II, 7, 3; 8, 6—8), а также указывают на измену Деметрия Фарского как одну из причин быстрого успеха римлян в Иллирии (Агр. Илл., II, 7, 3—4; Полиб., II, 9, 1—10; 10, 2—8; 11, 4). Кроме того, Полибий сообщает, что консул Постумий Альбин через своих легатов дал объяснения по

поводу римского вмешательства на заседаниях Этолийского и Ахейского союзов. Вскоре после этого (Polyb., II, 12, 4–8) сенат отправил послов с той же миссией в Коринф и Афины²⁵. Столь скудные сведения не позволяют однозначно ответить на главный вопрос, представляющий интерес для понимания направленности Эллинской лиги: были ли эти действия враждебны Македонии или, говоря в ином аспекте, были ли они восприняты как таковые в Македонии²⁶?

Исходя из приведенных свидетельств, Х. Хабихт, например, подчеркивает, что Этолия и Ахайя в тот момент находились в состоянии войны с Македонией, а Афины недавно вышли из-под ее власти. Поэтому не могло быть случайностью, что ни легаты Постумия, ни послы сената не посетили царский двор в Пелле. Хотя автор считает, что версия о желании Рима изолировать Македонию уже в то время — слишком рискованная, он утверждает, тем не менее, что римляне пытались снискать симпатии новому порядку у противников Македонии, а подобные шаги не могли оставить македонского царя равнодушным²⁷. Однако эта версия базируется в целом лишь на материале Полибия, что позволяет

²⁵ Разногласия вызывает вопрос, были ли эти посольства чем-то большим, чем акт вежливости; придавать ли им политическое значение или нет. Не придерживаются «политической» точки зрения, например: *Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies...* P. 113–119; *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 165–167.* Политический аспект видит: *Harris W. War and imperialism in republican Rome 327–70 B. C. Oxford, 1979. P. 137–138.*

²⁶ О враждебных Македонии шагах Рима говорят: *Hammond N. Illyris, Rome and Macedon...* P. 9; *Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies...* P. 109–112; *Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. 2. 1967. P. 65–66.* Против: *Dell H. J. Antigonus III and Rome. P. 95.*

²⁷ Хабихт Х. Афины. С. 183.

поставить ее под сомнение²⁸. Кроме того американский историк несколько преувеличивает, говоря о состоянии войны Этолии и Ахайи с Македонией. Ахейский союз с 229 г. вел уже другую кампанию — против Спарты, его внимание от событий на севере было отвлечено. В Македонии сменился царь: после гибели Деметрия II в 229 г. в сражении с дарданами трон занял Антигон Досон, сначала в качестве регента, затем — царя. Вполне очевидно, что внимание нового правителя занимали не иллирийские проблемы, а в первую очередь внутригосударственные, поскольку из Деметриевой войны Македония вышла с существенными потерями. Этолия также не была «в состоянии войны»; она придерживалась позиции нейтралитета в ахейско-спартанском столк-

²⁸ Рассказ Полибия о событиях в Иллирии несёт на себе следы воздействия определенной политической тенденции, что требует осторожного отношения к источнику. Считается, что историк опирался на тенденциозного Фабия Пиктора, который представлял читателю не истинную картину римско-иллирийских отношений, а сложившуюся официальную концепцию римской внешней политики. Согласно ей, римляне вели войны, не имея корыстных целей и не стремясь вмешиваться в чужие дела. См., например: Самохина Г. С. Иллирийские войны (о принципах римской политики на Балканах в конце III в. до н. э.) // *Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы*. Н. Новгород, 1991. С. 44; *Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 40; Petzold K. E. Ein Betrag zur römischen Ausenpolitik im 3 Jahrhundert // Historia. Bd. 20. H. 3. 1973. S. 223. Однако эта точка зрения поставлена под сомнение тем фактом, что Полибий сам призывал не доверять всем данным Пиктора (III, 8, 1 — 9, 5). Возможно, для ахейского историка важнее было концептуально противопоставить два типа политического деятеля: идеального государственного мужа Арата и авантюриста и пирата Деметрия Фарского. См.: *Eckstein A. M. Polybius, Demetrius of Pharus... P. 46—59. Подобный подход Полибия также не способствует нашему доверию к приводимым им сведениям.**

новении, а по отношению к Македонии правильнее говорить об этолийской враждебности. Другое дело, если бы исследователь вывел римское появление на Балканах из войны 239—229 г., точнее из событий 231 г., когда князь иллирийского племени ардизев Агрон выступил на стороне Македонии и вел успешные действия в Адриатике. Но в данном случае Х. Хабихт не разграничил события, относящиеся к Деметриевой войне, и действия Тевты в 229 г., которые уже не имели к ней отношения.

Обращаясь к другим, более серьезным исследованиям иллирийского вопроса, мы встретим весьма разнообразные взгляды на указанный выше пассаж Полибия. Так, вопреки мнению М. Кэри о том, что посольства были лишь «обменом любезностями»²⁹ и утверждению Ф. Уолбэнка³⁰, который не признает их антимакедонский характер, некоторые исследователи полагают, что Рим рассчитывал найти в Этолии и Ахайе опору против македонян, а посольства в только что освободившиеся из-под власти Антигонидов Афины и Коринф — метрополию Аполлонии и Эпидамна, попавших в сферу римского протектората, имели ту же цель³¹. Однако мы придерживаемся иного мнения о сущности этих контактов.

Римские отношения с Иллирией и Македонией в рассматриваемое время имели довольно сложный характер. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть римско-иллирийские контакты отдельно от македонско-иллирийских проблем.

Считается, что первая война римлян с иллирийцами была вызвана пиратскими действиями последних в этот период,

²⁹ Cary M. A history of Rome. L., 1960. P. 196.

³⁰ Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 166.

³¹ Hammond N. Illyris, Rome and Macedon... P. 9; Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 49.

что наносило чувствительный ущерб морской торговле³², хотя римский сенат довольно долго с безразличием относился к жалобам торговцев³³. Однако накануне столкновения участились случаи нападения на римских граждан, заканчивавшиеся грабежом, похищением или убийством³⁴. Как попытался показать А. П. Беликов, основную причину войны следует видеть в стремлении римлян накануне столкновения с Карфагеном обеспечить тыл со стороны Иллирии, устранить помехи морской торговле, значение которой в военное время всегда возрастает³⁵. Не следует игнорировать и тот факт, что сотрудничество между пуническими и иллирийскими морскими силами могло рассматриваться в Риме как вполне реальное³⁶. И не случайно мирный договор, подпи-

³² Как указывал Х. Делл (*Dell H. J. The origin and nature of the Illyrian piracy // Historia. Bd. 16. N. 3. 1967. P. 345–357*), иллирийское пиратство достигает значительных масштабов в 30-е гг. III в. С одной стороны, этому способствовала скудность природных ресурсов Иллирии. Страбон говорит, что страна ардиев была камениста, бесплодна и не годилась для земледелия (VII, 5, 6). Неудивительно, что иллирийцы жили за счет пиратских действий. Но, с другой стороны, немалую роль в размахе пиратских действий последней трети III в. сыграло усиление воинственного племени ардиев, предводитель которых Агрон захватил часть Эпира, города Керкиру и Эпидамн, остров Фар и оставил там иллирийские гарнизоны (Агр. Илл., II, 7, 6), затем ввязался в борьбу между Этолией и Македонией, приняв участие в осаде занятого этолийцами Медиона в Акарнании (Polyb., II, 2, 5; 3, 1–7). После смерти Агрона его вдова Тевта поощряла пиратство (Полибий, в частности, указывает на ее заинтересованность в добыче: II, 4, 8; 8, 4).

³³ Gruen E. S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. P. 366.

³⁴ Hammond N. *Illyris, Rome and Macedon...* P. 4.

³⁵ Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 46. Интенсивную торговлю Италии в ходе войны отмечал и Н. Хэммонд: Hammond N. *Illyris, Rome and Macedon...* P. 4–5.

³⁶ Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 46.

санный после войны, запрещал иллирийцам использовать военные корабли южнее Лисса.

Но фактически предлогом для римского вмешательства стало обращение к ним за помощью жителей острова Иссы, который наряду с Фаром, Эпидамном и Керкирой был важным перевалочным пунктом в римской торговле. Этот регион особенно сильно страдал от разбоя иллирян, управляемых после смерти Агрона в 231 г. его вдовой Тевтой (Ролуб., II, 8–10). С просьбой о помощи пострадавшие обращались к ахейцам, этолийцам, греческим городам иллирийского побережья, но нашли отклик лишь у ахейцев, однако, и те были бессильны остановить иллирийцев (Ролуб., II, 9, 8 и 10, 1–6). Призыв же к Риму нашел понимание и поддержку. Примечателен факт, что римляне вмешались лишь тогда, когда греческие города находились на краю гибели, и никто из соседей не мог помешать их сдаче варварам. Выступив в роли защитника Иссы, Рим заложил основы для дальнейшего сотрудничества и с другими эллинскими городами.

Таким образом, можно считать вполне справедливым мнение, что эта война соответствовала устремлениям самих греков, страдавших, как отмечал Полибий, от иллирийских рейдов³⁷ (II, 12, 5). Но не менее важен тот факт, что военные действия в Иллирии отвечали и собственно римским интересам. Выбор государств, в которые Рим отправил посоль-

³⁷ Активные действия иллирян в Элладе, по мнению Э. Грюэна, привели греков Адриатического побережья в состояние паники, а опасения относительно иллирийского господства в Адриатике на их глазах становились действительностью (Gruen E. S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. P. 364–365). Х. Делл даже считает, что македонский царь Антигон, не имея собственных сил, чтобы справиться с иллирийскими набегами, мог усмотреть в римском вмешательстве благо для Македонии, ибо протекторат давал гарантию безопасности в тылу, пока царь продолжал традиционную внешнюю политику в Греции: Dell H. J. *Antigonos III and Rome*. P. 99–100.

ства с разъяснениями своих действий, можно объяснить не политическими, а, прежде всего, экономическими мотивами. Мы не согласны с мнением А. П. Беликова³⁸, который высказывает мысль о том, что сенат ни прежде, ни в последующие годы не обращал внимание ни на потребности купечества, ни на пиратство, мешавшее торговле (сенат вмешался лишь тогда, когда пиратство блокировало хлебные поставки в Рим). Можно сказать, что этот случай был особый. Накануне войны экономические и политические цели были взаимосвязаны. Поэтому послы сената были отправлены в те греческие города, чьи экономические интересы терпели ущерб от действий иллирийцев. Именно этим можно объяснить, например, объяснения римлян в Коринфе. Этот крупный торговый город, с одной стороны, был метрополней греческих городов Иллирийского побережья, находившихся теперь в сфере римского влияния, но, с другой стороны, он входил в Ахейский союз и принимать государственные посольства в нем было в компетенции лишь всеахейского собрания или стратега союза³⁹. Иное дело, если речь шла о торговом партнерстве⁴⁰. В таком случае становится понятным, почему римские послы не прибыли в Македонию: Антигониды, в отличие от других эллинистических царей, не были крупными торговцами⁴¹.

³⁸ Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 46.

³⁹ Сизов С. К. Ахейский союз. С. 55 и 57.

⁴⁰ Транзитная торговля Коринфа между Азией и Италией способствовала тому, что город и во II в. до н. э. соперничал с ведущими торговыми центрами и богатейшими городами мира — Селевкией, Родосом, Делосом, Эфесом и др. См.: Тарн В. Эллинистическая цивилизация. С. 227.

⁴¹ Единственный македонский порт, через который шло зерно и лес, был Фессалоники. Коммерческими партнерами Македонии были Родос и Делос, что свидетельствует о незаинтересованности ее царей в торговле в Адриатическом море. Сохранились имена

Примечательно, что сначала легаты консула были отправлены к этолийцам и ахейцам. При этом Полибий пишет о прибытии в Этолию лишь легатов Постумия, но не о послах сената. Такое разграничение показательно. О торговых делах с этолийцами римляне переговоров не вели, поэтому послов к ним не отправляли. Прибытие же легатов, видимо, не нужно связывать только с тем фактом, что это были два самых сильных союза в Греции; следует учесть, что прежде к ним же направлялись послы Иссы с просьбой о военной помощи. Поэтому действия Постумия следует рассматривать скорее как акт вежливости по отношению к дружественному государству, чем установление официальных дипломатических отношений с этими федерациями. Кроме того, о пиратской деятельности этолийцев римляне также должны были слышать, а накануне войны с Карфагеном для Рима была нежелательна новая угроза римским коммуникациям. В таком случае прибытие легатов сразу после окончания боевых действий в Иллирии должно было послужить мягким предупреждением этолийцам от необдуманного повторения судьбы северных пиратов.

Таким образом, едва ли правомерно утверждать, что первые контакты римлян состоялись с врагами Македонии. Важнее факт, что сенат в тот момент не собирался развязывать войну на востоке, так как не мог делать долгосрочных прогнозов. Римляне не могли знать, что произойдет в Греции через несколько лет, а следовательно, появление их на Балканах было случайным событием, стечением обстоятельств в

Аристобула, жителя Фессалоник; делового человека, закупщика хлеба Деметрия II (IG, XI, 4, 666); а также македонца Адмета, который, не являясь чиновником, видимо, проживал на Делосе и почитался и на острове, и в Фессалониках, где ему были установлены статуи (IG, XI, 4, 664 и 1053). Подробнее см.: *Rostovtseff M. The social and economic history of the Hellenistic world. Vol. 1. Oxford, 1941. P. 254 f.*

конце Деметриевой войны. Все эллинские государства остались в стороне от непосредственного участия в римско-илирийском конфликте и не восприняли его как фактор угрозы своей независимости. Факт игнорирования сенатом Македонии не следует воспринимать как определение Римом следующей цели своей агрессии. Вероятнее всего, это государство их вообще не занимало до начала римско-македонских войн⁴². Соответственно, едва ли стоит принимать во внимание риторическое замечание Юстина (29, 3, 8), что римляне не были свободны от страха перед Македонией и что их будто бы пугала давняя слава македонской армии, покорившей Восток. Наконец, выходя за рамки исследуемого периода, нужно отметить еще один немаловажный момент: даже почти два столетия спустя после описываемых событий римские политики вряд ли понимали сущность политических отношений в эллинистических государствах⁴³. Непонимание это, по мнению Е. В. Смыкова⁴⁴, было основано на несходстве фундаментальных политических ценностей эллинистического мира и Рима и было общим для всех римских политических деятелей. Поэтому недопустимо говорить, что при своем первом контакте с этим миром римляне уже разобрались во всех тонкостях греко-македонских отношений, а следовательно, едва ли нужно придавать большое значение тому обстоятельству, что римские послы не посетили Македонию.

⁴² Мнение о том, что римляне не угрожали Македонии, см. у следующих авторов: *Gruen E. S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. P. 367; Dell H. J. Antigonus III and Rome. P. 100;* Против: *Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 51 и 63.*

⁴³ *Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 128 сл.*

⁴⁴ *Смыков Е. В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 82.*

Кроме того известно, что античная дипломатия имела довольно примитивную структуру внешних межгосударственных связей⁴⁵. Дипломатические миссии носили эпизодический характер, отсутствовал институт постоянного представительства. Система ведения переговоров основывалась на отстаивании своих позиций и требовании уступок. Манипулирование при этом «силовым фактором» нередко приводило к объявлению войны⁴⁶. Рим, пожалуй, чаще других государств демонстрировал готовность заменить дипломатические средства на военные. Принимая во внимание приведенные выше обстоятельства, можно с уверенностью говорить, что шаги, предпринятые сенатом после победы над иллирийцами, нельзя рассматривать как установление дипломатических отношений с врагами Македонии, поскольку на том этапе развития античной дипломатии такие политические инструменты были для нее не характерны.

Следующий этап римско-иллирийских отношений связан с еще одним заинтересованным лицом — Деметрием Фарским. Его личности можно посвятить отдельное исследование, но в нашу задачу это не входит. В данном месте необхо-

⁴⁵ Садыков М. Ш. К содержанию понятия «дипломатический кризис» (на примере карфагено-римских взаимоотношений в III в. до н. э.) // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 33.

⁴⁶ Исходным моментом для кризиса является какая-либо провокация или инцидент, чаще всего связанный с захватом территорий. Протест обиженной стороны, как правило, кладет начало переговорам. «Попытка вернуть утраченное или возместить ущерб на этом этапе противопоставляет государства... Кризис достигает своей остроты, когда взаимные упреки и игра «силовым фактором» одерживает верх над побудительным мотивом уладить инцидент... Из тупиковой ситуации есть только два выхода: либо одна из сторон идет на уступки, что можно считать отсрочкой военных действий, либо объявляется война» (Садыков М. Ш. Там же. С. 32–40).

димо отметить лишь несколько весьма важных моментов. Иллирийский династ Деметрий, оказавший услуги римлянам в первую войну, чувствовал себя весьма уверенно и безнаказанно до 220 г. Его корабли, так же как и суда другого иллирийского вождя Скердилаида, неоднократно заплывали южнее Лисса. Примечательно, что они не затрагивали городов, входивших в сферу римских интересов, т. е. Эпидамна, Аполлонии и Коркиры, — вероятно, в их задачи не входило провоцирование Римской республики. Пользуясь начавшейся войной с Ганнибалом, Деметрий активно расширял сферу своего влияния. В результате его усилий к 220 г. к востоку от Италии появляется мощная, независимая, нестабильная и потенциально опасная для римлян сила на море⁴⁷. Подобные действия в условиях, когда Рим был занят войной с Карфагеном, несли угрозу для римлян, так как могли привести к установлению иллирийского контроля над Ионийским заливом⁴⁸, открыв южноиталийские территории для нападения с моря.

В данной связи следует отметить, что македонский царь не имел никакого отношения к действиям Деметрия в это время⁴⁹. Полибий добавляет (III, 16, 4), что зимой 220—219 г. Рим наблюдал за соседями. Не укрылся от Рима, вероятно, и факт заключения союза между македонским царем и Скердилаидом (IV, 29), оформленный примерно в это же время и направленный против Этолии. Столь оживленные действия иллирийцев вызывали в сенате серьезные опасения, что римляне могут быть вытеснены из Иллирии Деметрием; это обстоятельство могло стать причиной их решения напасть на него⁵⁰. Еще раз отметим, что накануне Союзнической войны соглашение с римлянами не заплывать южнее Лисса нарушил

⁴⁷ Eckstein A. M. Polybius, Demetrius of Pharos... P. 58.

⁴⁸ Hammond N. Illyris, Rome and Macedon... P. 11.

⁴⁹ Fine J. Macedon, Illyria and Rome... P. 32.

⁵⁰ Hammond N. Illyris, Rome and Macedon... P. 11.

не только Деметрий Фарский, но и Скердилаид. Однако относительно второго из династов римляне не предприняли никаких карательных мер. Таким образом, становится очевидным, что римляне развязали вторую Иллирийскую войну против Деметрия не из-за того, что он совершил, а из-за того, что мог сделать⁵¹. Тот факт, что и после второй войны римляне сохранили над этими землями протекторат, а не включили их в провинциальную схему, подразумевает отсутствие у Рима в тот момент заинтересованности в каком-либо расширении границ на восток. Но есть и обратная сторона этого утверждения: сохранение протектората означало, что римляне не опасались никакого другого вмешательства, включая и македонское, в их сферу влияния.

В ходе Союзнической войны в 218 г. Деметрий, разбитый римлянами, бежал к Филиппу и с тех пор сопровождал его во всех кампаниях. Полибий называет его злым гением царя, склонявшим его к недостойным поступкам и побуждавшим к войне с Римом. Возможно, Деметрий действительно надеялся вернуть утраченное с помощью македонских сил. Юстин приводит совершенно неправдоподобную версию обещаний Деметрия. Якобы он, подталкивая Филиппа к войне на западе, обещал уступить ему свое государство, которое захватили римляне, так как ему будет приятнее видеть, что его достоянием владеет союзник, а не враг (Just., 29, 2, 6). Конечно, македонский правитель в то время был еще очень молод, ему не хватало опыта ни в управлении государством, ни в дипломатии, однако едва ли он поверил бы таким речам Деметрия. Высокое положение, которое занял при нем беглый иллириец, объясняется не наивностью македонского царя, а необходимостью иметь при себе советника по морским вопросам. К со-

⁵¹ Gruen E. S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. P. 372. С ним согласен: Eckstein A. M. *Polybius, Demetrius of Pharus...* P. 58–59.

жалению, Филипп не мог знать последствий предоставления приюта иллирийскому авантюристу, не мог предвидеть, в каком свете будут представлены его действия в Риме.

Итак, становится очевидным, что именно Деметрий, а вовсе не македонское государство, был опасен Риму. Внешне связи Деметрия с македонским царским домом выглядели подозрительно и враждебно. Неудивительно, что Рим и Македония игнорировали друг друга, находясь в состоянии «холодной войны», если воспользоваться современной терминологией. Предоставление убежища Деметрию после разгрома и нежелание выдать его римлянам (Liv., 22, 33, 3) в 217 г., а также занятие Дассаретиды в борьбе против Скердилаида и претензии на Аполлонию в следующем году — все эти шаги были расценены сенатом как акт открытой вражды. В расчет не были приняты ни ультимативный характер римского требования, предъявленного царю, ни его греческие интересы, ни мирные устремления. Римляне фактически оценивали все его действия через призму собственной агрессивности, что в конце концов и привело Рим и Македонию к войне.

Переходя к обзору македонско-иллирийских отношений, прежде всего следует ответить на вопрос, расценили ли македоняне действия римлян в Иллирии как агрессивные и наносящие ущерб своим интересам. Едва ли следует, в свете этих событий, говорить о македонской враждебности Риму⁵². Македония после смерти Деметрия II была едва способна защитить собственные границы. Дарданы весной 229 г., нанеся поражение Деметрию, наводнили Пеонию и вторглись в македонские земли. В то время как новый правитель — регент Антигон Досон — боролся против них и навел порядок в стране, активизировались другие враги. Этолийцы

⁵² Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1980. С. 256; Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues. P. 461, особенно 469; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 354.

вторглись в Фессалию, Афины восстановили независимость. Престиж Македонии настолько упал, что едва ли можно было теперь говорить об её доминирующей роли в греческом мире. Учитывая подобные обстоятельства, римляне не должны были воспринимать Македонию как угрозу их протекторату над Иллирией⁵³. Утверждение о том, что Рим мог предвидеть восстановление могущества Антигонидского царства и его наступление на Иллирию, вводит нас в опасную сферу чистых предположений.

Мнение некоторых исследователей⁵⁴ о важности западных границ для Македонии и о действиях Рима, отрезавших ее от моря, несколько преувеличено. Следует вспомнить хотя бы тот факт, что у Македонии во времена Досона не было сильного флота, способного контролировать западные воды. Более того, морская программа вообще была заброшена царем после 227 г.⁵⁵ Дело в том, что для казны содержание наряду с большим сухопутным войском еще и соразмерного с ним флота было слишком тяжелым бременем. Помимо денег, недоставало также квалифицированных кадров. Лишь в ходе Союзнической войны Филипп V начал воплощать в жизнь морскую программу и занялся строительством судов, однако, не вполне успешно⁵⁶. Македонский флот появится лишь к 201 г.

⁵³ *Dell H. J. Antigonus III and Rome. P. 96.*

⁵⁴ *Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 51; Fine J. Macedon, Illyria and Rome... P. 31; Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia. P. 765; Treves P. Studi su Antigono Dosone // Athenaeum. Vol. 13. 1935. P. 37.*

⁵⁵ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 364.*

⁵⁶ *Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим... С. 167–173; Errington R. M. Geschichte Macedoniens: Von den Anfängen... S. 221. К весне 216 г. было построено 100 лемб (Just., 29, 4, 1). Это были небольшие суда с одним рядом весел и без тарана; максимальное*

Что касается сухопутной — как западной, так и северной — границы, то для македонского царя она всегда была беспокойной⁵⁷, но это обстоятельство не позволяет говорить об Иллирии как о македонской «сфере жизненных интересов». Сил для ее подчинения ни у одного македонского правителя не было: гористая местность и партизанская тактика ведения войны местным населением становились существенным препятствием для завоевания Иллирии. Даже самый успешный в иллирийских делах македонский царь Филипп II никогда не подчинял себе всю Иллирию, никогда не управлял областью, вошедшей позднее в римский протекторат⁵⁸. Кроме того, племенная структура Иллирии создавала благоприятные условия для наиболее амбициозных иллирийских вождей в осуществлении собственной политики. Здесь было невозможно решать пограничные проблемы на основе сколько-нибудь длительного соглашения. Поэтому Македонии требовалась хорошая линия обороны и постоянная боеготовность. Принимая во внимание тот факт, что из Деметриевой войны македонское царство вышло с большими потерями, едва ли оно могло тогда померяться силами с агрессивным иллирийским государством Агрона и Тевты. Агрон располагал гораздо более мощным военным потенциалом, чем любой иллирийский правитель когда-либо прежде. Позднее другие иллирийские династы, такие как Деметрий Фарский и Скердилаид, имея более скромные возможности, чем Агрон, занимались пиратством, не чувствуя никакого давления со стороны соседей, в том числе и с запада⁵⁹.

число воинов, которые могли принять 100 лемб — 6 000 человек. В открытом море несколько римских трирем без труда потопили бы всю сотню лемб: *Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 63—64.*

⁵⁷ *Fine J. Macedon, Illyria and Rome... P. 24.*

⁵⁸ *Dell H. J. Antigonus III and Rome. P. 97.*

⁵⁹ *Gruen E. S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. P. 363, 369.*

Можно привлечь еще один аргумент в пользу мнения, что ни Иллирия, ни западные границы не были в числе приоритетных забот македонского царя. В 227 г. Антигон отправился в Карию, т. е. в Азию, и прервал поход, вероятно, в связи с посольством из Ахайи⁶⁰. Попытка вторжения в Карию весьма показательна: едва ли ее возможно воспринять как часть западной программы. Если бы не возникла непредвиденная ситуация в Греции, амбиции Досона простерлись бы совсем в ином направлении. Скорее всего, устремления македонян ни в ходе, ни после первой Иллирийской войны не были направлены ни против Рима, ни на завоевание иллирийских племен. Более того, Полибий, не упускающий возможности дискредитировать дом Антигонидов, не сообщает ни о каких македонских планах в этом регионе в то время.

Следует остановиться и на союзных отношениях македонского дома с иллирийскими династиями. По мнению Н. Хэммонда⁶¹, македонский царь не оказал помощи Тевте в борьбе с римлянами по той причине, что эта кампания развивалась очень быстро. Антигон просто не успел вмешаться и предотвратить ее крах. Однако из утверждения, что македонский царь не имел сил выступить против римлян, не следует вывод, что он был враждебен Риму. Установление римского протектората над Иллирией не очень беспокоило Досона⁶²,

⁶⁰ О причинах этой экспедиции можно только догадываться. Возможно, она была направлена против экспансии Птолемеев в Эгейском бассейне: Cary M. A history of the Greek World... P. 160.

⁶¹ Hammond N. Illyris, Rome and Macedon... P. 7. На занятость Антигона другими делами указывают: Holleaux M. The Romans in Illyria. P. 840; Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 12.

⁶² Эту точку зрения поддерживают: Briscoe J. The Antigonids and the Greek states, 276—196 B. C. P. 153; Dell H. J. Antigonus III and Rome. P. 95.

подконтрольные Риму территории граничили с Македонией только в Антипатрии⁶³. Тот факт, что Агрон был союзником Деметрия II (Polyb., II, 2, 5), Деметрий Фарский — Антигона Досона (Polyb., II, 6), а затем Филиппа, Скердилаид⁶⁴ — Филиппа, точнее Эллинской лиги (Polyb., IV, 2, 9), говорит лишь об одном: Македония, подобно любому другому государству как древности, так и современности, была заинтересована в хороших отношениях с соседями. Эта заинтересованность подкреплялась еще и тем, что македонские правители широко практиковали найм солдат из варварских народов, которые стоили дешевле греческих⁶⁵. Но подобные взаимоотношения далеко не всегда подразумевают подчинение соседних государств и навязывание им своей воли.

Примечательно, что вскоре после битвы при Селассии в 222 г., несмотря на союз с одним из племен, Антигон Досон был вынужден вернуться в Македонию для защиты царства от масштабного нападения другого иллирийского народа. Опасность вторжения была настолько велика, что требовала срочного отзыва всей армии из Пелопоннеса. Накануне Союзнической войны Скердилаид, родственник Агрона, участвовал в нападении этолийцев на Кинифу и ее разгроме, т. е. действовал против другого союзника Македонии (Polyb., IV, 16, 10–11). В той же операции Деметрий

⁶³ Подробно вопрос о близости Македонии к территориям, находящимся под римским протекторатом рассматривали, напр.: *Hammond N. Illyris, Rome and Macedon... P. 1 ff.*; *Fine J. Macedon, Illyria and Rome... P. 26–28.*

⁶⁴ Скердилаида довольно сложно признать таким же союзником македонского царя, какими были Агрон и Деметрий Фарский; о положении его будет сказано ниже.

⁶⁵ Иллирийцы служили в армии Александра Великого, затем в войсках Антигонидов, и даже входили в состав гарнизонов в Деметриаде и Акрокоринфе: *Griffith G. T. Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935. P. 14 and 70, n. 1.*

Фарский⁶⁶ был привлечен для перехвата этолийцев Таврионом — македонским представителем в Пелопоннесе, но при этом его услуги были оплачены, хотя он являлся союзником царя Македонии (Polyb., IV, 19, 7—9). Как верно замечает Файн, «Полибий часто говорит о союзах, как о все еще продолжающих существование, поскольку они не были формально аннулированы. На самом же деле они могли уже не иметь реальной силы»⁶⁷.

Со стороны македонского царя также не последовало никакого вмешательства в боевые действия в Иллирии, т. е. в союзнических отношениях с Тевтой царский двор себя никак не проявил. Непосредственного соприкосновения Римских владений с границами Македонии не было (см. рис. 1 на с. 76). Как отмечал Н. Хэммонд⁶⁸, между Римом и государством ардиев существовали буферные владения — территории дассаретов и Деметрия Фарского. В управлении атинтанов и парфиниев изменений не произошло, они сохранили политическую самостоятельность. В вопросе о статусе греческих полисов Иллирии мы склонны следовать за Г. С. Самохиной, которая считает, что они также сохранили суверенитет⁶⁹. По-

⁶⁶ Деметрий в тот момент совершал пиратские набеги на Киклады. О. Л. Габелко предполагает, что организатором этого рейда мог быть македонский царь Филипп V: Габелко О. Л. История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 232. Однако на наш взгляд, это предприятие не носило политической окраски и соответствовало традиционной иллирийской практике, целью которой была нажива. Точно такими же по характеру были действия Скердилаида в Пелопоннесе.

⁶⁷ Fine J. The Background of the Social War... P. 154. Файн, в частности, приводит следующий пример: Полибий говорит (IV, 15, 10) об этоло-ахейском союзе, как о все еще действующем, что выглядит абсурдно накануне войны.

⁶⁸ Hammond N. Illyris, Rome and Macedon... P. 7 ff.

⁶⁹ Самохина Г. С. Иллирийские войны... С. 51.

Рис. 1. Иллирия в 221 г. до н. э.

(Fine J. Macedon, Illyria and Rome, 220–219 B. C. // JRS. 1936. Vol. 26. P. 27)

этому, подводя итог вышесказанному, можно отметить, что иллирийский фактор присутствовал в политике и Рима, и Македонии, но по-разному. Сенат, установив протекторат, считал недопустимым возникновение какой-либо угрозы своей власти в регионе, но это касалось, прежде всего, внутрииллирийских конфликтов. Для македонских правителей иллирийские племена были источником постоянных беспокойств, поэтому спокойствие на границе они достигали либо с помощью заключения союза, либо военными средствами. В такой ситуации у них не было возможности претендовать на земли, оказавшиеся под римским протекторатом. Также, на наш взгляд, нет существенных причин для утверждений о возникших у македонского царя опасениях реальной угрозы со стороны римлян и желании создать военный союз против них.

Интересы македонского царя в основном сосредотачивались на Греции, и война с Римом не могла содействовать его планам. Но из этого положения не следует и вывод о том, что Антигон Досон уже в 222 г. начал планировать войну против Этолии. Для царя цель союза была достигнута: Клеомен был разгромлен, а македоняне получили доступ в Грецию. Совершенно неправомерно думать, что Досон нацеливался на продолжительную экспансию в регионе или ясно представлял, как далеко он хотел зайти и какую степень контроля установить⁷⁰. Ближайшей задачей, стоящей перед ним, было закрепление достигнутого результата.

Именно эту цель он преследовал, размещая гарнизоны в Пелопоннесе; эта же задача побудила позднее Филиппа V образовать фактически македонскую провинцию в Трифилии (Polyb., IV, 80, 15). Иными словами, цари Македонии попросту удачно использовали благоприятную ситуацию. При

⁷⁰ *Briscoe J. The Antigonids and the Greek states, 276–196 B. C. p. 152.*

этом они предпочитали не силовые методы, а искусную интерпретацию статей союзного договора лиги, в частности, условий *Общего Мира*.

Вместе с тем не следует отделять политику Филиппа V от линии его предшественника и указывать на тот факт, что ситуация несколько изменилась после смерти Антигона⁷¹. Трон занял молодой и неискушенный в дипломатии, как считали его противники, царь Филипп V. Хотя источники не упоминают о его участии ни в одной военной акции Досона, однако, он, вероятно, находился рядом с опекуном и в ходе боевых действий в Греции в 224—222 гг. и даже, предположительно, в Карийском походе в 227 г., поскольку пребы-

⁷¹ Павсаний (VII, 7, 5—7), давая отрицательную характеристику царю, заявляет, что он поразил ужасом всех эллинов и особенно сильно мучил афинян и этолийцев своими вторжениями и разбойничими набегами. Ф. Уолбэнк (*Walbank F. Philip V of Macedon*. 1940. P. 54) полагал, что между политикой Филиппа и его опекуна проходит резкая грань. Брискоу (*Briscoe J. The Antigonids and the Greek states, 276—196 B. C.* P. 153) четко противопоставляет Филиппа Досону. Он утверждает, что Филипп отказался следовать дорогой Антигона, был более бесчувственным к делам греков, чем его предшественники. Его правление можно охарактеризовать как агрессивный империализм не только по отношению к Греции, но и к Риму. С этими взглядами не согласен Н. Хэммонд (*Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia*. P. 384), который считает, что Филипп не мог предвидеть будущих событий и в 220 г. у него был только один путь, чтобы удержать греческие государства — следовать курсом, проложенным Досоном и вынудить Этолию, Элиду, Мессению и Спарту к нейтралитету или к соблюдению *Общего Мира*. Дж. Файн (*Fine J. Macedonia, Illyria and Rome... P. 32*) пишет, что на первом же году правления Филипп не мог резко отвергнуть осторожную политику своего предшественника. Ф. Мищенко же считает, что уже Антигон чинил грекам всевозможные обиды (*Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий*. С. 44).

вание его тогда в Македонии с политической точки зрения было нецелесообразным⁷². Полученный Филиппом в ранней юности военный опыт был неоценим, что в полной мере сказалось в ходе Союзнической войны. И враги, и друзья недооценили нового македонского царя.

В этом случае напрашивается предположение, что если Филипп первоначально не замыслил боевых операций против Рима, то традиционная македонская политика в Греции должна была подтолкнуть царя к войне с Этолийским союзом. Соответственно, как гегемон лиги, он мог планировать вступление в войну вместе с союзниками. Действительно, казалось бы, целью его политики в Греции было расширение македонской сферы влияния. Одним из средств достижения задуманного могла быть война. Филипп, конечно, как и другие, сознавал, что после окончания Клеоменовой войны столкновение Этолийского и Ахейского союзов — это вопрос времени. Можно было ожидать, что в ходе боевых действий македонский царь реализует, частично или полностью, свою программу нового подчинения Эллады. То обстоятельство, что войну придется вести с этолийцами — старыми и последовательными врагами Македонии, должно было устраивать Филиппа. В историографии довольно давно утвердилось мнение, что для него направленность лиги была ясна уже при восшествии на престол — следующую войну предстоит вести против Этолийской федерации. Как полагал Ф. Г. Мищенко⁷³, Союзническая война вообще была на самом деле

⁷² Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 363.

⁷³ Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий. С. 122. Подобной версии придерживается и А. И. Павловская, которая утверждает, что именно Филипп пытался с помощью союзников подчинить Этолийскую федерацию: Павловская А. И. Греция и Македония в эпоху эллинизма. С. 427.

войной Филиппа против этолийцев, а эллины, воевавшие на стороне Филиппа, были союзниками несвободными и покорными. Однако в настоящее время принято считать, что эллины в этой войне не были просто послушными сателлитами. Кроме того, в источниках нет ни одного слова, что Антигон и Филипп пытались отвоевать потерянные ими ранее территории в Греции⁷⁴. Конечно, интересам македонского царя война с Этолией не противоречила, если учесть возможность усиления в ходе нее македонского контроля в Греции. Вместе с тем следует помнить, что одной из причин столкновения являлось противостояние двух таких союзов, как Этолийский и Ахейский.

Достаточно вспомнить несколько фактов. Накануне войны интересы Македонии были затронуты захватом этолийскими пиратами македонского корабля и продажей экипажа (Polyb., IV, 6, 1). Тем не менее никаких ответных мер на этот явно недружественный шаг не последовало. Первые боевые действия велись одними ахейцами, а Филипп в это время продолжал оставаться в мире с этолийцами (Polyb., IV, 16, 3). После официального объявления эллинскими союзниками войны Этолии Филипп не сразу вступил в нее, так как был занят подготовкой армии и защитой страны от дарданов на севере⁷⁵. Сомнительно, что Филипп не был бы готов к войне, если бы сам развязал ее. Кроме того, за непричастность македонского правителя к развязыванию войны говорит тот факт, что местом зарождения конфликта стала Мессения, о которой речь пойдет ниже. В данном случае важно то обстоятельство, что к Эллинскому союзу это госу-

⁷⁴ Treves P. Studi su Antigono Dosone // Athenaeum. Vol. 12. 1934. P. 397; Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia. P. 752.

⁷⁵ Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 374.

дарство привлек Арат, а не Филипп. Не стоит сбрасывать со счетов и подготовку к войне этолийцев. Прекращение грабительских рейдов довольно внушительно ударило по их экономике, что рано или поздно привело бы к возобновлению традиционных рейдов и, следовательно, к конфликту с Эллинской лигой.

Таким образом, возможно лишь следующее объяснение: война затевалась Ахейским и Этолийским союзами, а Филипп вступил в нее в силу союзнических обязательств. Его планы расширения своего влияния в Греции опирались на мирные средства; большая война могла привести к опасным и непредсказуемым результатам. Обвинения в адрес Филиппа в развязывании Союзнической войны с целью реализации своих планов лишены основания; Филипп не был заинтересован в том, чтобы выглядеть агрессором в глазах греков. Такая репутация не соответствовала имиджу предводителя греческого союза. Свои планы Антигон Досон, а затем и Филипп V, предпочитали реализовывать, опираясь на статьи Общего Мира. В этом они следовали примеру существовавших в 338 и 302 гг. Коринфских лиг. После окончания Клеоменовой войны расторжение союза не входило в планы македонского царя, который видел в нем возможность укрепления своего положения в Греции мирными средствами благодаря занимаемой им должности гегемона лиги.

Подобная цель стояла прежде перед Филиппом II, а в 302 году перед Антигоном Одноглазым и его сыном. В этом отношении политика македонских царей не менялась. Менялись условия, методы, но сама идея господства македонян над Грецией оставалась неизменной. Более того, никогда политика македонских царей в Греции не была столь успешной, как у Досона. Ни Филиппу II, ни Александру не удавалось завоевать симпатий большей части греков. Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет возглавляли лигу греков очень короткое время, чтобы добиться задуманного. Своими успе-

хами Антигон Досон был обязан, по мнению Г. Бенгтсона⁷⁶, своим способностям и необычайно прозорливой политике.

Таким образом, в период 222—220 гг. цари Македонии рассматривали лигу как инструмент расширения македонского господства в Греции; ахейцы же использовали ее для усиления своей федерации. Думается, нельзя говорить однозначно о направленности союза в то время против какого-то определенного противника, поскольку оба — и Арат, и македонский царь, — преследуя каждый свою цель, были заинтересованы в сохранении мира в Греции и закреплении достигнутых успехов.

Однако через два года после завершения Клеоменовой войны Греция вновь была втянута в боевые действия, известные в литературе как Союзническая война 220—217 гг. Согласно Полибию (IV, 3, 1 sqq.), в развязывании военных действий виновны одни этолийцы⁷⁷. Они давно тяготились миром, мешавшим им грабить соседей. В 220 г. ситуация для

⁷⁶ *Bengtson H. Die Inschriften...* S. 49. Он же считает, что Антигон рассчитывал на тесное сотрудничество с ахейцами в эллинской симмахии, поэтому специально оставил Филиппа в Пелопоннесе налаживать отношения с Аратом. (*Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1980. С. 250.*)

⁷⁷ С ним согласны: *Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia. P. 763—764; Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies... P. 145; Walbank F. W. Macedonia and the Greek Leagues. P. 476 f.* К. Роубак считает, что после смерти Антигона этолийцы пытались изменить соотношение сил, создав против лиги единый фронт в составе Элиды, Мессении и Спарты: *Roebuck C. A history of Messenia... P. 72.* По мнению А. Б. Рановича, Этолия осталась единственной демократической страной, и, следовательно, борьба против Македонии и олигархического Ахейского союза была, в какой-то степени, борьбой за демократию (*Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. С. 250*). Напротив, П. Левек отмечает, что именно ахейцы втянули Филиппа в эту войну, но комментариев по этому поводу не приводит (*Левек П. Эллинистический мир. С. 24*).

них сложилась благоприятным образом: македонский царь Антигон Досон умер⁷⁸, престол занял молодой и неопытный как в управлении, так и в командовании Филипп V. Имелся и повод к началу действий — измена мессенцев⁷⁹. Именно в Мессении столкнулись интересы двух крупных и влиятельных греческих союзов — Этолийского и Ахейского — в борьбе за сферы влияния в Пелопоннесе. Благодаря дипломатическому искусству стратега ахейцев Арата Мессения в 220 г. порвала союзнические отношения с этолийцами и вошла в состав Эллинской лиги. Этолийцы расценили это событие как *casus belli* и начали военные действия против лиги.

Полибий так излагает историю дипломатической борьбы за Мессению (Polyb., IV, 5). Стратегом этолийцев в то время был Аристон. Однако по состоянию здоровья он передал всю власть своему родственнику Скопасу. Именно Скопас объявил войну мессенцам, ахейцам и Эллинской лиге в целом, причем не дождавшись союзного собрания и без соблюдения соответствующей процедуры, поддавшись уговорам Дорима-

⁷⁸ Н. Хэммонд (*Hammond N. G. The Macedonian State. P. 330*) полагает, что он умер в тот момент, когда Этолийская лига могла бы согласиться войти в симмахию эллинских союзников. Однако эта версия несколько сомнительна, если принять во внимание давнюю неприязнь Этолии к Македонии и ее соперничество с Ахейской федерацией.

⁷⁹ Мессения — союзница Этолии с конца 240-х гг.: Syll³, 472; Polyb., IV, 3, 9; 6, 11. См. также: Сизов С. К. Этолийский союз. С. 33. О сближении с Ахейским союзом: Tac. Ann., IV, 43; Polyb., II, 61, 4; 62, 10; IV, 5, 8; 16, 1; Plut. Cleom., 24; Paus., IV, 29, 9. Подробнее см.: Fine J. The Background of the Social War... P. 155; Roebuck C. A history of Messenia... P. 70 f.; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 453. Возможно, ахейцы и мессенцы заключили *συνδικτα*: Polyb., IV, 15, 9; а также Polyb., IV, 9, 5 и 7. Подробнее об этом см.: Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 456; Roebuck C. A history of Messenia... P. 74 f.; Fine J. The Background of the Social War... P. 160.

ха, своего родственника. С юридической точки зрения, это явное нарушение действующего законодательства не должно было быть одобрено народом. Ряд свидетельств (Polyb., IV, 5, 9; XX, 10, 11; Liv., 31, 32, 3) доказывает, что принимать решение о войне могло только этолийское собрание. Ни совет, ни магистраты не могли узурпировать эти права. Более того, существовал обычай: глава государства, т. е. стратег союза, не мог высказывать своего мнения во время обсуждения вопроса о войне (Liv., 35, 25, 7), чтобы не повлиять на исход голосования, поскольку считалось, что, стремясь к боевой славе и добыче, он был лицом заинтересованным⁸⁰.

Тем не менее известно, что этолийцы без официального постановления переправились в Пелопоннес и вторглись в Мессению. Этолийские пираты в то же время опустошали берега участников Эллинской лиги, в частности земли Эпира и Акарнании (Polyb., IV, 6, 2). Подобные действия Полибий расценивает как объявление войны участникам Эллинской лиги. Однако речь, вероятно, идет не об официальном начале боевых действий, а о разрешении всем желающим отправиться «за добычей»⁸¹. Столь масштабные действия, формально незаконные с точки зрения устава федерации, явно свидетельствуют о поддержке народом данного решения. Этолийцы даже не остановились перед захватом македонского царского корабля и продажей всей команды и груза в Этолии (Polyb., IV, 6, 1). Причину популярности у этолийцев приведенных выше мероприятий следует искать в договоре Эллинской лиги, запрещавшем пиратство (Polyb., IV, 3, 8) и угрожавшем общей войной нарушителям. Это условие лишило этолийцев

⁸⁰ Сизов С. К. Этолийский союз. С. 53.

⁸¹ «Все эти вторжения лишь на первый взгляд были беспорядочным разбоем, захватом добычи повсюду, где только можно. Этолийцы целенаправленно создавали свою зону влияния...» (Сизов С. К. Этолийский союз. С. 33).

значительной части доходов, вызвав среди них недовольство. Поэтому возвращение к традиционной политике было одобрено этолийцами, несмотря на нарушение процедуры.

Любопытен тот факт, что этолийцы не входили в Эллинскую лигу и договор лиги формально не касался их. Тем не менее, они предпочитали соблюдать общее решение о запрете пиратства, вероятно, не желая войны со всей Эллинской лигой. Пока был жив Досон они, хоть и зная о военной слабости Македонии на море, уважали мощь ее сухопутной армии. Теперь же, презирая нового правителя Македонии, этолийцы не опасались вмешательства македонян в греческие дела; угроза общей войны с нарушителем перестала играть для них существенную роль. Этолийцы фактически сами развязали эту войну. И объяснение Полибием такой перемены внешнеполитического курса, к сожалению, не заслуживает доверия: он представил объявление войны результатом злобы Доримаха на мессенцев.

Доримах, согласно Полибию, был отправлен в союзную этолийцам Фигалею для охраны этой области и разведки дел в Пелопоннесе (IV, 3, 7). Туда к нему прибыли пираты, и он — в силу непонятных причин — разрешил им совершать набеги на земли мессенцев (IV, 3, 8—10). Ничего не предпринимая в ответ на жалобы мессенских послов, Доримах тем не менее прибыл в Мессению, но отвечал насмешками и ругательствами потерпевшим (IV, 3, 12—13). Более того, он без видимых причин довольно длительное время оставался в Мессене, чем вызвал неудовольствие эфоров (IV, 4, 1—2). Когда же его призвали в собрание должностных лиц после очередного набега пиратов, он нашел претензии мессенцев, а особенно эфора Скирона, оскорбительными не только для себя лично, но и для всего Этолийского союза. Поэтому, вернувшись в Этолию, он, гневный и оскорбленный, убедил Скопаса в необходимости войны. Такую версию событий предлагает Полибий.

Столь опрометчивое поведение Доримаха в Мессении вызывает противоречивые суждения исследователей. Согласно одной из версий, Доримах намеренно провоцировал мессенцев, чтобы найти предлог для этолийского вторжения⁸². Согласно другой — набеги и грабежи были санкционированы им в своих интересах, поскольку он получал долю в дележе добычи⁸³. Есть и третье предположение: Доримах прибыл в Пелопоннес, надеясь вернуть Мессению под этолийский контроль. Однако он натолкнулся на твердую позицию усилившейся проахейски настроенной партии и поэтому перешел к открытым враждебным действиям⁸⁴.

Действительно, после образования Эллинской лиги 224 г. баланс сил в Греции изменился не в пользу Этолии. Клеомен был разбит и бежал в Египет, где вскоре погиб. В ходе войны образовалась Эллинская лига, которую возглавил македонский царь. В Пелопоннесе союзниками Этолийской федерации оставались лишь Элида и Фигалея. Иными словами, Этолия была полностью окружена землями враждебного альянса. В каком бы направлении федерация ни попыталась расширить свою территорию, везде ей противостояли члены лиги. На севере — Фессалия, Македония и Эпир; на востоке — Беотия, Фокида, Эпикнемидская Локрида; на западе — Акарнания, на юге — Ахейская лига, которая при поддержке Македонии, безусловно, стала самым сильным государством в Пелопоннесе. Начавшееся сближение между Мессенией и давним соперником Этолии — Ахейским союзом угрожало еще большим ослабле-

⁸² *Walbank F.* A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 451; *Roebuck C. A.* A history of Messenia... P. 72, n. 26.

⁸³ *Hammond N. G., Walbank F. W.* A history of Macedonia. P. 370.

⁸⁴ *Fine J.* The Background of the Social War... P. 157; *Walbank F.* Macedonia and the Greek Leagues. P. 474.

нием позиций этолийцев и в Пелопоннесе, и на международной арене, что должно было вызвать попытку предотвращения ахейско-мессенского альянса⁸⁵. Поэтому Доримах, скорее всего, был отправлен в пограничную с Мессенией Фигалею не просто разведать дела в Пелопоннесе, а с целью принятия конкретных мер по возвращению союзника в сферу этолийского влияния.

Вероятно, для выполнения своей миссии Доримах имел полномочия располагать любыми средствами, но избрал силовые методы решения конфликта, что и вызвало использование пиратов для организации набегов на мессенские земли. По образному выражению Ф. Уолбэнка, этолийская дипломатия была, как обычно, неуклюжа⁸⁶. Примечательно, что Полибий полагает официальным заданием Доримаха охрану полей и города фигалей (IV, 3, 7), а такое задание, безусловно, подразумевало использование в случае необходимости военной силы. Следовательно, есть все основания утверждать, что использование пиратов было санкционировано этолийским правительством; Доримах вовсе не действовал на свой страх и риск, как пытается убедить нас источник. Нельзя сказать, что его миссия была полностью провалена. Он приобрел информацию об ахейских интригах, о чем и сообщил

⁸⁵ Такой точки зрения придерживается большинство исследователей. См.: *Fine J. The Background of the Social War...* P. 150 ff.; *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1.* P. 453; *Walbank F. Philip V of Macedon. 1940.* P. 24; *Klose P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt...* S. 136; *Larsen J. A. O. The Aetolian-Achaean Alliance of 238–220 B. C. // Cl. Ph. Vol. 70. № 3. 1975.* P. 168 ff. Э. Вилль даже считает, что Доримах намеревался таким образом поднять Пелопоннес против Ахайи и объединить Элиду, Мессению и Спарту в коалицию: *Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. 2. 1979.* P. 61.

⁸⁶ *Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues.* P. 475.

по прибытии домой Скопасу. Таким образом, весьма уместным является следующее замечание: Полибий просто не желает признавать тот очевидный факт, что этолийцы имели вполне законный повод для своих действий⁸⁷.

Следует также вспомнить, что хотя боевые действия начала Этолия, фактически они были спровоцированы ахейским стратегом Аратом. Дело в том, что последний имел влияние на молодого македонского царя Филиппа V, который только что занял трон и одновременно являлся гегемоном Эллинской лиги. Арат, естественно, рассчитывал на свой дар убеждения и надеялся одолеть старого соперника — Этолийский союз, используя мощь всей Эллинской лиги и, в первую очередь, Македонии. Поэтому не вполне правильна точка зрения, что после образования лиги 224 г. ахейцы оставались номинально союзниками, на деле же стали сателлитами македонской монархии, пока в 198 г. своим переходом на сторону римлян не поменяли одну зависимость на другую⁸⁸. Напротив, Ахейский союз не потерял своего суверенитета. Не известен ни один случай, когда бы ахейцы для своих внешнеполитических акций испрашивали разрешения Филиппа.

Филипп был вынужден вмешаться в греческие дела согласно условию договора лиги, которое гласило, что в случае нападения на одного из союзников потерпевший мог обратиться за помощью катὰ τὰς ὀμολογίας (Polyb., IV, 15, 1 sq.). Но для того, чтобы втянуть в войну всю лигу, Арату было необходимо выгладеть в глазах союзников защитником оскорбленной стороны, в данном случае — мессенян.

⁸⁷ Fine J. The Background of the Social War... P. 157.

⁸⁸ Хабихт Х. Афины. С. 174. На равноправие и союзные отношения указывал И. Дройзен (История эллинизма. Т. 3. С. 253). С ним согласен П. Клозе (Klose P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt... S. 106).

Его замыслам как нельзя более помогли грубые действия Доримаха. Проахейски настроенный Полибий отразил лишь отрицательные качества двух родственников стратега Аристона (IV, 3, 5; 5, 2; V, 11, 2): они воинственны, алчны, необузданны, нарушают законы. Однако не оставляет сомнения тот факт, что для провокации Арат выбрал момент, когда не стратег Аристон, а Скопас и Доримах фактически обладали всеми полномочиями, сосредоточив власть в своих руках.

Следует вспомнить и то обстоятельство, что Доримах в собрании должностных лиц в Мессении был возмущен выступлением эфора Скирона. Тот требовал не выпускать Доримаха из города до тех пор, пока он не возместит всех причиненных мессенцам потерь и не представит на суд граждан пиратов. Более того, в гневе Скирон заявил, что они не боятся ни Доримаха, ни его угроз. Вполне вероятно, что требования, выдвинутые Доримаху, были заведомо невыполнимыми, а заявление, что мессенцы не боятся этолийцев, пожалуй, можно расценить как указание на их надежду на поддержку Ахейским союзом. Можно также предположить, что Скирон был, вероятно, одним из лидеров проахейски настроенной партии.

Доримах и Скопас, таким образом, недооценили своего противника, не смогли разгадать далеко идущие замыслы Арата в вопросе о Мессении и поддались на его провокацию. Набеги и грабежи этолийских пиратов вовсе не напомнили союзнику о силе этолийцев, как полагали Доримах и Скопас, а лишь оттолкнули мессенцев и заставили их, как, вероятно, и планировал Арат, обратиться к Ахейскому союзу за помощью, а также с просьбой о вступлении в Эллинскую лигу. Лидеры военной партии в Этолии недооценили и молодого македонского царя. Они исходили из ошибочного предположения, что он слишком неопытен и не вмешается в греческие дела, а без поддержки Македонии образованная в 224 г. лига

будет бездействовать⁸⁹. Начавшиеся вскоре этолийские вторжения, вероятно, были рассчитаны на испытание прочности Эллинской лиги.

2. Два этолийских рейда в Пелопоннес

Перемена внешнеполитического курса Мессении, которая, благодаря дипломатическим усилиям Арата, разорвала союзные отношения с Этолией и заявила о намерении вступить в Эллинскую лигу, явилась лишь поводом к готовящейся войне. Вполне вероятно, военных действий еще можно было избежать. Однако два дерзких рейда этолийцев в Пелопоннес в 220 г., один из которых закончился сражением при Кафиях и поражением ахейцев, а второй — разгромом Кинифы, сделали невозможным урегулирование конфликта мирным путем.

Полибий излагает предысторию битвы при Кафиях следующим образом (IV, 7, 7–10 и IV, 9; ср. *Plut. Arat.*, 47). В середине мая 220 г. произошло всеахейское собрание. На нем были заслушаны жалобы на этолийцев, которые переправились в Пелопоннес и, двигались в мессенские земли, не получив права *δίοδος* (разрешения на проход через Ахейскую территорию), нанеся, кроме того, немалый ущерб и разорение жителям Патр и Фар⁹⁰. Собрание постановило созвать ахейское войско и выступить против этолийцев.

⁸⁹ *Fine J. The Background of the Social War... P. 159.*

⁹⁰ Ср. *Plut. Arat.*, 47. Плутарх в данном пассаже в числе ограбленных земель называет территорию Патр и Димы. Однако Дима лежит явно в стороне от пути этолийского отряда. Полибий (IV, 6, 9) к разоренным областям Патр и Фар добавляет Тритею, также лежащую в стороне от дороги на Фигалею. Возможно, дело здесь не в неточностях древних авторов, а в том, что этолийцы, переправившись в Пелопоннес, разделились на несколько отрядов, предпринявших самостоятельные действия и соединившихся затем в Фигалее.

Но ахейский стратег Тимоксен, срок полномочий которого почти истек, уклонялся от похода. Согласно Полибию, причина этого кроется в том, что Тимоксен низко оценивал боеготовность ахейцев, которые после Клеоменовы войны (закончившейся два года назад) не усердствовали в военных упражнениях. Это подтверждается и указанием Плутарха на «легкомыслие ахейцев, которые, привыкнув ждать спасения от чужих рук и прятаться под защитой македонского оружия, предавались праздности и бездействию» (Arag., 47). Тогда выбранный стратегом на следующий год Арат, негодуя на бездействие Тимоксена, за пять дней раньше срока принял у него государственную печать и созвал ополчение (ср. Plut. Arag., 47). После этого Арат отправил послов к вторгшемуся этолийскому отряду, требуя немедленно покинуть территории Мессении и Ахейского союза. В противном случае он угрожал начать военные действия. Скопас и Доримах, предводители этолийцев, предпочли подчиниться. Они отправили вестников к этолийскому стратегу Аристону с просьбой срочно прислать τὰ πορφεῖα (транспортные суда) к берегам дружественной им Элиды. Через два дня они с добычей двинулись в Элиду.

Изложение дальнейших событий у Полибия (IV, 10–12) выглядит несколько сомнительно. Приведенные им планы и мотивы Доримаха, конечно, выдумка проахейски настроенного автора, поэтому излагаемые им факты требуется тщательно проанализировать.

Арат, поверив в отступление этолийцев, распустил войско, оставив при себе только 3 000 человек пехоты, 300 всадников и отряд македонского офицера Тавриона⁹¹, насчитывавший, вероятно, не более 1 000 человек. Ахейцы двигались на север, в направлении Патр, параллельно этолийцам. Узнав

⁹¹Таврион при Кафиях мог отсутствовать: *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 458 f.*

об этом и опасаясь нападения, Доримах спешно отправил добычу на суда в сопровождении большого числа воинов для прикрытия погрузки.

Тем временем ахейцы, видимо, продвинулись дальше на север и остановились у Клейтора. Доримах, отправив транспортные корабли, тоже двинулся на север, намереваясь сесть на суда у Риона. По дороге, узнав, что ахейцы стоят у Клейтора, преграждая ему путь, он якобы решил первым напасть на них, пользуясь тем, что сил у врага немного, и подозревая, что ахейцы не позволят им переправиться без боя. Но после такого решения этолийцы вдруг неожиданно повернули на восток — в Мегалополитиду.

Проходя мимо Орхомена, они узнали, что ахейцы уже добрались до Кафий и стоят в боевом порядке на равнине. Этолийцы не пожелали вступать в бой и двинулись в горы. Тогда Арат отдал приказ атаковать арьергард. Так началось сражение при Кафиях. Контратака этолийцев, стоявших на высотах, оказалась удачной: ахейская фаланга не выдержала удара и побежала. Что касается этолийцев, то они двинулись дальше через Пелопоннес, попытались взять Пеллену, опустошили поля сикионян и ушли домой через Истм. После этих событий ахейцы отправили послов к македонскому царю Филиппу и другим союзникам с просьбой о помощи (Polyb., IV, 15, 1–2; Plut. Arat., 47).

В данном изложении событий затруднительно понять планы Доримаха и Арата — версия Полибия содержит ряд противоречий. С одной стороны, можно предположить⁹², что Доримах действительно собирался без боя покинуть Пелопоннес. Но если принять эту точку зрения, то возникают следующие вопросы: почему он не сделал этого на кораблях, увозивших добычу и основную часть этолийского войска?

⁹² Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 458 f.; Larsen J. A. O. The Aetolian-Achaean alliance... P. 170.

Если он по каким-то причинам все-таки был вынужден идти к Риону, чтобы там сесть на суда, то зачем он отклонился от пути на север и спровоцировал этим ахейцев?

Кроме того, судя по осторожному поведению в Пелопоннесе, войско Доримаха было не очень велико. Тем более убедительными выглядят попытки уклониться от столкновений с противником. Тогда не вполне ясно, зачем было рисковать и тратить время на Пеллену и Сикион, лежащих в стороне от пути к Истму? И почему ахейцы с таким упорством преследовали этот небольшой отряд? Если Арат, со своей стороны, хотел избежать сражения, то закономерно возникает другая проблема: зачем он напал на этолийцев при Кафиях; тем более, зачем нападать в неудобном (прежде всего для ахейцев) месте? Если же столкновение Арату было необходимо⁹³, то весьма странно выглядит роспуск ахейского войска накануне битвы. Ибо стратег остался лишь с небольшой его частью.

Пожалуй, действия Арата в данной ситуации позволяют утверждать, что в столкновении были заинтересованы именно ахейцы. Действительно, Арат считал, что настало время вступить в единоборство с Этолийским союзом, так как победа над ним позволяла ахейцам объединить под своей властью и территории Средней Греции. Обстоятельства сложились благоприятно: македонский царь Филипп был еще молод и находился под огромным влиянием Арата (Plut. Arat., 46; 48), что позволяло надеяться на реальную возможность использования македонских сил в ахейских интересах. Нужен был лишь благовидный предлог для начала войны — первый удар должны были нанести этолийцы. На этот шаг Арат спровоцировал их, открыто ведя переговоры с их старым союзником Мессенией. Этолийцы пытались устроить бывшего союзника и начали тревожить

⁹³ Roebuck C. A history of Messenia... P. 73 f.; Larsen J. A. O. The Aetolian-Achaean alliance... P. 170.

набегами Пелопоннес. Однако Арат понимал, что македонский царь едва ли нарушил бы мир с этолийцами ради государства, не входившего в Эллинскую лигу. Другое дело, если обиженной стороной окажется союзник⁹⁴, тем более ахейцы. Поэтому, несомненно, выгоды из этого столкновения Арат извлек. Как он, вероятно, и замышлял, ахейцы втянули в войну всю лигу.

Но, в таком случае, вполне обосновано можно сделать и другие предположения: что Арат не случайно шел параллельно этолийским войскам, а выискивал повод для нападения, так как именно он первым напал на противника у Кафий; что Арат сознательно распустил ахейское войско, ибо и не собирался побеждать в сражении. В любом случае, у Доримаха и Скопаса были все основания полагать, что им не удастся уйти из Пелопоннеса без столкновения с ахейцами. Иными словами, этолийцы в данном конфликте оказались невинной жертвой агрессивной политики Арата. Но это едва ли было так. Не следует забывать, что Доримах мог покинуть Пелопоннес без боя, если бы отплыл вместе с остальной частью этолийцев. Полибий указывает на уверенность Арата в том, что отряд Доримаха покинул полуостров (IV, 10, 1). Именно этим можно объяснить факт роспуска ахейского войска и остановку у Клейтора — значительно севернее, чем происходила погрузка этолийцев.

Однако историк приписал обоим сторонам этого конфликта столько своих домыслов, что, по мнению Б. Низе⁹⁵, версия Полибия требует корректировки. Ф. Уолбэнк, рассматривая этолийский маршрут, отмечает несколько суще-

⁹⁴ Согласно договору Эллинской лиги, обязательным условием македонской помощи должно было стать нападение какого-то государства на территорию члена лиги (Polyb., IV, 15, 2).

⁹⁵ Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Тl. 2. S. 414. Anm. 3.

ственных моментов⁹⁶. Во-первых, налицо факт изменения планов Доримаха: уход через перешеек, а не отплытие у Риона. Во-вторых, наличие вражеских войск у Клейтора могло стать причиной опасения, что путь к Риону будет отрезан, этот факт и привел к отклонению от первоначального пути. В-третьих, поворот к Мефидрию означал, что этолийцы надеялись избежать столкновения с Таврионом. В-четвертых, Доримах планировал столкновение с Аратом, но, не желая вовлекать в конфликт македонские силы и видя, что нет никакой причины ожидать разделения сил противника, он не искал с ними битвы. Конечно, указанные высказывания вполне справедливы. Однако они не проясняют всех поставленных вопросов.

Доримах, вероятно, хотел избежать затруднительной и требующей много времени посадки на суда. Этолийцы имели большую добычу, особенно скот, а кораблей, видимо, оказалось недостаточно. Поэтому было решено не совершать несколько плаваний, а пройти по суше. Маршрут этолийцев — сначала на север, а потом в Мегалополиду — примечателен. Конечно, поворот в Мегалополиду мог быть вызван опасением, что стоявшие у Клейтора ахейские войска отрезут этолийцев от моря. Поэтому Доримах был вынужден избрать другой путь — на восток, к Истму, что, казалось бы, говорит о стремлении избежать столкновения. Но уклониться от боя ему не удалось, так как ахейцы, двигаясь на юго-восток, пытались отрезать и этот путь.

Но, говоря о маршруте, следует обратить внимание на некоторые факты. Во-первых, до разгрома ахейцев источники ничего не сообщают об этолийских грабежах в Пелопоннесе. Во-вторых, этолийцы намеренно отклонились с дороги к Пеллене и Сикиону после победы при Кафиях. Это была явная демонстрация силы: ибо небольшой отряд покинул вражескую территорию с добычей в руках. Известно, что это-

⁹⁶ *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 459.*

лийцы славились своими грабительскими набегами⁹⁷. Собственно, их предприятие в Мессении, хотя и преследовало политические цели, по сути было грабительским (Polyb., IV, 3–4; 6, 11–12). Не менее существенным кажется то обстоятельство, что в течение нескольких лет (точнее с 224 г.) этолийцы были вынуждены воздерживаться от пиратских рейдов, дававших им средства к существованию. Поэтому, когда Доримах и Скопас пошли на возобновление старой политики, это было благосклонно встречено согражданами (Polyb., IV, 5–6). Более того, говоря о подготовке к вторжению в Мессению, Полибий упоминает (Polyb., IV, 6, 8) συναβροίσαυτες πανδέμει τοὺς Αἰτωλοὺς, т. е. собранное этолийское ополчение⁹⁸. В силу указанных обстоятельств удивителен сам факт прекращения грабежей до битвы при Кафиях. Он позволяет говорить о том, что отряд Доримаха мог преследовать какую-то иную цель, даже более значимую, чем разорение пелопоннеских земель.

Скорее всего, этолийцы виновны в развязывании войны не менее ахейцев. Если Арат считал 220 год благоприятным для начала боевых действий, то таким же его видели и этолийцы (Polyb., IV, 3, 3). Македонский царь был слишком молод и неопытен в военных делах и дипломатии, чтобы играть какую-то существенную роль в греческих делах. Столкновение же с одним Ахейским союзом, вероятно, не вызывало опасений этолийцев. Реальную угрозу представляла лишь вся Эллинская лига⁹⁹.

⁹⁷ Larsen J. A. O. Greek Federal States... P. 210 ff.

⁹⁸ Конечно, это преувеличение, как справедливо указал Ф. Уолбэнк (Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 455), но силы, вероятно, были собраны значительные.

⁹⁹ Roebuck C. A history of Messenia... P. 72; Tarn W. The Greek Leagues and Macedonia. P. 763; Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues. P. 474 f.; Lehmann G. Untersuchungen zur historischen Glaubwürdigkeit des Polybios. Münster, 1967. S. 341 f.

Маневры Доримаха в Пелопоннесе можно истолковать, как испытание лиги на прочность. Характерно, что и после битвы при Кафиях все обвинения в адрес Этолии союзники ахейцев восприняли спокойно. Полибий пишет, что «союзники первое время возмущались, хотя не особенно удивлялись, ибо в поведении их не было ничего необыкновенного, напротив, это было в привычках этолийцев» (Polyb., IV, 16, 1—2). Учитывая вышесказанное, можно предположить, что Доримах сознательно не покинул Пелопоннес, когда ему представлялась такая возможность. Он отправил добычу на кораблях (Polyb., IV, 10, 3—4), поскольку награбленное могло стать серьезной обузой при выполнении новой задачи. Освободившись от груза, Доримах должен был выяснить состояние боеготовности предполагаемого врага. Одновременно он мог рассчитывать, что при реализации этой политической акции он сам и его люди не вернутся домой с пустыми руками. Поэтому едва ли следует говорить о том, желал ли Доримах столкновения с ахейцами или нет. В любом случае он был готов к нему. Возможно, предложенная ниже речь Доримаха не имела места в действительности, но она наиболее точно характеризует политику этолийцев. Еще до вторжения в Пелопоннес Доримах, как утверждает Полибий, говорил (Polyb., IV, 5, 7): «Что касается ахеян... то, препятствуя проходу этолийцев, они не должны будут жаловаться, если встретят отпор...; если же они останутся в покое, то замыслы этолийцев осуществляются беспрепятственно».

Таким образом, с одной стороны, столкновение с ахейцами, конечно, было нежелательным для этолийского отряда: отсюда, вероятно, столь осторожный выбор пути. Но и прилагать какие-то сверхусилия, чтобы уклониться от этого столкновения, как показала битва при Кафиях, этолийцы не собирались. Доримаху нельзя отказать в военных способностях. Даже Полибий признает (Polyb., IV, 11, 4), что равнина у Кафий была неудобна для сражения: ее пересекала

река и труднопроходимые рвы. Именно эти обстоятельства побудили Доримаха направиться в горы, тем самым он поставил ахейцев в совершенно невыгодные условия, что и решило исход битвы.

С другой стороны, вполне можно утверждать и то, что разгром ахейского войска был необходим этолийцам. Полибий совершенно прав, говоря, что после этого им можно было бы без опасения заняться грабежом (Polyb., IV, 10, 8).

Иными словами, разведка состояния дел в Пелопоннесе и жажда наживы подтолкнула этолийцев во главе с Доримахом к изменению первоначальных планов. Арат, видимо, ожидал мирного разрешения конфликта, о чем свидетельствует роспуск ахейского войска и отход к Клейтору. Известие же о передвижениях Доримаха, вероятно, подтолкнуло Арата к попытке остановить продвижение противника по союзной территории. С этой целью войска Арата и Тавриона двигались явно наперерез Доримаху, отрезая этолийцам все пути к отступлению. Неудивительно, что теперь Доримах думал прежде всего о том, как покинуть Пелопоннес с наименьшими потерями. Когда он отказался от сражения на равнине и стал подниматься в горы, у него появился шанс обогнать ахейцев и покинуть полуостров. Но Арат уже не мог этого допустить. Именно поэтому, невзирая на невыгодную дислокацию, он и напал на противника.

Таким образом, обе стороны были готовы к столкновению и, вероятно, уклоняться от него не собирались. В этом сражении противники испытали силы друг друга. Но наибольшие выгоды сумел извлечь Арат, далеко идущие замыслы которого Доримах едва ли мог предполагать: не остановив этолийцев собственными силами, Арат смог представить их нарушителями мира.

Однако попытка убедить других членов лиги объявить войну этолийцам не удалась. Отправленные к союзникам посольства просили помощи в индивидуальном порядке, соб-

рание совета лиги не состоялось¹⁰⁰. Можно даже предположить, что македонский царь сознательно отказался от созыва синедров, понимая, что ахейцы добиваются вступления в войну всей лиги. Филипп же был настроен на мирное существование¹⁰¹: Македонии требовалось время для восстановления собственного потенциала и создания безопасного тыла, так как на ее границах вновь активизировались дарданы. Поскольку же с образованием Эллинской лиги решение о войне и мире принимал синедрион союзников, то по формальной причине война в тот момент не была провозглашена.

Далее события развивались стремительно. Следующим тревожным фактором оказалось появление в греческих водах двух пиратских флотов иллирийцев. Один — под командованием Скердилаида, родственника ардиэйского вождя Агрона, другой подчинялся Деметрию Фарскому, чьи отряды сражались при Селассии на стороне македонского царя. Заплыв южнее Лисса в конце июля или начале августа¹⁰², они нарушили договор с Римом. В то время как Деметрий грабил Кикладские острова, Скердилаид соединился с этолийцами и совершал набеги на территорию Мессении и Ахайи, а затем принял участие во вторжении в Аркадию, которое непосредственно и привело к объявлению войны. В литературе оно известно как инцидент в Кинефе (Polyb., IV, 17–19).

Согласно Полибию, в аркадском городе Кинефе проахейская правящая партия с разрешения ахейцев позволила изгнанникам вернуться на родину. Вероятно, изгнанниками

¹⁰⁰ В этом предположении мы следуем за Н. Хэммондом: *Hammond N. G. The Macedonian State*. P. 331. Тот факт, что ахейцы не требовали собрания синедров, а ограничились частными переговорами, также можно рассматривать как уверенность Арата в своем влиянии на молодого царя.

¹⁰¹ *Walbank F. Philip V of Macedon*. 1940. P. 28.

¹⁰² *Fine J. Macedon, Illyria and Rome...* P. 30.

были сторонники спартанского царя-реформатора Клеомена¹⁰³, вынужденные покинуть родину после окончания Клеоменовской войны в 222 г. Кинефа в источниках о Клеоменовской войне не упоминается. Этот полис имел самую малоприспособленную для жизни область во всей Аркадии (Polyb., IV, 19, 5). Полибий говорит, что в течение «долгих лет» там происходили перевороты, казни и изгнания политических противников, конфискации имущества и передел земли (Polyb., IV, 17). Однако является ли это доказательством борьбы за реформы, подобные тем, что были проведены в Спарте, неизвестно. Возможно, как считает С. К. Сизов¹⁰⁴, речь идет лишь о способе расправы с побежденной партией, когда земли конфисковывались в пользу победителей. Хотя о составе противоборствующих группировок ничего не известно, не стоит все-таки исключать из их числа сторонников Клеомена, поддержавших его в качестве альтернативы Арату. Антиахейские настроения, вероятно, привели часть населения в лагерь этолийцев, как это показали дальнейшие события. В Кинефе был поставлен ахейский гарнизон, однако в 220 г. после достигнутого соглашения и примирения сторон он был выведен. Вернувшиеся домой граждане приняли активное участие в жизни города, некоторые из них были избраны на должность полемархов (Polyb., IV, 18, 4: οἱ δὲ πολέμαρχοῦντες τῶν φυγάδων...).

Однако изгнанники по возвращении домой тут же замыслили сдать город этолийцам (Polyb., IV, 17, 10), что дает основания говорить о хорошо спланированной Доримахом и Скопасом акции нападения на город. Изменники из числа полемархов убили своих коллег и открыли ворота этолийским войскам под командованием Доримаха. Насе-

¹⁰³ Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 464.

¹⁰⁴ Сизов С. К. Ахейский союз. С. 116.

ление города, включая изменников, было перебито, имущество их было разграблено (Polyb., IV, 18, 7–8). Оставив в Кинефе гарнизон, этолийцы двинулись на Лусы и намеревались даже похитить священные стада Артемиды и разграбить ее храм, но лусиаты смогли откупиться от них частью храмового имущества (Polyb., IV, 18, 9–12). Затем этолийцы безуспешно осаждали Клейтор (Polyb., IV, 19, 4), однако, не достигнув результата, двинулись в обратный путь, по пути захватив стада богини. Вернувшись в Кинефу, они собирались передать город своим союзникам в Пелопоннесе — элейцам, но те отказались. Тогда Доримах решил оставить здесь этолийский гарнизон. Однако, узнав о приближении македонской армии, он предпочел поджечь город (Polyb., IV, 19, 5–6). Этолийцы отправились к Риону, а оттуда переправились домой.

В изложении и этого похода у Полибия довольно много спорных моментов. Во-первых, следует отметить бездействие ахейцев, хотя этолийский отряд, двигаясь к Кинефе и обратно, дважды прошел через их территорию. Полибий указывает, что стратег Ахейского союза Арат в это время собирал войска и просил помощи у союзников (IV, 19, 1). Однако историк противоречит своим же словам. Несколько выше (IV, 16, 6) он сообщает, что ахейское войско было уже набрано, а лакедемонянам и мессенцам был уже отдан приказ о доставке вспомогательных войск. В другом пассаже автор объясняет пассивность Арата воспоминаниями о поражении при Кафиях (IV, 19, 11), намекая на тот факт, что стратег Ахейского союза был бездарным командующим.

Можно попытаться объяснить бездействие Арата его желанием выставить этолийцев явным агрессором. Конечно, принимая во внимание стремление ахейского стратега развязать войну со старым врагом и вовлечь в нее силы союзников, прежде всего македонскую армию, такое объяснение было бы вполне приемлемым. Однако это предположение выгля-

дит весьма спорным, если вспомнить, что битва при Кафиях началась именно с нападения ахейцев.

Вызывает сомнение и тот факт, что Арат столь открыто продемонстрировал союзникам свою слабость. Выставляя этолийцев нарушителями Общего Мира, а себя — оскорбленной стороной и заступником общего дела, такой государственный муж, как Арат, просто обязан был попытаться прийти на помощь союзнику. Но, по утверждению Полибия, он даже не решился оказать сопротивление отряду пиратов. Можно обратить внимание и на тот факт, что разоренная этолийцами территория принадлежала союзнику, а не ахейцам. И это обстоятельство не давало оснований Арату утверждать о необходимости предоставления помощи со стороны остальных союзников именно ахейцам.

Таким образом, невмешательство в дела Кинифы должно было отрицательно повлиять на взаимоотношения ахейцев и их союзников. Арат продемонстрировал всем, что он не способен выступать гарантом мира и спокойствия в Пелопоннесе. Фактически своим бездействием он давал повод не только к оживлению разбойничьих набегов, но и к измене некоторых союзников. Едва ли Арат был способен на столь опрометчивый поступок. Но в таком случае его пассивность, видимо, была вызвана другими причинами.

Во-вторых, столь же странными, на первый взгляд, выглядят действия человека, прямой обязанностью которого было соблюдение мира в Пелопоннесе — македонского офицера Тавриона. Полибий сообщает, что Таврион был назначен Антигоном Досоном «царским уполномоченным» в Пелопоннесе и принимал в этом качестве участие в Союзнической войне 220—217 гг. (Polyb., IV, 6, 4; 10, 6; 19, 7). Как полагал Г. Бенгтсон¹⁰⁵, штаб-квартира этого офицера нахо-

¹⁰⁵ *Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. S. 357—360.*

дилась в Коринфе. Не отрицая такой возможности, кажется все-таки более вероятным его базирование в Орхомене. На это намекает Полибий, говоря, что там были собраны какие-то военные силы (Polyb., IV, 6, 6). Кроме того, Орхомен по своему местоположению больше, чем Коринф, подходил для быстрой переброски сил в любую точку Пелопоннеса.

Как указывалось выше, Таврион принял участие в битве при Кафиях на стороне ахейцев, хотя македонский царь Филипп V (Polyb., IV, 16, 2–3) и после этого столкновения продолжал оставаться в мире с этолийцами. В войну он вступил только после официального ее объявления. И тем не менее, в битве при Кафиях вместе с ахейцами сражалось и войско Тавриона. Весьма сомнительно, чтобы македонский офицер, даже если он «заведовал делами в Пелопоннесе», мог самостоятельно принять участие в боевых действиях, хотя Македония официально войну не вела. Тогда возникает закономерный вопрос: на каком основании действовал Таврион? Объяснение, думается одно: он мог действовать подобным образом только как «страж мира»¹⁰⁶. Именно эта

¹⁰⁶ Объединение, подобное Эллинской лиге, существовало в прежние времена — это Коринфская лига Филиппа II и Эллинская лига Антигона Одноглазого. Союзная организация всех трех лиг имела много общего. Все они возглавлялись гегемоном, в роли которого выступал македонский царь, а высшим органом был синедрион — собрание представителей от всех участников лиги. Кроме того, в лиге Филиппа II, основанной в 338 г., существовали так называемые «стражи мира» (Ps.-Dem., XVII, 15), а в союзе Антигона, образованном в 302 г., была предусмотрена должность стратега «для общей стражи» (SVA, III, 446, 68 sq.). Основной функцией этих должностных лиц была охрана существующего порядка. См. также: Кондратьев М. А. Коринфская лига и ее роль... С. 25–42; Фролов Э. Д. Коринфский конгресс... С. 45–62; Фролов Э. Д. Панаэллинизм в политике IV века... С. 157–207; Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2; Hammond N., Griffith G.

должность предусматривала самостоятельность, действие на свой страх и риск, и позволяла иметь достаточное для оказания помощи союзнику войско.

Но в таком случае представляется нелогичным невмешательство Тавриона в столь явное нарушение Общего Мира, как уничтожение Кинефы. Полибий сообщает, что Таврион получил известие о вторжении этолийцев и о судьбе Кинефы. Однако, вместо того, чтобы самому поспешить с войском и остановить этолийцев, Таврион начал переговоры с илирийцем Деметрием Фарским (Polyb., IV, 19, 7–9). Тот был занят опустошением Киклад (Polyb., IV, 16, 8), и его действия нельзя расценить иначе, как пиратские. Именно этого авантюриста Таврион уговорил воспрепятствовать переправе этолийцев. Можно предположить, что Деметрий не столь охотно принял бы это предложение, если бы не соблазн отбить добычу, награбленную в Кинефе. Более того, Таврион даже обещал оплатить все расходы, связанные с перетаскиванием лодок. Однако переговоры, видимо, затянулись, и Деметрий опоздал к переправе этолийцев на два дня. Таким образом, можно отметить, что Таврион по каким-то причинам сам не смог отразить нападение этолийцев.

В-третьих, этолийцы в этом инциденте повели себя весьма неблагоприятно. Следует вспомнить предшествующие события и столкновение при Кафиях. Собственно, этолийское предприятие в Мессении тогда по сути было грабительским,

A history of Macedonia. В отличие от предшествующих союзов лига 224 г. имела некоторые особенности, отразившиеся на союзной организации. Так, на наш взгляд, в союзе 224 г. должность «стража мира» существовала, но единственным действовавшим в то время «стражем» был Таврион. См. также: Сивкина Н. Ю. Должность Тавриона в Эллинской лиге 224 г. до н. э. // Античное общество: власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов. Вып. IV. СПб., 2001. С. 101–107.

но преследовало и политические цели (Polyb., IV, 3—4; 6, 11—12). Как уже отмечалось выше, этолийцы, так же как и Арат, считали момент для начала боевых действий благоприятным (Polyb., IV, 3, 3). Маневры Доримаха в Пелопоннесе можно истолковать как испытание лиги на прочность. Разгром ахейцев при Кафиях способствовал осознанию этолийцами своего преимущества над соперником. Поэтому после битвы при Кафиях они не только не прекратили набеги, но еще более дерзко стали вмешиваться во внутренние дела Пелопоннеса (Polyb., IV, 17; 25, 4—5).

Вероятно, у них появился шанс помешать ахейцам организовать против них единый фронт пелопоннесцев. В связи с этим иное значение приобретают сообщения, что этолийцы вступили в переговоры с изгнанниками из Кинефы (Polyb., IV, 17, 12), потом осаждали Клейтор, требуя, чтобы жители отложились от ахейцев и вступили в союз с ними (Polyb., IV, 19, 2). Более того, до вторжения они вели переговоры и со спартанцами (Polyb., IV, 22, 5), и только появление македонского царя в Пелопоннесе не позволило им объединить силы.

Следует обратить внимание еще на одно событие: после ухода этолийцев из Пелопоннеса, туда прибыл с войском македонский царь Филипп V. Полибий отмечает, что царь опоздал, но целью его похода было оказание помощи ахейцам (Polyb., IV, 22, 2). Однако не вполне ясно, когда и в связи с каким событием Македония решила оказать помощь союзнику. Дело в том, что в битве при Кафиях, как отмечалось выше, македонский царь участия не принимал. Более того, даже после этого столкновения ничего необычного в поведении этолийцев Филипп и союзники не усмотрели и приняли решение оставаться с ними в мире (Polyb., IV, 16, 3).

Пока этолийцы осаждали Клейтор, Арат вновь обратился за помощью к Филиппу (Polyb., IV, 19, 1). Здесь остаются смутными следующие моменты: кому требовалась

помощь — ахейцам или союзникам; и почему призыв был направлен в далекую Македонию. Ведь с самого начала было очевидно, что сбор войска и продвижение их в Пелопоннес должно было занять гораздо больше времени, чем требовалось Тавриону, находившемуся на полуострове. Неудивительно, что македонский царь прибыл с таким опозданием. Вероятно, об уходе этолийцев он был извещен еще по дороге в Пелопоннес. Поэтому по прибытии он приказал собрать всех представителей союзников в Коринфе (Polyb., IV, 22, 2), где обсуждался вопрос об агрессии этолийцев. Пока же делегаты собирались, Филипп направился в Спарту — еще один очаг недовольства в Пелопоннесе (Polyb., IV, 22, 3–24). Согласно Полибию, спартанцы вступили в переговоры с этолийцами. Однако Доримах поспешил покинуть Пелопоннес до прихода македонских сил, что вызвало панику среди спартанских изменников. Стремясь предотвратить раскрытие их планов, они организовали массовые убийства промакедонски настроенных должностных лиц и многих других граждан.

Именно эти беспорядки и привлекли внимание Филиппа. Примечательно, что в итоге виновные остались безнаказанными. Филипп долго колебался в решении участи Спарты. В его окружении были высказаны три точки зрения (Polyb., IV, 23, 8–9). Одна восходит к Апеллесу, считавшего Спарту явным врагом, которого следует уничтожить, как в свое время Александр Македонский поступил с Фивами. Второе предложение исходило от старшего поколения, они предлагали удалить виновных из города и передать управление в руки друзей македонян. Однако царь последовал третьему совету, исходящему от Арата¹⁰⁷. Царь заявил, что он во внут-

¹⁰⁷ Мотивы Арата ясны. Во-первых, следовало попробовать удержать Спарту в лиге политикой милосердия. Во-вторых, уничтожение ее изменило бы равновесие сил в Пелопоннесе, создав внутренние проблемы в Ахейской федерации: между Ахайей и Ар-

ренные дела государств лиги не вмешивается (Polyb., IV, 24, 4—6). Подобные действия Филиппа находят лишь одно объяснение: Филипп желал продемонстрировать союзникам, что соблюдение условий договора для него намного важнее, чем потеря нескольких сторонников.

Таким образом, все приведенные выше спорные моменты показывают, что дело вокруг разгрома Кинифы обстоит несколько сложнее, чем представлено у Полибия. Но все эти противоречивые данные, пожалуй, можно увязать в единое целое, если принять во внимание тот факт, что сам македонский царь действовал в качестве гегемона Эллинской лиги. Гегемон осуществлял политическое и военное руководство союзом, обладая обширными полномочиями. Гегемон владел правом созыва синедров (Polyb., IV, 22, 2; V, 28, 3; 102, 8—9), высказывал свои предложения (Polyb., IV, 24, 5—8), председательствовал в совете (Polyb., IV, 13, 7). Как военный глава союза он созывал войска союзных государств (Polyb., V, 17, 9; 20, 1), вероятно, самостоятельно определяя стратегию и тактику военных действий, являясь главнокомандующим на войне.

Развязывание Союзнической войны ни в коем случае не связано с политикой гегемона. Дело в том, что в самом начале царствования Филиппа основным принципом его руководства были идеи Общего Мира, провозглашенные при организации лиги. Конечно, можно предположить, что Филипп V поступил так же, как в свое время Филипп II, который, объявив себя борцом за интересы эллинов, прикрывал этим лозунгом и свои собственные интересы. Однако, учитывая мяг-

кадией существовала потенциальная конкуренция и исчезновение Спарты сделало бы Мегалополь более сильным и влиятельным. Молодой царь, конечно, едва ли вникал в такие тонкости политики. Он руководствовался иными идеалами (*Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 31*).

кую, компромиссную политику его предшественника Антигона Досона¹⁰⁸ и сильное влияние Арата, правильнее говорить, что Филипп действительно руководствовался в своих действиях в Греции союзным договором, во всяком случае на первом этапе своего правления. Именно в качестве гегемона поспешил Филипп в Грецию, узнав о смутах в Пелопоннесе.

Что касается этолийцев, то после битвы при Кафиях, понимая близость войны, они стремились всеми силами ослабить позиции противника в Пелопоннесе. Отчасти им это удалось. Элида была давним союзником Этолии, также как и Фигалея. Мессения, перешедшая на сторону Элинской лиги, была напугана вторжением Доримаха и разгромом ахейцев при Кафиях до такой степени, что не посмела объявить войну Этолийскому союзу (Polyb., IV, 31, 1). Арату пришлось приложить много усилий, вплоть до государственного переворота в Мессении, чтобы заставить граждан изменить свою позицию¹⁰⁹.

Спарта, потерпевшая поражение в Клеоменовой войне, начала переговоры с этолийцами и была готова выступить на их стороне, как покажут дальнейшие события Союзнической войны (Polyb., IV, 35–36). Кинефа была разграблена и уничтожена, Клейтор потерял силы, отбивая атаки этолийцев. Таким образом, к началу войны этолийцы провели значительную подготовительную работу, ослабив своего против-

¹⁰⁸ На момент заключения союза Антигон Досон фактически не контролировал Грецию, а в 224 г. ему предоставилась заманчивая перспектива вновь распространить свое влияние южнее Фермопил.

¹⁰⁹ О событиях в Мессении накануне Союзнической войны: Polyb., VII, 10, 1; Roebuck C. A history of Messenia... P. 81 ff.; Mendels D. Messene 215 B. C. An enigmatic revolution // Historia. Bd. 29. 1980. P. 247 ff.; Сивкина Н. Ю. Государственный переворот в Мессении в 220 г. до н. э. // Античный мир. Белгород, 1999. С. 34 сл. См. также главу VI.2 настоящего издания.

ника. С этой точки зрения, инцидент в Кинефе вовсе не выглядит очередной этолийской авантюрой. Напротив, эта акция была хорошо продумана и организована.

Учитывая, вероятно, опыт прошлого похода, этолийцы смогли разобщить силы своих противников. В битве при Кафриях им противостояли ахейцы и македонский отряд Тавриона, под общим руководством Арата (Polyb., IV, 12, 2). К сожалению, военные способности Арата оказались намного слабее дипломатических. Вероятно, при Кинефе Доримах не опасался встречи с ахейским войском. Угрозу для него мог представлять Таврион. Поэтому перед походом Доримах и вел переговоры со спартанцами. Естественно, что полностью в тайне их сохранить не удалось. Возможно, этолийцы и не имели такого намерения. Наместник Спарты Брахилл¹¹⁰ должен был известить о них Тавриона, а тот, в свою очередь, поставил в известность царя Филиппа.

Вероятно, эти события отвлекли внимание Тавриона от нового вторжения. Не имея в своем распоряжение достаточно сил, чтобы разделить их между двумя очагами волнений, Таврион предпочел оставить их у себя для предотвращения возможного восстания в Спарте или для предотвращения соединения сил противников. А для помощи ахейцам он пытался привлечь Деметрия Фарского, хотя и безрезультатно. Этим пристальным вниманием к спартанским делам можно объяснить и выступление македонского царя. Едва ли он смог бы прибыть в Пелопоннес вскоре после ухода этолийцев, если бы откликнулся на призыв Арата. Скорее всего, набор войска и продвижение на юг было вызвано более ранним

¹¹⁰ Антигон оставил в Пелопоннесе царского представителя Тавриона (Polyb., IV, 6, 4; 87, 8). Ему, вероятно, подчинялся уполномоченный по делам Спарты беотиец Брахилл (Polyb., XX, 5, 12). См. также: Самохина Г. С. Панаэллинская идея в политике Македонии... С. 117.

сообщением Тавриона о смутах в Спарте. Именно туда направлялся македонский царь, когда по дороге получил известие о нападении этолийцев на Кинефу. Действуя как гегемон лиги, он предпочел не вмешиваться в дела Спарты, поскольку формального выступления против лиги не произошло. Также и вопрос об этолийцах он предпочел решать законным путем: постановление должно было быть принято синедрионам Эллинской лиги.

Учитывая изложенное выше, мы довольно легко объясним и бездействие Арата в этом инциденте. Выступить против этолийцев без македонских сил, оставив в тылу недовольных мессенцев и готовых к восстанию спартанцев было довольно рискованным мероприятием, тем более, что Арат признавал свои слабые полководческие способности. Зная о приближении Филиппа, Арат предпочел дожидаться его прибытия и совместно урегулировать отношения с союзниками. Таким образом, можно отметить, что обе стороны накануне войны добились поставленных целей. Понимая близость военных действий, этолийцы в ходе двух рейдов в Пелопоннес серьезно ослабили противника, что, в конечном счете, сказалось и на ходе войны. С другой стороны, на заседании синедров в Коринфе было принято ожидаемое Аратом решение об объявлении войны Этолийскому союзу (Polyb., IV, 25, 1–5), в которую, согласно его замыслам, вступал не один Ахейский союз, а вся Эллинская лига.

3. Процедура оформления начала войны

Решение о начале войны было принято в одностороннем порядке на заседании синедриона Эллинской лиги в Коринфе осенью 220 г. Там были заслушаны жалобы союзников. Полибий сообщает (Polyb., IV, 25, 2–4), что беотийцы жаловались на ограбление этолийцами в мирное время святилища Афины Итонии, фокидяне — на нападение их на Амбрис

и Давлий, эпироты — на разорение своих земель. Акарнанцы рассказали, как этолийцы напали на Фирей в ночную пору. Ахейцы заявили о захвате Клария в мегалопольской области, опустошении полей патрян и фариян, грабеже Кинифы, осаде Клейтора и т. д. Примечательно, что обвинения касались не только недавних событий, но и имевших место несколько лет назад. Последнее утверждение относится к беотянам и фокидянам¹¹¹. Иными словами, союзники вспоминали все личные претензии к этолийцам и совокупный эффект обвинений был значительным. Неудивительно, что решение о войне было принято без каких-либо затруднений. Тем не менее обращение к старым обидам выглядит несколько натянутым в данной ситуации. Складывается впечатление, что кто-то провел хорошую подготовительную работу среди синедров, организовав нужные выступления. Вероятно, основная подоплека кроется в желании убедить македонского царя в необходимости начала войны. Именно на него были рассчитаны приведенные союзниками аргументы.

Настрой царя на мирный исход заседания виден хотя бы в том, что он предпринял еще один шаг к урегулированию конфликта. Уже после собрания синедриона он отправил этолийскому стратегу письмо, в котором сообщал, что этолийцы могут выступить с объяснениями указанных событий и оправдаться за них (Polyb., IV, 26, 3). Однако Ф. Уолбэнк предпочитает не придавать этому заявлению большого значения; он считает, что решение синедров в Коринфе было рассчитано на тесное сближение Македонии и Греции¹¹². По его мнению, царь хотел отложить начало военных действий до весны 219 г. или возложить ответственность за развязы-

¹¹¹ Подробнее см.: *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 471.*

¹¹² *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 474; Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 32.*

вание войны на плечи этолийцев. Однако, на наш взгляд, последнее предположение не оправдано. Война была отложена до весны по независящим от царя обстоятельствам, как это будет показано ниже, а обвинять этолийцев в развязывании войны столь изощренным способом не имело смысла, так как постановление в Коринфе было официально принято всеми союзниками, а несколько позднее, после ратификации решения, ахейцы, прибегнув к старинному способу объявления войны, через глашатая возвестили об этом. В ответ на требование Филиппа оправдаться за свои нападения на греческие города этолийские власти заявили, что они не могут его выполнить до решения этолийского собрания (Polyb., IV, 26, 5–6). С формальной точки зрения они были правы, поскольку только народное собрание принимало постановления по важнейшим вопросам, касавшимся общественно-политической жизни федерации или отношений этолийцев с другими государствами. Но нельзя пренебрегать и тем фактом, что для решения каких-либо чрезвычайных вопросов, которые невозможно было отложить до обычного собрания в канун осеннего равноденствия, созывалось экстраординарное собрание¹¹³, поэтому отказ этолийцев по формальным причинам выполнить предложение македонского правителя свидетельствует об их агрессивном настроении. Этим фактом не следует пренебрегать. Так же как и тем обстоятельством, что назвать организатора единодушного мнения синедров не стоит труда — им мог быть лишь Арат, чей дар убеждения всегда действовал на союзников. Филипп в данной ситуации был последним человеком, который еще пытался остановить боевые действия двух стремящихся к войне федераций.

Решение синедриона о войне было дополнено еще одним постановлением. Оно гласило (Polyb., IV, 25, 6–7): «Каж-

¹¹³ Власюков С. Ю. Этолийское народное собрание // *Antiquitas aeterna*. Вып. 1: Эллинистический мир. Казань, 2005. С. 120.

дому союзнику, у которого этолийцы со времени смерти родного отца Филиппа, Деметрия, отняли землю или город, все прочие обязаны помогать в борьбе за возвращение отнятого; равным образом союзники обязаны восстановить исконные учреждения у тех, которые силою обстоятельств вынуждены были вступить в Этолийский союз, дабы они владели своими полями и городами, избавлены были от содержания у себя гарнизонов и от дани, жили независимо по исконным законам и установлениям». Вероятно, Полибий видел этот декрет — его фразеология предполагает это¹¹⁴. Указанная псефизма примечательна своей неопределенностью. Союзники решили возратить потерянные со смерти Деметрия II, т. е. с 229 г., города и земли. Эпир, например, потерял Амбракию и Амфилохию; Фессалия — Фтиотийскую Ахайю. Однако союзники могли претендовать и на земли, потерянные ранее, и как насильственно захваченные могли быть признаны: для Акарнании — области к западу от Ахелоя, где Этолия владела Стратом и Эниадами, для Фокиды — западная ее часть, которая была в руках этолийцев с 258 г. и т. п. Кроме того, провозглашалось освобождение тех государств, которые не имели никакой связи с членами симмахии, что, вероятно, было нацелено на развал Этолийской федерации. Третий пункт программы касался Дельфийской Амфиктионии, которая находилась под этолийским контролем¹¹⁵.

¹¹⁴ *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 472.*

¹¹⁵ Дельфы сохраняли номинальную независимость, однако город и святилище находились под контролем эпимелетов, которые были представителями этолийской военной и гражданской администрации. Этолийцы использовали в своих политических целях религиозный авторитет святилища и оракула Аполлона, а также преобладание в совете Амфиктионов. Амфиктионы освящали своим авторитетом заключение договоров федерации с другими государствами, дарование асиль и т. п. В свою очередь, этолийцы брали на

Это святилище играло важную роль не только в религиозной, но и в политической жизни элинов, а этолийцы, таким образом, могли реально влиять на судьбу всей Эллады¹¹⁶. Союзники постановили «оказать помощь амфикионам в восстановлении своих законов и в возвращении под свою власть святилища...» (Polyb., IV, 25, 8). Однако утверждение некоторых исследователей¹¹⁷, что союзники надеялись преобразовать войну в «Священную», за освобождение Дельф, сомнительно. Вероятно, имелся в виду обратный этолийской экспансии процесс. Прежде, присоединяя территории какого-либо государства, Этолия забирала их голоса в Амфикионии. В случае успеха в Союзнической войне, освобождении многих земель и серьезном ослаблении противника, победители могли потребовать возвращения своих голосов в совете амфикионов. Таким образом, поставленные задачи были весьма обширными и рассчитанными на распад федерации противника.

Военные действия начались лишь на следующий год, весной 219 г. Поэтому, хотя и принято говорить, что война длилась с 220 по 217 г., на практике она продолжалась с весны 219 до конца лета 217 г., при этом последний военный сезон был гораздо менее интенсивным, чем первые.

Откладывание боевых действий было вызвано процессуальными моментами. С одной стороны, весной в Ахейском союзе должен был смениться стратег; координировать со-

себя обязательства о защите Амфикионии и полисов, обратившихся к ней за помощью от враждебных посягательств, и наказание «святотатцев» (Власюков С. Ю. Этолийский союз... С. 13).

¹¹⁶ Подробнее о росте этолийской экспансии и влиянии этого факта на Амфикионию см.: Сизов С. К. Этолийский союз. С. 52 сл.

¹¹⁷ Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 32; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 473; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. 2. 1979. P. 63.

вместные действия было логичнее уже с ним. С другой стороны, всем государствам лиги требовалось время на мобилизацию вооруженных сил, укрепление линии обороны и прочие такого рода действия. Немалую роль играл еще один фактор. Поскольку Эллинская лига была призвана сохранять мирное состояние дел в Греции и ее договор стремился предотвратить попытки использовать союз в интересах одного государства для решения частных конфликтов, то, видимо, можно говорить о сложной процедуре оформления начала войны.

В нашем распоряжении есть некоторые замечания Полибия по этому поводу. Однако их совершенно недостаточно, чтобы представить ясную картину происходившего. Поэтому представляется вполне оправданным привлечь данные, относящиеся к существовавшим ранее Коринфским лигам Филиппа II и Антигона Одноглазого. В целом, институты всех трех союзов были одинаковы. Каждый из этих союзов возглавлялся гегемоном, в роли которого выступал сам македонский царь. Существовал представительный орган — синедрион или общий совет, в который союзники посылали своих представителей. Между этими объединениями довольно много схожих черт в структуре, организации, управлении, хотя имеются и отличия. Именно в силу этого обстоятельства любое наше предположение, конечно, является гипотетическим. Тем не менее привлечение этих материалов остается единственной возможностью восстановить имеющиеся в нарративных источниках лакуны.

Эллинская лига объединяла значительную часть Греции и приблизительно соответствовала по масштабам существовавшей ранее Эллинской лиге 302 г., даже учитывая «особое», неравноправное положение некоторых ее членов. Однако, основным отличием было то, что членами Эллинской лиги 224 г. стали, в основном, не отдельные полисы, как прежде, а федерации. Все участники были не только более деятельны

и активны, чем в Коринфских союзах прошлых лет, но и более самостоятельны в отношении к центральной власти¹¹⁸.

Включая в себя ряд новшеств, в целом условия договора были сходны с принципами, на которых основывались существовавшие ранее союзы под эгидой Македонии. В прежних Эллинских лигах (338 и 302 гг.) решения синедров — членов союзного совета — считались обязательными для всех и не подлежали обсуждению в полисах (SVA, III, 446, v. 73 sqq.). В 224 г. это правило перестало действовать. Вероятно, обстоятельства, при которых создавалась лига Антигона Досона, наложили свой отпечаток на условия договора. Иногда, в этом усматривается некий «либерализм» лиги, точнее самого Антигона Досона¹¹⁹. А. Хойсс, например, считает, что Антигон из желания придерживаться тех же демократических принципов, на которых базировался Ахейский союз, вернулся к «старым методам Полиоркета»¹²⁰, что сделало договор 224 г. более демократичным, чем это было в прежних Коринфских лигах. Однако акцент, по нашему мнению, следует делать не столько на «либерализме» союза, сколько на более развитой процедуре принятия решений по важнейшим вопросам.

Так, в союзе 338 г. перед заседанием синедриона македонский царь рассылал декларацию (Diod., XVI, 89, 2), в которой была изложена повестка собрания. Но у Диодора есть свидетельство, что еще до этого решения Филипп II распускал слухи о готовящейся им персидской войне и это в не-

¹¹⁸ Кошеленко Г. А. Греция в эллинистическую эпоху. С. 151; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 4. 1 Abt. S. 713; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. 1. 1966. P. 355.

¹¹⁹ Klose P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt... S. 107; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. 1. 1966. P. 390.

¹²⁰ Heuss A. Antigonos Monophthalmos... S. 241.

малой степени способствовало росту его авторитета в Греции (XVI, 89, 2). По мнению У. Вилькена, эти слухи возникли или сразу же после битвы при Херонее, или во время учредительной сессии, т. е. при заключении союзного договора¹²¹, причем они в то время не получили официального подтверждения. Ведь, с одной стороны, гегемония Филиппа II в Греции еще не была подкреплена формальными решениями¹²², поэтому было еще рано говорить о совместном походе. С другой стороны, война требовала серьезной подготовки. Предлагать грекам участвовать в новой войне сразу же после битвы при Херонее было бы необдуманным шагом: во-первых, им требовалось время на восстановление своих военных сил, а во-вторых, не стоило сразу же подавать грекам, только что объединенным под эгидой Македонии, надежду на возможно скорое освобождение от новой власти, когда царь отправится в зарубежный поход. Совсем иначе воспринимались слухи о кампании, планируемой на будущее. Поэтому и слова Юстина — «не было никакого сомнения, что эти приготовления направлены против империи персов» (IX, 5, 5) — означают только одно: слухи достаточно широко распространились к моменту окончания учредительного заседания¹²³. Решение о походе было принято позднее, уже на заседании общего совета. Характерно, что ни один источник не упоминает ратификацию этого постановления. Следует вспомнить, что накануне образования союза во многих греческих городах к власти пришли сторонники Македонии. Вероятно, большая часть синедров также была промакедонски настро-

¹²¹ *Wilcken U.* Beiträge zur Geschishte des Korinthischen Bundes. S. 9 ff.

¹²² *Фролов Э. Д.* Коринфский конгресс... С. 60; *Фролов Э. Д.* Паналлинизм в политике IV века... С. 196 сл.

¹²³ *Wilcken U.* Beiträge zur Geschishte des Korinthischen Bundes. S. 15 ff.

ена. Не допуская особого преувеличения, можно предположить, что по инициативе Филиппа за синедрином закреплялось окончательное решение по всем вопросам. За это свидетельствует тот факт, что совет никогда не принимал неугодных гегемону постановлений.

Таким образом, процедура оформления начала боевых действий была проста. Сначала по городам — участникам лиги рассылалась повестка заседания синедриона, затем следовало обсуждение вопроса на местном уровне и выработывалась определенная позиция полиса. После голосования в синедрионе не требовалась ратификация принятого решения, так как постановления совета обсуждению не подлежали.

Неожиданная смерть Александра Македонского повлекла за собой четыре десятилетия борьбы между диадохами. Восстановление Коринфского союза связано с именем Антигона Одноглазого и его сына Деметрия. Антигон, которого В. В. Тарн считал¹²⁴ человеком, наделенным исключительными способностями и безграничным честолюбием, желал сохранить империю Александра под своей властью¹²⁵. Он воскресил методы Филиппа II и пошел на возобновление лиги, рассматривая эллинов как своих союзников. Но нельзя не учитывать тот факт, что политическая ситуация в то время сложилась не в пользу Антигона и Деметрия: в 306 г. им не удалось захватить Египет и сокрушить Птолемея; в 305 г. Деметрий не смог захватить остров Родос, а в самой Греции усилилось влияние Кассандра, который за 307—304 гг. подчинил себе Беотию, Эвбею, Фокиду, ввел в Коринф свой гарнизон, осадил Афины. Поэтому Антигону оставался лишь один путь достижения своей цели: попытаться привлечь эл-

¹²⁴ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. С. 25.

¹²⁵ Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 38; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 174.

линов на свою сторону в качестве союзников. В начале 302 г. он, пригласив в Коринф представителей от греческих городов, заключил договор об организации лиги. В нашем распоряжении находятся фрагменты надписи, содержащие условия данного соглашения (SVA, III, 446.). Сохранились сведения о предусмотренных по договору функциях синедриона. Одно из условий гласило, что решения синедриона были обязательны для всех и не подлежали обсуждению и ратификации в полисах (v. 73 sq.). К сожалению, не сохранилось сведений о том заседании, на котором было принято решение о войне. Известно лишь, что весной Деметрий был вынужден открыть Фессалийскую кампанию против Кассандра, а затем по призыву отца он переправился к Ипсу, где в 301 г. состоялось решающее сражение с коалицией остальных диадохов.

Итак, мы имеем представление о довольно продуманной системе управления союзом, но вопрос о принятии жизненно важных решений, касающихся всех участников лиги, и о процедуре оформления войны остается несколько туманным. Можно предположить, что формально эти вопросы в союзе 302 г. решались точно так же, как в лиге 338 г. Однако, вероятно, все эти провозглашенные в договоре условия на практике не были полностью реализованы. Дело в том, что союз Деметрия был образован в ходе войны, поэтому созывать совет для постановления о начале боевых действий было уже поздно. Кроме того, в рядах его армии уже сражались греческие отряды, о чем свидетельствует «декрет афинских добровольцев в честь Деметрия» (ISE, 7). Вероятно, решение о греческой помощи гегемону было принято в Коринфе на учредительном заседании. Что касается переброски сил в Азию, то и в этом отношении мы также не располагаем материалами о заседании совета. Возможно, у Деметрия просто не было времени на обсуждение вопросов: обстоятельства требовали срочного прибытия войск в Азию на помощь к отцу.

В конце III в. условия создания лиги коренным образом отличались от тех, которые привели к образованию Коринфских союзов. В отличие от союзов 338 и 302 гг. в договоре Антигона Досона с греками появляется существенное новшество. Это — необходимость ратификации принятых синедрионам решений (Polyb., IV, 26, 2 и 7; 30, 2 и 6).

Впрочем, есть мнение, что ратификация относилась лишь к вопросам войны и мира¹²⁶. Действительно, данные Полибия (IV, 25, 1—26, 2 и 7; 30, 2 и 6) позволяют придти к такому выводу. Однако не следует забывать, что существование Эллинского союза приходится, по большей части, на военное время. Это обстоятельство не могло не повлиять на деятельность синедриона. В нашем распоряжении находится всего несколько свидетельств о работе синедров: они разбирали вопрос о войне (Polyb., IV, 13, 6—7; 25, 1—26, 1), о заключении мира (Polyb., V, 102, 8—9; 103, 1 и 7; 105, 1—2) и о принятии в лигу нового члена (Polyb., IV, 9, 2—3; 15, 2). При этом Полибий сообщает только о ратификации постановления о войне. Лишь в этом случае обязательно требовалось и предварительное обсуждение, и ратификация, поскольку эти вопросы по их значимости для государств нельзя сравнить ни с какими другими. Думается, именно в этом проявилась более развитая процедура принятия решений по важнейшим вопросам и большая степень самостоятельности членов лиги, чем в Коринфских союзах.

Следует отметить, что в прежних лигах, в 338 и 302 гг., существовало предварительное обсуждение вопросов в полисах, которые решались затем в синедрионе. Пожалуй, ничто не мешает предположить, что подобное предварительное обсуждение могло иметь место и в союзе 224 г. Во-первых, если процедура принятия решений с течением времени развива-

¹²⁶ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 352; Schmitt H. SVA. III. S. 215.*

лась, то было бы странно, что в ранних Коринфских лигах предварительное обсуждение имело место, а в более позднем Эллинском союзе, в котором все институты стояли на более высокой ступени развития, чем прежде, подобное обсуждение отсутствовало бы. Во-вторых, на заседания синедриона делегаты должны были, вероятно, являться подготовленными и ознакомленными с мнением собственного правительства, а это само собой подразумевает предварительное обсуждение основных вопросов заседания в каждом государстве.

Вполне вероятно, что пассаж Полибия, в котором сообщается о выдвинутом ахейцами вопросе о приеме в союз мессенцев (Polyb., IV, 15, 1–2), и упоминание о том, что свое согласие на это дали эпироты и молодой македонский царь Филипп (Polyb., IV, 16, 1), следует рассматривать именно как предварительное обсуждение, а не как постановление синедриона. Вероятно, если бы речь шла о решении синедров, то автор отметил бы «Филиппа и союзников», а не «Филиппа и эпиротов» (ibid.).

С другой стороны, в дальнейшем Полибий не упоминает об обсуждениях этого вопроса в других государствах. Однако отсутствие таких сведений, скорее всего, не означает, что обсуждение не проходило вообще. К тому же указано (Polyb., IV, 15, 1), что ахейцы отправили послов с предложением принять мессенцев в союз к эпиротам, беотийцам, фокидцам, акарнанцам и царю Филиппу V. Таким образом, в этом пассаже перечислены основные участники лиги, которым были направлены для предварительного рассмотрения уведомления о предстоящем разборе дела.

Исключение в перечисленном списке членов лиги представляют Фессалия, Опунтская Локрида, эвбейские полисы и Спарта. Однако для этого есть основания. Спарта упомянута в том же постановлении в связи с набором войска (Polyb., IV, 15, 4), что позволяет предположить извещение спартанцев также и о первом вопросе — относительно член-

ства в лиге Мессении. К остальным участникам лиги, возможно, послы не были отправлены, но это объясняется их особым положением в союзе¹²⁷, поскольку за них принимали

¹²⁷ Фессалийцы занимали в лиге особое положение, являясь подданными Антигона Досона на основе личной унии: *Fine J. The Background of the Social War...* P. 151, n. 92; *Schmitt H. SVA. III. 507 S. 216; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 351; Errington R. M. A history of Macedonia. P. 182.* Опунтская Локрида вся, или частично, входила в Беотийский союз: *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 4. 2 Abt. S. 429 ff.; Fine J. The Background of the Social War...* P. 151; возможно, с 228 г. она находилась под контролем Македонии: *Schmitt H. SVA. III. S. 216; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 351, n. 6.* Эвбея — суверенное государство, член лиги: *Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 4. 1 Abt. S. 712; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Т. 2. S. 336; Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia. P. 759; Эвбея находилась в лиге на особом положении, подчиняясь Македонии: *Fine J. The Background of the Social War...* P. 151 f.; *Will E. Histoire politique du monde hellénistique. Т. 1. 1966. P. 395.* Эвбейского союза тогда не существовало, отдельные города имели сепаратные отношения с царем: *Picard O. Chalcis et la confédération eubéenne. Étude de numismatique et d'histoire. P., 1979. P. 274 ss.; Le Bohec S. Antigone Doson, roi de Macedoine. Nancy, 1993. P. 383—384; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 351, n. 6.* Спарта стала членом лиги после поражения в Клеоменовой войне: *Самохина Г. С. Панэллинская идея в политике Македонии... С. 109; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. 4. 1 Abt. S. 718, Anm. 1; Fine J. The Background of the Social War...* P. 152; *Larsen J. A. O. Greek Federal States... P. 325; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. Т. 1. 1966. P. 361; Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus... S. 30; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 457; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 362; Errington R. M. A history of Macedonia. P. 183.* Спарта заключила симмахию с Македонией: *Shimron B. Late Sparta... P. 68.**

решения главенствующие над ними державы (за Фессалию и Эвбею — Македония, за локров — Македония или Беотия)¹²⁸. Таким образом, предварительное обсуждение поставленных в синедрионе вопросов, вероятно, должно было иметь место во всех суверенных государствах, состоящих в лиге.

Тем более такая процедура была обязательна, когда дело касалось вопроса о войне и мире. По свидетельству Полибия (IV, 25, 1 sqq.), на совещании синедров лиги в Коринфе решение начать войну с этолийцами было принято единогласно. Это постановление было затем ратифицировано в Ахейском союзе (IV, 26, 7), в Акарнании (IV, 30, 2) и в Эпире (IV, 30, 6). Примечательно, что не все государства ратифицировали постановление о начале Союзнической войны. Так, мессенцы, перемена внешнеполитического курса которых стала поводом к этому конфликту, не дали свое согласие под предлогом, что в соседней Фигалее хозяйничают этолийцы (Polyb., IV, 31, 1). Спартанцы вообще отпустили послов без ответа (Polyb., IV, 34, 1). Едва ли в лигах 338 и 302 гг. такое поведение союзников вообще было возможно.

Из остальных суверенных участников договора историком не упомянуты беотийцы и фокидяне, что, вероятно, следует истолковать не как сохранения ими нейтралитета в будущей войне¹²⁹, а как поддержку ими принятого в Коринфе решения, поскольку ранее они выступали в числе обвинителей этолийцев. В качестве косвенного доказательства этой точки зрения можно привлечь надпись 222/1 г. (Syll³, 519), в которой ахейцы воздают почести беотийским и фокидским заложникам. Как отмечал П. Тревес¹³⁰, обмен заложниками

¹²⁸ Schmitt H. SVA, III, 507. S. 216.

¹²⁹ Подробнее см.: Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 461.

¹³⁰ Treves P. Studi su Antigono Dosone // Athenaeum. Vol. 12. 1934. P. 407.

между Ахейским союзом, Фокидой и Беотией относится не ко времени основания Эллинской лиги, а к более раннему периоду Клеоменовой войны. Учитывая столь тесные отношения между этими государствами, можно предположить, что Беотия и Фокида следовали ахейским курсом, и вопрос о ратификации данного постановления прошел без каких-либо эксцессов.

Закономерно возникает вопрос: как же можно было начать военные действия, если не все члены лиги согласились принимать в ней участие? Вполне вероятно, это могло стать существенным препятствием для агрессивно настроенных членов лиги, прежде всего для Ахейского союза. Поскольку решение не было ратифицировано лишь в Мессении и Спарте, то до весны 219 г. в ходе подготовки к войне на них было оказано мощное давление соседними державами. Ахейский союз сосредоточил свои усилия на Мессении, вызвав там государственный переворот, в ходе которого правительство сменило умеренный политический курс на более радикальный¹³¹. Спарта, также испытывавшая внутренние смуты, воспользовалась назревавшей войной и перешла из круга сателлитов лиги в лагерь врагов, и в новом качестве довольно быстро вступила в войну.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что период от принятия решения до начала боевых действий был слишком затянут. Более сложная процедура принятия решений в Эллинской лиге создавала бюрократические затруднения для вступления постановлений в силу, особенно, когда вопрос касался объявления войны. Подобные препоны порождали опасную тенденцию давления на государства, чей политический курс не совпадал с официально провозглашенным. Поэтому едва ли будет чрезмерно смелым наше утверж-

¹³¹ Подробнее о событиях в Мессении см. главу VI.2 настоящего издания.

дение, что ориентация лиги на мир устраивала далеко не всех участников союза, но к их числу не следует относить македонского царя.

Ни один шаг царя накануне войны нельзя истолковать как желание как можно быстрее начать боевые действия. Даже убийство промакедонских лидеров в Спарте до начала заседания синедров в Коринфе не повлекло ответных действий со стороны Филиппа. Он не расценил их как угрозу лиге, поскольку только это условие договора давала ему право вмешиваться во внутренние дела других государств. В Коринфе он выслушал решение синедров и принял его к исполнению, как и следовало поступить гегемону. В переворотах в Пелопоннесе он участия не принимал, Полибий не преминул бы с возмущением сообщить об этом факте. Все мысли Филиппа после ратификации решения о войне были заняты практической стороной дела — мобилизацией армии и планами предстоящей кампании.

ПРИНЦИПЫ НАБОРА И СОСТАВ СОЮЗНЫХ ВОЙСК

1. Войска Эллинской лиги

Мирное состояние с осени 220 до весны 219 г. каждая из сторон использовала для сплочения единого фронта союзников перед лицом врага, разработки планов военных кампаний и мобилизации основных сил. Последний вопрос следует рассмотреть особо, чтобы иметь возможность реально оценить военный потенциал сторон и перспективы выбранной ими тактики ведения войны.

Поскольку наш основной источник дает разрозненные упоминания о принципах комплектования армий и их численности, представляется целесообразным не только рассмотреть силы противников по отдельности, но и вновь обратиться к данным, сохранившимся от периода существования Коринфских лиг, ибо некоторые аналогии позволяют дополнить туманные сведения Полибия. Однако не следует забывать и о наличии существенных отличий между обстановкой в Греции в конце IV в. и в конце III в., что не могло не отразиться на поднятых в этой главе вопросах.

Все три объединения — Коринфские лиги 338, 302 гг. и Эллинский союз 224 г. — были втянуты в крупные военные конфликты. Основным решением совета лиги в 337 г. стало провозглашение войны против Персии (Diod., XVI, 89). Знаменитый Восточный поход осуществил сын Филиппа II, Александр. В 301 г. Деметрий Полиоркет с новыми союзниками отправился воевать против Кассандра, а затем перебро-

сил войска к Ипсу, где произошло решающее сражение с коалицией диадохов (Diod., XX, 110, 4). А в 220 г. Филипп V, как глава Эллинской лиги, начал так называемую Союзническую войну против Этолии (Polyb., IV, 25—30).

В 338 г. вопрос о войне и назначении стратега-автократора решал общий совет — синедрион (Diod., XVI, 89, 3). Такое же постановление после смерти Филиппа II признало Александра гегемоном союза и стратегом-автократором (Аг., I, 1, 2; Diod., XVII, 4, 1; 4, 9; Plut. Alex., 14; Just., XI, 2, 5). Обладая титулом стратега-автократора, царь самостоятельно определял стратегию и тактику военных действий, не отчитываясь за свои действия перед синедрионом эллинов. Впрочем, во время Восточного похода Александра Македонского это было бы просто невозможно по причине удаленности театра военных действий от Греции.

Относительно различия между этими титулами македонского царя — «гегемон» и «стратег-автократор» — наиболее убедительное объяснение дал У. Вилькен, который считал, что титул «гегемона» не давал сам по себе высшее командование в персидской войне главе лиги, но был пожизненным, а титул «стратега-автократора», который означал командование с неограниченными полномочиями, царь получил лишь на время войны, оставаясь вместе с этим и гегемоном¹. Что касается лиги 224 г., то такого разграничения в титулатуре в источниках не встречается, что позволяет предполагать значительное развитие союзных институтов к концу III в., когда положение гегемона стало подразумевать неограниченную власть командующего.

¹ Wilcken U. Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes // SB München. Abh. 10. 1917. S. 27; Wilcken U. Alexander der Grosse und der Korinthische Bund // SB Berlin. Abh. 18. 1922. S. 112; см. также: Ryder T. T. B. Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxford, 1965. P. 154 ff.

В союзе Филиппа II и Александра совет лиги — синедрион, вероятно, ведал вопросами снабжения союзного войска, хотя с уверенностью об этом говорить трудно. Существует очень плохо сохранившийся фрагмент надписи, который относится к 336 г. (SVA, III, 403, II). В нем упоминаются: войско (τῆ στρατιᾶι — v. 11), десятидневный запас хлеба ([ἐ]χειν σῖτον [v] — v. 4; [δέ]κα ἡμερῶν δούτας σῖτον — v. 12), драхмы (δραχμῶν — v. 9).

В отношении этого фрагмента выдвинуты две версии: либо это — часть договора, возобновленного Александром с греками; либо это — часть декрета синедриона². Трудно сказать определенно, каков характер данного документа, позволяет ли он связать обязанность снабжения войска с деятельностью органов лиги. С одной стороны, следует отметить, что в аналогичном, но более позднем договоре Деметрия с греками (SVA, III, 446) нет прямого указания на снабжение армии. Поэтому можно предположить, что интересующий нас фрагмент — это специальное постановление синедриона, связанное с подготовкой Восточного похода Александра Македонского.

С другой стороны, вполне возможно, что если не Филипп, то Александр, когда он заключал договор, имел в виду прежде всего готовящуюся войну с Персией, поэтому условия о снабжении войска могли быть включены в договор. Тем более, что в договоре Деметрия с греками (SVA, III, 446) все же есть косвенное указание, которое позволяет предполагать, что в лиге 302 г. подобное условие также могло иметь место: на строке 23 сохранилось слова τρέφειν τὸ (кормить), для которого Гиллер предложил дополнение: [στράτευμα]

² Надпись относится к договору Александра с греками: *Wilcken U. Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes. S. 39 f.* Это часть декрета синедриона: *Larsen J. A. O. Representative government in the Panhellenic Leagues // Cl. Ph. XX, 1925. P. 316 ff.*

(войско). При этом на следующей строке упомянуты синедры ([τ]οῖς συνέδροις). Учитывая, что во второй части договора 302 г. речь шла о войске, можно допустить, что вопрос о его снабжении тоже поднимался.

Таким образом, если данный фрагмент (SVA, III, 403, II) — декрет синедриона, то уже этот факт доказывает, что синедры занимались проблемой снабжения военных контингентов; если же это — часть договора, возобновленного Александром с греками, что более вероятно, то здесь должны были указываться и лица, которые назначались для решения этого вопроса. Не обязательно такими людьми должны были быть члены синедриона, так как они могли для этого назначить специальных должностных лиц, оставив за собой контроль за исполнением решений лиги. Но в любом случае синедры имели — прямо или косвенно — отношение к этому вопросу.

Учитывая опыт Коринфских лиг, Ф. Уолбэнк³ считает, что снабжением войска и в союзе 224 г. ведал синедрион, хотя источники на это лишь намекают. Полибий (V, 1) сообщает, что Филипп V в 218 году, нуждаясь в съестных припасах и деньгах для войска, созвал ахейцев на собрание, где потребовал от них то, что ему было необходимо. Однако в Эгии, где Филипп поставил вопрос о провианте, произошло не общесоюзное собрание, а всеахейское. Поэтому Филипп требовал снабжать его армию у того участника союза, в данном случае — у ахейцев, которому помогало союзное войско. Интерпретация этого свидетельства показывает, что в договоре лиги 224 г. могло существовать следующее условие: за содержание войска должен был отвечать тот участник лиги, который нуждался в помощи союзников.

Во время военных действий на вражеской территории содержание войска шло обычно двумя путями: либо за счет за-

³ Walbank F. Philip V of Macedon. Cambridge, 1967. P. 15 f.

купок, более или менее принудительных, у местного населения, либо посредством грабежа вражеской территории⁴. Полибий упоминает, например, приказ Филиппа отмерить войску содержание на тридцать дней из того хлеба, который был перед тем захвачен в Фойтиях, где были огромные склады зерна (Polyb., IV, 63, 10). Вероятно, оно было запасено от предыдущего урожая⁵, так как царь возвратился в Македонию в июле (Polyb., IV, 66, 7). Кроме того, историк упоминает фуражиров (IV, 73, 4).

В условиях боевых действий, когда не было ни возможности, ни целесообразности тратить время на созыв совета союзников, синедрион не мог отвечать за снабжение военных контингентов; этот вопрос относился к компетенции командующего. Поэтому логичнее придерживаться гипотезы, приведенной выше, что синедрион, имея контролирующие функции, мог затрагивать и общие вопросы, связанные со снабжением союзной армии. Однако напрямую в их обязанности эта задача в конце III в. едва ли входила.

Также сомнительно, что синедрион лиги определял размеры воинских контингентов, как предполагал К. Белох⁶. В союзах 338 и 302 гг. эта обязанность лежала на гегемоне. Именно он решал, была ли необходимость в призыве войска из греческих государств и в каком размере должны быть поставлены контингенты.

Для подсчета греческих сил немецкий исследователь В. Шван использовал надпись 338 г., которая содержит указание на количество делегатов в синедрионе (SVA, III, 403,

⁴ *Carlan Y.* Hellenistic science: its application in peace and war. *War and siegecraft // CAH². Vol. 7. 1984. P. 353.*

⁵ *Walbank F.* A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 517.

⁶ *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 4. 1 Abt. Berlin—Leipzig, 1925. S. 712.

16). Сохранилось несколько фрагментов: на второй строке — [--- Θεσ]σαλῶν: Δ, на пятой строке — [--- Σαμοθράκων καὶ] Θασίων: Π, на шестой — Ἀμβρακίωτ[ῶν: Ι(?)], на восьмой — Φωκέων: ΙΙΙ: Λοκρῶν: ΙΙΙ, на десятой — [--- καὶ Ἀγ]ραίων καὶ Δολόπων: Π, на двенадцатой — [--- Ζακύνθο]υ καὶ Κεφαλήϊας: ΙΙΙ.

Опираясь на этот источник, В. Шван пришел к заключению, что знаки после названия государств обозначают количество голосов: I — 1 голос, II — 2 голоса, III — 3 голоса, Δ — 10 голосов, Π/Γ/ — 5 голосов⁷. Количество голосов зависело от численности контингентов, выставяемых полисом, поэтому автор, пользуясь также данными К. Белоха, принял во внимание примерную численность населения государств, размеры территории и т. п. и пришел к выводу, что 1 голос соответствовал 1 тысяче гоплитов, 1 триера приравнивалась к 100 гоплитам, а 1 всадник — к 4 гоплитам, как это было в Пелопоннеском союзе в 377 г.⁸

Государства	Голоса в совете	Гоплиты (в тыс.)	Всадники (в тыс.)	Корабли
Фессалия	⑩	—	2,5 ¹	—
Магнесия	2	—	0,4 ²	—
Фтиотида	2	—	0,5 ¹	—
Острова Северной Эгейды	1	—	—	10 ¹
Фасос и Самофракия	②	—	—	20 ¹
Акарнания	2	2 ⁰	—	—
Керкира	2	—	—	20 ¹

⁷ Schwahn W. Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien. Leipzig, 1930. S. 3 f.; см. также: Ellis J. R. Philip II and macedonian imperialism. L., 1976. P. 205; Cawkwell G. Philip of Macedon. Bristol, 1978. P. 172.

⁸ Schwahn W. Op. cit. S. 5, 23 f.

Государства	Голоса в совете	Гоплиты (в тыс.)	Всадники (в тыс.)	Корабли
Амбракия	1	—	—	10 ¹
Греческие полисы Фракии	5	—	—	50 ¹
Фокида	③	2 ¹	0,1 ¹	—
Локрида	③	2 ¹	0,1 ¹	—
Малида	5	4 ¹	0,2 ¹	—
Этолия	5	5 ⁰	—	—
Перребы	②	2 ¹	—	—
Кефалления и Закинф	3	—	—	30 ¹
Беотия	5	3 ⁰	0,4 ¹	—
Афины	5	—	0,2 ⁰	40 ¹
Коринф и Мегары	5	—	0,2 ¹	40 ¹
Сикион и Актэ	5	3 ⁰	—	20 ¹
Аргос	5	3 = 2 ¹ + 1 ⁰	0,3 ²	—
Аркадия	5	3 ⁰	0,3 ⁰	—
Ахайя	3	2 ⁰	0,2 ⁰	—
Элида	5	3 ⁰	0,3 ⁰	—
Мессения	3	2 ⁰	0,2 ¹	—
Эвбея	3	—	—	30 ¹
Киклады	5	—	—	50 ¹
Итого:	97	36	5,9	320

Примечания:

...⁰ — войска, которые не были отправлены к Александру;

...¹ — войска, поставленные Александру с самого начала;

...² — войска, присланные дополнительно;

Локрида — государства, указанные в сохранившемся фрагменте афинской надписи (SVA, III, 403, Ib);

⑩ — количество голосов в синедрионе, определенное по сохранившемуся фрагменту надписи (ibid.).

Как уже указывалось выше, большая часть надписи утеряна, поэтому предположения В. Швана можно принять как гипотезу с возможной погрешностью в 10–15%⁹. Согласно его подсчетам, греки должны были выставить 36 000 гоплитов. Тот факт, что в поход с Александром ушли не столь значительные силы¹⁰, объясняется несколькими причинами. Во-первых, большое войско требовало крупных затрат. Армия Александра начинает расти после захвата персидской казны; первоначально же средств на содержание больших сил не было. По этой же причине Александр предпочел использовать союзные войска, а не наемников, содержание которых обходилось дороже¹¹. Последнее утверждение ближе к истине, если вспомнить, чем располагал Александр, начиная свой Восточный поход. Согласно Арриану, после смерти Филиппа II в казне не было и 60 талантов, зато долг составлял 500 талантов, Александр же занял еще 800 талантов и отправился в поход (VII, 9, 6). Плутарх приводит цифры из книг Аристобула, Дурида, Онесикрита: Александр имел 70 талантов, занял еще 200, а продовольствия он имел лишь на 30 дней (Plut. Alex., 15). Во-вторых, не лишено основания и утверждение о том, что союзные контингенты служили для Александра скорее залогом спокойствия греческих государств, чем реальной боевой

⁹ Hammond N., Griffith G. A history of Macedonia. Vol. 2. Oxford, 1979. P. 635.

¹⁰ Диодор, например, упоминает 7 000 пехоты и 600 всадников (XVII, 17, 3–4). Большое значение имела фессалийская конница, которая насчитывала 1 500 человек (ibid.), однако Фессалия к тому времени уже была частью Македонского царства. Македонское же войско составляло 30 000 пехоты и 5 000 конницы (Ат., I, 11, 3). Довольно сильный греческий флот активной роли в войне не играл.

¹¹ Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 162.

силой¹². Таким образом, можно констатировать, что процедура созыва союзных войск в 338 г. была разработана до мельчайших деталей. Однако в силу сложившихся обстоятельств македонские цари не стремились воспользоваться ею в полной мере.

В лиге 302 г. ситуация была сложнее. Деметрий в ходе борьбы диадохов высадился в Греции и начал отвоевывать города Пелопоннеса. Можно предположить, что все полисы, перешедшие в ходе военных действий на его сторону, стали участниками нового Коринфского союза, но с уверенностью говорить об этом невозможно. Однако, поскольку вероятность участия этих городов в лиге достаточно велика, следует их перечислить. Это Афины (Diod., XX, 45; Plut. Demet., VIII, X; ISE, 7, 4), Мегары (Diod., XX, 46, 3; Plut. Demet., IX), Халкида на Эвбее (Diod., XX, 100, 6), Сикион (Diod., XX, 102, 2; Plut. Demet., XXV), Коринф (Diod., XX, 103, 2–3; Plut. Demet., XXV), Аркадия (Diod., XX, 103, 5; Plut. Demet., XXV), Аргос (Plut. Demet., XXV), города на Актэ (Plut. Demet., XXV), Беотия (Diod., XX, 100, 6; Plut. Demet., XXIII), Этолия (Diod., XX, 100, 6).

Города — участники альянса, как и в союзе 338 г. (Just., IX, 5, 4), должны были поставлять военные контингенты в союзное войско (SVA, III, 446, v. 95 sqq.). Нам даже известно, что в договоре 302 г. предусматривался штраф, который должны были платить полисы за отсутствующих

¹² Кондратюк М. А. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV века до н. э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 26; Фролов Э. Д. Панэллинизм в политике IV века до н. э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 202; Ellis J. R. Philip II and macedonian imperialism. P. 208; Bosworth A. B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, N. Y., 1988. P. 197; Wilcken U. Alexander der Grosse und der Korinthische Bund. S. 104.

по неуважительной причине воинов — от 10 до 50 драхм в день в зависимости от рода войск (SVA, III, 446, v. 95 sqq.). О подобном условии в договоре Филиппа II ничего неизвестно. Конечно, можно допустить, что в нем подобная угроза в адрес уклонившихся от службы присутствовала, учитывая, что Филипп, разбив греков при Херонее, диктовал условия военного союза с позиции силы. Однако не следует забывать, что война с Персией была для многих выгодным предприятием, поэтому необходимости угрожать не было: желающих участвовать в походе было достаточно.

Полиоркет получил от греческих союзников войско (Diod., XX, 110, 4; SVA, III, 446, v. 95 sqq.). По словам Диодора (XX, 110, 4), в его рядах шло 25 000 воинов из эллинских полисов. Цифра довольно внушительная, так как она не включала наемников и различный сброд, сбежавшийся к Полиоркету ради грабежа. Часть этого войска переправилась затем с ним в Азию для участия в битве при Ипсе (Diod., XX, 111, 1–3; IG, II², 657, v. 16–26). Если воспользоваться данными В. Швана, то можно подсчитать, что в 302 г. перечисленные выше государства могли предоставить — если исключить из их числа полисы, которые должны были поставлять корабли — 28 000 воинов¹³. Полученная цифра несколько больше, чем указанна у Диодора (XX, 110, 4), но это и неудивительно, ведь подсчеты В. Швана относились к союзу 338 г., и их нельзя считать абсолютно точными. Кроме того, не все из перечисленных нами государств могли входить в союз Деметрия. Следует, например, отметить Фессалию: скорее всего, она не была участницей лиги 302 г., так как после собрания синедров на Истме и заключения союза началась кампания по ее завоеванию.

¹³ Schwahn W. Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien. S. 25.

В случае общей войны договор 224 г. также предусматривал созыв¹⁴ союзного войска гегемоном (Polyb., V, 17, 9; 20, 1). Нам неизвестно, было ли определено количество войск, которое должны были предоставить участники лиги. Возможно, гегемон мог устанавливать необходимую ему численность воинов всякий раз для каждого государства в отдельности. Но это явно было бы не слишком удобно. Гораздо проще было поступить по примеру союза 338 г. На мысль о существовании подобной системы наводят некоторые цифры у Полибия. Однако вопрос, можно ли говорить, что в Эллинской лиге существовал такой же список государств с указанием их контингентов, представляется весьма спорным. У Полибия нет ссылки на существование каких-либо точных данных (V, 17, 9): Филипп разослал по союзным городам вестников, назначив день, в который все союзники с оружием в руках должны были явиться. В другом пассаже (Polyb., V, 20, 1) указана численность мессенского войска, посланного Филиппу в ответ на этот приказ, но нет свидетельств, что мессенцы заранее знали, сколько обязаны выставить воинов.

Подобная практика набора войска упомянута у Полибия и Ливия в отношении ахейцев. Полибий указывает, что накануне войны ахейцы должны были согласовать с лакедемонянами и мессенцами, какое число пехоты и конницы те выставят (Polyb., IV, 15, 4). Ливий (31, 25, 3—4) говорит, что они совещались, как действовать против спартанского тирана Набиса, и договаривались, какой город сколько сможет

¹⁴ Однако П. Клозе (*Klose P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt in der Zeit von 280 bis 168 v. Chr. München, 1972. S. 106*), игнорируя Полибия, на основе пассажа Ливия (32, 21, 5), относящегося к 198 г., считает, что поскольку Филипп не требовал от ахейцев обязательной военной помощи, то они и не имели такой обязанности. Версия несколько сомнительна. Вероятно, в данном случае следует учесть изменившуюся политическую ситуацию в Греции.

выставить воинов против врага. Но в последнем случае речь идет о войне между двумя государствами, а не о коалиции. Войско собиралось для ведения одной кампании, а в Союзнической войне боевые действия растянулись на три года. Подобные договоренности, казалось бы, должны говорить в пользу фиксированной цифры вспомогательных сил. Однако другие сведения позволяют усомниться в этом.

В нашем распоряжении есть разрозненные сведения о количестве предоставленных союзниками сил. В битве при Селассии в 222 г. (Polyb., II, 65, 4) ахейцы выставили 3 000 пехоты и 300 всадников, беотийцы — 2 000 пехоты и 200 всадников, эпироты — 1 000 пехоты и 50 всадников, акарнанцы — 1 000 пехоты и 50 всадников; кроме того на стороне союзников сражались наемники, которых насчитывалось 3 000 пехоты и 300 всадников. Соотношение пехоты и конницы 1 : 10 было традиционным для Греции, в отличие от Македонии. В данном случае обращает на себя внимание тот факт, что государства предоставили разное количество воинов.

В битве при Кафиях ахейцы сражались точно таким же количеством, как при Селассии (Polyb., IV, 10, 2). Однако после этого сражения всеахейское собрание постановило набрать новое войско, которое насчитывало бы 5 000 пехоты и 500 всадников (Polyb., IV, 15, 3—4). То же собрание приняло решение обратиться за помощью к Спарте и Мессени. Согласно Полибию (IV, 15, 7), спартанцы и мессенцы предоставили им по 2 500 пехоты и 250 всадников.

В ходе войны Филипп V призвал эпиротов «поголовно» (Polyb., IV, 61, 1: πανδημει), получил от акарнанцев 2 000 пехоты и 200 всадников (Polyb., IV, 63, 7). А во время вторжения в Этолию акарнанцы прислали ополчение, численность которого не уточняется. Таким образом, даже в приведенных фрагментарных сведениях наблюдается явное противоречие. Например, ахейцы выставляли то 3 000 пехоты, то 5 000;

акарнанцы в одном случае могли предоставить 1 000 воинов, в другом — 2 000.

Кроме того, если сравнить данные Полибия с таблицей В. Швана, то можно отметить расхождение в цифрах. Так ахейцы в 338 г. могли выставить 3 000 пехоты, в 224 г. — даже 5 000. Однако следует учитывать то обстоятельство, что в союзе Филиппа V речь уже шла о федерации, а не об отдельном государстве. Поэтому сама Ахайя, видимо, по-прежнему могла предоставить только 3 000. Беотийцы в лиге Филиппа II оценивались в 5 000 солдат, а при Филиппе V — только в 2 000. Мессения в конце IV в. набирала 3 000 пехотинцев, в конце III в. — 2 500.

Приведенные выше данные наглядно показывают либо наличие демографического кризиса в Греции¹⁵, либо, что бо-

¹⁵ В конце IV — начале III вв. численность населения Греции еще была довольно значительна, однако демографическая ситуация постепенно менялась. Полибий говорит (XXXVI, 17, 7), что греки в сер. II в. отказывались воспитывать более одного или, самое большее, двоих детей. Его замечание вызвало дискуссию. Наблюдения В. Тарна подтверждают высказывание ахейского историка: *Тарн В. Эллинистическая цивилизация*. М., 1949. С. 107 сл. Напротив, существует мнение, что Полибий слишком обобщенно говорит о нехватке людских ресурсов. Тот факт, что в армии Филиппа и Персея было мало солдат из Греции, хотя число варварских и критских наемников увеличивается (*Griffith G. T. Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935. P. 244*), нельзя рассматривать как показатель демографического кризиса. Ведь речь идет о наемниках — просто варвары стоили дешевле, а критяне были гораздо профессиональнее греков. Широко распространенное требование земли и большое число наемников означали не нехватку людей, а нехватку земли: *Кащеев В. И., Шофман А. С. Фрэнк Уолбэнк и его концепция эллинизма // ВДИ. 1984. № 2. С. 208*. Возможно, отток местного населения сопровождался ростом числа иммигрантов и их потомков, что заложило основу для ассимиляции населения. Некоторые города в третьем столетии решили эту проб-

лее вероятно, отсутствие четко определенного единого списка союзных войск. Вероятнее всего, какие-то общие договоренности существовали, и государства-участники лиги посылали в ответ на приказ гегемона требуемое им количество солдат, но чаще всего, предоставляли столько воинов, сколько могли отправить без ущерба для защиты собственного государства. Сделаем лишь небольшое уточнение: в отличие от времен прежних Коринфских союзов, когда войны велись за пределами Греции, в период существования Эллинской лиги боевые действия разворачивались в самой Элладе, поэтому какая-то часть войска всегда должна была оставаться дома.

Примечательно еще одно свидетельство Полибия. Автор, приводя постановления ахейского собрания накануне войны, указывает, что не гегемон, а ахейский стратег должен обратиться к Спарте и Мессении и договориться, какое число пехоты и конницы они предоставят для совместных операций (Polyb., IV, 15, 4). Подобное утверждение позволяет говорить, что в лиге 224 г. наряду с главнокомандующим любой союзник мог договориться о поставке вспомогательных сил и об их численности.

Также ничего не известно о существовании условия о штрафах в лиге 224 г. Тем не менее это не означает, что такой пункт отсутствовал в союзном договоре. Можно привлечь косвенное свидетельство Полибия. В ходе Союзнической войны между Эллинской лигой и Этолией Мессения, которая в 220 г. вошла в состав лиги, не сразу начала боевые действия. Подобная позиция по отношению к общему врагу

лему крупномасштабным предоставлением избирательных прав, другие предпочли использовать исполитию: Davies J. K. Cultural, social and economic features of the Hellenistic world // САН². Vol. 7. 1984. P. 267 ff. Кроме того, реформы Клеомена в Спарте и указание, что он смог собрать не менее 6 000 «лакедемонян» при Селасии в 222 г. (Plut. Cleom., 28, 8), ясно показывают отсутствие недостатка мужчин в Греции.

могла привести к измене в ходе военных действий. О существовании таких подозрений упоминает Полибий (V, 20, 3). Он рассказывает о мессенском войске, которое было отправлено к Тегее на соединение с Филиппом V, но не застало его там. Мессенцы оказались в растерянности и не знали, что делать, ибо опасались, «как бы из-за прежних подозрений не было усмотрено в этом злого умысла» (...ἀγωσιῶνιτες δὲ μὴ δόξαιεν ἐθελοκακεῖν διὰ τὰς προϋεϋνημένας περὶ αὐτοὺς ὑποψίας...). Вполне вероятно, что они могли опасаться наказания со стороны союзников, в частности, и материального. Иными словами, союзники, вероятно, могли потребовать от мессенцев уплаты штрафа за непредоставление отряда в общее войско. К косвенным данным, свидетельствующим в пользу существования статьи о штрафах в договоре, можно отнести и наличие наемников, которых использовали и македоняне, и ахейцы (Polyb., II, 65, 4; IV, 60, 2). Данное обстоятельство подразумевает не только недостаток союзных сил, но и постоянное пополнение из разных источников фонда финансирования наемных войск. Поэтому, хотя прямых свидетельств наличия условия о штрафах не сохранилось, приняв во внимание постоянные военные конфликты в Греции и, как следствие этого, стремление иметь в своем распоряжении возможно большие силы, а также учитывая необходимость платить наемникам, мы вполне можем предположить наличие такого пункта в договоре лиги.

Подводя итоги, можно отметить, что при сходстве в структуре и организации Коринфских лиг принципы созыва общесоюзного войска в IV и III вв. несколько отличались. Причину этого следует видеть в изменившихся исторических условиях и новом соотношении сил союзников. Отношение греков к союзам менялось. Если в лиге Филиппа II они не только были неравноправными партнерами македонского царя, но и понимали, что на деле союз был формой подчинения Греции, то ситуация меняется уже к 302 г., когда была

оформлена симмахия греков и Деметрия Полиоркета. Государства выступают теперь как равноправные партнеры по отношению к Деметрию. В союзе Досона и Филиппа V соотношение сил уже существенным образом отличалось от ситуации 338 г. Греческие союзники под влиянием наиболее сильного из них — Ахейской федерации неоднократно оказывали давление на македонского царя.

Любопытно еще одно отличие от прежних времен. В союзе 338 г. единая армия набиралась для осуществления Восточного похода. Поэтому союзные контингенты подчинялись Александру Македонскому до того момента, когда он объявил об окончании совместного похода; в дальнейшем греки его сопровождали уже не как союзники, а в качестве наемников. В лиге 302 г. союзное войско было набрано сначала для освобождения Пелопоннеса, потом оно сражалось против Кассандра в Фессалии и, наконец, было переброшено в Малую Азию, где состоялось решающее сражение между диадохами при Ипсе. Таким образом, в обоих случаях армия набиралась для крупномасштабных действий за пределами Эллады. В союзе 224 г. ситуация была иной. Крупных операций за рубежом не предполагалось. В сущности, единого союзного войска, подчинявшегося македонскому царю, не существовало. Боевые действия союзники вели самостоятельно, лишь изредка объединяясь для совместных операций. Союзническая война 220—217 гг. не знала решающих грандиозных сражений, она представляла собой ряд локальных столкновений.

Сама Македония на протяжении 150 лет, начиная от Филиппа II и заканчивая Персеем, могла выставять 20—30 000 воинов. В битве при Селассии из общего числа в 28 000 пехотинцев и 1200 всадников Антигон Досон выставил 13 000 пехотинцев и 300 всадников. Естественно, что в этом походе не было необходимости организовывать массовый призыв македонян. За 2 года до этого Досон использовал 20 000 пехоты и 1300 всадников. В римско-македонской войне царь

имел 20 000 пехоты и 4 000 всадников (Liv., 31, 34, 7). Позднее, в битве при Киноскефалах Филипп V призвал 16 000 пехотинцев и 2 000 всадников, одновременно в Коринфе он имел 1 500 македонян, а сразу после битвы из македонских городов набрал еще 6 500 человек для отражения удара дарданов (Liv., 33, 4, 4; 19, 3). Фаланга по-прежнему играла основную роль в генеральных сражениях¹⁶. Однако поскольку, как было отмечено выше, в ходе Союзнической войны не было возможности организовать крупномасштабное сражение, то, вполне вероятно, не было необходимости и в использовании большого числа македонских сил. Ударной силой царя были пельтасты — отборные, более маневренные, одетые в более легкую броню, чем фалангиты, пехотинцы. Иногда считают, что они были подобны гипаспистам Александра Македонского¹⁷, но в таком случае встает вопрос, в чем разница между пельтастами и собственно гипаспистами, поскольку такое подразделение продолжало существовать. Численность пельтастов, вероятно, составляла 3 000 человек¹⁸ (Polyb., II, 65, 2; IV, 67, 6; X, 42, 2; Liv., 33, 4, 4).

¹⁶ Битвы при Селассии в 222 г. и при Рафии в 217 г. были решены столкновением фаланг. Для Македонии было несчастьем, что, когда она столкнулась с Римом, методы ведения войны Александром были забыты. В битве при Киноскефалах фаланга Филиппа стала негибкой, вследствие веса удлиненных копий (Polyb., XVIII, 29–30) и слабых фланговых заслонах. В. Тарн вообще называет ее динозавром, погибшим от крайней специализации: *Тарн В. Эллинистическая цивилизация*. С. 74.

¹⁷ Ф. Уолбэнк (Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 518) указывает, что пельтасты сражались вместе с гоплитами, вооружение их имело тенденцию к смешению, поэтому неудивительно, что подчас историкам довольно трудно отделить их друг от друга. См. также: *Carlan Y. Hellenistic science: its application in peace and war...* P. 361.

¹⁸ Элитные войска антигонидов насчитывали, вероятно, 3 000 пельтастов и еще 2 000 человек входили в агему. Подробнее см.:

В. И. Кашеев отмечал, что они включали и царскую агему¹⁹. Однако эта точка зрения несколько корректируется тем фактом, что в одной из недавно найденных надписей пельтасты упоминаются отдельно от агемы. Видимо, это были два подразделения элитных македонских войск. Так, военный устав рекомендует набирать и в агему, и в пельтасты людей, имеющих большое состояние²⁰. Такой критерий отбора был вполне оправдан, поскольку лишь состоятельные люди располагали временем для занятий физическими упражнениями, необходимыми для службы в этих частях, а также имели возможность отлучаться на длительный период времени без ущерба для своего источника дохода. Кроме того, возрастной предел службы в агеме ограничивался 45 годами (лишь в некоторых случаях они могли служить до 50 лет), в то время как для пельтастов срок службы был ограничен 35 годами²¹. Вероятно, по достижении этого возраста лучшие из пельтастов зачислялись в агему. Пельтасты использовались при организации засад, выполняли опасные поручения, в битве прикрывали фланги фаланги, а в случае необходимости могли сражаться и отдельно от тяжелой пехоты (Polyb., II, 65, 2; IV, 64, 6; IV, 75, 4; IV, 80, 8; V, 4, 9; V, 7, 11; V, 13, 5–6; V, 22, 9; V, 23, 3–8; V, 27, 8; Liv., 28, 5, 11; 31, 36, 1). Однако их немногочисленность и тот факт, что Филипп V рассматривал это подразделение как дополнение к своей фа-

Hatzopoulos M. B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes, 2001. P. 67 ss.

¹⁹ Кашеев В. И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220 — 146 гг. до н. э. М., 1993. С. 149 сл.

²⁰ ...τοὺς οὐσιαίαις εὐπορωτέροις καταχωρίζετῶσαν εἰς τὸ ἄγημα τῶν Μακεδόνων καὶ τοὺς πελταστάς... (Цит. по: *Hatzopoulos M. B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides...* P. 155.)

²¹ *Hatzopoulos M. B. Op. cit. P. 155.*

ланге, говорит об отведенной пельтастам в сражениях вспомогательной роли²².

Что касается гипаспистов, то упоминаний о них довольно мало. Полибий сообщает, что в 218 г. Филипп V прибыл в Сикион в сопровождении гипаспистов (Polyb., V, 27, 3). Второе свидетельство упоминает отправку Филиппом одного из гипаспистов в Ларису после поражения при Киноскефалах для уничтожения царских архивов (Polyb., XVIII, 33, 2). Последний эпизод напоминает приказ Персея в 169 г. уничтожить верфи в Фессалониках, за тем исключением, что последний македонский царь отдал его одному из телохранителей. Наши знания о гипаспистах обогащены публикацией военного устава, найденного в Амфиполе. В этом документе гипасписты упоминаются дважды²³. В первом случае, как получатели штрафов от нарушителей воинской дисциплины, второй раз в связи с местом для размещения лагеря в непосредственной близости от царских палаток. В письме Филиппа V к Архиппу в числе военных упомянут некий Теоксен, сын Клейтина, гипаспист²⁴. Таким образом, гипасписты были телохранителями и чем-то вроде военной полиции — людьми, которым поручали деликатные миссии²⁵. Их численность неизвестна. Видимо, термин распространялся на ограниченное число охраны, приближенной к царю²⁶. Помимо

²² Пельтасты Досона, например, не сыграли в битве при Селасии особой роли (Polyb., II, 65, 2), так же как и 10 000 пельтастов Антиоха III в Бактрии в 208 г. (Polyb., X, 49, 3–4). См. также: Williams M. F. Philoemen's special forces: peltasts and a new kind of Greek light-armed warfare (Livy. 35. 27) // *Historia*. Bd. 53. Hft. 3. 2004. P. 261, 266, 270 f.

²³ *Hatzopoulos M. B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides...* Appendice epigraphique. № 3. Col. II. L. 3–4, 8.

²⁴ *Ibid.* № 6. L. 11–12.

²⁵ *Ibid.* P. 58.

²⁶ *Ibid.* P. 73.

состояния они должны были обладать и другими качествами, вероятно моральными, чтобы быть достойными «носить копье для царя».

Македоняне также всегда использовали вспомогательные войска из иллирийцев, фракийцев, пеонийцев. Однако, по большей части остается неизвестным, на какой основе они служили — по союзному договору или в качестве наемников. Следует принять во внимание и слабую сторону армии Филиппа: она не была рассчитана на затяжную войну (Plut. Flamin., 2). Длительное содержание таких сил неблагоприятно сказывалось на экономическом состоянии государства и ставило царя в некоторую зависимость от помощи союзников.

В связи с этим следует остановиться и на вопросе о воинском жалованье, который остается довольно сложным. Сохранилась фрагментарная аттическая надпись, в которой дана норма платы гипаспистам Александра (IG², I, 329, v. 9—10). В ней ясно можно разобрать, что гипаспист получал драхму в день: ὑπασπίστῃ δραχμῆν καὶ τοῖς ...|ἐκάστῃ τῆς ἡμέρας. По мнению Гриффита, плата наемнику при Александре составляла примерно 3—4 обола в день плюс продуктовый паек²⁷. После Восточного похода Александра в Средиземноморье деньги стали дешевыми, цены повысились, соответственно выросла и заработная плата. Эпидаврская надпись (SVA, III, 446, v. 95 sqq.), содержащая договор Коринфской лиги Антигона и Деметрия (302 г.), сохранила штрафы, которые должны были платить города, если были не в состоянии предоставить солдат в союзную армию: ...ἄ[π]ο[τιν]ῆτω ἐκάστῃ ἡμέρας [— κατὰ μὲν] τὸν ἵππεά ἡμ[μ]ῶν, κατὰ δὲ τὸν ὀπλί[την] εἰ[κοσι] δραχμᾶς — κατὰ [δὲ τὸν ψιλὸν] δέκα δραχμᾶς... Если принять во внимание, что штраф в десять раз превышал «зарплату» воина, то гоплит в 302 г. должен был получать 2 драхмы в день, всадник — 5 драхм, а легко-

²⁷ Griffith G. T. Mercenaries of the Hellenistic World. P. 298.

вооруженный воин — 1 драхму. Договор Антигона Досона и Гиерапитны 228 г. предусматривает 1 драхму в день как оплату критского солдата²⁸. В 218 г., когда армия Филиппа V находилась в Пелопоннесе, союзные ахейцы согласились выплатить царю 17 талантов в месяц на содержание его 6 000 воинов и 1 200 наемников, что дает примерно 3 обола любого стандарта в день. Низкая средняя плата воину, вероятно, объясняется тем, что наемники Филиппа были варварами, которые обходились дешевле греческих солдат. Соответственно остальные могли получать примерно 1 драхму в день. Однако следует учитывать и тот факт, сколько можно было купить на эти деньги. Поскольку нет сведений, что воины высказывали недовольство такой оплатой своего труда, возможно, они получали не меньше, чем квалифицированный рабочий других профессий²⁹.

Совместные действия македонских и ахейских сил зафиксированы для захвата города Псофида (Polyb., IV, 70, 2), но после данной операции царь явно действует без участия союзных отрядов (Polyb., IV, 73–74). Точно так же остров Кефалления был объявлен местом сбора союзных кораблей (Polyb., V, 3, 3–4), но никаких крупных морских операций объединенного флота не отмечено, за исключением переброски сухопутных сил. При вторжении в Этолию в 218 г. совместно с македонянами действовали акарнанцы и иллирийцы; в том же году в Спарте воевали македоняне, ахейцы, иллирийцы; к ним должны были присоединиться и мессенцы. С одной стороны, греческие государства не располагали достаточными собственными силами и не могли позволить себе выделять часть их для службы в общем войске. С другой сто-

²⁸ Griffith G. T. *Mercenaries of the Hellenistic World*. P. 303.

²⁹ На Делосе в III в. разумный прожиточный минимум был примерно 2 обола в день. Подробнее сравнительные подсчеты см.: Griffith G. T. *Op. cit.* P. 308 ff.

роны, командование объединенными силами лиги было весьма сложной задачей для молодого Филиппа V, который имел мало опыта ведения крупных боевых действий. Следует учитывать и тот факт, что Союзническая война 220—217 гг. представляла собой ряд локальных столкновений, происходивших иногда одновременно в разных частях Греции. Данное обстоятельство диктовало необходимость распределения сил, а не объединения их. В силу всех этих факторов сбор общего войска так и не был организован.

Правильнее будет говорить, что инициатива привлечения союзников к участию в каждой конкретной операции лежала на гегемоне союза, и именно он решал, кто из них в какой момент предоставит войска. Как правило, это зависело от близости государств-союзников к территории, на которой планировались действия. Вполне естественно, что к действиям против Фтиотидских Фив царь не привлекал ахейцев или мессенцев, а в акции против Спарты он потребовал отряды от этих государств. Не будет выглядеть преувеличением и утверждение, что македонский царь теперь не имел возможности использовать значительный воинский контингент лишь в своих интересах.

Говоря о военных силах союзников, нельзя не отметить еще один немаловажный фактор. Среди партнеров по Эллинской лиге в политическом плане лидировали Ахейский союз и Македония, причем именно в указанном порядке. Но в военном аспекте безусловное лидерство оставалось за македонскими силами, которые по своей численности и боеспособности намного превосходили ахейское войско.

Так, постоянной силой Ахейского союза были эпилекты («отборные»), постоянную численность которых на протяжении всей войны Полибий указывает несколько раз: 3 000 пехоты и 300 всадников (II, 65, 3; IV, 10, 2; V, 91, 6). В кризисных ситуациях собиралось всенародное союзное ополчение, тогда ахейцы могли выставить солидные силы —

до 20 000 человек³⁰. Но такие случаи были редкими, и для Союзнической войны не зафиксированы. Стратег мог призвать ополчение нескольких городов, ближайших к театру военных действий (Polyb., IV, 13, 1; V, 95, 7). Основу ахейской армии составляла фаланга из гоплитов (Polyb., IV, 61, 2; Liv., 38, 29, 3 sqq.). Однако, в то время как все лучшие армии эллинистического мира уже давно вооружались и организовывались по македонскому образцу, ахейское оружие было устаревшим, фаланга — недостаточно сомкнутой и маневренной. Таковой ахейская армия оставалась до реформы Филопемена³¹ (Plut. Philop., 9). Прежде всего Филопмен изменил построение войска и вооружение, которые у ахейцев были плохи: у них были в употреблении длинные щиты, тонкие и поэтому очень легкие, а кроме того, такие узкие, что не прикрывали тела, копья же их были гораздо короче сарисс. Благодаря легкости копий ахейцы могли поражать врагов издали, но в рукопашном бою с врагом они были в менее выгодном положении. Построение мелкими отрядами ахейцам было незнакомо; у них было в употреблении построение фалангой, в которой копья не выставлялись вперед и щиты не смыкались, как в македонской фаланге, поэтому противнику легко было расстроить их ряды. Возможно, реформирование армии накануне Союзнической войны было слишком дорого для казны федерации. Обычное снаряжение тяжеловооруженного македонского гоплита³² в III—II вв. стоило 1 талант, но могло доходить и до двух (Plut. Demetr., 21). Известно,

³⁰ Plut. Cleom., IV, 8. Эти данные согласуются с таблицей В. Швана. См. также: Griffith G. T. Mercenaries of the Hellenistic World. P. 102.

³¹ Подробнее см.: Williams M. F. Philopoemen's special forces... P. 260 f.

³² Chrimes K. M. Ancient Sparta. A reexamination of the evidence. Manchester, 1949. P. 14, n. 7.

что войско Клеомена, набранное из бывших илотов, обошлось царю в четверть таланта на человека (Plut. Cleom., 23).

Вдобавок усилилось пренебрежение ахейцев к дисциплине и вообще к военной службе (Polyb., IV, 7, 7). Как говорит Плутарх (Agat., 47), «они и телом ослабели и воинский дух утратили». Любопытен презрительный взгляд этолийцев на ахейский силы: «напуганное войско Арата убежит и не пожелает сразиться...» (Polyb., IV, 10, 9). Сам стратег союза 220 и 217 гг. — Арат Старший — к роли командующего войсками на поле сражения был совершенно непригоден. Достаточно вспомнить два его скандальных поражения — при Ладокях в 227 г. (Plut. Agat., 37) и при Кафиях в 220 г. (Polyb., IV, 16, 5). Его сын — стратег 219 г. — также ничем выдающимся не прославился, а стратег 218 г. Эперат совершенно не пользовался авторитетом в войсках (Plut. Agat., 48; Polyb., V, 30, 1, 5–6; 91, 4–5). В силу этих обстоятельств становится очевидным, чьими руками намеревался вести войну Арат Старший.

Сражаясь собственными силами, союзники регулярно использовали наемников. В ахейской армии, например, «наемники были постоянно действующей частью армии и участвовали практически во всех кампаниях... их служба оплачивалась из федеральной казны»³³. Однако в данном случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что в союзе 224 г. наемники привлекались не только каждым государством по отдельности, но и лигой в целом. Некоторые предводители наемников были официально включены в ее состав.

В таком качестве в союз был принят Скердиланд, правитель государства ардиев (Polyb., IV, 29, 7). Государство его нельзя считать такой же частью лиги, как и прочие. Во-

³³ Сизов С. К. Федерализм и военная организация в эллинистической Греции (III–II вв. до н. э.) // Между войной и миром: история и теория. Н. Новгород, 1998. С. 6.

первых, он договорился с Филиппом, что будет получать ежегодно по двадцать талантов (Polyb., IV, 29, 7), что ставит его в особое положение по отношению к другим союзникам. Кроме того, основной целью его действий была добыча³⁴, которую на войне можно получить законным путем. Фактически ему было все равно, на чьей стороне сражаться, и он выбрал того, кто обещал заплатить больше. Одно это показывает, что он сам себя рассматривал как наемника. Более того, посчитав, что Филипп ему не доплатил (как прежде этолийцы), он захватил четыре союзных корабля у острова Левкада (Polyb., V, 95, 1–4), а позднее даже совершил набег на Фессалию и Македонию (Polyb., V, 108, 1–2). Довольно странное поведение для союзника, так как согласно договору (Polyb., IV, 24, 5) подобное действие влекло за собой наказание со стороны лиги. Однако Полибий (V, 108, 3) упоминает только о намерении Филиппа идти войной на Скердилаида, причем в это время Филипп имел в своем распоряжении лишь македонское войско, но не общесоюзное. Военные действия развернутся уже после завершения Союзнической войны. Все это позволяет сказать, что принятие в союз Скердилаида не делало его таким же союзником, как остальные. Вероятнее всего, его помощь была куплена на время боевых действий. Поскольку Македония не имела собственного флота, то, возможно, идея использовать против этолийцев грозных иллирийских пиратов была весьма привлекательна в начале войны. В конце же ее Скердилаид как союзник не представлял никакой ценности, тем более что Филипп начал строительство собственных судов — эти обстоятельства и вызвали прекращение «контракта».

Другим союзником, включенным в лигу на подобных условиях, были критские города. Полибий указывает (IV, 55,

³⁴ Пиратская деятельность иллирийцев привела их к конфликту с римлянами. См. Polyb., II, 4, 7–9; 5, 6; 6, 3 и 6; 8, 7–13.

1—2), что в союз с македонянами и ахейцами вступили полиррени, лаппен и их союзники, а отряд критян сражался на стороне македонян в Союзнической войне (Polyb., IV, 55, 5; 61, 1—2). Однако, критское участие в деятельности лиги, вероятно, отправкой этого войска и ограничивалось, поскольку вступление нескольких полисов Крита в симмахию в 220 г. было вызвано усилением соперничающей группы городов, возглавляемых Кноссом, которые, в свою очередь, были союзниками Этолии³⁵. Поскольку Эллинская лига в это время находилась на грани войны с Этолийской федерацией, то противники Кносса обратились за помощью к ахейцам и македонскому царю. Но критян нельзя рассматривать полноправными участниками договора. Скорее всего, они даже не посылали делегатов в союзный синедрион. Нам известны три заседания синедров. Первое в 220 г. произошло до вступления критян в союз. Второе в 218 г. и третье в 217 г. были посвящены, в основном, мирным переговорам с Этолией, что мало затрагивало критян ввиду их скромного участия в войне.

Стоит остановиться на участии критян в боевых операциях в Греции по разные стороны границы. Известно, что вначале Кносс получил подкрепление из Этолии — 1000 человек (Polyb., IV, 53, 8). Полиррени и их союзники обратились за помощью к Эллинской лиге, и к ним прибыли 400 иллирян, 200 ахейцев и 100 фокидян (Polyb., IV, 55, 2). Несколько позже кноссяне отправили 1 000 человек в Гре-

³⁵ Крит состоял из множества общин, обстановка на острове практически никогда не была спокойной. Внутренние ссоры и пограничные споры между соседями часто приводили к длительным военным столкновениям. При этом состав участников таких конфликтов с течением времени варьировался в различных комбинациях. Остров имел многочисленное и военизированное население, поэтому его жители охотно шли служить в качестве наемников: Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia. Тl. 2. Gotha, 1899. S. 427.

цию, а их противники — 500 человек (Polyb., IV, 55, 5). Критяне упоминаются в войске македонского царя Филиппа на протяжении всей войны (Polyb., IV, 55, 5; 61, 2; 67, 6; 68, 3; 71, 11–12; V, 3, 2; 7, 11). Обращает на себя внимание одно обстоятельство: критяне находятся на службе у Филиппа, как упоминает историк (Polyb., V, 3, 2). Но речь, скорее всего, идет о наемниках, которыми так славился остров Крит. Вполне вероятно, что хорошие отношения, установленные македонским царем с этим островом (Polyb., VII, 14, 4), находились в прямой зависимости от стремления царя иметь постоянную базу для пополнения своего войска наемными силами. Стоит вспомнить, что в битве при Селасии также участвовали критские солдаты, но это были представители Элевтерны и Гиерапитны, о которых в Союзническую войну Полибий не упоминает. Сохранились соглашения (Syll³, II, 581) между этими городами и Антигоном Досоном, хотя и весьма фрагментарные, в которых содержится обязательство посылать македонскому царю солдат, упоминаются и условия выплаты им жалованья. Из этого положения следует вывод, что уже Досон использовал критских наемников. Однако есть существенное отличие между наемными силами Досона и теми наемниками, которые участвовали в Союзнической войне. В последнем случае критяне формально считались союзниками Эллинской лиги, а не македонского царя, как это было при Антигоне.

Примечателен факт, что оплата услуг наемников производилась македонским царем. Так было и в случае со Скердилаидом, и с критянами. Дело в том, что при организации Эллинской лиги никакой общесоюзной казны не предусматривалось. Государства за собственный счет содержали свои отряды, а также призванные на помощь союзные силы. Относительно наемников статей договора не сохранилось; Полибий также не останавливается на этом вопросе. Однако и в этом случае, вероятно, плата производилась непосредствен-

но нанимающей стороной. В данном случае это был македонский царь. Служба Скердилаида была куплена за 20 талантов в год (Polyb., IV, 29, 7). Относительно жителей Крита таких сведений нет.

Кроме иллирян и критян наемниками могли быть и представители других народов, но выбор тех или иных лиц для принятия на службу зависел от предпочтений нуждавшегося в них государства. В битве при Селассии у македонского царя в качестве наемников указаны 1 000 агриан и 1 000 галатов (Polyb., II, 65, 2). У Филиппа была, например, галатская конница (Polyb., V, 3, 2). Увеличение числа наемников-варваров очевидно: варварские народы были многочисленными, находились ближе к Македонии, поэтому их легче было набрать, и, возможно, стоили они дешевле. Любопытен еще один факт. Даже ахейцы — основные партнеры македонян по союзу — могли находиться в войске царя в качестве наемников (τοὺς τε τῶν Ἀχαιῶν μισθοφόρους — Polyb., V, 3, 2). Интересно, что функции мыса Тенар в III в. сошли на нет, при этом не упоминается другое аналогичное место рынка наемников.

Примечательно, что набрать наемников всегда было возможно — видимо, в желающих недостатка не было³⁶. Так, в начале Союзнической войны жители Димы, Фар и Тритен, не справившись с врагом собственными силами, были вынуждены самостоятельно нанимать их, что и было выполнено в кратчайшие сроки (Polyb., IV, 59–60). Кроме того, этот пример можно привлечь и для подтверждения взгляда о пре-

³⁶ В III в. наемники получали хорошее вознаграждение и деньгами, и натурой. Военная служба была весьма доходной и находила многочисленных добровольцев. Ситуация изменится во II в. в результате разразившегося в эллинистическом мире экономического кризиса: профессия наемника потеряет свои привлекательные стороны и он превратится в плохо оплачиваемого, нуждающегося солдата (Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 89).

восходстве профессионального воина над обычным ополченцем. Эта маленькая наемная армия была достаточно большой, чтобы защитить греческие города от партизанской этолийской тактики ведения боевых действий. Сами граждане, вероятно, могли лишь удержать городские укрепления при условии, что враг не будет тратить время на осаду; присутствие же обученных солдат позволяло защитить и сельскую территорию либо, если разорения избежать не удалось, при отступлении противника заставляло бы его оставить добычу³⁷.

Набор наемников отдельными государствами находился в прямой зависимости от условий финансирования и порядочности нанимателей. Известны факты невыполнения оговоренных условий. Как указывалось выше, македонский царь недоплатил Скердиланду в конце войны. Однако такое пренебрежение с его стороны наблюдалось лишь на завершающей стадии военных действий и диктовалось политическими соображениями. Кроме того, Филипп располагал собственными значительными силами и не почувствовал существенного ослабления своей армии из-за измены иллирийцев. Следует принять во внимание и тот факт, что доходы³⁸ македонских царей в сравнении с доходами Птолемеев и Селевкидов были невелики. Поэтому Антигониды в принципе

³⁷ Griffith G. T. *Mercenaries of the Hellenistic World*. P. 101.

³⁸ Об экономической политике последних македонских царей Ливий (39, 24) и Полибий (XXIII, 10) упоминают вскользь. Доходы шли от увеличения налогов с обрабатываемой земли, от таможенных пошлин. Филипп V интересовался развитием македонской торговли, особенно зерном и древесиной. Была возобновлена работа на заброшенных ранее шахтах, открывались новые. Вероятно, этой политике царь следовал с самого начала своего правления, а не после поражения от римлян, когда ресурсы страны были подорваны, а его деятельность приобрела лихорадочный характер: Rostovtseff M. *The social and economic history of the Hellenistic world*. Vol. 2. Oxford, 1941. P. 633.

стремились сократить расходы на наемные войска, комплектуя армию путем воинской повинности из македонцев и подвластных племен³⁹.

Совсем иная картина сложилась во взаимоотношениях ахейцев и наемников. В ходе Клеоменовой войны Ахейский союз недоплатил им жалованье (Polyb., IV, 60, 2). Поэтому в начале Союзнической войны у них были большие трудности с набором наемных сил. В немалой степени из-за отсутствия желающих поступить к ним на службу ахейцы первые кампании вели весьма пассивно. Стратег союза Арат Младший не располагал достаточными силами, чтобы выделить для защиты городов, постоянно страдавших от этолийских набегов, даже небольшой отряд. Полибий не приводит ни одного факта о самостоятельных действиях ахейцев в первые месяцы войны. Складывается впечатление, что выбранный стратег был занят только сбором войска и поиском наемников. Он не оказал помощи подвергшимся нападению городам, они были вынуждены обороняться своими силами. Он не организовал фронт борьбы со спартамцами, действовавшими против аргивских городов⁴⁰. Он не преследовал врага, даже не попытался преградить им путь домой. Города, подвергшиеся нападению, были вынуждены самостоятельно набирать наемников и организовывать оборону. Более того, впоследствии в ходе боевых действий ахейцы неисправно платили солдатам, так что в 218 г. наемники покинули их армию (Polyb., V, 30, 5–6; 91, 4–5).

³⁹ Павловская А. И. Греция и Македония в эпоху эллинизма // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 421. Сравнительно мирный период правления Антигона Гоната обеспечил появление нового поколения бойцов и к концу столетия македонская фаланга была восстановлена как в количественном отношении, так и в качественном: Griffith G. T. Mercenaries of the Hellenistic World. P. 69.

⁴⁰ Недавно выбранный царь Ликург возглавил спартанское войско и весной 219 г. вторгся в аргивские земли (Polyb., IV, 36, 4).

Относительно использования лигой наемных сил у Полибия сохранились некоторые сведения. Часто на них возлагали единственную надежду на спасение (Polyb., IV, 60, 5). Наемники первыми вступали в битву, македонский царь располагал их впереди войска (Polyb., IV, 78, 6; V, 7, 11; 23, 1). Их посылали вперед занять удобные позиции (Polyb., IV, 75, 3); в числе других воинов они оставались для охраны городов (Polyb., V, 3, 2); на марше они двигались в арьергарде, прикрывая войско (Polyb., V, 13, 1). Столь широкая сфера применения наемников показывает не только профессионализм этих подразделений, но и, вероятно, легкость их восполнения, а также установившееся к концу III в. мнение о необходимости беречь собственное войско, подставляя под удар тех, кому за это платят.

Естественно, отношение наемников к командирующему играло немаловажную роль на поле битвы. В нашем распоряжении находятся два характерных примера. В битве при Селассии наемники сражались, проявляя храбрость и мужество. По словам Полибия, их воодушевило присутствие царей, Антигона Досона и Клеомена (Polyb., II, 69, 3—4). Совсем иная картина складывается в 218 г. в ходе Союзнической войны. В то время ахейским стратегом был выбран Эперат, однако он не пользовался ни малейшим уважением среди воинов (Plut. Agrat., 48). Им пренебрегали и собственные войска и наемники (Polyb., V, 30, 1). Дело дошло до того, что наемные солдаты разбрелись (Polyb., V, 30, 5—6; 91, 4—5).

Несмотря на частые упоминания наемников в армиях союзников по Эллинской лиге, не представляется возможным говорить о их доминирующей роли. Прежде всего следует подчеркнуть их сравнительно небольшое количество. Так, по приведенным данным Полибия, у ахейцев в Клеоменовой войне в одной из битв наемников было всего 200 человек (II, 58, 3). В то время как в Союзнической войне только три ахейских полуса Дима, Фары и Тритея самостоятельно на-

няли 300 пехотинцев и 50 всадников (Polyb., IV, 60, 5). В середине войны ахейцы приняли постановление набрать огромную армию наемников. Если Полибий не ошибается, речь шла о 8 000 пехоты и 500 всадниках (Polyb., V, 91, 6). Приведенная цифра вызывает серьезные сомнения. Дело в том, что собственная постоянная ахейская армия насчитывала всего 3 000 пехоты и 300 всадников (Polyb., V, 91, 6). В предшествовавший год ахейцы платили наемникам нерегулярно, чем вызвали их недовольство и стремление покинуть ахейские ряды (Polyb., V, 30, 5–6). Закономерен вопрос: из какого источника они теперь могли себе позволить финансировать теперь такую громадную армию наемников? И какие средства пропаганды нужно было подключать, чтобы привлечь солдат на службу? Ведь за ахейцами уже должна была закрепиться репутация «неплательщика». Неудивительно, что далее Полибий нигде не говорит, сколько именно наемников все же выступило на стороне ахейцев (Polyb., V, 92, 3 и 10).

Совсем иначе обстоит дело с македонским царем. Хотя его государство считалось гораздо беднее других эллинистических царств, он располагал достаточными средствами, что позволяло ему содержать внушительные наемные силы. Если говорить о численных данных, то уже в битве при Селассии Антигон Досон располагал 3 000 пехоты и 300 всадниками в качестве наемников, тогда как общее число союзной армии достигало 28 000 пехоты и 1200 всадников. Нетрудно подсчитать, что наемные силы составляли примерно девятую часть всех войск. Первые кампании Филиппа не имели большого числа наемников. От Союзнической войны в нашем распоряжении есть данные 218 г.: Филипп V вел с собой 6 000 македонян и 1 200 наемников. Последние составляют шестую часть от общего числа. Приведенное соотношение сил собственных и наемных показывает, что последние не были решающей силой в армии. Кроме того, наемники, как правило, служили в подразделениях легковооруженных сил,

а также составляли существенную часть гарнизонов⁴¹, что не способствовало повышению их роли в армии.

Таким образом, вполне можно утверждать, что в конце III в. практика использования наемных сил была широко распространена, однако численность их находилась в прямой зависимости от финансов нанявшего их государства и талантов командующего. В условиях Союзнической войны вся тяжесть содержания наемников легла на Македонию. Соответственно, только царская армия в то время располагала столь значительными наемными силами и, вероятно, не имела серьезных проблем с набором на службу. Любопытна сохранившаяся у Полибия характеристика отдельных народов в военном аспекте: «Конные воины фессалийцев несокрушимы в эскадроне и фаланге; напротив, когда по обстоятельствам времени и места приходится сражаться вне строя, один на один, они становятся неловкими и негодными; этоляне наоборот. Критяне неодолимы на суше и на море в засадах, разбоях, в обкрадывании неприятеля, в ночных нападениях и вообще во всех делах, сопряженных с хитростью; напротив, им не достает мужества и стойкости, когда неприятель наступает массой с фронта, выстроенной в фалангу; ахейцы и македоняне наоборот» (Polyb., IV, 8, 10–11).

Единого флота Эллинского союза не существовало. У ахейцев в 217 г. активно действуют лишь 6 кораблей: три были отправлены к Актэ, три — к Патрам и Диме (Polyb., V, 91, 8). А накануне войны, в случае с Кафиями и Кинефой, их морские силы вообще не проявили себя. Б. Низе даже полагает, что эти этолийские операции были бы обречены на провал, если бы ахейцы имели несколько военных кораблей⁴².

⁴¹ *Hatzopoulos M. B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides...* P. 29.

⁴² *Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten...* Тл. 2. S. 420.

У Македонии флот никогда не был столь же сильным, как сухопутные войска, если не считать периода правления Антигона Гоната. В III в. Македония использовала тяжелые корабли, рассчитанные на абордаж и бортовой бой, во II в. крупные суда уже выходили из употребления, что объясняется скорее слишком большими материальными и человеческими затратами, чем непригодностью их к бою⁴³. Досон имел корабли⁴⁴, на которых собирался отправиться в карийский поход в 227 г. Однако большого опыта в управлении флотом все-таки не было. Об этом говорит курьезный инцидент, произошедший в начале похода. По пути в Азию, флот Антигона сел на мель около Ларимны в Опунтской Локриде. Ситуация была весьма деликатная, так как Антигон находился во враждебных отношениях с Беотией, а недалеко от места катастрофы находился отряд беотийской конницы под командованием Неона. К счастью для македонян, Неон не воспользовался их бедственным положением⁴⁵. Македония, таким образом, располагала некоторым числом транспортных и военных судов. Но их численность и опыт управления ими были недостаточными для развертывания ширококомасштабных операций на море. В ходе войны Филипп пытался осуществить морские операции. Полибий говорит, что для этого «суда были собраны, а македоняне научились обращаться с веслами» (V, 2, 11). Как верно подметил В. И. Кащеев⁴⁶, флот был именно «собран», а не построен. А из Ливия следует, что Филипп не построил ни единого судна (Liv., 28,

⁴³ *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. С. 72.

⁴⁴ *Errington R. M.* Geschichte Macedoniens: Von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches. München, 1986. S. 221. Подробнее см.: *Walbank F.* Macedonia and the Greek Leagues // САН². Vol. 7. 1984. P. 460.

⁴⁵ *Walbank F.* Macedonia and the Greek Leagues. P. 461.

⁴⁶ *Кащеев В. И.* Эллинистический мир и Рим... С. 168.

8, 14). М. Олло показал, что всего к концу войны царь набрал около дюжины катафракты и около сорока легких судов⁴⁷. Но последние — это легкие лембы, которые не могли меряться силами с боевыми кораблями⁴⁸. Для совместных же действий привлекались корабли союзников, в частности ахейские и иллирийские. Скердилаид в начале войны предоставил тридцать лодок (Polyb., IV, 29, 7).

Таким образом, армия союзников имела довольно внушительные силы. Тем не менее в лице Этолийской федерации, располагавшей гораздо более скромными возможностями, они встретили достойного противника.

2. Армия Этолийской федерации

Об этолийском войске известно гораздо меньше. По словам Эфора, которые передает Страбон (X, 3, 2), этолийцы никогда не подчинялись другим народам; страна их с незапамятных времен не подвергалась разорению вследствие ее трудной доступности и военного искусства жителей. Некоторые факты, хотя и о более ранних событиях, предоставляет Диодор (XVIII, 24). Так, во время Ламийской войны Антипатр и Кратер привели в Этолию огромное войско в 30 000 пеших и 2 500 конных воинов. Этолийцы, оставив несколько гарнизонов в хорошо укрепленных городах, вместе с женами и детьми ушли в труднодоступные горные районы. Македонские полководцы, потеряв в горах много людей, с приближением зимы решили взять их измором и оставили эту затею только ради похода против регента Пердикки. Однако уже весной следующего 320 г. этолийцы осмелились

⁴⁷ *Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J.-C. P., 1921. P. 158 s.*

⁴⁸ *Беликов А. П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 63—64.*

вторгнуться в Фессалию (Diod., XVIII, 38), продемонстрировав всем, что их государство имеет такую силу, с которой следует считаться. Примечательно, что на протяжении всех войн диадохов «этолийцы, в отличие от многих других греков, отстаивали независимость своего государства и даже усилили его мощь»⁴⁹.

Следующий военный успех этолийцев, произведший огромное впечатление на греческий мир, был связан с обороной Дельф от нашествия галлов в 279 г.⁵⁰ Этот подвиг был увековечен. Павсаний говорит, что этолийцы воздвигли в Дельфах у храма Аполлона среди статуй богов (Paus., X, 15, 2) памятник своим полководцам, участвовавшим в сопротивлении, отдельный памятник стратегу Эвридаму, который, вероятно, возглавлял ополчение (Paus., X, 16, 4), и огромное изваяние Этолии в виде сидящей женщины, вооруженной метательным копьем (Paus., X, 18, 7). Ни македонцам, ни другим грекам не удалось освободить Дельфы от этолийского владычества. Отвага этолийцев вошла в поговорку, хотя Полибий и говорит о ней в неодобрительном тоне (Polyb., IV, 3, 5; V, 81, 1).

Косвенным свидетельством военной мощи этолийцев является активная экспансия в начале III в. Присоединение Эниании означало выход к Фермопильскому ущелью и побережью Малийского залива; теперь подконтрольная Этолии территория уже вплотную примыкала к владениям македонского царя и создавала угрозу морским коммуникациям Антигонидов в Эгеиде. В 316 г. этолийцы преградили путь Кассандру из Македонии в Беотию через Фермопилы, а в 290 г. Деметрий Полиоркет вынужден был праздновать пифийские игры в Афинах, потому что Дельфы и все парнас-

⁴⁹ Сизов С. К. Этолийский союз. С. 18.

⁵⁰ Анализ источников и реконструкция событий, связанных с нашествием галлов см.: *Nachtergaele G. Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes. Bruxelles, 1977.*

ские перевалы находились в их власти. После Деметриевой войны Этолийский союз увеличился до таких размеров, которых не знал ни до, ни после 229 г.

В отличие от своих врагов — Ахейского союза прежде всего — этолийцы не имели возможности привлечь на свою сторону силы, подобные Эллинской лиге. Этолийцы вели военные действия, как правило, общесоюзным ополчением, которое состояло из контингентов отдельных общин. При всей этнической разнородности такого ополчения оно предстает в описании Полибия как единая и монолитная армия, где соблюдался принцип единоначалия⁵¹. Историк говорит, что этолийцы не любят сражаться правильной фалангой, предпочитая рукопашные поединки (Polyb., IV, 8, 10). Н. Хэммонд даже считает⁵², что у них был недостаток тяжелой пехоты и они были способны вести лишь партизанскую войну. Другие исследователи не согласны с этим, полагая, что состав этолийской армии был примерно таким же, как и у других греческих государств, лишь процент пельтастов в общей массе пехоты был несколько выше⁵³.

Этолийцы, видимо, не имели постоянно действующего отборного войска — эпилектов. Как было отмечено С. К. Сизовым⁵⁴, звание «эпилектархов», казалось бы, свидетельствует о наличии такого корпуса воинов, но довольно обширная литературная традиция ничего не сообщает о существовании

⁵¹ Сизов С. К. Федеративное государство аллинистической Греции: Этолийский союз. Н.Новгород, 1990. С. 59.

⁵² Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 374.

⁵³ Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 460; Tarn W. W. Antigonos Gonatos. Oxford, 1913. P. 64; Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. T. 1. P., 1949. P. 200, n. 2.

⁵⁴ Сизов С. К. Федерализм и военная организация... С. 11, прим. 18.

подобного подразделения. Всякий раз, когда для выполнения какой-то операции требовался отборный отряд, он формировался только накануне планируемой акции и только на время ее осуществления. Как бы часты и опустошительны ни были набеги таких отрядов под руководством отдельных предводителей, без общесоюзного постановления о войне Этолия считалась пребывающей в мире.

От других греческих государств Этолия отличалась тем, что предоставляла своим гражданам право на грабеж соседних территорий не только в ходе военных действий, но и в период мира или, как говорит Дж. Ларсен⁵⁵, «они грабили суда любой страны, в любое время и без какого-либо права на это». Полибий (XVIII, 4, 8) по этому поводу приводит речь македонского царя Филиппа V на переговорах с Титом Квинкцием Фламинином в 197 г. Обращаясь к этолийскому представителю, царь сказал: «Много раз я и прочие эллины обращались к вам через послов с требованием отменить закон, дающий право громоздить добычу на добычу, а вы отвечали, что из Этолии скорее будет изъята Этолия, чем этот закон». Поскольку Тит Квинкций не понял этой фразы, Филипп пояснил, что «у этолийцев есть обычай грабить не только народы, с которыми они ведут войну, и их земли, но и под видом помощи обеим враждующим сторонам, ведущим войну между собой, грабить земли обеих» (Polyb., XVIII, 5, 1—2). Естественно, все греки практиковали грабеж, но если в ходе войны он был уместен, то в мирное время к нему прибегали нечасто. Этолийцы же вызывали массовое недовольство не самим фактом грабительских рейдов, а тем, что своими действиями превращали мирное время в военное.

Этолийцы могли выставить на поле боя довольно значительные силы. Диодор говорит, что во время войн диадохов

⁵⁵ Larsen J. A. O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968. P. 211.

этолийцы располагали от 7 до 12 500 человек (XVIII, 9, 5; 24, 2; 38, 1). В дальнейшем союз разрастался, его армия должна была заметно увеличиться. Для периода Союзнической войны можно привлечь данные 218 г., когда стратег этолийцев Доримах увел в поход «половину ополчения» (Polyb., VI, 5, 1). В числе оставшихся были 3 000 человек в районе Ферма, 3 000 пехоты и 400 всадников составляли гарнизон Страта и какие-то силы должны были находиться в других городах. Приблизительный подсчет показывает, что этолийские силы в тот период насчитывали около 15 000 солдат. Позднее, в битве при Киноскефалах, этолийцы выставили 6 000 пеших и 400 всадников (Plut. Flamin., 7). Примечателен и тот факт, что при описании разгрома Ферма македонским войском, Полибий упоминает (V, 8, 9) о «хранившихся в портиках» многочисленных комплектах вооружения, из которых македоняне 15 000 уничтожили, а «самые дорогие» унесли с собой. По мнению С. К. Сизова⁵⁶, такое количество оружия не могло быть просто трофеями, посвященными богам. Это был союзный арсенал. Цифра, приведенная историком, весьма внушительная, что косвенно подтверждает большие размеры этолийского ополчения.

Вполне правдоподобно предположение, что общая численность сил, сражавшихся на этолийской стороне, в этой кампании могла достигать даже 20–25 000 воинов. Подобные данные подтверждаются подсчетами В. Швана. Хотя подсчеты с использованием его таблицы затруднены тем обстоятельством, что этолийцы, например, контролировали не всю Фокиду, или тем фактом, что немецкий исследователь для конца IV в. представляет Кефаллению и Закинф как одну единицу, а в нашем распоряжении есть четкое указание на союз с Этолией кефалленян, в то время как Закинф, видимо, подчинился Филиппу. Кроме того, Спарта не входила в Ко-

⁵⁶ Сизов С. К. Этолийский союз. С. 68, прим. 5.

ринфский союз; ее войска не были представлены в списке. Поэтому, если взять за основу, что акарнанцы, фокидяне, локры и фтиотидские ахейцы выставляли по 2 000 человек, Этолия, Элида и, возможно, Дорида — по 5 000, а Амбракия — 1 000, то получится предположительно 24 000 воинов. Однако такие силы в этой войне не собирались. Этолия, Элида и Спарта совместных операций не организовывали. Этолийский стратег обычно имел в своем распоряжении большую часть своего войска, а отдельные командиры действовали маленькими отрядами. Например, Эврипид зимой 219 г. вел за собой в Пелопоннес всего 2 200 человек (Polyb., IV, 68, 1).

Значительная по греческим меркам численность этолийской армии и ее боевые качества делали Этолию грозным противником для любого греческого государства и даже для Македонии. Однако из-за живучести архаических обычаев уровень военного дела в Этолийском союзе далеко не соответствовал требованиям эпохи. Этолийцы пренебрегали элементарными правилами военного искусства: не желали строить настоящую фалангу, укреплять походные лагеря, выставлять дозоры и подчиняться дисциплине, если предоставлялся случай заняться мародерством. Не была изжита восходящая к архаической эпохе практика военных экспедиций, предпринимаемых в частном порядке командирами отдельных отрядов; армия в какой-то мере сама себя содержала⁵⁷. Плутарх очень метко отметил (Flamin., 8) их поведение в битве при Киноскефалах: пока римляне преследовали разбитого врага, этолийцы бросились грабить и разорять неприятельский лагерь. Их ненасытная жадность вызвала раздражения Фламинина (Liv., 33, 11, 8). Едва ли за тридцать лет до этого события этолийские воины поступали как-то иначе.

⁵⁷ Павловская А. И. Греция и Македония в эпоху эллинизма. С. 423; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 378.

На протяжении всей Союзнической войны этолийцы действовали либо отдельными отрядами, численностью от 1 000 до 2 500 человек, либо наносили удар объединенными силами — в таком набеге участвовало, возможно, до 10 000 солдат⁵⁸, обозначенных у Полибия *παιδιμαί*. Такая тактика наводила ужас на противника и наносила ему экономический ущерб. От решающих сражений этолийские командиры предпочитали уклоняться.

Сила Этолии базировалась также на морских операциях, причем этолийцы не стеснялись своей репутации пиратов⁵⁹. Примечательно, что собственного регулярного военного флота у федерации не было; она использовала корабли союзников, в частности суда кефалленян (Polyb., IV, 6, 2 и 8), а связи с Критом и некоторыми островами Эгейского моря обеспечили этолийцам возможность совершать пиратские рейды на суше и на море.

В отличие от других государств этолийцы нечасто прибегали к услугам наемников. Тем не менее для Союзнической войны зафиксировано наличие критских воинов, прибывших в этолийское войско в ходе боевых действий (Polyb., IV, 55, 5; V, 14, 1 и 4). Вероятно, речь идет о наемниках, а не о союзниках. Намек на это можно усмотреть у Полибия. Историк в одном пассаже указывает, что в Страте находилось 3 000 этолийской пехоты, 400 всадников и 500 критян (V, 14, 1: *Κρήτας δ' εἰς πεντακοσίους*). А затем говорит, что этолийская конница и наемники бежали (V, 14, 5: *οἱ τῶν Αἰτωλῶν ἰππεῖς καὶ μισθοφόροι*). Поскольку в битве участвовали лишь этолийцы и критяне, то, вполне вероятно, под наемниками Полибий подразумевал последних.

⁵⁸ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 378.*

⁵⁹ *Oliva P. Die soziale Frage im hellenistischen Griechenland // Eirene. № 12. 1974. S. 56.*

Располагая такими силами, Этолийская федерация имела явное преимущество перед ахейцами, но не перед македонянами. Понимая мощь противника, Этолия стремилась расколоть вражеский фронт, ведя накануне войны переговоры с отдельными государствами. Пока решение о войне не было ратифицировано членами Эллинской лиги, этолийское правительство имело шанс свести общегреческую войну к конфликту между Этолией и Ахайей⁶⁰. Заявление о мире с лакедемонянами, мессенцами и прочими народами (Polyb., IV, 15, 8—9) было провокационным воззванием к существующему договору Общего Мира. Посольства были отправлены в Эпир и Спарту (Polyb., IV, 30, 7; 34, 4), вызвав волнения у лакедемонян и поколебав позицию эпиротов, так что они ждали выступления македонских сил. Однако присоединение Спарты не принесло существенной помощи Этолии. Спартанское государство было так ослаблено, что его войско могло предпринимать лишь набеги на приграничные области. Только Элида служила этолийцам надежной опорой в Пелопоннесе, обеспечивая их продовольствием⁶¹. Не случайно в ней постоянно находился этолийский отряд (Polyb., IV, 59, 1; V, 30, 2; 94, 2).

Таким образом, сравнивая потенциальные возможности противоборствующих сторон, можно отметить, что численный перевес оставался за Эллинской лигой. Тем не менее этот фактор оказался не самым главным в ходе войны.

⁶⁰ *Walbank F.* A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 463.

⁶¹ *Tarn W. W.* The Greek Leagues and Makedonia // САН. Vol. 7. 1928. P. 765.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПЕРВОГО ГОДА ВОЙНЫ

Война, затеянная Ахейским и Этолийским союзами, разыгрывалась на весьма удаленных друг от друга театрах военных действий; перевес в ней оказывался то на одной стороне, то на другой. На северо-западе и севере в войну были вовлечены Эпир, Акарнания, Этолия, Фессалия и македонская Пиерия. В Пелопоннесе сражения проходили прежде всего в Элиде, Лаконии и Аркадии. Ход боевых действий излагает наш основной источник — Полибий. Однако в описании событий ахейским историком встречается много противоречий и недосказанности, в отдельных местах чувствуется тенденциозность повествования. В силу этих обстоятельств достоверное восстановление полной картины войны довольно проблематично.

Первые боевые операции (весна—лето 219 г.) развернулись одновременно на Крите, в Пелопоннесе и в Средней Греции. Они представляли собой независимые кампании, отличающиеся по целям, тактике, составу участников. Поэтому нам представляется целесообразным оценить сложившуюся обстановку, рассмотрев каждый очаг борьбы в отдельности.

Прежде всего несколько замечаний следует сделать о боевых операциях на Крите. Там шла гражданская война, которая не имела прямого отношения к событиям, разворачивавшимся в Греции, к конфликту Этолийской федерации с Эллинской лигой. Полибий указывает (IV, 55, 1—2), что в союз с македонянами и ахейцами вступили полиррении, лаппеи и их союзники: они отправили в Грецию отряд, который

подчинялся македонскому царю в Союзнической войне (Рольб., IV, 55, 5; 61, 1—2). Однако в деятельности лиги критяне, вероятно, не участвовали. Вступление критских полисов в симмахию в 220 г. было вызвано соперничеством с городами, возглавляемыми Кноссом, которые, в свою очередь, были союзниками Этолии. Как уже отмечалось выше, выбор греческих союзников для полиррениев был очевиден: чтобы создать мощный противовес своим соперникам, они могли присоединиться лишь к Эллинской лиге, находившейся на грани войны с Этолией.

Кроме названных представителей Крита, в союз 224 г. могли вступить Элевтерна и Гиерапитна. Во всяком случае, сохранились надписи, свидетельствующие, что оба города были союзниками «Антигона» (SVA, III, 501; 502). В рассказе о решающей битве Клеоменовой войны — сражении при Селассии — Полибий (II, 65, 4) перечисляет численность войск союзников. Ахейский историк ничего не сообщает о критянах, но, описывая построение войска Эллинской лиги, он все же упоминает их (II, 66, 6). Поэтому одни исследователи полагают, что упомянутые полисы не были членами лиги, другие же считают их участниками Эллинского союза¹. Скорее всего, критяне участвовали в сражении 222 г. в качестве личных союзников македонского царя. Кроме того, численность критских воинов была, вероятно, невелика, поэтому Полибий даже не счел нужным приводить какую-либо конкретную цифру. Таким образом, нет веских оснований для того, чтобы относить Элевтерну и Гиерапитну к членам Эллинской лиги.

¹ Критские города — участники лиги: *Le Bohec S. Antigone Doson, roi de Macedoine*. Nancy, 1993. P. 387 ss.; против: *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol 3*. Oxford, 1988. P. 352; *Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia*. P. 752 and 760.

Что касается боевых действий, развернувшихся на Крите, то они начались еще до начала Союзнической войны и не имели отношения к противоречиям между Этолией и Ахейским союзом. Отправленные на остров в силу союзнических обязательств отряды из Этолии и Ахайи не сыграли решающей роли в междоусобной войне на Крите. Поскольку события на Крите, таким образом, не оказали никакого влияния на кампании в Греции, мы оставим в стороне данный театр военных действий. Участие критян в боевых операциях в Элладе по разные стороны фронта также было несущественным. Критские воины пополняли войска как Этолийской, так и Эллинской лиги. Известно, что кноссяне отправили 1 000 человек в Грецию в помощь Этолийской федерации, а их противники — 500 человек в войско Эллинской лиги (Polyb., IV, 55, 5). Исходя из этих цифр, можно не только, как Н. Хэммонд, считать, что события на Крите оказали мало влияния на ход Союзнической войны², но и вообще не относить их к данному конфликту.

Военные действия в самой Греции начались весной 219 г. с нападения Спарты на Арголиду. Спарта была разгромлена в Клеоменовой войне в 222 г. союзным войском Эллинской лиги. После поражения она оставалась под контролем союзников. Спартамцам было запрещено (как и другим членам союза) вести самостоятельную внешнюю политику, совершать враждебные действия по отношению к членам лиги под угрозой наказания. Несмотря на все эти предосторожности обстановка в Спарте была беспокойной. Полибий упоминает о заключении тайного договора между спартамцами и этолийцами после битвы при Кафиях (Polyb., IV, 16, 5). По мнению Ф. Уолбэнка³, это свидетельствовало об активных

² Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 373.

³ Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 463.

действиях партии Клеомена, однако, говорить о заключении спартано-этолийского союза было бы преувеличением. Вероятно, до официального оформления союза дело все же не дошло, а вот отдельные договоренности могли иметь место. Причем Полибий не говорит конкретно, от кого именно исходила инициатива переговоров. Утверждение, что «лакедемоняне... отправили посольство» нельзя понимать буквально, ибо это не могло быть единодушным решением всех спартанцев. Соблюдение тайны мотивировалось наличием проахейских или промакедонских ставленников. Вероятно, после получения заверений в поддержке этолийцами оппозиционеров, последние решились на организацию переворота в Спарте. Накануне заседания синедров Эллинской лиги в Коринфе в 220 г., когда внимание союзников было отвлечено от Пелопоннеса, трое эфоров, сторонников Этолии, устроили в Спарте беспорядки, в ходе которых были убиты их противники, вероятно, промакедонски настроенные граждане (Polyb., IV, 22, 4–12). Однако при получении известия о приближении македонского царя Филиппа V к городу, спартанцы поспешили выразить ему свою лояльность. Спарта осталась в составе союза, а Филипп воздержался от чрезвычайных мер в отношении виновников смуты⁴.

Однако, мирный исход этого конфликта, видимо, не разрешил существовавшие в Спарте проблемы. После разгрома Клеомена в 222 г. в Спарте было восстановлено прежнее го-

⁴ По версии Плутарха, мысль воздержаться от наказания спартанцев внушил царю Арат (Plut. Arat., 48, 5). Однако Н. Хэммонд полагает, что это решение принадлежало самому Филиппу; Арат едва ли был в это время с ним, поскольку должен был заниматься сбором войск Ахейского союза (Hammond N. G., *Walbank F. W. A history of Macedonia*. P. 373, п. 1). Думается также, что нельзя не учитывать еще одно обстоятельство: македонский царь в начале своего правления стремился к сотрудничеству с греками и сохранению Общего Мира (Polyb., IV, 16, 2–3).

сударственное устройство (Polyb., II, 70, 1). Поэтому против лиги были настроены бывшие клеоменисты⁵ — те, кто надеялся на продолжение реформ, и молодежь⁶. Скрытое недовольство большей части населения проявилось в нежелании участвовать в Союзнической войне. Более того, вскоре после ухода Филиппа, в период с осени 220 г. (заседание в Коринфе и решение о войне) до весны 219 г. (начала боевых действий), в Спарте произошел государственный переворот. Был восстановлен институт царской власти и выбраны новые цари. Однако один из них, Агесиполид, был еще ребенком, а насчет второго — Ликурга — имелись сомнения относительно безупречности его «царского» происхождения и вообще родства с царским домом⁷.

Именно Ликург возглавил спартанское войско и весной 219 г. (Polyb., IV, 36, 4). Полибий сообщает, что этолийский посол Махат в ходе вторичного посещения Спарты уговорил собрание объявить войну ахейцам (Polyb., IV, 36, 1). Однако начинает войну Ликург не с нападения на земли противника, а с вторжения в соседнюю область. Он захватил Полихну, Прасии, Левки, Кифант, но Глимпы и Зарак отбили его атаки (Polyb., IV, 36, 5). Этот поход явно не имеет прямого отношения к войне между Этолией и Эллинской лигой. Хотя Аргос входил в Ахейскую федерацию⁸, вторжение

⁵ Новые спартиаты должны были быть фанатично преданы государственному деятелю, повысившему их статус: *Ласи Р. М.* Применимость понятия революции к реформам Агида, Клеомена и Набида в Спарте // ВДИ. 2002. № 4. С. 83 сл.

⁶ *Shimron B.* Late Sparta. The Spartan revolution 243–146 B. C. Buffalo, 1972. P. 70 f.

⁷ Подробнее о перевороте см. главу VI.1 настоящего издания.

⁸ О присоединении Аргоса см., напр.: *Mandel J.* A propos d'une dynastie de tyrans à Argos (IIIe siècle avant J. C.) // *Athenaeum*. Vol. 57. 1979. P. 293–307; *Tomlinson R. H.* Argos and the Argolid: from the end of the Bronze Age to the Roman occupation. Ithaca—

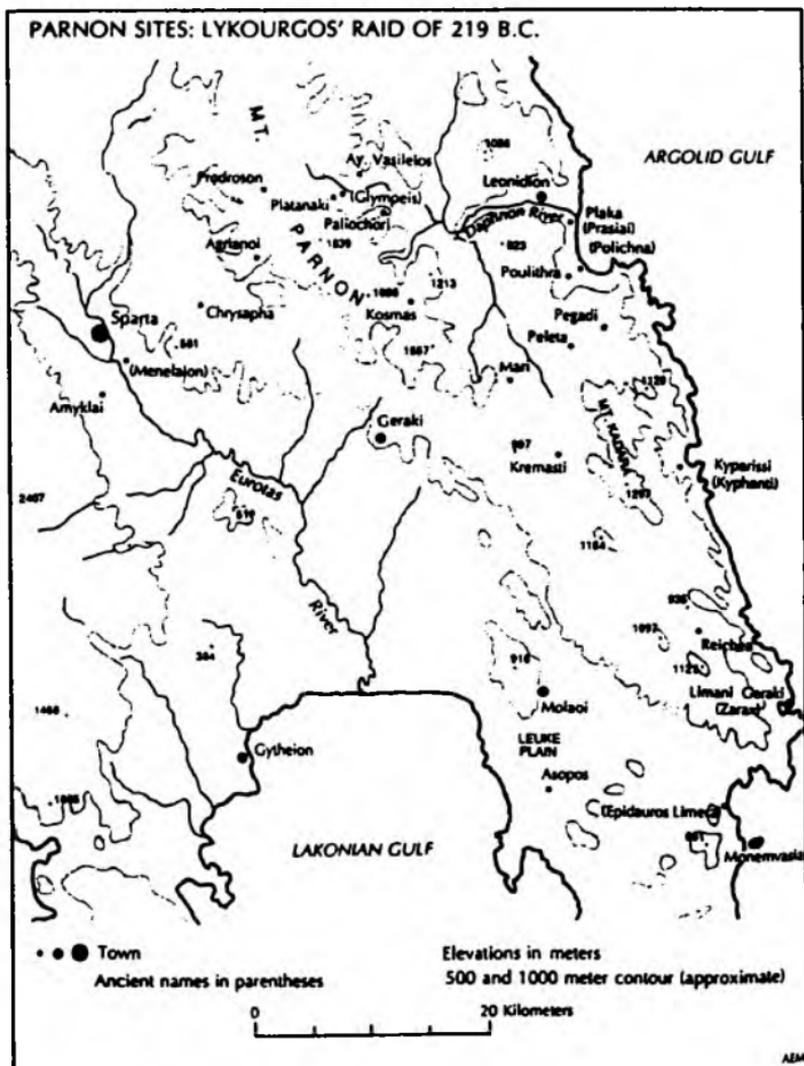

Рис. 2. Рейд Ликурга в 219 г. до н. э.

(Pritchett W. K. Studies in ancient Greek Topography. Part VII. Berkeley—Los Angeles—L., 1991. P. 138)

спартанцев невозможно оправдать совместными действиями новых союзников. Нападение не столь незначительные крепости не могло принести никаких стратегических выгод. Вероятно, этолийцы ждали от спартанцев более существенного вклада в совместные действия. Скорее всего, акция Ликурга носила самостоятельный характер и имела целью удовлетворение требований молодежи о возвращении былой воинской славы спартиатов. Вполне вероятно, что до 222 г. эти города могли контролироваться спартанцами⁹, поэтому возвращение их было актом политическим, подтверждающим возрождение мощи Спарты.

Только после этого похода Ликург избрал своей целью ахейские земли и через глашатая объявил об этом (Polyb., IV, 36, 6). Следующий удар он нанес по Афинию (крепости в мегалопольской области), который и захватил после осады (Polyb., IV, 37, 6; 60, 3). Здесь уместно сделать одно уточнение. Сам Полибий указывает, что Ликург желал начать свое царствование подобно Клеомену (Polyb., IV, 37, 6). Этот захват также можно рассматривать как демонстрацию спартанских сил. Любопытно сравнение: первые кампании Клеоменовой войны — это также операции против областей Аргоса и Мегалополя (Plut. Cleom., 4, 6 sqq.). Вероятно, сказывалась старая рознь между Лакедемоном, Аргосом и Мегалополем¹⁰.

N. Y., 1972. P. 147–163; *Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia.* P. 735.

⁹ Б. Низе считает, что этот район был предметом спора между Спартой и Аргосом: *Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia.* Тл. 2. Gotha, 1899. S. 426. Спартанскими их считает и Р. Томлинсон: *Tomlinson R. H. Argos and the Argolid: from the end of the Bronze Age...* P. 162. Разные точки зрения на время приобретения этих земель см.: *Walbank F. A historical commentary on Polybios.* Vol. 1. P. 485.

¹⁰ *Сизов С. К. Ахейский союз.* М., 1989. С. 98.

Обращает на себя внимание еще одно существенное обстоятельство. Перечисленные объекты спартанских атак в начале Союзнической войны не были крупными полисами, способными оказать серьезное сопротивление, осада которых потребовала бы много времени. Видимо, Ликург не располагал значительными силами для нападения на такие города, как Мегалополь. Согласно указанию Полибия (Polyb., IV, 36, 4), в его распоряжении были наемники и отряд граждан, а этого было явно недостаточно, чтобы коренным образом повлиять на ход войны. Поэтому есть все основания утверждать, что реальной помощи этолийцам в начале войны спартапцы не оказали. Ослабление Эллинской лиги играло второстепенное значение для нового спартанского царя. Ликург преследовал собственные интересы: он укреплял свое положение главы государства.

В этот же период этолийцы организовали набеги на Пеллопоннес. Один из отрядов под командованием Александра, Архидам и Доримаха, насчитывавший 1 200 человек, переправился у Эанфеи и занял Эгиру. Проникнув в город, этолийцы, предаваясь грабежам, забыли о дисциплине и о необходимости продолжать преследование врагов. Такая непредусмотрительность стоила им победы. Жители собрались на акрополе и ответным ударом вытеснили нападавших из города. При этом в сражении и давке при бегстве погибло много этолийцев, в том числе и двое предводителей — Александр и Архидам. Оставшиеся в живых с позором вернулись домой (Polyb., IV, 57—58).

Гораздо успешнее действовал другой этолийский отряд — под командованием Эврипида. В его задачу входило опустошение Западной Ахайи. Основной удар приняли ахейские города Дима, Фары и Тритея, чьи земли были разорены. Местный стратег Микк не смог отразить их набега, попал в засаду и, таким образом, потерпел поражение. Обращение полисов за помощью к ахейскому стратегу оказалось безрезультат-

ным: Арат не располагал достаточными силами, чтобы выделить для них даже отряд. Поэтому через некоторое время в ходе нового вторжения Эврипид занял опорный пункт Тейхос в хоре Димы и Гортину в хоре Телфусы. Жители Димы, Фар и Тритеи были вынуждены самостоятельно набирать наемное войско, насчитывавшее 300 пехотинцев и 50 всадников (Polyb., IV, 59—60). Тяжелое положение, в котором оказались жители этих городов, заставило граждан привлечь к обороне переселенцев. За свое участие позднее они были вознаграждены правом гражданства (Syll³, 529).

Считается, что целью этолийских атак было не только разорение ахейских территорий, но и желание отвлечь македонского царя Филиппа от нападения на Этолию¹¹. Царь в это время находился в Акарнании, изгоняя этолийские гарнизоны из крепостей¹². Вероятно, ахейцы призывали его закончить одним ударом с войной; намек на это можно усмотреть у Полибия (Polyb., IV, 61, 3). Однако правильнее говорить о занятии македонскими силами новых стратегических пунктов в Средней Греции. В случае перенесения военных действий на земли противника, они стали бы удобным плацдармом.

Одновременно с первыми ударами по ахейцам¹³, этолийцы предприняли еще одно нападение в начале лета — на этот раз на земли Фессалии и Македонии. Войско под командованием Скопаса собрало там обильную добычу (Polyb., IV, 62, 1—2).

¹¹ *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 514.*

¹² *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 375.*

¹³ Поход Скопаса произошел после ухода Филиппа в Эпир (*Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 515*). По мнению Н. Хэммонда, это произошло в начале лета (*Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 375*).

В связи с вышесказанным этолийская тактика ведения войны выглядит, на первый взгляд, несколько странно. Во-первых, Полибий говорит об армии Скопаса как об «ополчении» (παυδμησί). Конечно, это — явное преувеличение, так как часть граждан, вероятно, осталась для защиты Этолии, а другие участвовали в боевых операциях в Пелопоннесе. Тем не менее Скопас был стратегом этолийцев и увел в Македонию основные силы, определив приоритетное направление боевых действий. Однако он вовсе не пытался встретиться с македонским войском, то есть не намеревался давать генеральное сражение. Нет сведений о захвате каких-либо опорных пунктов, размещении гарнизонов и т. п. Складывается впечатление, что целью его похода было именно разграбление земель противника.

Во-вторых, в нападении на Пелопоннес были задействованы незначительные силы этолийцев. Поэтому, если не считать полученной добычи, результаты их первых сражений выглядят очень скромно — всего две крепости, захваченные Эврипидом. Едва ли можно говорить об установлении в ходе этих операций этолийского контроля даже над частью Пелопоннеса.

Для реальной оценки сложившейся обстановки любопытно сравнить эти акции с этолийскими действиями накануне войны — с событиями при Кафиях и Кинефе. Все рассмотренные выше операции имеют несколько сходных моментов. Тактика этолийцев до и во время войны была одинаковой. Они отправлялись в поход за добычей, а крупных военных столкновений старались избегать, ввязываясь в сражения лишь в силу обстоятельств. Такие действия давали неплохие результаты. Ахейцы не могли предугадать направление очередного удара и, оказываясь беспомощными, «теряли лицо» перед своими союзниками. Стратег только начинал собирать войско для отражения нападения, а этолийцы уже возвращались домой с добычей. При этом их неожиданные набеги

не стоит рассматривать как ряд авантюрных, слабо подготовленных операций; напротив, это были продуманные и организованные акции. Они устрашали противника, вносили разлад между членами Эллинской лиги, и одновременно напоминали этолийским соратникам о возможных последствиях нарушения союза с ними.

Действительно, Полибий не приводит ни одного свидетельства самостоятельных действий ахейцев после битвы при Кафиях и даже в первые месяцы войны. Складывается впечатление, что стратег Арат Младший был занят только сбором войска и поиском наемников. Он не оказал помощи подвергшимся нападению городам, и последние были вынуждены обороняться своими силами. Он не организовал фронт борьбы со спартамцами. Он не преследовал врага, даже не попытался преградить им путь домой. Видимо, стратег считал, что выступать против этолийцев без македонских сил, оставив в тылу враждебно настроенных спартамцев, было довольно рискованным мероприятием. Поскольку Филипп в начале лета 219 г. двинулся на юг вдоль западного побережья Греции, Арат, видимо, предпочел дожидаться прибытия царя, отправляя к нему посольства с просьбой о помощи, как говорит Полибий (Polyb., IV, 64, 1–3). Возможно и другое предположение: ахейские послы, вероятно, пытались уговорить македонского правителя вторгнуться в Этолию. Конечно, в случае успеха предприятия победителями в войне стали бы ахейцы; им удалось бы покончить с давним соперником македонским оружием (Polyb., IV, 61, 3).

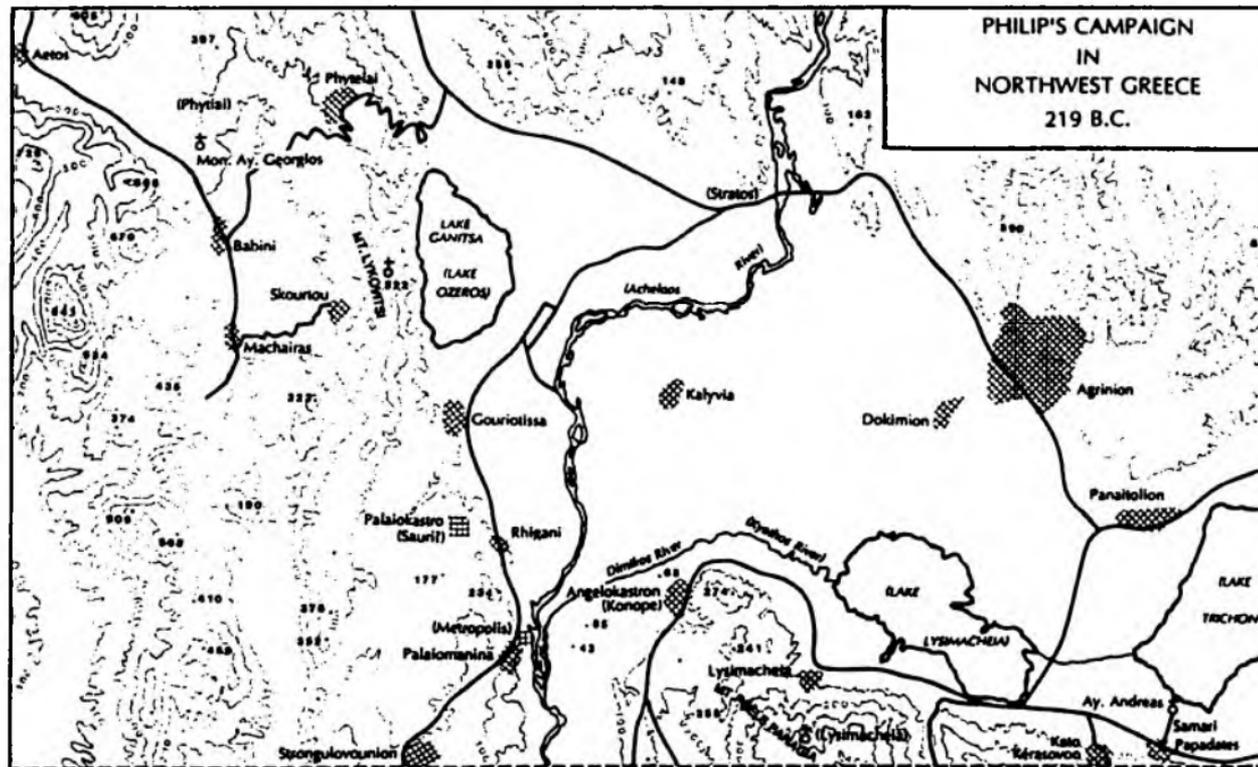
Филипп, по сравнению со своими союзниками, располагал в этой кампании внушительными силами. Он вел за собой 10 000 фалангитов, 5 000 пельтастов, 800 всадников, а также вспомогательные отряды союзников (Polyb., IV, 37, 7). Вполне естественно, что Скопас, желая избежать встречи с царской армией, выбрал другую дорогу для нападения на Македонию. Его рейд был непродолжительным. Едва ли он мог

позволить себе длительное отсутствие на родине, когда Филипп V находился так близко от Этолии. Тем не менее, думается все же, что поход Скопаса не стоит считать слишком рискованным предприятием. Он не встретил серьезного сопротивления и, вероятно, предполагал, что царь не станет его преследовать. Причина столь дерзкого поведения этолийцев, видимо, кроется в недооценке личности македонского правителя — в данном случае мы можем вполне довериться нашему источнику. Царь в качестве полководца еще не проявил себя. Полибий указывал на это обстоятельство, когда объяснял возобновление пиратских рейдов этолийцев после смерти Антигона Досона (Polyb., IV, 3, 2–3). В связи с вышесказанным, версия о том, что Скопас пытался своим рейдом отвлечь македонского царя от западного театра военных действий, несколько сомнительна.

Согласно Полибию (IV, 61), в то время как события в Пелопоннесе разворачивались таким образом, македонский царь Филипп V со своим войском и эпирским ополчением (παίδημεῖ) летом 219 г. прошел через Фессалию в область амбракиотов и осадил хорошо укрепленный (χωρῖον) Амбрак. По версии Полибия, на захвате крепости настаивали эпироты (Polyb., IV, 61, 5 и 8), хотя, как уже отмечалось выше, ахейские интересы требовали вторжения македонской армии в Этолию (Polyb., IV, 61, 3). Осада продолжалась более сорока дней (Polyb., IV, 63, 2). За это время этолийцы не только совершили свои набеги на Пелопоннес, но даже, воспользовавшись моментом (κατὰ τὸν καιρὸν τοῦτον), отправили войско под командованием Скопаса, о котором было сказано выше (Polyb., IV, 62, 1–2), в Македонию. Однако этот набег не отвлек македонские силы от осады: результатом ее стал захват Амбрака и передача его эпиротам (Polyb., IV, 63, 3).

После этого события Филипп переправился около мыса Акция в Акарнанию. Здесь он соединился с акарнанским войском и начал изгонять этолийские гарнизоны из крепостей.

PHILIP'S CAMPAIGN
IN
NORTHWEST GREECE
219 B.C.

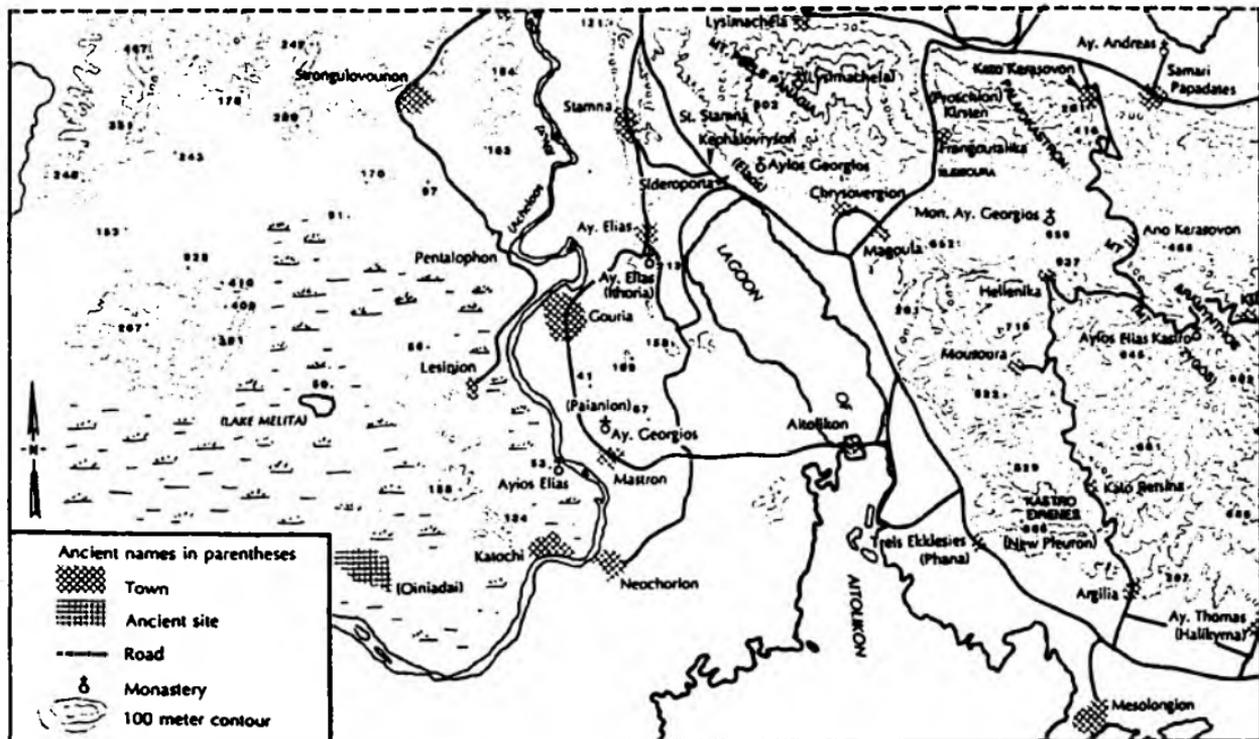

Рис. 3. Первая кампания Филиппа 219 г. до н. э.

(Pritchett W. K. *Studies in ancient Greek Topography. Part VII.* Berkeley—Los Angeles—L., 1991. P. 2—3)

Он занял Страт, Метрополь¹⁴, Конопу, Ифорию¹⁵, Пеаний¹⁶, другие крепости (πίρρους) и, наконец, Эниады (Polyb., IV, 64). Затем его целью стал Элей в Калидонской области¹⁷, после взятия которого Филипп вновь вернулся к Эниадам (Polyb., IV, 65). Вместе с Навпактом этот порт, имевший хорошую гавань, позволял этолийцам контролировать северное побережье Коринфского залива. Акрополь и гавань Эниад царь укрепил, оценив их стратегическое положение. Сюда же к нему пришло известие о готовящемся нашествии дарданов на Македонию. Эта новость вынудила македонского царя тем же путем спешно возвратиться домой (Polyb., IV, 66). По дороге к нему из Иллирии прибыл Деметрий Фарский, разгромленный римлянами. Царь, по сведениям ахейского историка, принял его радушно, велел плыть в Коринф, а оттуда через Фессалию прибыть в Македонию (Polyb., IV, 66, 4–5).

¹⁴ Для локализации Метрополя возможны две кандидатуры: Ригани и Палайоманина, расположенные в четырех километрах друг от друга. Вероятно, второй вариант ближе к истине, так как там есть акрополь и городская стена, что соотносится с данными Полибия (IV, 64, 4), в то время как в Ригани — только городская стена: Pritchett W. K. *Studies in ancient Greek Topography. Part VII.* Berkeley—Los Angeles—L., 1991. P. 8–15.

¹⁵ Сохранились остатки стен, около современного села Agios Elias: Pritchett W. K. *Op. cit.* Part VII. P. 15–16.

¹⁶ Около 1970 г. раскопаны стена с пятнадцатью башнями, окружностью менее полумили, жилые здания с мозаичными полами: Pritchett W. K. *Op. cit.* Part VII. P. 16–17.

¹⁷ Элей — вероятно, современный Kastro of Agios Georgios и Sideroporta. Это была большая крепость, которая контролировала проход в Калидонию с запада: Pritchett W. K. *Op. cit.* Part VII. P. 18–39. Она имела круглые, а не квадратные башни, что является большой редкостью в Этолии. Объяснение этому есть у Полибия: город строил Аттал I (Polyb., IV, 65, 6).

В предложенном Полибием изложении хода этой кампании примечательны некоторые факты. Во-первых, ахейцы, вероятно, рассчитывали, что Филипп нападет на Этолию и этим облегчит их положение в Пелопоннесе. Однако, если следовать источнику, со всей очевидностью становится ясно, что македонские войска медленно, но неуклонно продвигались на юг, а на Этолию не только так и не совершили нападение, но даже и не планировали его.

Кроме того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что когда царь находился около Страт, к нему прибыли ахейские послы с просьбой о помощи (Polyb., IV, 64, 1–3). Филипп обещал обдумать их предложение, но продолжил операции в Акарнании. В конце лета, возвращаясь в Македонию, он отпустил послов, обещая оказать ахейцам помощь только после устранения угрозы Македонии со стороны дарданов (Polyb., IV, 66, 2).

Во-вторых, удивительны последствия упорной осады македонянами Амбрака. Царь осаждал крепость, задержавшую его продвижение на юг дольше, чем на месяц, но не оставил ее за собой, а передал эпиротам. Более того, хотя Филипп знал о разорениях Македонии этолийцами Скопаса, он не поспешил на защиту своих территорий. Это обстоятельство любопытно сопоставить с известием о готовящемся северном вторжении, узнав о котором царь устремился домой. Складывается впечатление, что Филипп больше опасался разорений от дарданов, чем от этолийцев.

В связи с вышесказанным исследователи неоднозначно оценивают цели македонского царя в ходе этой кампании. По одной из версий¹⁸, Филипп намеренно не торопился с

¹⁸ Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia. P. 765. См. также: Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues // CAH². Vol. 7. 1984. P. 477; Fine J. Macedon, Illyria and Rome, 220–219 B. C. // JRS. 1936. Vol. 26. P. 35, n. 75.

нападением на Этолию, так как следил за действиями, разворачивающимися в Иллирии, где римляне воевали против Деметрия Фарского¹⁹. Однако эта версия имеет существенные недостатки. Как уже отмечалось выше, едва ли стоит придавать большое значение римскому фактору в политике македонского царя в тот период.

Следует помнить, что это были первые шаги римлян на Балканском полуострове, причем непосредственно Македонии не затрагивающие. Кроме того, римляне в ближайшее время после Иллирийских войн все свое внимание сосредоточили на борьбе с Ганнибалом. Иллирийские события, конечно, могли вызвать некоторый интерес соседей, но весьма сомнительно, чтобы Македония уже в то время почувствовала угрожающую мощь римской военной машины. Известно также, что поворот в политике Филиппа, его честолюбивые замыслы в отношении Рима проявятся гораздо позднее. Как принято считать, формирование западных планов царя происходило под влиянием находившегося некоторое время при македонском дворе Деметрия Фарского (Polyb., V, 101–102)²⁰. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что даже опытный командующий не может себе позволить специально затягивать военные действия, ожидая сведений, не имеющих отношения к данной войне. А молодой македонский царь фактически впервые выступал в роли полководца и должен был быть предельно осторожен, поддерживая свой авторитет у союзников.

¹⁹ Так называемая II Иллирийская война 219 г., закончившаяся поражением и изгнанием Деметрия и установлением римского протектората в этом регионе (Polyb., III, 16, 7; 18–19; IV, 66, 4).

²⁰ О дурном влиянии Деметрия на Филиппа: Polyb., V, 12, 5 sq.; VII, 13 sq.; ср.: Plut. Arat., 50.

Согласно другому предположению²¹, Филипп был задержан в Акарнании слишком упорным сопротивлением этолийцев. Но эта версия явно противоречит источнику: Метрополь и Эниады взяты без боя, оставленная гарнизоном Ифория сравнительно легко занята и разорена, переправу через реку у Конопы охраняла этолийская конница, но она отступила (Polyb., IV, 64–65). Эти факты позволяют утверждать, что, за исключением осады Амбрака, продвижение македонской армии было сравнительно легким. Можно также привлечь к рассмотрению еще одно обстоятельство: оставленные в Акарнании гарнизоны едва ли могли рассчитывать на помощь из Этолии. Как указал Полибий (IV, 62), пока Филипп осаждал Амбрак, этолийское ополчение было занято разорением земель в Пелопоннесе и Македонии. Таким образом, отсутствие этолийских войск в Акарнании и, как следствие этого, невозможность организации крупного сопротивления позволило Филиппу достаточно быстро продвинуться на юг. В пользу быстрого продвижения македонской армии говорит и тот факт, что вся кампания Филиппа заняла немногим более двух месяцев²².

Гораздо большего внимания, на наш взгляд, заслуживает предположение Ф. Уолбэнка²³ о том, что целью Филиппа было укрепление македонского влияния на западном побе-

²¹ Ferrabino A. Arato di Sicyone e l'idea federale. Firenze, 1921. P. 156. Ему возражает Ф. Уолбэнк: Walbank F. Aratus of Sicyon. Cambridge, 1933. P. 131, n. 1.

²² Поход начался в начале лета, поскольку за время отсутствия Филиппа этолийцы под командованием Скопаса уничтожили хлеб на полях: τὸν τε οἴτον ἐπιπορεύμενος ... ἔφθειρε (Polyb., IV, 62, 2). Осада Амбрака заняла более сорока дней (Polyb., IV, 63, 2). Домой войска вернулись во время уборки жатвы (IV, 66, 7). Ф. Уолбэнк полагает, что это происходит в июле: Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 521.

²³ Walbank F. Philip V of Macedon. Cambridge, 1967. P. 38 ff.

режье Греции и установление более легкого пути из Македонии в Пелопоннес. Действительно, македонский царь постепенно освобождает западные земли от этолийцев. При этом он даже не отреагировал на нападение Скопаса на македонские земли. Тем не менее тезис о закреплении македонян в данном регионе также вызывает некоторые возражения. Во-первых, македонский царь не разместил здесь своих гарнизонов — даже в Эниадах, стратегическое положение которых он оценил. Во-вторых, потратив сорок дней на осаду Амбрака, Филипп передает крепость эпиротам (Polyb., IV, 63, 3). Он не оставил ее за собой, хотя позднее не раз будет поступать совершенно иначе в ходе этой войны.

Нет ответа на вопрос: почему Филипп так и не оказал помощи ахейцам, хотя освободил западный путь в Пелопоннес? Конечно, отсутствие флота для переброски войск могло сыграть некоторую роль²⁴. Однако сомнительно, что это оказалось решающим фактором для македонского царя: можно было воспользоваться ахейскими кораблями. Если переправа планировалась с самого начала кампании, то сюда имели бы возможность подойти и македонские транспортные суда. Кроме того, легкость и несложность конструкции античных судов делала постройку кораблей сравнительно простой, а сроки постройки могли быть в случае надобности очень краткими, находясь в прямой зависимости от количества рабочих рук. Известны примеры создания целого военного флота в течение одного—двух месяцев²⁵, так что построить транспортные суда можно было еще за время осады Амбрака.

²⁴ Ф. Уолбанк считает, что отсутствие флота стоило бы Филиппу огромных потерь: *Walbank F. Philip V of Macedon. 1967. P. 38 f.*

²⁵ Плиний сообщает (XVI, 74), что флот римского консула Дулия, принеший римлянам победу при Милах (260 г.), был построен за 45—60 дней, считая с момента валки корабельного леса.

Столь же примечателен конец этого похода. Все операции были свернуты Филиппом при известии, что на границах Македонии якобы собираются войска дарданов (Polyb., IV, 66, 1–2). Причем Полибий пишет о совсем не характерных для дарданов шагах. Этот воинственный народ, неоднократно тревоживший македонские земли, обычно приходилось изгонять силой и наносить ответные удары по их территории. А в этот год они, активно готовясь к вторжению, распускают войска, так и не совершив нападения, напуганные одной вестью, что Филипп уже вблизи Македонии (Polyb., IV, 66, 1 и 6). При этом поспешные действия македонского царя совершенно противоположны его реакции на разорение македонских земель этолийцами в начале лета. Кроме того, военный сезон был далек от завершения: едва ли свертывание похода связано с приближением конца лета.

Думается, Филипп в этом походе руководствовался несколько иными задачами, чем те, что предлагает нашему вниманию Полибий. Следует вспомнить, что молодой царь занимал также должность гегемона Эллинской лиги²⁶. В этом качестве он и вступил в войну, подчиняясь общему решению союзников. Конечно, македонские цари всегда имели планы

Гиерон II Сиракузский (269–214 гг.) затратил на сооружение флота в 220 кораблей 45 дней. См. также: Эллинистическая техника / Под ред. И. И. Толстого. М.—Л., 1948.

²⁶ Из источников нам ничего не известно о выборах нового гегемона после смерти Антигона Досона. Сам Филипп, вероятно, рассматривал эту должность как наследственную. Для сравнения можно провести параллель между положением Филиппа V в 221 г. и статусом Александра Великого после смерти Филиппа II, когда сила македонского оружия заставила греков считаться с желанием македонского царя. См. также: Сивкина Н. Ю. К вопросу о наследовании должности гегемона в Эллинской лиге 224 г. до н. э. // Материалы IX чтений памяти профессора Н. П. Соколова. Н. Новгород, 2004. С. 57–59.

расширения своей сферы влияния в Греции. И хотя в это время царь находился под сильным влиянием стратега Ахейского союза (Plut. Arat., 46—48) и только начинал свои самостоятельные дипломатические и государственные шаги, скорее всего, такие планы у него уже существовали или зародились в ходе этой кампании.

Поэтому, воздерживаясь от категорических заявлений, можно предположить, что действия македонского царя в Акарнании, вероятно, в большей степени объясняются его неопытностью: летом 219 г. Филипп V впервые попробовал себя в качестве полководца. Неуверенность молодого предводителя, нежелание скомпрометировать себя, не позволили ему пуститься в рискованные мероприятия. Напротив, он показал и врагам, и союзникам, что не окажется марионеткой в руках ахейского стратега и не станет использовать македонское войско иначе, чем в собственных интересах. В этом походе он планомерно создавал плацдарм для будущих действий, не обостряя отношения с союзниками размещением своих гарнизонов на освобожденной территории. В то же время Филипп, не желая открытого конфликта с ахейцами и не собираясь участвовать в аванюре с вторжением в Этолию, сначала затягивал переговоры с ахейскими послами, а затем использовал благовидный предлог для возвращения на родину. Вполне допустима, в таком случае, мысль, что никакого вторжения дарданов не готовилось вовсе. Царю был нужен весомый аргумент для отклонения настойчивых требований союзников, и он удачно нашел его.

Рассмотрев первые боевые действия Союзнической войны можно отметить, что Этолия, вопреки сложившемуся мнению, отличалась более слаженными и продуманными действиями, чем ее противники. Этолийцы придерживались традиционной тактики, располагали как собственным ополчением, так и наемными силами. За весну—лето 219 г. только одна операция принесла им провал: попытка захвата Эги-

ры, где они потеряли большую часть своего отряда. Однако, учитывая, что в атаке было задействовано примерно 1 200 человек, эти потери нельзя назвать ощутимыми. Международная обстановка также складывалась в пользу Этолийской федерации. На ее стороне выступили спартанцы. Хотя первые их действия были направлены к собственной выгоде, тем не менее сам факт самостоятельных действий Спарты показал неустойчивость Эллинской лиги, которая не смогла удержать недавно побежденное государство в своих рядах.

Что касается противоположной воюющей стороны, то здесь наблюдалась несогласованность действий командующих, непродуманная система совместной обороны. Примечателен в этом отношении факт нападения на Эгиру. Полибий утверждает (IV, 57, 3), что некий перебежчик из Этолии, долго живший здесь, заметил, что стража у ворот постоянно пьянствует. Поэтому он осмелился неоднократно переходить к Доримаху и призвал этолийцев к захвату города. Конечно, степень достоверности этих данных неизвестна, однако такая халатность вполне могла иметь место. Когда город имеет хорошие естественные укрепления, как это обстояло с Эгирой (Polyb., IV, 57, 5), охрана не всегда добросовестно относится к своим обязанностям. Описанное Полибием поведение стражи, вероятно, не было сильным преувеличением; дальнейшие события говорят в пользу достоверности его материала. Перебежчик провел отряд лучших воинов по непроходимым тропинкам и проник в город по водопроводу. Перебив спящую стражу, они открыли ворота основным силам (Polyb., IV, 57, 8–9). Подобный инцидент лишний раз служит доказательством пренебрежения ахейцами воинской дисциплины, что в условиях войны было не просто недопустимо, а преступно.

Очевидное желание ахейцев решить свои проблемы с помощью македонского оружия привело к возрастанию оппозиционных настроений внутри федерации. Города, входившие

в Ахейский союз, остались недовольны политикой центра: стратег оказался бездейтелен, он не только не организовал помощь нуждавшимся в ней, но даже не смог набрать наемников. А имевшееся в его распоряжении ополчение не провело ни одной серьезной операции. Обращения к македонскому царю остались без ответа, что также компрометировало ахейского стратега в мнении союзников. Такая пассивность со стороны одного из зачинщиков войны показывает, что ахейское руководство, видимо, предполагало провести войну не своими силами, а македонскими. Влияние Арата Старшего на Филиппа V, вероятно, породило такие надежды. Однако уже в начале войны македонский царь успешно продемонстрировал нежелание быть марионеткой в ахейских руках. Он заботился о своих интересах, привлекал к себе союзников по лиге, подчеркивал приверженность идеям Общего Мира. И, возможно, в этот период войны под благовидным предлогом намеренно не оказал помощи ахейцам. Арат пользовался серьезным влиянием среди членов лиги, союзники ориентировались на его линию политики, хотя не он являлся гегемоном. Македонский царь планировал вернуть утраченное ранее господствующее положение на Балканах на законных основаниях — через лигу, найдя опору в греческих союзниках. Однако пока Арат был жив и пользовался значительным авторитетом, это было едва ли осуществимо. Поэтому Филиппу оставалось лишь компрометировать ахейских стратегов, подчеркивать их слабые стороны и демонстрировать свои собственные преимущества. Фактически Ахейский союз оказался гораздо ближе к краху в ходе этой кампании, чем в 225 г., накануне обращения за помощью к Досону.

С точки зрения военного времени, расшатывание лиги было довольно опасным предприятием. Царь был молод и нетерпелив, ему не хватало опыта государственного мужа, чтобы просчитать последствия развала Эллинской лиги. Ре-

шиться на конфликт с лидерами союзников македонскому царю помогло осознание слабости ахейцев, наличие самой мощной армии в Греции и стремление показать всем союзникам, что без Македонии они не смогут выстоять против врагов. Фактически он предлагал грекам весьма простую альтернативу: либо ахейцы должны сражаться собственными силами, что неминуемо привело бы их к поражению от коалиции Элиды, Спарты и Этолнии и, вероятно, к распаду федерации; либо они получают помощь от Филиппа, пассивно наблюдая при этом за возрастанием македонской власти на своих границах. Естественно, такая позиция была слишком грубой, поэтому македонский царь постарался смягчить ситуацию объяснениями и обещаниями. Однако этого было недостаточно, чтобы сразу занять прочное положение гегемона Греции. Филиппу было необходимо подкрепить свои притязания удачными военными действиями, к реализации которых он приступил уже в следующем военном сезоне. Естественно, в последующих кампаниях разлад между лидерами лиги и расхождение в их целях проявятся с большей силой.

ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ ФИЛИППА V В ПЕЛОПОННЕСЕ

Первые кампании 219 г. шли с переменным успехом, хотя несогласованность действий командующих Эллинской лиги дала некоторые преимущества этолийцам¹. Более всего пострадала Ахайя, которая подверглась нападениям Этолии, Спарты и Элиды. Однако зимняя кампания 219 г. коренным образом отличалась от операций начала войны.

Согласно Полибию, события разворачивались следующим образом. Осенью 219 г. состоялись выборы стратега Этолийского союза², им стал Доримах (Polyb., IV, 67, 1). Фактически сразу после этого, действуя в русле традиционной этолийской тактики, он вторгся в Эпир, разоряя страну. Разграблено было даже святилище в Додоне. Примечательно, что военных столкновений не произошло, этолийцы безнаказанно вернулись домой (Polyb., IV, 67, 2–5). Эпироты даже не попытались их остановить, судя по данным историка. Этот факт требует особого объяснения.

¹ В. Тарн считает, что по итогам осени 219 г. победа осталась за Этолией: *Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia // САН. Vol. 7. 1928. P. 766.* Однако Н. Хэммонд справедливо указывает, что рейды этолийцев несли с собой террор и экономическое разорение земель, но в военном плане не дали им никаких преимуществ: *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 378.*

² Выборы этолийского стратега проходили после осеннего равенства (Polyb., IV, 37, 2).

Возможно, ответ в данном случае подскажет одна из «стратегов» Фронтин, который пишет: «Никострат, полководец этолийцев, в войне против эпиротов, когда дорога в ту страну стала для него опасной, сделал вид, что собирается вторгнуться через другое место. Масса эпиротов сбежалась, чтобы помешать этому. Тогда Никострат, оставив небольшой отряд, чтобы создать видимость, будто войско остается на месте, с остальными силами вступил в страну через проход, по которому его не ожидали» (I, 4, 4). Дата этого события не указана, но считается, что нападение имело место несколько раньше Союзнической войны, возможно, во времена Деметриевой войны. Кроме того, имя полководца совпадает с именем отца Доримаха (Polyb., IV, 3, 5). Поэтому вполне допустимо предположение, что если именно отец нынешнего стратега применил такую хитрость в прежних кампаниях, то, вполне естественно, что его опытом мог воспользоваться и сын во время отступления. О том, что эпироты должны были быть готовы к отражению внешнего вторжения, говорит следующий факт: эпирское ополчение, активно участвовавшее³ в первых операциях в составе македонской армии, летом вернулось домой (Polyb., IV, 66, 1–5). Следовательно, можно было собрать некоторое число воинов и попытаться воспрепятствовать их возвращению в Этолию или отбить какую-то часть добычи.

Маршрут Доримаха известен только в общих чертах. Полибий говорит (IV, 67, 1), что он вторгся в верхнюю часть Эпира (...εις τοῦς ἄνω τόπους τῆς Ἠπείρου...), т. е. шел через Афманию. Вполне вероятным кажется пред-

³ Polyb., IV, 61–63. См. также: Сивкина Н. Ю. Полибий о походе Филиппа V в Акарнанию // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Ч. 1: Проблемы источниковедения истории древнего мира и средних веков. Белгород, 2002. С. 11–16.

положение, что эпироты ожидали возвращения этолийцев тем же путем, по которому они пришли. Доримах же, за плечами которого было много грабительских набегов, мог использовать хитрость Никострата и уйти через другой перевал. Поэтому данное предприятие оказалось весьма успешным.

Однако следующий этолийский рейд закончился неожиданностью. Этолийский стратег Эврипид, вероятно, базировавшийся в Элиде, попытался пройти к Сикиону (Polyb., IV, 68)⁴. Однако по дороге, случайно узнав, что в Пелопоннес прибыл македонский царь Филипп V, повернул обратно. Но царская армия догнала этолийцев в районе Стимфала и разгромила (Polyb., IV, 69). Успех македонян был в немалой степени связан с бегством с поля боя Эврипида, который, бросив своих солдат, укрылся в Псофиде.

Появления македонских сил в разгар зимы никто не ожидал. Филипп прошел через Фессалию, Эвбею⁵, Беотию⁶ в Коринф (Polyb., IV, 67, 7). Оттуда послал приказ ахейскому стратегу о сборе ополчения в Кафиях (Polyb., IV, 67, 8). Направляясь туда же, царь шел через перевал Апелавра и

⁴ О маршруте Эврипида см.: *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 523; Pritchett W. K. Studies in ancient Greek Topography. Part VI. Berkeley—Los Angeles—L., 1989. P. 9 ff.*

⁵ Как прежде Досон, Филипп должен был прибыть через Эвбею, чтобы избежать Фермопил и сохранить тайну: *Walbank F. Philip V of Macedon. Hamden, 1940. P. 42; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 522.* Этолийцы не позволили Досону пройти через Фермопилы в 224 г.: см. Polyb., II, 52. Этому свидетельству большое значение придает: *Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia. P. 758.*

⁶ Факт прохода через Беотию Ф. Уолбэнк не рассматривает как доказательство ее участия в войне: *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 523.*

встретил отступавшие силы Эврипида⁷. Преодолев снежные метели на перевале через Олигирт⁸, македоняне достигли Кафий (Polyb., IV, 70, 1). Соединившись с ахейцами, Филипп подошел к Псофиде. Это место довольно точно описано у Полибия (Polyb., IV, 70—72) и Павсания (8, 24, 1—14). Оно считалось одним из самых неприступных в Аркадии⁹. Тем не менее царь не только решился на штурм города, но и успешно провел эту операцию. Защитники были вынуждены отступить на акрополь, однако, ввиду неподготовленности его к осаде пошли на переговоры о сдаче. Филипп позволил им покинуть город, Эврипид вернулся в Этолию, а Псофида была передана Ахейскому союзу (Polyb., IV, 70—72).

Дальнейшие события развивались стремительно. При приближении царя элейцы покинули Ласион¹⁰; македоняне взяли город с набега и передали его ахейцам (Polyb., IV, 73, 1—2). Захватив Страт¹¹, также покинутый, передали его телфусцам (Polyb., IV, 73, 2). Через пять дней царь прибыл в Олимпию, где три дня его войско отдыхало (Polyb., IV, 73, 3). Затем последовало македонское вторжение в Элиду, которое принесло обильную добычу, в том числе большое число пленных (Polyb., IV, 73, 4 — 75).

⁷ Апелавр — горы в западной Стимфалии. Битва Филиппа с Эврипидом произошла на восточной стороне гор: *Pritchett W. K. Studies in ancient Greek Topography. Part VI. P. 9—12.*

⁸ Олигирт — горы между Стимфалом и Кафиями. Возможно, маршрут Филиппа проходил через ущелье Ликоревма: *Pritchett W. K. Op. cit. Part VI. P. 12—17.*

⁹ Благодаря источникам сомнений в локализации Псофиды не возникало: *Pritchett W. K. Op. cit. Part VI. P. 22—28.*

¹⁰ Ласион находился на берегу речки Ладон, притока Пенея: *Pritchett W. K. Op. cit. Part VI. P. 28—30.*

¹¹ Страт — современный Stavri на берегу Ладона. Не сохранилось никаких следов стен, что позволяет считать Страт селом: *Pritchett W. K. Op. cit. Part VI. P. 31—33.*

Следующие операции развернулись южнее Элиды, в Трифилии. Этолийцы направили в Пелопоннес нового стратега — Филлида, который имел в своем распоряжении войско из этолийских и элейских граждан, а также наемников (Polyb., IV, 77, 6–7). Македоняне, оставив Олимпию, двигались по до-

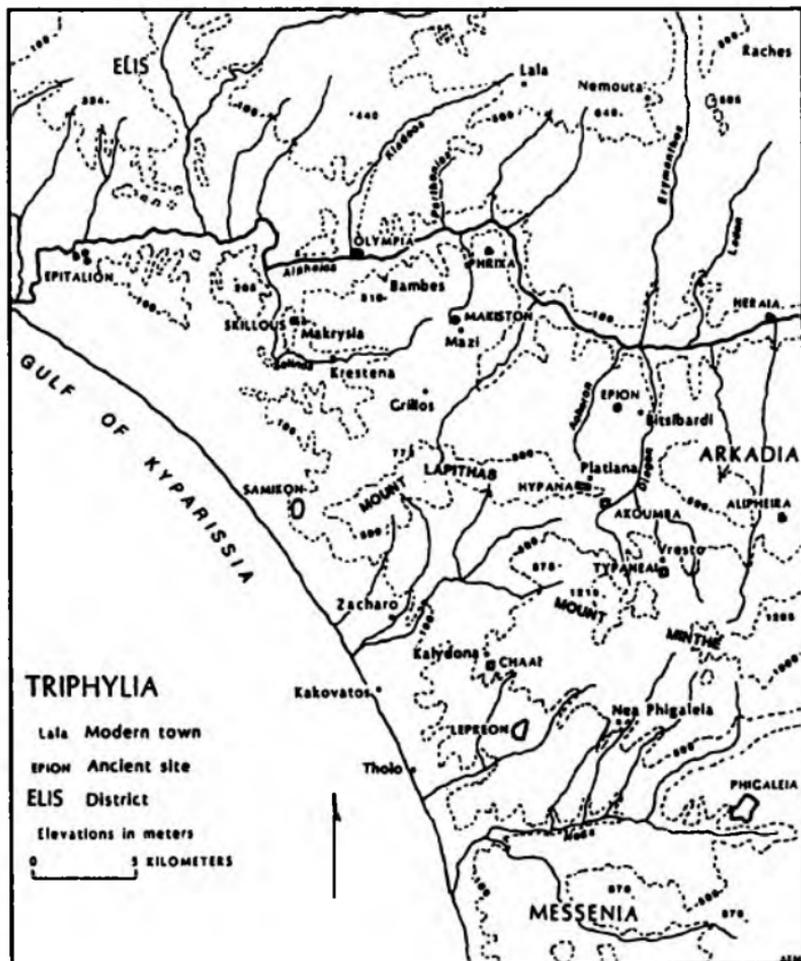

Рис. 5. Поход Филиппа в Трифилию

(Pritchett W. K. Studies in ancient Greek Topography. Part VI. Berkeley—Los Angeles—L., 1989. P. 47)

роге на Фарей¹², они прибыли в Тельфусу, Герею¹³, где распродали добычу, затем вторглись в Трифилию (Polyb., IV, 77, 5). Основной удар был нанесен македонским царем по Алифере, хорошо укрепленному месту. Повторился сценарий захвата Псофиды. Македоняне завладели городом, потом последовали переговоры с защитниками акрополя и сдача города при условии неприкосновенности осажденных (Polyb., IV, 78). После этого события жители Лепрей поднялись на борьбу с этолийцами и отправили посольство к македонскому царю с предложением сдать ему город. Затем в течение 6 дней Филипп завладел всеми городами Трифилии. Полибий (Polyb., IV, 77, 9) называет в их числе Самик, Лепрей, Гипан, Типанен, Пирг, Эпий, Болак, Стилангий, Фрикс¹⁴. Филлид был вынужден оставить эти земли (Polyb., IV, 80).

Одновременно провалилась попытка захвата этолийцами Фигален (Polyb., IV, 79, 6–8). Жители ее также решили сдаться македонскому царю; сюда было направлено войско во главе с Таврионом (Polyb., IV, 80, 3). На этом боевые действия прекратились. Остаток зимы Филипп провел в Аргосе (Polyb., IV, 87, 13).

Изложение хода этой кампании весьма примечательно. Удивительно уже то, что Филипп решился на зимнюю кампанию, хотя погода не благоприятствовала военным действи-

¹² Фарей может быть локализован в современной Nemoua на берегу Эриманфа к югу от Псофиды. Это наиболее естественный путь из Олимпии в Тельфусу: Pritchett W. K. Op. cit. Part VI. P. 35–37.

¹³ Данные Павсания (8, 26, 1–2) позволяют локализовать Герею без особых сомнений (Pritchett W. K. Op. cit. Part VI. P. 39–41).

¹⁴ Из них не идентифицирован только Болак. Гипана — совр. Platiana, Типанен — совр. Vresko, Лепрей — совр. Lepreo, Самик — совр. гора Kaiápha, Фрикс — совр. Palaió Phanari, Стилангий — совр. Grillos, Эпий — совр. Trypti, Пирг — совр. Vambes. (Pritchett W. K. Op. cit. Part VI. P. 46–76.)

ям. Полибий указывает (IV, 70, 1): македонским войнам пришлось преодолевать снежные метели и перевалы. Царь прибыл в Коринф ко времени зимнего солнцестояния (Polyb., IV, 67, 7). Погода в это время была очень холодная (Polyb., III, 72, 3), что вполне естественно для середины декабря¹⁵. Поэтому появление Филиппа в Пелопоннесе было неожиданным и для друзей, и для врагов (Polyb., IV, 68–69). Такой тип кампании не использовался со времен Александра Македонского¹⁶. Вероятно, воспитанный на его примере¹⁷

¹⁵ По исчислению Юлия Цезаря, зимнее солнцестояние приходится на 25 декабря, по Гиппарху — на 17 декабря (Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. С. 345. Примеч. к III, 72, 3). Н. Хэммонд называет 22 декабря: *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 376.*

¹⁶ *Cary M. A history of the Greek World from 323 to 146 B. C. L., 1932. P. 166.*

¹⁷ Павсаний говорит (VII, 7, 5), что Филипп V не только подражал действиям Филиппа II, но и включал его в число своих предков. Однако переищет, видимо, ошибся: Филипп V стремился своими делами превзойти самого Александра, а не его отца. Не случайно Плутарх говорит, что перед битвой при Киноскефалах македоняне, ставя римлян выше персов, надеялись в случае победы вознести Филиппа превыше самого Александра (Plut. Flamin., 7). Также и родственные связи с Александром Великим Филиппу было легче установить по материнской линии. Как известно, матерью знаменитого полководца была Олимпиада — дочь эпирского царя. Матерью Филиппа, видимо, была Фтия, внучка известного эпирского царя Пирра. Эта версия впервые была выдвинута В. Гарном, который считал, что эпирская кровь в венах Филиппа позволяет лучше понять его характер и темперамент, особенно вспышки гнева и случавшуюся потерю самообладания. Таким психологическим типом не обладал ни один Антигонид, зато его четко можно выявить у Олимпиады, Пирра и Александра Великого. Подробнее об этом см.: *Fine J. The Mother of the Philip V of Macedon // Cl. Q. Vol. 28. № 2. 1934. P. 99–104.* К сожалению, не представляется возможным точно выявить родственные связи Филиппа с Алек-

Филипп отважился применить полученные знания на практике, что принесло успех всей операции.

Выбор зимнего времени для начала кампании оправдал себя не только в плане внезапности, но и в плане решения вопроса о содержании армии. Во все времена считалось удачным обстоятельством, если в ходе войны войско могло содержаться за счет врага¹⁸. Зимняя кампания как нельзя лучше способствовала этому. Следует помнить, что речь идет об Элиде, земли которой были плодородны. Урожай к зиме

сандром. Сходные черты характера не являются основным аргументом в установлении родства царей, поскольку, как известно, на становление личности большое влияние оказывает окружающая среда, социум. Тем не менее, Сильвия Ле Боек также считает, что матерью Филиппа была Фтия, а не Хрисеида, упомянутая Полибием (V, 89, 7). Однако в отличие от Дж. Файна, который утверждал, что Хрисеида стала женой Деметрия II после смерти Фтии, а затем вышла замуж за Антигона Досона, Ле Боек полагает, что Фтия пережила Деметрия и стала первой женой Досона, а после ее смерти Антигон женился на Хрисеиде: *Le Bohec S. Les reines de Macédoine de la mort d'Alexandre à celle de Persée // Revue d'Histoire Ancienne*. Т. 4. 1993. Р. 231–232.

Противоположные версии также довольно разнообразны. Согласно одной из них, например, Фтия сохранила свое положение, несмотря на связь мужа с Хрисеидой и рождение у них сына (Подр. см.: *Ogden D. Polygamy, prostitutes and death. The hellenistic dynasties*. L. 1999. Р. 180–181). Хотя дискуссия о Хрисеиде и Фтии не входит в нашу задачу, на наш взгляд, несколько сомнительна версия, что матерью Филиппа была Хрисеида, первоначально куртизанка, лишь затем ставшая второй женой Деметрия. В таком случае его претензии на родство с Филиппом и Александром не имели бы под собой никакого основания. Это не только было бы очевидно его современникам, но и должно было послужить предметом язвительных намеков со стороны врагов, что, в свою очередь, не могло бы не отразиться в источниках.

¹⁸ *Мариневич Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса*. М., 1975. С. 162.

были собраны, запасы сделаны, поэтому завоеватели не имели проблем с получением продовольствия. Обилие захваченной добычи подчеркивает и Полибий (Polyb., IV, 73, 4–5; 74, 7–8; 77, 5). Примечательно, что все разорения имели место на земле Элиды. Когда же речь идет о Трифилии, не встречается ни одного упоминания о грабежах. Вполне вероятно, македонский царь не допустил бесчинств на этой территории, поскольку планировал поставить земли Трифилии под македонский контроль. Ему требовалось приобрести дружественное отношение жителей к себе.

Вторая особенность данного похода — его стремительность, в духе Александра Македонского в 335 г. Даже, как подчеркнул Плутарх, «редкостная стремительность» (Arag., 48). Маршрут Филиппа приведен у Полибия (Polyb., IV, 67–80). Выйдя из Коринфа, он остановился во Флиунтской области, затем мимо Стимфала прошел к Псофиде, после ее штурма и захвата Ласиона и Страт прибыл в Олимпию, опустошил земли Элиды и двинулся на юг через Телфусу и Герею в Трифилию; подчинив города этой области, отправил отряд Тавриона в Фигалею, а сам вернулся в Мегалополь. На этом кампания завершилась. Таким образом, можно сказать, что царь обошел половину Пелопоннеса примерно за месяц, при этом ему пришлось тратить время на осаду и штурм городов, а также разорение земель противника. Если полагаться на сообщения Полибия, то начало операции следует отнести к зимнему солнцестоянию (втор. пол. декабря), а окончание ее — к середине зимы (...μέσου χειμῶνος... Polyb., IV, 80, 16). «На основе приведенных Полибием данных можно высчитать, что скорость передвижения македонских войск в Пелопоннесе была 10, иногда 9,5 миль в день. Для сравнения: Александр Великий делал по 13 миль в день¹⁹. То, что

¹⁹ Pritchett W. K. Studies in ancient Greek Topography. Part VI. P. 77.

предпоследний македонский царь двигался медленнее своего знаменитого предшественника, не преуменьшает заслуг Филиппа: следует помнить, что он шел зимой и через горы.

Показательно сравнение зимних операций с летней кампанией 219 г. Филипп выступил из Македонии, вероятно, в начале лета²⁰, потратил 40 дней на осаду Амбрака, потом переправился в Акарнанию. Здесь он соединился с акарнанским войском и начал изгонять этолийские гарнизоны из крепостей, пока не пришло известие из Македонии о готовящемся нашествии дарданов (Polyb., IV, 64–66). Однако узнав, что дарданы передумали, Филипп распустил войско для уборки урожая²¹, а сам остальную часть лета провел в Фессалии. Неизвестно, сколько точно длилась эта кампания, однако примерный подсчет позволяет говорить, что она заняла, вероятно, чуть менее трех месяцев.

Налицо явное отличие в скорости передвижения войск. Зимой, в неблагоприятных условиях, македонская армия действовала успешнее, чем летом. Вполне вероятно, немалую роль в этом играл элемент неожиданности и внезапности. Противник не ожидал, что молодой царь, слабо проявивший себя в начале войны, окажется способен не только преодолеть природные трудности, но и отважится на штурм городов, считавшихся хорошо укрепленными. Его стратегические таланты оставили греков в большом недоумении. Возможно недооценка Филиппа восходит к греческим представлениям. По их меркам командовать войсками в восемнадцать лет —

²⁰ Поход Скопаса на Македонию, по мнению Н. Хэммонда, начался в начале лета; Ф. Уолбэнк считает, что вторжение началось уже после ухода Филиппа в Эпир: *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 375; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 515.*

²¹ По мнению Ф. Уолбэнка, сбор урожая имел место в июле (*Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 521*), хотя «остальная часть лета» могла означать и август.

это нелепость, так как гражданин способен занимать такие должности, лишь достигнув тридцатилетнего возраста²². Из этого устоявшегося мнения вытекает высказывание древних авторов о царе как о некомпетентном молодом человеке (Polyb., IV, 24, 1–3; V, 12, 5; 16, 2; 18, 6; 26, 4; Just., 29, 1, 10), хотя Полибий время от времени все-таки вынужден признавать его способности (IV, 77, 1; 82, 1; V, 18, 7; 29, 2).

Третья характерная черта зимней военной кампании Филиппа заключается в использовании гораздо меньших сил, чем в первые месяцы войны. Летом у македонского царя было 10 000 фалангитов, 5 000 пельтастов и 800 всадников (Polyb., IV, 37, 7). Кроме того, он имел ополчение из Эпира, 300 пращников из Ахайи и 500 критян-наемников (Polyb., IV, 61, 2). Точное число эпиротов неизвестно, хотя *παυδοῦσι*, конечно, явное преувеличение. Для выяснения их численности в армии Филиппа можно привлечь другие данные. Так, в войске Антигона Досона в Клеоменову войну находились 1 000 пехоты и 50 всадников из Эпира (Polyb., II, 65, 4); ровно столько же предоставили акарнанцы. В ходе же летней кампании 219 г. царь получил от акарнанцев 2 000 пехоты и 200 всадников (Polyb., IV, 63, 7). Расхождение весьма существенное, если учесть, что во время боевых действий какая-то часть акарнанцев должна была оставаться дома. Видимо, в случае с Эпиром ситуация выглядит сходным образом. Поэтому не будет, вероятно, выглядеть большим преувеличением предположение, что они предоставили Филиппу около 2 000 человек. Таким образом, в распоряжении македонского царя летом находилось примерно 18–19 000 человек.

Что касается зимних боевых действий, то известно, что царь пришел в Пелопоннес, имея лишь 3 000 меднощитников, 2 000 пельтастов, 300 критян и 300 всадников. Иными словами знаменитую македонскую фалангу полностью он не

²² Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 381.

использовал. Это обстоятельство выглядит вполне логично, так как боевых действий на открытой местности не ожидалось, а на горных перевалах и при штурме крепостей, расположенных на возвышенностях, фаланга теряла свои преимущества. Филипп V в данном случае сделал ставку на мобильность, и она вполне оправдала себя.

Вспомогательные силы царь потребовал у союзника — Ахейской федерации. Он отправил приказ о сборе ахейского ополчения (Polyb., IV, 67, 8). Соединение с ним произошло у Кафий (Polyb., IV, 70, 2). О том, что это было именно ополчение, говорят некоторые факты. Всю предыдущую кампанию Арат Младший вел себя пассивно, так как безуспешно пытался набрать наемников; о созыве ополчения объявлено не было²³. Соответственно, боевые действия ахей-

²³ Ахейский союз располагал постоянной федеральной армией из наемников и эпилектов. Эпилекты были ограничены по численности и являлись основой «регулярной армии». Они не только участвовали в больших походах и сражениях, но имели и специфические задачи, например, охрану границ, гарнизонную службу и т. п. (Polyb., IV, 19, 1; V, 3, 2; 17, 4; 92, 10; 95, 5; Liv., 32, 25, 6; Plut. Arat., 31, 3). В критической ситуации собиралось всеахейское ополчение. Подробнее см.: Сизов С. К. Федерализм и военная организация в эллинистической Греции (III—II вв. до н. э.) // Между войной и миром: история и теория. Н. Новгород, 1998. С. 5 сл.

О военном призыве должен был позаботиться стратег Ахейского союза, тем не менее, этолийские вторжения показали, что большими силами Арат Младший летом 219 г. не располагал. Видимо, он полагался на граждан тех полисов, которые оказались в зоне боевых действий. Такая практика существовала (Polyb., IV, 13, 1; V, 95, 7), но ее нельзя назвать оправданной в условиях начавшейся масштабной войны. Набор же наемных сил вызвал серьезные трудности, поскольку в предыдущей войне ахейцы не расплачивались с наемниками полностью (Polyb., IV, 60, 2). Учитывая вышесказанное, можно предположить, что зимой 219 г. ахейский стратег предоставил Филиппу эпилектов.

ский стратег не вел. Теперь же в кратчайшие сроки ему удалось набрать внушительное число солдат. Едва ли ситуация с наемниками изменилась. Полибий утверждает, что общее число армии Филиппа после объединения возросло до 10 000 человек, т. е. Арат привел примерно 4 000 воинов. Таким образом, зимняя кампания задействовала примерно в 2 раза меньше людей, чем летняя, и при этом была гораздо успешнее.

Так же как и летом, даже обладая меньшими силами по сравнению с первой кампанией, македонский царь имел существенное преимущество над врагами. Численность этолийских сил была совершенно незначительной. Первое столкновение с отрядом Эврипида произошло недалеко от Стимфала, до соединения сил союзников. Этолийский отряд насчитывал около 2 200 человек (Polyb., IV, 68, 1) против 5 600 македонян. В битве за Трифилию этолийские войска возглавил Филлид; в его распоряжении было 600 этолийских солдат, 500 наемников, 1 000 элейцев и некоторое число тарентинцев. Однако Филлид разделил силы: элидяне защищали Лепрей, наемники — Алиферу, а сам он с оставшимися силами находился в Типанеях (Polyb., IV, 77, 7). Таким образом, этолийские силы насчитывали 1 900 воинов, в то время как Филипп V в Трифилии командовал общесоюзным войском.

Вероятно, появление царя в Пелопоннесе застало этолийцев врасплох. Филипп воспользовался их собственной тактикой — они практиковали нанесение быстрого удара и разорение вражеских земель. Этолийцы продемонстрировали полную неготовность к таким действиям македонян. Города, подвергшиеся атаке, не были готовы к осаде. Так, например, Псофида считалась хорошо укрепленным опорным пунктом элидян (Polyb., IV, 71, 2 и 5). Однако никто не помешал царю переправиться через Эриманф вблизи города (Polyb., IV, 71, 4), а в акрополе не оказалось οὐδεμιᾶς σφίσι παρασκευῆς ὑπαρχούσης, т. е. «орудий борьбы», как говорит

Полибий (Polyb., IV, 72, 2). Такая беспечность стоила защитникам города. Этолийцы проявили мало заботы о своих союзниках. Вероятно, основная причина случившегося кроется в недооценке молодого царя.

Следующий аспект, который также необходимо рассмотреть, касается македонской тактики. Примечательно, что из всех перечисленных выше захваченных пунктов в Пелопоннесе серьезное сопротивление могли оказать только два города — Псофида и Алифера в Трифилии. Зимняя кампания, соответственно, как бы распадается на два этапа.

Первой целью была Псофида. Ее укрепления считались неприступными. С запада было невозможно переправиться через стремительный горный поток, с востока течет быстрый Эриманф, с юга — приток Эриманфа. Северная сторона представляет собой крутой холм, обведенный стеной. Город был окружен превосходными укреплениями и имел выгодное стратегическое положение: тот, кто контролировал Псофиду, имел возможность угрожать и ахейцам, и акарнанцам (Polyb., IV, 70, 6 — 71, 2). Тем не менее Филипп решился на штурм, который увенчался успехом. После столь блистательной атаки остальные населенные пункты сдались сами (Polyb., IV, 73—74).

Второй удар пришелся на Алиферу. Она была расположена «на обрывистом со всех сторон холме, подъем к городу составлял более 10 стадий» (Polyb., IV, 78, 3), то есть около 2 км²⁴. На вершине находилась крепость (Polyb., IV, 78, 3). Но и эту высоту македоняне взяли приступом (Polyb., IV, 78, 11). Остальные крепости Трифилии предпочли сдаться (Polyb., IV, 79—80). Более того, жители Лепрей даже поднялись на борьбу с этолийским отрядом, находившимся в городе (Polyb., IV, 80, 4), так что воины вынуждены были

²⁴ Учитывая, что стадий соответствует 184,98 м, то общая высота составит 1849,8 м.

покинуть его при известии о приближении македонского царя (Polyb., IV, 80, 5). Таким образом, избранная Филиппом тактика — нанесение основного удара по наиболее сильной крепости — обеспечила ему психологическую победу над противником. Царь показал себя талантливым тактиком и храбрым полководцем.

Отметим еще одно обстоятельство — явную демонстрацию дружественного отношения молодого царя к ахейцам. В первой кампании, летом 219 г., Филипп вел себя иначе — он не откликнулся на их просьбы о помощи, оставаясь в Акарнании. Ахейцы, страдая от этолийских набегов, не провели ни одной самостоятельной акции. Теперь же македонская армия воевала фактически ради них. Взятая штурмом Псофида была торжественно передана ахейцам, которые ввели в крепость свой гарнизон (Polyb., IV, 72, 9). Им же был передан Ласион (Polyb., IV, 73, 2).

Что касается Трифилии, то она отныне контролировалась македонскими силами. В Лепрее был поставлен македонский гарнизон, а наблюдателем за всей областью был оставлен акарнанец Ладик (Polyb., IV, 80, 15). Такая позиция царя вполне объяснима. Первый этап зимней кампании был направлен на восстановление союзнических отношений, которые находились под угрозой после игнорирования им ахейских просьб о помощи летом 219 г. Умиротворив основного партнера по союзу, Филипп стал действовать в своих интересах, расширяя сферу македонского влияния в Пелопоннесе. Кроме того, возвращение к системе контроля за территориями с помощью гарнизонов было оправдано военной необходимостью: данные земли можно рассматривать как клин, который Филипп вбил между Этолией и Спартой²⁵. Последняя теперь оказывалась изолированной от прямого сообщения со своими союзниками.

²⁵ Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 48.

В свете предложенной интерпретации событий можно рассмотреть и позицию фигалейн. Их земли были базой для этолийских пиратов и удобным плацдармом для вторжения в Мессению²⁶. После присоединения Трифилии к царю Фигалея заявила о своей готовности перейти на македонскую сторону, сюда был направлен царский уполномоченный по делам в Пеллопоннесе Таврион с войском (Polyb., IV, 79, 7 и 80, 2).

В ходе зимней кампании существенная часть западных земель оказалась под контролем македонян. Более того, в тексте «Всеобщей истории» нет ни одного негативного высказывания ахейского историка по этому поводу, хотя обычно он не упускает возможности осудить деяния Филиппа. Вероятно, даже такой пристрастный автор, как Полибий, восхищался мастерски проведенными операциями. Возможно, установление македонского контроля имело свою идеологическую основу. Необходимость македонского присутствия на данных территориях объяснялась состоянием войны и поэтому это присутствие воспринималось греками-союзниками как временное, действующее до подписания мира.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что македонский царь зимой 219 г. предстал в совсем ином свете и перед этолийцами, и перед ахейцами. Он показал себя талантливым тактиком, удачливым полководцем, заботливым союзником и милосердным врагом (сдавшиеся этолийские отряды были отпущены по домам). Иными словами, он больше не воспринимался как молодой и неопытный предводитель Эллинской лиги. Напротив, с этого момента Фи-

²⁶ Несмотря на то, что позиция Мессении послужила поводом к Союзнической войне, сами мессенцы на первых порах отказались от участия в ней. Свой отказ они мотивировали тем, что Фигалея — область на их границе и удобный плацдарм для действий против их государства — находится под контролем этолийцев (Polyb., IV, 31, 1).

липп стал неуклонно осуществлять свою собственную политику, которая не всегда совпадала с устремлениями других участников альянса.

Составными частями его замыслов было установление мира в Греции и восстановление македонского господства над ней. Первая задача, согласно его плану, решалась после реализации второй. Именно в этом ракурсе следует рассматривать действия Филиппа летом и зимой 219 г. Передача некоторых крепостей союзникам демонстрировала его готовность к сотрудничеству в рамках лиги. Оказание помощи способствовало налаживанию дружественных отношений и снятию негативного восприятия греками македонской политики. Установление собственного контроля над рядом территорий объяснялось военным временем и, вероятно, «заботой» о союзниках.

Таким образом, не вызывая особых подозрений, Филипп сумел создать в Пелопоннесе сферу своего влияния. С военной точки зрения ее можно рассматривать как плацдарм для ведения военных действий, в политическом аспекте эти земли создавали противовес амбициозному союзнику Македонии — Ахейской лиге. Вероятно, есть основания утверждать, что Филипп опасался слишком сильного влияния Арата Старшего на других участников Эллинского договора²⁷. Проводить открыто свои интересы через лигу было возможно только при наличии преданных лично ему сторонников. Поэтому свою ближайшую политическую задачу македонский царь видел в уменьшении влияния Арата и в создании своего образа — образа борца за греческие интересы. Дальнейшие военные успехи должны были подтвердить его претензии на эту роль.

²⁷ Подтверждением этого влияния может послужить неудачная попытка Филиппа V ввести гарнизон в мессенскую крепость — она провалилась из-за угрозы Арата о расторжении союза (Plut. Arat., 50; Polyb., VII, 11).

Весной 218 г. военные действия возобновились. Однако этолийский блок, не оправившись от зимних неудач, заметно уступал позиции по всем фронтам. Немалую роль в этом сыграл и тот факт, что в начале сезона союзник Этолии в Пелопоннесе — Спарта — был вынужден воздержаться от участия в совместных действиях. Там в самый разгар зимы была организована попытка государственного переворота, закончившаяся провалом нового режима. В литературе это событие принято называть путчем Хилона. Спартанский царь Ликург был вынужден бежать и скрываться. Вернулся он, вероятно, летом; лишь после этого были организованы совместные с этолийцами операции.

Элида в конце зимы или начале весны подверглась нападению македонских войск. Хотя результаты вторжения были скромные — разорение полей и возвращение Диме крепости Тейхос, тем не менее идеологические последствия были существенными. Эллинская лига возобновляла войну, намереваясь расширить и закрепить достигнутые ранее успехи, тогда как для ее врага год начинался с попытки остановить продвижение противника. Более того, македонский царь попытался склонить Элиду к отпадению от союза с Этолией.

Полибий сообщает, что стратег элейцев Амфидам, попав в плен, предложил себя в качестве посредника при переговорах о заключении союза Элиды с Филиппом. Хотя царь предлагал выгодные условия — возвращение пленных без выкупа, обещание не вводить гарнизон и не устанавливать

дань, сохранение их государственного устройства — элейцы решительно отвергли все предложения. Амфидам, узнав о намерении схватить его и отправить в Этолию, был вынужден бежать к Филиппу (Polyb., IV, 84, 2—6; 86, 3—4). Таким образом, дружба элидян с Этолией выдержала серьезное испытание. Вероятно, немалым фактором, повлиявшим на их решение о сохранении верности союзникам, было наличие этолийского отряда в Элиде. Для Эллинской лиги этот провал был досадным обстоятельством, поскольку, если бы в начале сезона удалось вбить клин в отношения между противниками, конец кампании вполне мог стать завершением Союзнической войны в целом. Вероятно, по замыслу царя, этот год должен был стать переломным в ходе войны. Однако военные успехи Эллинской лиги были омрачены разногласиями как между лидерами союза, так и между македонским царем и его окружением. Таким образом, внутренние противоречия не позволили союзникам воспользоваться удачно складывавшимися обстоятельствами и победоносно завершить войну в этот сезон.

Весной 218 г. в Ахейском союзе прошли выборы стратега. Вместо Арата Младшего был назначен Эперат. Причем источники единодушно говорят, что Филипп под влиянием своего окружения поддержал его кандидатуру (Plut. Arat., 48; Polyb., IV, 82, 6—8). Ф. Уолбэнк доказывает¹, что Апеллесу² удалось объединить две оппозиционные Арату группы³.

¹ Walbank F. Philip V of Macedon. Hamden, 1940. P. 44 ff.

² Согласно завещанию Антигона Досона (Polyb., IV, 87, 8), при Филиппе V был оставлен опекунский совет. Апеллес возглавлял окружение царя. Полибий указывает (IV, 82, 2—8), что он придерживался жесткой политики по отношению к грекам, что, естественно, вело к столкновению с линией Арата.

³ Полибий говорит об активизации группы противников Арата после битвы при Кафиях (Polyb., IV, 14). Вероятно, эти лица не поддерживали курс на войну.

Одна из них стояла за социально-экономические преобразования в Ахейской лиге, свидетельством чего, по мнению Ф. Уолбэнка, «является размещение штаба Апеллеса в Аргосе»⁴. Следует вспомнить, что в Клеоменову войну Аргос добровольно сдался спартанскому царю в надежде на социальные преобразования. Другая объединяла западные города федерации, настроенные враждебно по отношению к Арату из-за его пассивного руководства в начале войны. Эперат из Фары был представителем именно этих полисов. Не следует забывать и то, что в свете беспрецедентной неэффективности действий своего сына Арат фактически признал уменьшение своего престижа в федерации. Зная собственные слабые способности в военном деле, он не стал выставлять свою кандидатуру на выборах. Такой шаг давал ему серьезное преимущество: последствия просчетов Арата Младшего ложились на другого стратега, с зародившимся недовольством центральной властью должен был бороться новый лидер. С таким грузом проблем мог справиться действительно талантливый руководитель, поэтому через некоторое время взоры и надежды ахейцев вновь обратились бы на Арата, что неминуемо возвращало ему прежний статус.

Однако, по мнению Д. Мендельса⁵, для царя Филиппа важнее были политические, а не социальные мотивы выборов. Вполне вероятно, царь опасался, что к власти вновь придет Арат Старший, представлявший, по мнению ближайшего окружения Филиппа, угрозу македонским интересам в Греции. Даже слабые полководческие способности Арата и передача общего командования царю не позволили бы последнему действовать по своему усмотрению. Ему пришлось бы учитывать пожелания и требования союзников, за

⁴ *Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 44 ff.*

⁵ *Mendels D. Polybius, Philipp V and the Socio-economical Questions in Greece // Ancient Society. Louvain, 1977. № 8. P. 158.*

которыми стояла фигура этого политика. Поддерживая оппозиционного лидера, царь освобождался от груза опеки Арата и имел возможность усиливать свое влияние на союзников. Еще один аспект мог повлиять на позицию македонского правителя на выборах. Новая кампания, как покажут дальнейшие события, требовала дополнительных финансовых вложений. Македонский царь, конечно, рассчитывал получить их от союзников с большей легкостью, если у власти не будет стоять ставленник Арата⁶. С другой стороны, в военном отношении выбор нового стратега нельзя назвать наилучшим разрешением ситуации. Эперат оказался еще более бездарным полководцем, чем Арат. При этом новый стратег совершенно не обладал качествами лидера: он был лишен и политической дальновидности, и дипломатических способностей (Plut. Arat., 48.; Polyb., V, 30, 1; 30, 5–6; 91, 4–5).

Начало кампании македонский царь запланировал перенести на море. Этот шаг можно расценить как поворот в его политике — отныне допустимо говорить о его опоре на флот в западных водах⁷. Примечательно, что до сих пор Филипп вел разумную политику: как отмечает В. Тарн, он не отрезал Этолийский союз от Адриатики, не заставил Элиду и Спарту войти в Эллинскую лигу. Вероятно, он рассчитывал заключить с Этолией договор в духе Антигона Гоната и Антигона Досона⁸. В таком случае, необходимо выяснить, чем же была вызвана столь серьезная перемена в его политике? Можно ли говорить, что уже в 218 г. Филипп разглядел

⁶ Errington R. M. Philip V, Aratus and the «Conspiracy of Apelles» // Historia. 1967. Bd. XVI. Hft. 1. P. 27.

⁷ Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues // CAH². Vol. 7. 1984. P. 478.

⁸ Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia // CAH. Vol. 7. 1928. P. 767.

угрозу с запада? Действительно ли он поддался влиянию Деметрия Фарского, находившегося при царе всего несколько месяцев (Polyb., IV, 66, 4–5), или этот шаг был результатом иных обстоятельств?

Едва ли следует придавать большое значение версии о пристальном внимании Филиппа к итальяским делам, тем более, что он был основательно занят войной в Греции. Еще менее правдоподобным выглядит предположение о влиянии на царя уже в это время авантюриста Деметрия. Филипп в первой же военной кампании показал, что не желает быть марионеткой ни в чьих руках, он стремился даже избавиться от давления Арата, к которому он питал давнее уважение. Конечно, он мог прислушиваться к советам Деметрия. Но, вероятно, вопросы царя касались не Рима, а методов ведения войны пиратами, особенностей судостроения, преимуществ какого-то типа кораблей перед другими и т. п. Поскольку действия Деметрия Фарского мало чем отличались в прежние годы от деяний этолийцев, его знания имели большое значение для македонян, которые после правления Антигона Гоната не совершенствовали свои навыки сражений на море.

До сих пор молодой царь действовал весьма осторожно, когда дело касалось установления македонского влияния в Греции, следуя в этом вопросе принципам Антигона Досона, добившегося своей умеренностью большой популярности. Однако некоторые шаги, предпринятые Филиппом в этой войне, свидетельствуют, что он окреп и как полководец, и как правитель. Под его контролем оказались земли в Пелопоннесе, он оценил преимущества мобильной переброски сил. Определенно, он должен был придти к мысли, что флот — не обязательно в западных водах, а флот вообще — необходим для успешного ведения и мирных, и военных дел. Вероятно, стоит прислушаться к мнению Ф. Уолбэнка, что «морская программа Филиппа могла зародиться в ходе кам-

пании 219 г. Царь был поражен потенциальными возможностями Эниад, которые он укрепил»⁹. Эта кампания открыла западный путь в Пелопоннес через Амбракию и Акарнанию, нужны были лишь удобная база и флот. В ходе боевых действий Филипп получил Эниады, так что первая задача была решена; дело было за второй. Можно также добавить, что подобный путь стал бы удачной альтернативой традиционной дороге через Фермопилы, которая в самый неподходящий момент, как это было с войсками Антигона Досона, легко блокировалась врагами македонян.

Тот факт, что корабли оказались в Адриатике, вовсе не говорит об иллирийских и тем более итальянских планах царя¹⁰, хотя появление нового флота не осталось незамеченным римлянами. Целью македонского царя в этом сезоне был разгром Этоллии и пресечение действий этолийских пиратов, рейды которых вызвали эту войну. Только военный флот мог гарантировать свободу мореплавания в регионе и создавать угрозу коммуникациям врага в Элиде и Этоллии. С флотом Филипп мог высадиться на территории любого члена вражеской коалиции и разбить противника поодиночке. Поэтому, как гегемон лиги, в задачу которого входило обеспечение безопасности союзников, Филипп и начал осваивать морское пространство. Правда новых кораблей, видимо, построено не было. Царь собрал старые македонские суда и флот союзников. Полибий говорит о его обращении к мессенцам, эпиротам, акарнанцам и Скердилаиду. Последний, в частности, предоставил 15 судов (Polyb., V, 3, 3; 4, 3).

Обучив войско, Филипп, согласно Полибию, избрал целью Кефаллению (Polyb., V, 3, 3—10). Выбор направления удара был неслучаен. Историк вполне обоснованно при-

⁹ Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues. P. 478.

¹⁰ Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 51; Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues. P. 478.

водит мотивы такого выбора. Кефалления была опорой этолийцев, на кефалленских кораблях они переправлялись в Пелопоннес. Кроме того, остров имел стратегическое положение, так как «лежал напротив Коринфского залива и господствовал... над Элидой, Этолией, Акарнанией и Эпиром» (V, 3, 7—10). Н. Хэммонд считает¹¹, что целью Филиппа был раскол врагов. Допустимо предположение, что царь планировал создать на острове еще один опорный пункт, который вместе с Коринфом, Деметриадой и Халкидой стал бы «цепями Элады», как впоследствии их называли (Polyb., XVIII, 11, 4—14). Ведь до сих пор западное побережье не было охвачено этими «оковами».

Осматривая остров, царь не сразу выбрал место для атаки. Он планировал высадиться под Проннами, которые располагались на юго-востоке острова. Кажется, первоначальное место высадки также подтверждает мысль о стремлении Филиппа владеть крепостью и о его желании контролировать западное греческое побережье. Однако местность не благоприятствовала штурму, поэтому Филипп разбил лагерь у г. Палы на западном берегу острова, начав его осаду (Polyb., V, 3, 3—10). Характерно, что царь предлагал осажденным сдаться, продемонстрировав им всю доставленную на остров боевую технику. Осаду он вел по всем правилам. Сюда привезли катапульты и камнеметы, солдаты рыли подкопы, вызвавшие впоследствии обрушение стены. Мирный исход осады был бы наиболее благоприятен для македонского лидера, прежде всего в плане моральном, а также в политическом. В глазах врагов Филипп устрашающе быстро превратился бы из неопытного царя в победоносного полководца. А сделав Палы своей базой, он угрожал бы самой Этолии.

¹¹ Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 379.

Однако македонян ждала неудача: город взять не удалось, несмотря на три атаки. Этот факт сам по себе весьма удивителен: македонские воины захватывали и более мощные города. К тому же часть городской стены обрушилась, образовав проход. Полибий (V, 3, 10–13) в качестве основной причины этого казуса называет саботаж македонского полководца Леонтия, входившего в число недовольных поступками царя лиц. Он, якобы, удерживал солдат от занятия города, подкупил командиров отдельных подразделений, а сам в атаках выказывал несвойственную ему робость, чем подавал негативный пример воинам. Неся значительные потери, Филипп был вынужден приостановить осаду.

Объяснение Полибия выглядит сомнительно. Леонтий был командиром пельтастов, отборного отряда, и такое поведение для элитного подразделения было несвойственно, если учесть, как оно сражалось в других кампаниях¹². Например, еще в первый год войны, когда этолийцы препятствовали переправе македонской армии через реку, пельтасты показали превосходную дисциплину и выучку. Царь приказал им первыми идти в реку и выходить из нее всем вместе — по отрядам, с сомкнутыми щитами. Первый же переправившийся отряд был атакован этолийской конницей, но македоняне остались на месте с плотно сдвинутыми щитами. Когда же переправился второй и третий отряд, конница врага, понеся потери, отступила (Polyb., IV, 64, 6–8). Данный эпизод показателен тем, что, хотя психологический перевес в столкновении всегда на стороне всадников, эта пехота мужественно выстояла против них, обеспечив переправу всего войска.

Вероятно, причина отступления македонян была иной. Пала была крупным городом. Павсаний говорит, что жите-

¹² Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 381, n. 3.

ли его составляли четвертую часть населения Кефалении (Paus., VI, 15, 7). Этим объясняется большое количество осадных машин, использованных Филиппом. Косвенным подтверждением размеров Палы является тот общий для всех мероприятий Филиппа факт, что он в каждой кампании стремился нанести удар по наиболее значимому центру. Поэтому едва ли можно согласиться с Полибием, который представил выбор места осады на острове как случайный. Видимо, сопротивление жителей было довольно сильным.

Следует учесть и еще одно обстоятельство, которое должно было сказаться на результатах осады. Пока царь находился на острове¹³ единственной операцией этолийского блока было одновременное нападение спартанцев на Мессению и Доримаха с «половиной этолийцев» на Фессалию (Polyb., V, 5, 1). Считается, что оба вторжения имели целью отвлечение Филиппа от Палы на Кефалении.

Во время осады к царю на остров прибыли ахейские и мессенские послы. В ставке Филиппа прошел военный совет, решавший вопрос о дальнейших шагах союзников (Polyb., V, 5, 2—10; Plut. Agat., 48, 5). Мнения на нем разделились. Послы акарнанцев при поддержке Арата настаивали на старом плане — вторжении македонского царя в Этолию. В то время как мессенцы, на стороне которых выступал Леонтий, предлагали переправить войска с попутным ветром в Мессению. Полибий видит здесь злой умысел Леонтия, говоря, что ветер удержал бы македонян в Мессении надолго. Однако следует обратить внимание на тот факт, что речь идет о весельных судах (Polyb., V, 5, 5—8), для которых ветер не играл существенной роли. Выслушав всех, Филипп решил готовиться к нападению на Этолию, а мессенцам должен был

¹³ По мнению Н. Хэммонда (Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 379), Филипп высадился на Кефалении в мае—июне.

помочь Эперат с ахейским войском (Polyb., V, 5, 10–11). Затем последовала переправа македонских сил в Лимнею.

Что касается этолийского фронта, то, забегая вперед, следует отметить, что совместная операция Ликурга и Доримаха серьезных результатов не принесла. Если не считать разорение земель противника, никаких приобретений сделано не было. Полибий вообще говорит, что Ликург вернулся из Мессении ни с чем (Polyb., V, 17, 1). Остается не вполне ясным, помог ли мессенцам Эперат или они справились собственными силами¹⁴. Безуспешной оказалась и атака спартанцев на Тегею. Ликург занял город, но акрополь взять не удалось, поэтому ему пришлось увести солдат домой (Polyb., V, 17). Сохранилась надпись из Тегей, воздающая почести двум храбрым мужам, датируемая 218 г. (Syll³, 533), которую, вероятно, следут отнести именно к этому спартанскому нападению на город. Пока спартанский царь безуспешно сражался в Пелопоннесе, Доримах, вероятно, рассчитывал хорошо поживиться на грабежах Фессалии, но там его встретили Хрисогон и Петрея — видимо, македонские командиры гарнизонов. Не решившись на открытое столкновение, Доримах остался в горных районах и покинул их только при известии о событиях в Ферме. Пospешив на родину, он не застал Филиппа в Этолии (Polyb., V, 17, 5–7).

В описании этой кампании можно обратить внимание на несколько фактов. Во-первых, осада Палы существенно затянулась, поскольку Ликург и Доримах успели за этот период атаковать свои цели, вызвать своими шагами отправку посольств к Филиппу, а послы успели прибыть к царю. Во-вторых, Полибий в очередной раз пытается представить читателю версию несостоятельности Филиппа. Царь в его описании опять поддается внушению Арата. Совершенно

¹⁴ Roebuck C. A. A history of Messenia from 369 to 146 B. C. Chicago, 1941. P. 79.

ничего не сказано о македонской точке зрения, о планах самого царя. Ахейский историк подчеркивает лишь мудрость Арата: как уже неоднократно отмечалось, всю тяжесть военных действий ахейский стратег стремился возложить на македонские силы.

Таким образом, наш источник позволяет выдвинуть две версии развития событий. Можно предположить, что план Филиппа, заключавшийся в быстром завоевании острова, рухнул. Фактически царь осознал, что сделал неверный ход. Он планировал закрепиться на острове, и, таким образом, контролировать побережье. Теперь же для него стало очевидно, что остается единственный шаг достойно выйти из сложившейся ситуации — нанести удар по основному противнику, не дать ему возможности считать уход македонского войска с острова своей победой. Никакой другой поступок — ни помощь Мессени, ни погоня за Доримахом, ни дальнейшая трата времени под Палами — не смог бы закрепить за ним статус победителя.

Вторая версия, которой мы отдаем предпочтение, позволяет говорить о Филиппе как о выдающемся полководце. Всю операцию на острове можно в этом случае рассматривать как отвлекающий маневр. Первоначальной и основной целью македонского правителя была Этолия, все остальные действия царя на Кефаллени подчинялись глобальному замыслу. В пользу этого предположения говорит тот факт, что царь так и не построил ни одного корабля; он призвал суда союзников. Он развернул грандиозную осаду, и в случае успеха получил бы морскую базу, контролирующую воды противника. Но вариант неудачи также сулил выигрыш, поскольку столь активные действия не могли не вызвать ответного похода этолийцев. Неудивительно, что в Фессалии, вопреки обычному раскладу, Доримах натолкнулся на отпор, организованный македонскими командирами. Скорее всего, они ждали прихода этолийцев. Поэтому, на наш взгляд, есть

серьезные основания утверждать, что Филипп своими активными морскими мероприятиями намеренно спровоцировал уход основных сил врага из Этолии, чтобы организовать вторжение в нее своей армии. Именно это обстоятельство заставило его быстро свернуть кампанию на острове и начать переброску военных сил.

Таким образом, основным событием данного военного сезона следует считать поход Филиппа на Этолию (см. рис. 6). Планы установления контроля над западным побережьем ему пришлось временно оставить. Собрав войска в Лимнее, куда прибыло ополчение акарнацев, царь выступил к берегу Ахелоя между Канопой и Стратом. Его план был прост: он намеревался без отдыха идти к Ферму¹⁵, чтобы застать этолийцев врасплох (Polyb., V, 6, 6). Причем его войско шло налегке (εὐζωμοί — Polyb., V, 5, 15). По дороге македоняне разоряли этолийские поля. Слева от его пути остались Страт, Агриний, Фестии, справа — Конопа, Лисимахия, Трихоний, Фитей (Polyb., V, 7, 6–7). Он прошел вдоль южного побережья Трихонского озера¹⁶, где места были до-

¹⁵ Ферм был расположен между р. Эвеном и озером Трихонием в труднодоступной местности. С давних времен он считался священным, в VII в. здесь был построен храм Аполлона Фермия. По мере расширения союза Ферм приобрел культовое значение в масштабах лиги. Здесь ежегодно во время осеннего равноденствия проходило собрание этолийцев. См. также: *Власюков С. Ю. Этолийское народное собрание // Antiquitas aeterna. Вып. 1: Эллинистический мир. Казань, 2005. С. 112; Сизов С. К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород, 1990. С. 51.*

¹⁶ Говоря о маршруте Филиппа, Ф. Уолбэнк обвиняет Полибия в топографических неточностях: *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 543 ff.* Против: *Pritchett W. K. Studies in ancient Greek Topography. Part VI. Berkeley—Los Angeles—L., 1989. P. 126–140.*

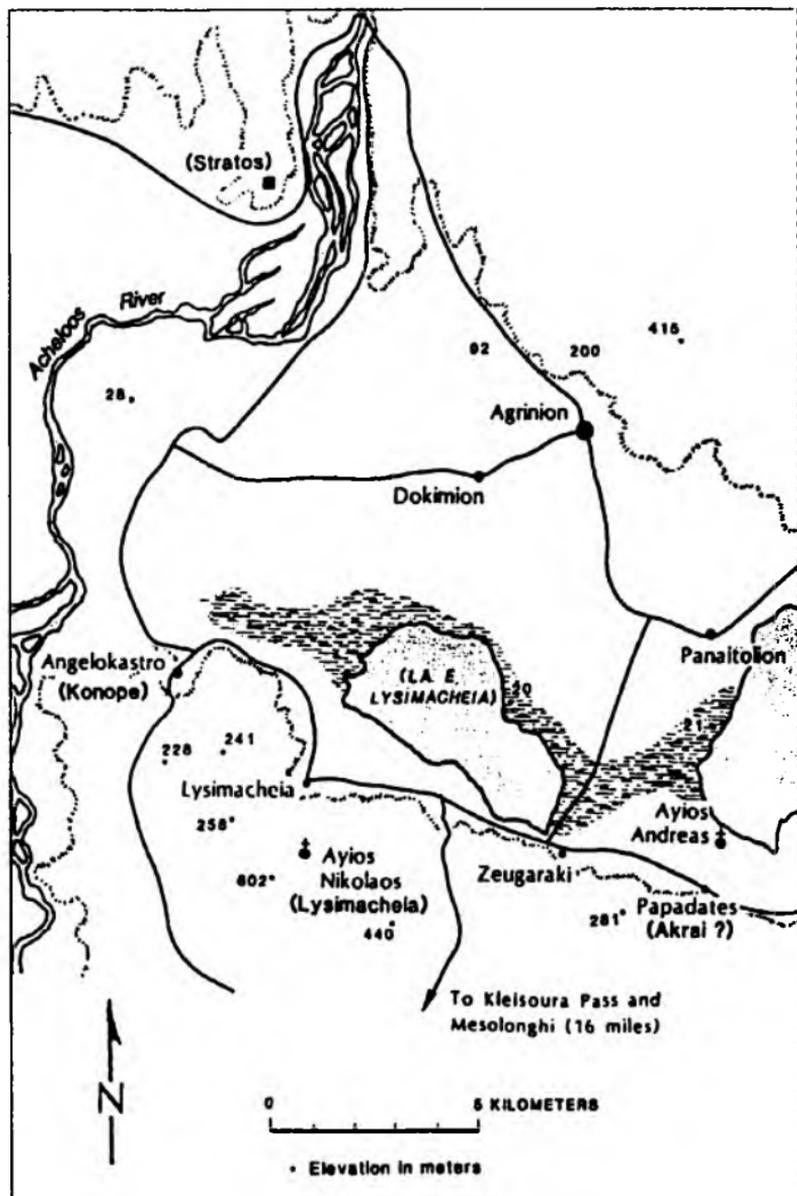

Рис. 6. Поход Филиппа на Ферм в 218 г. до н. э.
(Pritchett W. K. Studies in ancient Greek Topography. Part VI. Berkeley—Los Angeles—L., 1989. P. 138)

Philip's March on Thermon 218 B.C.

- ⊕ Church (Thermon) Ancient name
- Road Thermon Modern name
- ~ Edge of hilly area

вольно труднопроходимые (Polyb., V, 7, 8—12). Занял покинутую этолийцами Метапу, поднялся к Ферму и стал здесь лагерем. Отсюда Филипп посылал воинов разорять окрестные селения и грабить дома в самом Ферме. Полибий пишет (Polyb., V, 8, 8—9), что македонские воины получили огромную добычу — имущество, оружие и т. п. То, что солдаты не могли унести с собой, они предавали огню (Polyb., V, 9, 2—3). Были организованы поджоги храмовых строений, портиков, разбиты статуи (не изображавшие богов и не посвященные им).

Обратный путь был сложнее: пришлось идти с арьергардными боями. Маршрут Филиппа пролегал через Ферм, Памфий, Метапу, Акры, Конопу и Страт (Polyb., V, 13, 1—2). В теснинах этолийцы, насчитывавшие 3 000 человек под командованием трихонийца Александра, напали на замыкающие ряды македонян. Филиппу пришлось организовать засаду, чтобы неожиданным контрударом обратить их в бегство (Polyb., V, 13, 3—6). Памфий был сожжен, Метапа разрушена. В Страте македонян ждал другой отряд противника в количестве 3 000 пехоты, 400 всадников и около 500 критян (Polyb., V, 14, 1). Двинувшись мимо города к Лимнее, Филипп отбил атаку этолийцев и, хотя и с потерями, дошел до берега (Polyb., V, 14, 3—7). На этом поход успешно был завершен.

Однако до окончания военной кампании было еще далеко. Теперь Филипп намеревался нанести решающий удар по одному из союзников Этолии в Пелопоннесе — Спарте. Он объявил сбор войска в Тегее (Polyb., V, 17, 8—9) и, набрав его, неожиданно вторгся в Лаконику. Согласно Полибию, эффект от его появления был ошеломляющим (Polyb., V, 18). Прошла всего неделя, как царь покинул Этолию, а македонская армия уже вторглась в Пелопоннес. Филипп опустошил земли Спарты, как говорит историк (Polyb., V, 19), «исходив ее всю». Спартанцы не оказали сколько-нибудь серьез-

ного сопротивления¹⁷. Маршрут царя Полибий излагает так: от Амикла он двигался на юг, до так называемой стоянки Пирра, затем подошел к Карнии, потом безуспешно пытался взять Асину, спустился к Тенару, оттуда повернул на север, прошел мимо Гифия, где располагались верфи и имелась гавань, остановился в Гелии, оттуда вновь прибыл в Амиклы. Ему было отправлено подкрепление из Мессении, однако оно было разбито Ликургом (Polyb., V, 20). Битва между спартанцами и македонянами произошла в долине перед Спартой, принесла быструю победу Филиппу (Polyb., V, 23). Кажется, следовало ожидать повторения сценария с Фермом, но царь не последовал ему. Он вернулся в Коринф.

В историографии нет однозначной оценки действий Филиппа в этот военный год. По мнению В. Тарна, например, разорение Ферма в условиях, «когда он одним глазом смотрел на Италию, а другим — на заключение мира, было ошибкой, которая сделала примирение сторон невозможным»¹⁸. В противоположность ему Ф. Уолбэнк считает вторжение в Этолию эффективной кампанией, свидетельствующей о росте полководческих способностей царя¹⁹. Н. Хэммонд вообще называет этот поход «очевидным мероприятием»²⁰.

Не стоит игнорировать ни одну из указанных точек зрения. Как было сказано выше, для вторжения македонских сил в Этолию сложились весьма благоприятные условия. Военные способности Филиппа в этот сезон проявились столь

¹⁷ Ф. Уолбэнк связывает это с ослаблением государства после неудавшегося путча Хилона предыдущей зимой: *Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues*. P. 480. Однако не следует сбрасывать со счетов и другой факт — эффект неожиданности, на который сделал ставку македонский царь.

¹⁸ *Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia*. P. 767.

¹⁹ *Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues*. P. 478.

²⁰ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia*. P. 380.

же ярко, как и зимой 219/8 г. Он продумал стратегию этой кампании, его действия нельзя назвать спонтанными. Вероятно, не следует доверять и словам Полибия о дурных советах и влиянии окружения на царя.

Следует учитывать тот факт, что личное присутствие командующего на поле битвы в античное время было очень важно: он не только определял стратегию и тактику столкновения, но и лично вел армию в бой, хотя при этом мог потерять контроль над ходом битвы. Как пишет П. Левек, Полибий выделяет два типа полководца: «один — рассудительный стратег, герой, умеющий совместить ясновидение и отвагу, к ним автор относит Филопемена, Ганнибала, Эмилия Павла; второй — импульсивный полководец, который сам становится причиной своего поражения, отрицая логический подход»²¹. К последнему типу он причислил Филиппа V и его сына Персея. Однако, историк явно сгустил краски и был несправедлив к македонским правителям, во всяком случае к Филиппу, чей военный талант проявился уже в его первой войне.

Македонским войском было нелегко управлять, его преданность определялась лидерскими способностями полководца. Неудивительно, что Антигониды превзошли все другие династии по личному участию в боевых действиях. В отличие от государств Селевкидов и Птолемеев, македонская монархия не стала деспотией — царь не мог делать все, что ему заблагорассудится²². Более того, существует мнение, что к рассматриваемому времени македонская монархия испытала влияние федеративных идей, что нашло выражение в образовании «союза македонян» — объединения, напоми-

²¹ Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 52.

²² См. подробнее: Hammond N. The continuity of Macedonian institutions and the Macedonian kingdoms of the Hellenistic era // *Historia*. Bd. 49. Hft. 2. 2000. P. 141–160.

нающего греческий κοινόν. Такой термин уже встречается в некоторых источниках, относящихся к более ранним временам: τὸ κοινὸν τῶν Μακεδόνων πλῆθος (Diod., XVIII, 4, 3); τῷ κοινῷ τῶν Μακεδόνων (Аг., 7, 9, 5). На такое объединение намекает и надпись на статуе Филиппа V на Делосе (Syll³, 575). Кроме того, прежде царь был олицетворением Македонии, теперь же в документах македоняне стали упоминаться отдельно от царя. Одна из надписей (Syll³, 518) содержит имя Антигона, союзников и македонян: ...βασιλεὺς Ἀντίγονος βασιλέως] Δημητρίου καὶ [ἢ Μακεδόνες] καὶ οἱ σύμμαχοι...²³ В договоре, заключенном в 215 г. между македонским правителем и Ганнибалом, македоняне также упомянуты отдельно от царя (Polyb., VII, 9, 5 и 7). По мнению В. Тарна, никаких прав и привилегий население не получило; тем не менее, этот шаг подразумевал «официальное признание ревниво охраняемого «товарищества» с царем, причем под названием, заимствованным из терминологии греческого федерализма»²⁴. Н. Хэммонд упоминает, что к 187 г. относятся монеты — тетроболы и бронзовые тетрадрахмы с легендой «македоняне» вместо имени царя и указывает, в противоположность В. Тарну, что македонское собрание имело собственные финансы²⁵. Вполне вероятно, сохранилась за собранием и судебная функция, хотя в нашем распоряжении нет столь ярких примеров вынесения приговора и приведения его в исполнение, какие мы имеем для периода правления Александра Македонского²⁶. Есть лишь косвен-

²³ Следует, правда, отметить, что термин «македоняне» является здесь конъектурой.

²⁴ Tarn W. W. *The Greek Leagues and Makedonia*. P. 751.

²⁵ Hammond N. C. *The Macedonian State. Origins, institutions and history*. Oxford, 1989. P. 384.

²⁶ Такими примерами могут служить «заговор Филота» и «заговор пажей».

ное упоминание у Полибия в связи с заговором знати, раскрытым в конце данного военного сезона. Историк говорит, что в Деметриаде в Фессалии Филипп провел следствие над одним из заподозренных в соучастии в заговоре «в присутствии македонцев» и казнил его (κρίνας ἐν τοῖς Μακεδόσιν ἀπέκτεινε — Polyb., V, 29, 6).

Армия и знать в македонском государстве иногда вспоминали о своих привилегиях. Последний всплеск подобных «воспоминаний» как раз и пришелся на этот военный сезон. Еще перед своей смертью Антигон Досон назначил в помощь Филиппу пять человек: упомянутого выше Апеллеса, Леонтия — начальника пельтастов, Мегалея — заведующего царской канцелярией, Тавриона — царского уполномоченного в Пелопоннесе, и Александра — начальника дворцовой стражи (Polyb., IV, 87, 8). Все они были опекунами Филиппа, а по достижении царем восемнадцатилетнего возраста (в 220 г.) остались на положении советников²⁷. Но даже среди них сложились две конкурирующие группы, претендующие на формирование македонской политики. Полибий представляет нашему вниманию процесс, который зародился как кампания против Арата, а закончился государственной изменой. Однако его версия выглядит весьма смутно и неоднозначно. Не вдаваясь в детали событий, можно лишь отметить один итог: расправа над «заговорщиками» (Polyb., V, 29) означала, что Филипп не терпел ни малейшего покушения на свой авторитет, тем более в ходе боевых действий. Поэтому все заявления ахейского историка об оказанном на царя в тот или иной момент влиянии Арата или Деметрия Фарского не следует принимать на веру. Филипп уже в первый военный сезон показал, что не станет марионеткой ни в чьих руках.

²⁷ Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 371.

Что касается его личных качеств на поле боя, то Полибий об этом либо умалчивает, либо говорит общими фразами. Однако из его материала следует, что царь лично принимал участие в битвах, как это было в сражении с Ликургом (Polyb., V, 20); за военную доблесть и отвагу он почитался соратниками на поле боя (Polyb., IV, 77). В связи с его операциями в 218 г. историк отмечает отвагу и ловкость Филиппа в предприятиях, которые были ему не по возрасту; он поверг всех врагов в недоумение и поставил их в беспомощное положение (Polyb., V, 18, 7). Другие свидетельства можно найти у Тита Ливия, который неоднократно восхищался действиями Филиппа на поле боя. К сожалению, они относятся к более позднему времени. Тем не менее, нет оснований не упомянуть о них в настоящей работе.

Однажды (Liv., 27, 32, 4—6) в ходе первой римско-македонской войны царь хотел избежать битвы и увести свои войска, но между этолийцами и иллирийцами, служившими Филиппу, уже завязалось сражение. Видя, как теснят его солдат, он бросился с конницей на римскую когорту. Лошадь, пронзенная копьем, упала, и царь свалился через ее голову — завязалась яростная битва. Мужественно бился он сам; ему, пешему, пришлось отбиваться от всадников. Бой был неравен; наконец он, выхваченный из боя своими воинами, ускакал на другом коне. В другом пассаже (31, 24, 11—14) Ливий сообщает, что «Филипп обратился к воинам с краткой речью: пусть они сражаются, не спуская с него глаз, пусть знают, что там, где царь, там место знаменам, там биться передовому строю. ...Затем с кучкой всадников Филипп опередил строй и пробился в самую гущу боя, вселяя ужас в сердца неприятелей и бодрость в сердца своих». В другом месте историк указывает (31, 37, 3), что самый жаркий бой разгорелся там, где находился царь. Говоря о битве с этолийцами и дарданами, автор заявляет (31, 43, 4), что Филипп укротил два племени и поправил свои дела; добился он

этого доблестью, а не благодаря удаче. Это лишь некоторые примеры, свидетельствующие о личном участии царя в битвах и о его мужестве, что стало залогом преданности ему македонской армии. Такие качества не появляются неожиданно — они, конечно же, должны были проявиться уже в Союзническую войну. Следует вспомнить, что личный пример, побуждавший воинов к храбрости, был много раз проверен на практике еще Александром Македонским, который первым устремлялся навстречу опасностям и разделял с подчиненными все тяготы и лишения солдатской жизни (ср., например: Plut. Alex., 40; Curt., 3, 6, 19; 4, 14, 6; 8, 4, 10).

Военный сезон 218 г. разительно отличался от кампании 219 г. Складывается впечатление, что в первый военный год Филипп сознательно придерживался осторожной тактики, оценивая возможности и врагов, и союзников. Осознав их слабые и сильные стороны, царь приступил к реализации трех основных задач, которые возникают при ведении любой войны:

- 1) уничтожить военные силы врага;
- 2) нанести удар по материальной базе и другим источникам существования вражеской армии;
- 3) привлечь на свою сторону общественное мнение.

Хотя эти стратегические принципы были разработаны лишь в новое время, вполне обоснованно можно говорить, что полководцы древнего мира также имели о них представление²⁸. В случае с Филиппом V выполнение их шло в обратном порядке. Общественное мнение высказалось за войну. Следовало лишь подкрепить это мнение громкими победами. Первый военный год, проведенный царем вполне успешно, заложил основы для этого; второй сезон должен

²⁸ Касательно понимания задач ведения войны, к примеру, Александром Македонским см.: Фуллер Д. Военное искусство Александра Великого. М., 2003. С. 316 сл.

был стать решающим: если бы царь действовал необдуманно, подчиняясь минутному порыву, полагаясь лишь на удачный момент, его замысел не принес бы ему ни славы, ни авторитета среди союзников.

Второй принцип был успешно реализован в ходе зимней операции в Пелопоннесе против Элиды и в период двух вторжений нынешнего военного года — в Этолию и Спарту. Уничтожение материальных ценностей и подрыв экономики государств, которые и прежде не располагали мощной социально-экономической базой, лишало врагов Эллинской лиги возможности нанимать наемников, подкупать недобровольных в тылу противника и организовывать волнения. Эти успехи в немалой степени должны были способствовать скорому завершению войны.

Первая задача — уничтожение военной мощи врага — лучше всего решалась в то время в открытом крупном сражении. Однако политика этолийцев была такова, что они стремились избегать подобных столкновений, их преимущество было в сражении малыми силами. Они совершали небольшие рейды на территорию членов Эллинской лиги, причем враги не могли предугадать цель их следующего удара. Македонский царь находился в невыгодном положении: ему приходилось либо преследовать этолийцев, но это как правило не давало ощутимых результатов, либо, не отвлекаясь от основной акции, игнорировать их действия, что наносило немалый экономический ущерб землям Македонии и ее союзников. Можно констатировать, что данный пункт программы Филиппу в начале войны выполнить не удалось — основная заслуга в уничтожении военной мощи противника принадлежит городам, оказавшим упорное сопротивление этолийцам. Поэтому царь изменил тактику. Вместо преследования врага он предпочел перехватить инициативу в свои руки, поставить противника в то невыгодное положение, которое он сам недавно занимал.

Исходя из указанных выше стратегических принципов, любой командующий всегда задается вопросом: как наилучшим способом использовать свои силы против врага? На этот вопрос есть два ответа: сделать то, чего не может предотвратить противник, и сделать то, чего враг не ожидает. Македонский царь сумел в этой кампании совместить оба решения, что стало залогом его успехов.

Филипп, отказавшись от захвата острова Кефалления, разработал план двойного удара по основным противникам в этой войне — Этолии и Спарте. Причем обе операции имели целью не столько экономическое разорение территорий — в этом не было ничего нового — сколько носили явно демонстрационный характер и были нацелены на подавление морального духа врага. Разгром Ферма — центра Этолийской федерации, т. е. проникновение в «святая святых» союза, показал уязвимость и слабость этолийцев. Особенно остро воспринималось это событие на фоне неудач Доримаха в Фессалии. Вполне уместно полагать, что и вторая атака — на Спарту — преследовала те же цели с одной поправкой: «сердцем» спартиатов были их земельные угодья²⁹. Таким образом, царь в 218 г. перехватывал инициативу в ведении войны. Теперь он наступал, а обороняющиеся находились в состоянии неопределенности. Таким образом, стратегическая цель была избрана; для ее реализации царь продумал и тактические приемы.

Основным таким приемом стал элемент внезапности, который присутствовал в обоих предприятиях этого года. Появления Филиппа не ожидали ни в Этолии, ни тем более в Спарте. Более того, спартанцы вообще полагали, что он еще не покинул этолийские земли и даже предлагали отправить туда Ликурга с войском на помощь союзнику (Polyb., V, 18).

²⁹ *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 553.*

Благодаря полной внезапности царь с небольшими силами справился с поставленной целью там, где в других условиях потребовалась бы огромная армия. Примечательно, что Филипп одинаково решительно атаковал своих противников — как спартанцев, хотя ему пришлось впервые встречаться с ними на поле боя, так и этолийцев, гористая территория которых часто являлась причиной неудач для завоевателей. Избрав наступательную тактику, царь продумал план действий, выбрал место атаки, застал противника врасплох и повысил боевой дух своей армии.

Вторым важным залогом успеха стала мобильность. Филипп имел возможность оценить на практике то, что изучал в теории. Ведь для него существовал наглядный пример для подражания — это жизнь Александра Македонского³⁰. Как известно, стремительность Александра доминировала во всех его передвижениях, обеспечивая ему дополнительное время и преимущества перед врагом. Филипп перед вторжением в Этолию приказал оставить большую часть пожитков и двигаться налегке (Polyb., V, 5, 15). По подсчетам Н. Хэммонда³¹, в Этолии он прошел примерно 80 км за 28 часов с небольшим перерывом. Также и накануне похода в Лаконику он не стал ожидать опаздывавших союзников и терять драгоценное время. Именно поэтому мессенцы, хотя и собиравшиеся поспешно, как говорит Полибий, не застали македонскую армию в пункте сбора в Тегее и были вынуждены действовать самостоятельно.

³⁰ Филипп любил вспоминать, что по линии матери его родословие восходит к Александру. В. Тарн указывает, что позднее и у Филиппа стали проявляться такие же низкие стороны характера, как у Александра, например, жестокость, чуждая Антигонидам: *Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia*. P. 763.

³¹ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia*. P. 379.

Третья особенность тактики царя основывалась на знании топографии и заключалась в правильном выборе маршрута. Тем более трудно представить себе реализацию этой задачи, если принять во внимание отсутствие в то время военных карт в их современном понимании. В Этолии Филипп шел через гористую местность, покрытую лесом, по узким и трудным дорогам. Тяжелых участков пути было два: один — τὰ στενά между Метапой и Памфией, второй — τὰ στενά от Памфии к Ферму (Polyb., V, 7). Однако Филипп сумел быстро провести свое войско через эти теснины без видимых потерь. Скорее всего, дело не в том, что, как говорит Полибий, македоняне «шли бодро», а в том, что у них имелся надежный проводник. Косвенное указание на это есть в одном пассаже (V, 5, 15). В Спарте подобных проблем перед царем не стояло — он двигался почти беспрепятственно, разоряя поля и опустошая окрестности (Polyb., V, 19). Можно отметить, что Филипп прекрасно знал, где следует остановиться дольше обычного, чтобы пополнить запасы. Так в Гелии он находился несколько дней, высылая фуражиров. Направление к мысу Тенар, славившемуся в IV веке как рынок наемников, и продвижение вблизи гавани также нельзя назвать случайным. Акция устрашения в данном случае явно совмещалась с разведкой. Опасной дорога оказалась лишь в самом конце похода, когда Филипп подходил к Спарте. Царю следовало переправиться через реку, причем слева от него был город и готовые к бою спартиаты, а справа на холмах стояло войско Ликурга. Полибий говорит, что спартанцы пошли на хитрость: они запрудили верховья реки, и вода залила пространство между городом и высотами. Оставалась единственная дорога — по горному склону под самыми высотами. Причем пройти там можно было, лишь выгнав войска в длинную, практически беззащитную линию. Царь отказался от мысли подходить к городу таким путем; он предпочел с частью войска вступить в бой с Ликургом, и оказался прав.

Нельзя не подчеркнуть еще одно обстоятельство, непосредственно связанное с маршрутом македонской армии: это продуманное построение на марше и обеспечение прикрытия, т. е. принцип безопасности. Так, в Этолии Филипп оставил гарнизон в Метапе (Polyb., V, 7, 9), который должен был прикрывать ущелье, пока через него шла македонская армия. Авангард (Polyb., V, 7, 11) составляли наемники и иллирийцы, за ними шли собственно македонские войска, замыкали колонну критяне, вероятно, служившие наемниками. Справа, на некотором расстоянии от основных сил, шло прикрытие — фракийцы и легковооруженные солдаты. В Памфнии, на втором опасном участке пути, также был оставлен гарнизон (Polyb., V, 8, 1). При отступлении из Ферма в авангарде шла тяжелая пехота, прикрывавшая добычу; за ними следовали союзники и наемники (Polyb., V, 13, 1). Чтобы оградить арьергард от нападений противника, царь организовал засаду (Polyb., V, 13, 5—6). В Спарте он не отвлекался от избранной цели, не тратил силы на осаду городов, мимо которых проходил (Polyb., V, 19, 5). Примечательно, что в бой с царем Спарты правитель Македонии вступил не с основным войском (фаланга в это время двигалась от Амикл к городу), а с наемниками, пельтастами и иллирийцами (Polyb., V, 23, 1—3 et 7). При этом перелом в сражении произошел благодаря фланговому удару Филиппа с иллирийцами. После такого разгрома спартанцы не решились на новое сражение со всем македонским войском на следующий день.

Благодаря Полибию, нам известно, что на привалах царские войска обычно располагались лагерем (IV, 73, 4; 75, 4), солдаты умели копать канавы и окопы, исполняли тяжелые работы (V, 2, 6); в случае прибытия на место на кораблях суда подтягивали к берегу и ограждали рвом и окопами (V, 3, 5). Сохранившиеся разделы военного устава Филиппа касаются организации лагеря, паролей, вооружения, разде-

ла добычи и снабжения³². Все приведенные выше данные позволяют говорить о высоком уровне македонского военного искусства. Однако Полибий не дает подобной оценки македонской армии; он предпочитает воздать чрезмерную похвалу римской дисциплине и порядку, противопоставив их греческой анархии и хаосу³³.

Во взаимосвязи с указанными приемами находится и принцип экономии и концентрации сил, т. е. умение использовать те подразделения, которые соответствуют замыслу кампании. Так, для Этолийской операции Филипп использовал наемников, македонян, ополчение акарнанцев. По мнению Н. Хэммонда³⁴, в его распоряжении было около 10 000 человек. Однако эти данные, на наш взгляд, несколько завышены. При высадке на Кефаллению в распоряжении македонского царя было 6 000 македонян и 1 200 наемников (Polyb., V, 2, 11). Но при осаде Палы войско несло большие потери. Полибий даже говорит, что большинство македонцев было ранено. Если учесть, что нападение на Ферм должно было произойти с максимальной быстротой, царь должен был оставить в Лимнее всех более или менее серьезно раненых. Скорее всего, от прежнего количества солдат в Этолию с ним ушло менее 5 000 человек. К ним следует добавить ополчение акарнанцев, точная численность которых неизвестна. Однако есть сведения об их участии в других операциях. В битве при Селассии они выставили 1 000 пехоты и 50 всадников,

³² *Hatzopoulos M. B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes, 2001. Appendice épigraphique. № 3.*

³³ *Беликов А. П. Полибий между греками и римлянами: оценка политической деятельности историка // ВДИ. 2003. № 3. С. 153.*

³⁴ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 379. С ним согласен Ф. Уолбэнк: Walbank F. Philip V of Macedonia. 1940. P. 56.*

в начале Союзнической войны Филипп получил от акарнанцев 2 000 пехоты и 200 всадников (Polyb., IV, 63, 7). Даже если принять за основу, что и в этот раз они прислали 2 000 человек (всадников в расчет брать не следует), то полученная цифра едва ли достигнет 7 000 воинов.

Спартанская кампания требовала других сил, здесь не было необходимости идти «налегке». Принимая во внимание вероятность крупных столкновений со спартамцами, Филипп использовал гораздо более значительные подкрепления. Для акции в Спарте он к уже находившимся у него войскам присоединил ахейское ополчение, находившееся в это время в Тегее. Численность его также неизвестна. Однако, привлекая косвенные данные о других кампаниях, можно предположить, что речь шла о 3 000 — 5 000 человек³⁵. Кроме того, должно было подойти мессенское ополчение — еще около 2 000 человек, — но оно опоздало к месту сбора. Возможно, и другие государства предоставили царю своих солдат, поскольку Полибий указывает, что Филипп рассылал приказ о сборе войска по всем союзным городам. Приблизительный подсчет показывает, что македонский царь располагал войском численностью около 12 000 солдат.

Следующий тактический прием, применение которого явилось залогом военных успехов молодого царя — это понимание им того момента, когда следует ограничиться достигнутым результатом. Филипп продемонстрировал знакомство с этим правилом. Он вполне четко отдавал себе

³⁵ Число ахейских эпилектов оставалось неизменным на протяжении последних войн — 3 000 пехоты и 300 всадников (Polyb., II, 65, 3; IV, 10, 2; V, 91, 6). Если бы в Тегее должно было собраться всеахейское ополчение, то такое войско должно было существенно превысить 5 000 человек. Но стратег мог призвать не всеахейское ополчение, а силы нескольких городов, ближайших к театру военных действий (Polyb., IV, 13, 1; V, 95, 7).

отчет в том, что не может долго задерживаться в Ферме. Прийти в Этолию было легко, но нужно было еще уйти из нее, тем более с добычей. Поэтому в Ферме армия провела лишь сутки (Polyb., V, 8, 8). Неудивительно, что с собой солдаты забрали лишь самое ценное, а все остальное предпочли поджечь. Характерна еще одна деталь: солдаты в пылу погрома не тронули статуй богов или посвященных богам, помня, вероятно, о царском приказе.

Так же обстояло дело и в Спарте. Царь не стал осаждать ее после разгрома Ликурга (Polyb., V, 24, 6–7). По мнению Б. Шимрона³⁶, причина кроется в том, что спартиаты были достаточно сильны, а общий характер войны не требовал нападения на город. Однако в вопросе о силе спартанцев можно возразить исследователю. Армия Ликурга ничем примечательным в эту войну не прославилась — она только что была разбита македонянами. Спартанцы не отважились на открытое генеральное сражение на следующий день после первого поражения. Вероятно, объяснение этому может быть одно: они знали, что новая битва на равнине принесет им очередной провал, поэтому и готовились до конца отстаивать родной город. В случае штурма Филиппу пришлось бы очень тяжело; результат осады невозможно было предугадать.

Хотя наши рассуждения носят несколько гипотетический характер, в одном можно не сомневаться: царь осознавал, что ему придется потратить много времени и потерять много сил на штурм Спарты, а исход предприятия может оказаться неудачным. В таком случае все его достижения в этом сезоне будут перечеркнуты последней катастрофой. Решение покинуть спартанские земли, с точки зрения военной теории, выглядит вполне оправданно: он ушел как победитель, устранивший врага. Есть еще одно обстоятельство, которое

³⁶ Shimron B. Late Sparta. The Spartan revolution 243–146 B. C. Buffalo, 1972. P. 76.

Филипп вполне мог предвидеть, понимая недовольство населения спартанским царем. Успешные действия македонской армии спровоцировали в Спарте правительственный кризис. Из-за обвинений, выдвинутых против него, Ликург предпочел бежать из Спарты в Этолию (Polyb., V, 29, 8—9). Таким образом, Спарта была не только разорена, но и осталась без командующего (подозрения с царя были сняты лишь в следующем году).

Что касается обвинений в адрес Филиппа по поводу столь варварского грабежа в Ферме³⁷, то Полибий приводит официальное оправдание такому поведению — месть за разорение этолийцами святилищ в Дионе и Додоне. Правда при этом, как всегда, он сводит все, в конечном итоге, к характеру царя и дурному влиянию на него Деметрия Фарского (Polyb., VII, 14, 3). Конечно, идеологическое обоснование такому поступку должно было существовать, и, согласно македонским представлениям, Филипп поступил вполне справедливо. Как Скопас в Дионе и Доримах в Додоне жгли портики, уничтожали священные предметы, опрокидывали изображения царей (Polyb., IV, 62, 2; 67, 3), так и Филипп поступил в Ферме.

Греческая история IV—III вв. пестрит примерами упадка нравов. На первый план давно вышло равнодушие к гражданскому долгу, угодничество, продажность. Хорошо известны примеры необычайной лести афинян Деметрию Полиоркету и Антигону Одноглазому³⁸. Когда Фламинин

³⁷ В. Тарн считал, что поход в Этолию и особенно разорение Ферма было ошибкой. После этого примирение с этолийцами стало невозможным: *Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia. P. 767.*

³⁸ Почести, которые были оказаны им освобожденными городами, можно назвать чрезмерными: золотые статуи Антигону и Деметрию были установлены возле статуй Гармония и Аристокитона, им подарили короны стоимостью в 200 талантов, к десяти

в 197 г. обнаружил некоторую снисходительность по отношению к Филиппу, этолийцы могли объяснить этот поступок только подкупом римского командующего (Polyb., XVIII, 34, 7). Скопас ограбил храм Артемиды в Кинефе, в Дии были уничтожены священные предметы. Но по возвращении в Этолию народ не только не признал его нечестивцем, но взирал на него, как на доблестного мужа (Polyb., IV, 18; 19, 4; 62). Полибий жалуется на бесчестность должностных лиц, заведующих общественными делами (VI, 56, 13). Ликург в Спарте «за пять талантов, розданных пяти эфорам, купил царское достоинство и генеалогиию от Геракла» (Polyb., V, 35, 14–15).

Моралистические замечания Полибия о том, как должен был поступить Филипп, едва ли следует принимать во внимание, если подобная практика мести давно существовала. Даже Арат, благородные качества которого историк постоянно превозносит, не препятствовал действиям царя. Причина его молчания кроется, вероятно, в том, что он и сам иногда нарушал греческие обычаи. Так было в конце Клеоменовской войны, когда, взяв Мантинию с помощью войск Антигона, ахейцы казнили самых первых и видных граждан, а остальных продали. При этом оправданием им служил закон возмездия, так как незадолго до этого жители города перебили с помощью спартанцев стоявший в их городе ахейский гарнизон (Plut. Arat., 48). Характерно, что Полибий, говоря об этом инциденте (II, 58), оправдывает ахейцев, приписывая все кровавые подробности выдумкам Филарха. Подобные заявления ахейского историка основаны лишь на общей ди-

традиционным филам прибавились еще две — «Антигониды» и «Деметриады»; было постановлено ежегодно устраивать игры, процессии и жертвоприношения в их честь; портреты их были вышиты на покрывале, посвященном Афине (Diod., XX, 46, 2–3; Plut. Demet., X).

дактической концепции его труда³⁹: он неоднократно противопоставляет благородного и низменного героя. В данном же случае Арат, помня о недавнем этолийском произволе в Пелопоннесе, должен был чувствовать гораздо большую ненависть к этолийцам, чем, например, Деметрий Фарский.

Не следует забывать и основное правило войны: солдаты содержатся за счет земель противника. Нужно принять во внимание тот факт, что недавние планы Филиппа, связанные со строительством флота и морских баз, а также неудачная операция на Кефаллении должны были негативно сказаться на материальной стороне дела. И это несмотря на то, что ахейское собрание приняло в начале года решение обеспечивать его войско деньгами по 17 талантов ежемесячно, пока он будет находиться в Пелопоннесе и вести войну (Polyb., V, 5, 11–12). Кроме этого, Филиппу была предоставлена разовая выплата в размере 50 талантов, чтобы заплатить войску жалованье за 3 месяца. Речь, видимо, идет о зимней кампании в Пелопоннесе, поэтому полученные средства были сразу израсходованы. Что касается остальных выплат, то оговорка об условии их получения — ведении боевых действий в Пелопоннесе — означала, что операции на Кефаллении и в Этолии оплачивались не из этого источника. О существовании материальных затруднений Полибий упоминает вскользь, пересказывая изменнические письма Мегалея к этолийцам (Polyb., V, 28, 4). Естественно-

³⁹ Следует помнить, что, по мнению Полибия, историческое произведение должно было формировать у читателя определенное суждение о событиях. Это же, в свою очередь, зависит от объяснений историком причин происходящего и намерений действующих лиц. Подробнее об этом см.: Самохина Г. С. К методологии исторического исследования в эпоху эллинизма: понятие аподейктической истории у Полибия // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 114 сл.

но, что македонский царь отчасти решил свои финансовые трудности за счет врага, прикрываясь идеей отмщения за подобные действия в Дионе и Додоне. Вполне обоснованно выглядит и версия Ф. Уолбэнка⁴⁰ о намеренно жестоком поведении царя в Ферме. Эта акция была призвана вынудить этолийцев принять продиктованные им условия мира.

На этот же военный сезон была запланирована еще одна акция, о которой сохранились лишь туманные замечания Полибия. Он упоминает, что царь намеревался плыть в Фокиду, где рассчитывал на важные приобретения (Polyb., V, 24, 12). Затем говорит, что предприятие это было чем-то замедлено (Polyb., V, 26, 1), причем не ясно, были ли это события в Фокиде или раскрытие заговора при царском дворе⁴¹. Тем не менее Филипп отправился туда, но план его не удался, и от Эллатии он повернул назад (Polyb., V, 26, 16).

К сожалению, любое предположение о данной операции останется гипотетическим. Ф. Уолбэнк, например, говорит о возможных планах создания маршрута через Фокиду, который соединил бы флот, стоящий у Лехея, и силы царя в Коринфе⁴². Однако не слишком невероятным может показаться и версия о том, что целью похода Филиппа должны были стать Дельфы. Такой удар стал бы финальным актом кампании. Но он требовал и соответствующей подготовки. Вероятно, отвлеченный дворцовыми и военными смутами, царь не смог подготовиться должным образом, либо провал кампании был связан с неудачей его фокидских сторонников.

⁴⁰ Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 55.

⁴¹ Речь идет о так называемом «заговоре Апеллеса», подавленном царем весьма жестким образом. Однако в описании Полибием этого инцидента довольно много спорных мест. Подробнее о заговоре см., напр.: Errington R. M. Philip V, Aratus and the «Conspiracy of Apelles» // Historia. 1967. Bd. XVI. Hft. 1. P. 19–36.

⁴² Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 60.

Существует версия, что Филипп, вероятно, в это время получил контроль над восточной Фокидой, куда был назначен стратегом Александр⁴³, устроивший в следующем году засаду этолийцам в городе фанотеян, о чем будет сказано ниже. Предположение не лишено оснований, поскольку в одной из надписей, относящейся к 222/1 г., ахейцы воздавали почести беотийским и фокидским заложникам, в том числе из Фанотеи (Панопея) и Элатеи (Syll³, 519). А в 217 г. Фанотея явно выступает на стороне Филиппа. Вполне вероятно, что невозможность по каким-то причинам реализовать основной замысел похода в Фокиду привела, однако, к установлению контроля над некоторыми городами.

Конец военного сезона заняли переговоры. К Филиппу в Коринф прибыли послы Родоса и Хиоса, предложив посредничество в заключении мира (Polyb., V, 24, 11). Царь выразил согласие и отправил их к этолийцам. Посредничество, вероятно, было вызвано приостановкой деловой жизни Греции. Из-за войны никто не был застрахован от нападений и грабежей. В результате посредничества представителей этих островов между этолийцами и Филиппом было заключено перемирие на 30 дней (Polyb., V, 28, 1). Македонский царь созвал синедров в Патры (Polyb., V, 28, 3), поскольку заключение мира входило в компетенцию синедриона Эллинской лиги.

Едва ли можно доверять словам Полибия о том, что Филипп на самом деле не намеревался заключать мир (Polyb., V, 29, 4). Это не так. Момент для начала переговоров о мире был выбран весьма удачно. Царь показал себя настоящим полководцем, гораздо более талантливым, чем Арат. Союзники не могли этого не отметить. Фактически это озна-

⁴³ Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 625; Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944. S. 363.

чало, что авторитет македонского лидера стал стремительно расти, создавались прекрасные перспективы для расширения сферы македонского влияния в Греции. После столь успешного сезона войны, когда и Этолия, и Спарта понесли существенные потери, мир был желательным для всех воюющих сторон. Вполне вероятно, что именно так мыслил завершение войны Филипп. Теперь он мог продемонстрировать и друзьям, и противникам, что является истинным гегемоном Эллинской лиги, на деле заботящимся прежде всего об установлении мира.

Однако планам его не суждено было сбыться из-за срыва переговоров. В Этолии прошли выборы стратега, которым стал Агет (Polyb., V, 91, 1). Вполне вероятно, новый глава федерации иначе смотрел на вопрос о немедленном заключении мира. В. Тарн видит причину коварного поведения этолийцев в разорении Ферма, сделавшем примирение сторон невозможным⁴⁴. Полибий говорит (V, 29, 3), что этолийцы затягивали начало переговоров, выжидая исхода смут при македонском дворе, где в придворные интриги были вовлечены даже пельтасты⁴⁵. Волнения были подавлены Филиппом весьма жестко, но время для заключения мира было упущено. Позиции Филиппа в глазах противника были подорваны этим мятежом.

В истории заговора много спорных моментов и, к сожалению, невозможно с уверенностью говорить, кто и с какой целью его инспирировал. Полибий затеняет факты намеками на то, что все выгоды из устранения заговорщиков извлек Деметрий Фарский. Однако, если мы вспомним, кто из заинтересованных лиц был искусным дипломатом и имел

⁴⁴ Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia. P. 767.

⁴⁵ Полностью принимает версию Полибия Н. Хэммонд: Hammond N. G. The Macedonian State. P. 334; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 385.

причины для устранения постороннего влияния на царя, то вывод напрашивается сам собой — это Арат. Н. Хэммонд полагает, что Полибий пользовался сомнительными источниками и, дав им свою интерпретацию, представил читателю заговор, соединив воедино несвязанные друг с другом события⁴⁶. Поскольку изучение всех подробностей этого инцидента может составить отдельное исследование, в настоящей работе мы ограничимся рассмотрением лишь двух пассажиров Полибия.

Первый касается пьяных выходок Мегалея, Леонтия и Кринона после царского пира (Polyb., V, 15). Их речи были так же неприятны Филиппу, как когда-то высказывания Клита Черного Александру Македонскому⁴⁷. В другом месте (V, 16, 5) историк говорит, что Арат обвинял Леонтия и

⁴⁶ Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 381 ff.

⁴⁷ Клит — один из друзей юности Александра Македонского, спасший жизнь царю в битве при Гранике (Арт., I, 15, 8). Канва событий, связанных с убийством Клита, у всех античных авторов идентична (Арт., IV, 8, 8; Plut. Alex., 50–51; Curt., VIII, 1, 31–35): заносчивый командир конницы так умалил славу царя, что Александр, не владея собой и под влиянием опьянения, заколол его копьем, выхваченным из рук телохранителя. Убийство Клита часто рассматривают не как роковую случайность в пьяной перебранке, а как проявление разногласий между ближайшим окружением царя и Александром, чьи действия противоречили устремлениям македонской элиты: Ковалев С. И. Заговор пажей. Александр и Клит // ВДИ. 1949. № 3; Шофман А. С. О социальной сущности македонской оппозиции в армии Александра // Уч. зап. Казанского ун-та. Т. 117. Кн. 9. 1957; Зельин К. К. К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330–328 гг. // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.—Л., 1963; Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 273–277.

его друзей «с давнишнего времени» — это подразумевает существование между ними серьезных разногласий.

Таким образом, явная параллель между заговором Апеллеса и оппозицией в армии Александра Великого свидетельствует, что в упомянутых событиях при дворе в 218 г. переплелись гораздо более сложные интриги, чем те, которые представил нашему вниманию Полибий. Возможно, аналогия в действиях двух царей говорит о сходности их устремлений. Александр круто расправился с оппозиционерами, первым претворив в жизнь закон, провозглашенный позднее Селевком Никатором: «Всегда справедливо то, что постановлено царем» (App. Syr., 61). Ни один Антигонид до Филиппа не решился в полной мере следовать этому принципу. Молодой царь, видимо, рано обнаружил несоответствие своих интересов и взглядов аристократии. Взаимное недовольство привело к открытому конфликту, нарушившему царские планы. Раздраженный сопротивлением Филипп, пользуясь своими военными успехами и возросшим авторитетом и имея наглядный пример в лице Александра Великого, представил дело как заговор⁴⁸.

Однако, несмотря на спешно принятые меры, последствия конфликта для исхода войны были неутешительными. Этолийцы, имея в своем распоряжении месяц перемирия, пристально наблюдали за возникшими у царя проблемами и собирали силы для новых сражений. Рационально использовав предоставленное им время и восприняв заговор македонской знати как проявление зародившегося раскола в рядах противника, они по истечении данного срока оправились от деморализовавшего их шока после разгро-

⁴⁸ Заговорщики были слишком сильны, поэтому царь был вынужден оправдывать расправу над ними, предложив свою версию происходивших событий. См. также: *Errington R. M. Philip V, Aratus... P. 29 f.*

ма Ферма⁴⁹. Упустив удобный момент, македонский царь уже не мог сам обратиться к этолийцам с предложением мира. Такой шаг был бы расценен как проявление слабости. Поэтому ему не осталось ничего другого, как вернуться с войском домой на зимние квартиры. Война затягивалась.

Итоги этого военного сезона оценить довольно сложно. С одной стороны, безусловное военное превосходство Эллинской лиги обеспечило громкие победы над Этолией и Спартой. С другой стороны, не было сделано территориальных приобретений, нет сведений об установлении македонского контроля, не состоялось заключение мира на выгодных для лиги условиях. Не было ничего, кроме разорения земель противника, от которого уже на будущий год враг оправился настолько, что был готов к продолжению борьбы.

Можно говорить об ошибочном предположении лидеров Эллинской лиги, идущем, вероятно, из опыта Клеоменовой войны, о том, что несколько поражений приведут Этолийскую федерацию к кризису⁵⁰. Стоит вспомнить постанов-

⁴⁹ О зигзагах этолийской политики см. также: *Eckstein A. M. Greek Mediation in the First Macedonian War, 209–205 B. C. // Historia. Bd. 50. Hft. 3. 2002. P. 278.*

⁵⁰ В ходе Клеоменовой войны Ахейский союз не выдержал подобного испытания. В недрах его обнаружился раздор и борьба противоположных интересов; примирить их не сумели ни ахейские вожди, ни спартанский царь. Социально-экономическое брожение в городах союза вылилось в стремление недовольных искать поддержки во враждебном государстве — хотя и с потерей некоторой доли политической самостоятельности, зато в надежде вознаградить себя имущественным равенством внутри общины. Это брожение обнаружило неустойчивость союзных связей, вызвав ответные насильственные меры со стороны союзных властей. У Арата не оказалось достаточно ни военной доблести, ни политического мужества. См.: *Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. С. 113 и 120.*

ление синедров накануне войны: они не только заявили о претензиях на насильственно отторгнутые этолийцами земли, но и предлагали «освобождение» другим государствам (Polyb., IV, 25, 7). Публичность и торжественность подобных заявлений должна была укрепить в союзниках мысль, что устройство Этолийской лиги держится исключительно на терроре и насилии. Однако в таком случае их федерация развалилась бы после первых ощутимых ударов Эллинской лиги. Между тем в ходе боевых действий ничего подобного не произошло.

Устойчивость Этолийской федерации придавало много факторов. Военную мощь этолийцев не следует преувеличивать. Лишь одной силой оружия невозможно было сохранить целостность такой организации. Государство, которое включало несколько десятков разнородных в этническом и социально-экономическом отношении общин, должно было иметь мощные стимулы для длительного и устойчивого существования. По мнению С. К. Сизова, такими факторами являлись: «полное равноправие и очень большая автономия суверенных полисов внутри союза, соответствие политической обстановки в Этолийской федерации интересам зажиточной элиты различных общин, известные гарантии безопасности населения хотя бы в мирное время, возможность участвовать в походах за добычей, что играло немалую роль. В условиях эллинистической Греции, когда глубинные процессы, связанные с кризисом полиса и быстрым прогрессом ранее отсталых областей, полностью меняли соотношение сил и политическую карту страны, государство, которое могло предоставить своим гражданам такие преимущества, имело все шансы на успех»⁵¹.

⁵¹ Сизов С. К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород, 1990. С. 67.

Немалую роль в сохранении целостности союза играло предоставление и соблюдение асии. Признание Этолией асии Магнесии означало, что город и его земли должны быть свободны от грабежа и никто из этолийцев или живущих в Этолии не должен наносить им ущерб ни на суше, ни на море. В случае нарушения этого условия стратег должен возратить имущество либо на нарушителя налагается штраф, соразмерный понесенным потерям (IG, IX², 1, 4, ll. 14–25). Документы из архива Магнесии и других городов показывают, что, в отличие от Этолии, эллинистические правители, в том числе и Филипп V, неохотно шли на предоставление асии, которая связывала им руки⁵². Поэтому на расшатывание основ Этолийской федерации требовалось гораздо больше времени, чем период Союзнической войны.

⁵² *Davies J. K. Cultural, social and economic features of the Hellenistic world // САН². Vol. 7. 1984. P. 289.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ПЕЛОПОННЕСЕ

Социальные проблемы в Греции возникли не в эллинистический период, а гораздо раньше — еще в архаическую эпоху. В конце IV в. договор Коринфского союза включал следующие условия: «...пусть не применяются ни казни, ни изгнания вопреки установленным в этих государствах законам, ни отобрание в казну имущества, ни передел земли, ни отмена долгов, ни освобождение рабов...» (Ps.-Dem., XVII, 15)¹. Иногда считают², что эта статья договора служила интересам имущих, закрепляя их у власти. В. Тарн, которого П. Олива называет одним из лучших знатоков социальной истории³, охарактеризовал эти установления как «полную программу социальной революции из четырех пунктов и взаимные гарантии против нее»⁴. Она включала отмену долгов,

¹ Ps.-Dem., XVII, 15: ...ἐν ταῖς κοινωνούσαις πόλεσι τῆς εἰρήνης μὴ γίνωνται θάνατοι καὶ φυγαὶ παρὰ τοῖς κειμένους ταῖς πόλεσι νόμους, μηδὲ χρημάτων δημεύσεις, μηδὲ γῆς ἀναδασμοί, μηδὲ χρειῶν ἀποκοπαί, μηδὲ δούλων ἀπελευθερώσεις ἐπὶ νεωτερισμῶ.

² Kaerst J. Geschichte des Hellenistischen Zeitalters. Leipzig, 1901. Bd. 1. S. 208; Cawkwell G. Philip of Macedon. Bristol, 1978. P. 174 f.; Кондратьев М. А. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30—20-х гг. IV века до н. э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 41 сл.

³ Oliva P. Die soziale Frage im hellenistischen Griechenland // Eirene. № 12. 1974. P. 52.

⁴ Tarn W. W. The social question of the third century // The Hellenistic age. Cambridge, 1925. P. 128.

передел земли, конфискацию имущества и освобождение рабов для поддержки революции⁵. Хотя заключение договора было итогом борьбы политической, а не социальной⁶, тем не менее Македония в лигах 338 и 302 гг. выступала гарантом общественного порядка, и зажиточные круги полисов связывали с ней надежды на стабильное существование.

Не следует забывать тот факт, что еще со времен войн диадохов, позиции социальных слоев во внешней политике стали довольно четкими. Обычно демократические круги отстаивали национальную независимость, а богатые искали опоры в Македонии. Однако к концу III в. ситуация изменилась. Исследователи, изучавшие положение слоев общества в эллинистическую эпоху в греческих государствах, пришли к единодушному выводу: пропасть между богатыми и бедными в среде граждан значительно увеличилась⁷. Социальные проблемы в конце III в. охватили все государства Греции. Спартанские реформы Агиса и Клеомена — лишь наиболее яркий пример их проявления. Характерно, что в ходе Клеоменовой войны между Спартой и Ахейским союзом многие ахейские города открывали Клеомену ворота, рассчитывая на преобразования, подобные спартанским. Беспрецедентная волна революционного энтузиазма охватила

⁵ *Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia // САН. Vol. 7. 1928. P. 740.*

⁶ *Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Элады // ВДИ. 1974. № 1. С. 54 сл.; Фролов Э. Д. Панэллинизм в политике IV века до н. э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 190 сл.*

⁷ *Tarn W. W. The social question of the third century // The Hellenistic age. Cambridge, 1925. P. 108 ff.; Oliva P. Die soziale Frage... S. 53 f.; Rostovtseff M. The social and economic history of the Hellenistic world. Vol. 1. Oxford, 1941. P. 206 ff.; Briscoe J. Rome and the class struggle in the Greek states 200—146 B. C. // Studies in ancient society. L., 1978. P. 53.*

территорию Ахейской лиги⁸. По мнению Э. Вилля, во всем Пелопоннесе было достаточно много людей, которые предпочитали видеть полуостров, объединенный царем Клеоменом. Именно он воплощал для многих идеал социальных преобразований, а вовсе не ахейские олигархи⁹. Плутарх упоминает (Слеот., 20, 6), какое разочарование царило в Аргосе после отказа Клеомена отменить долги. Однако царь не собирался осуществлять социальные реформы за пределами Спарты, поскольку его преобразования сохраняли структуру спартанского общества, в котором было строго ограниченное равенство, и преследовали старую политическую цель — возрождение спартанской гегемонии в Пелопоннесе¹⁰. Спорным является одно из последних мероприятий Клеомена — отпуск на волю части илотов за выкуп: был ли этот шаг продолжением реформ или диктовался катастрофическим военным положением¹¹. Вероятно, вторая версия ближе к истине. Любой шаг в столь радикальном направлении стоил бы Клеомену поддержки богатых кругов тех городов, которые видели в нем не социального реформатора, а альтернативу Арату и Македонии¹². В этой политике В. Д. Жигунин видит и при-

⁸ *Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia. P. 755, 757.*

⁹ *Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. 1. Nancy, 1979. P. 348.*

¹⁰ *Oliva P. Die soziale Frage... S. 56—57; Oliva P. Der Achäische Band zwischen Makedonien und Sparta // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1986. С. 138; Tarn W. W. The Greek Leagues and Makedonia. P. 755; Cary M. A history of the Greek World from 323 to 146 B. C. L., 1932. P. 161; Fuks A. Agis, Kleomenes and Equality // Cl. Ph. Vol. 57. № 3. 1962. P. 165.*

¹¹ Подробнее см. *Сизов С. К. Клеомен III и освобождение илотов // Актуальные проблемы истории. Н. Новгород, 2002. С. 28—38; Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues // САН². Vol. 7. 1984. P. 470.*

¹² *Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues. P. 468.*

чины поражения Клеомена, оттолкнувшего от себя пелопоннеский демос¹³. Однако нельзя однозначно подходить к этому вопросу; следует различать надежды народа, намерения спартанского царя и интересы зажиточных кругов.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что уже современники тех событий отмечали переплетение интересов разных категорий населения, носивших общее наименование «клеоменисты». Во-первых, это малоимущие и неимущие массы, надеявшиеся на социальные преобразования Клеомена. Во-вторых, правящие круги зажиточных людей, недовольные руководством Арата и опасавшиеся вмешательства Македонии¹⁴. В-третьих, бывшие тираны пелопоннеских городов или возможные претенденты на эту роль¹⁵. Большое значение для определения позиции полисов в войне имело традиционное отношение дружбы или вражды городов со Спартой. В каждом конкретном случае наблюдалось сочетание разных сил, приводивших к выступлению полисов на стороне Клеомена, или напротив, оказывавших ему упорное сопротивление.

В ходе Союзнической войны внутренняя борьба в отдельных городах по-прежнему служила поводом для манипуляций в руках политиков. Поэтому предположение о намерении этолийцев эксплуатировать социальную напряженность в Пелопоннесе в своих интересах¹⁶, не выглядит слишком опрометчиво. Поддерживая настроения недовольных слоев

¹³ Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280—220 гг. до н. э. Казань, 1980. С. 154.

¹⁴ Fine J. The Background of the Social War of 220—217 B. C. // *AJPh*. Vol. 61. 1940. P. 146.

¹⁵ Сизов С. К. Ахейский союз. М., 1989. С. 112. Подробный разбор обстановки в полисах см. там же. С. 113 сл.

¹⁶ Walbank F. Philip V of Macedon. Hamden, 1940. P. 36; Fine J. The Background of the Social War... P. 154; Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 266.

населения в городах противника, этолийское руководство могло рассчитывать на неустойчивость самой Ахейской федерации. Нестабильность внутри союза должна была стать серьезным препятствием для попыток ахейцев создать единый фронт против Этолийской федерации. Примечательно, что удержать полисы от измены в сложившихся условиях могло лишь введение в город гарнизона. Большой гарнизон и укрепленное положение имели в то время большее значение, чем политические симпатии. Характерным примером является Кинефа. Эта небольшая аркадская крепость входила в Ахейский союз, в ней находился ахейский гарнизон, присутствие которого, видимо, диктовалось необходимостью, так как внутренняя борьба в Кинефе длилась в течение «долгих лет», сопровождаясь конфискациями, казнями, изгнаниями политических противников и переделом земли (Polyb., IV, 17, 5). Из утверждения о внутренней борьбе и о переделах земли можно сделать вывод о приверженности города Клеомену¹⁷, хотя источники не сохранили об этом никаких сведений. Однако, по мнению С. К. Сизова¹⁸, такой вывод необязателен, поскольку из числа репрессированных нельзя исключить и лиц, поддерживавших Клеомена как альтернативу Арату. Соответственно, указанные мероприятия могли быть лишь способом расправы над политическим противником. С другой стороны, Ф. Уолбэнк¹⁹ настаивает именно на революционных чувствах изгнанников, на их устремлениях в духе спартанских реформ. В данном случае не так уж важно,

¹⁷ См., напр.: *Тарн В. Эллинистическая цивилизация / Пер. С. А. Ляскового. М., 1949. С. 128; Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950. С. 249.*

¹⁸ *Сизов С. К. Ахейский союз. С. 115—116.*

¹⁹ *Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 29—30; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 464.*

были ли изменники представителями зажиточных кругов или низов общества. Важнее другое: социальной стабильности в городе не было. Этолийцы в этом конфликте использовали популярные лозунги в своих интересах, намереваясь захватить Кинефу²⁰. Ахейцы же, со своей стороны, просчитались. Они рассчитывали, что вывод солдат из крепости будет способствовать примирению сторон и прекращению борьбы (Polyb., IV, 17, 8—10). Однако как только ахейский гарнизон покинул крепость, изменники призвали этолийцев.

Любопытно сравнение с Кинефой другого аркадского города — Клейтора. Он также подвергся нападению этолийцев, разгромивших Кинефу. Причем Кинефу с самого начала они планировали удержать за собой или передать Элиде, своему союзнику. Полибий свидетельствует об этом, говоря, что завоеватели предоставили ее элейцам, но после их отказа назначили правителем Эврипида (IV, 19, 5). Лишь получив сведения о приближении македонян, они оставили местность. Клейтор стал следующей целью после Кинефы. Этолийцы предложили жителям города выйти из Ахейского союза и заключить союз с ними, на что получили решительный отказ (Polyb., IV, 19, 2—3). Попытка атаковать город провалилась, захватчики вынуждены были покинуть земли (Polyb., IV, 19, 4). Интересен в данном случае факт, что в Клейторе не было внутренних смут. В Клеоменову войну спартанский царь захватил этот город, но, как указывает Полибий, не в результате всеобщего сочувствия ему, а стараниями одного человека, некоего Теаркеса, который даже не имел в городе большого авторитета (II, 55, 9). Иными словами, здесь не было движения бедноты, а следовательно, призыв этолийцев к социальным переменам не нашел отклика, как это, вероятно, случилось с жителями Кинефы. Подобное сопоставление лишней раз подчеркивает всю сложность противоречий, су-

²⁰ *Fine J. The Background of the Social War... P. 164.*

ществовавших в греческих государствах и охватывавших разные сферы жизни.

Отзвуки социальной борьбы слышны в свидетельствах Полибия о Мегалополе в конце Союзнической войны. Историк упоминает (V, 93) всеобщее недовольство ввиду нехватки средств, малочисленность населения, требования к богатым уступить третью часть своих земель для предоставления наделов новым поселенцам. Предметом раздоров стали и законы Пританида, которого дал им в законодатели Антигон. Арат как стратег союза был вынужден вмешаться и умиротворять население. Примечательно, что в Клеоменову войну Мегалополь упорно сопротивлялся спартанцам (Polyb., II, 48, 4 sqq.; 55, 8; 65, 3). Теперь же тяготы войны и разорение земель подталкивали население к возмущению.

Социальные проблемы были характерны не только для Пелопоннеса. Не менее напряженная борьба шла и в других государствах Элады. Полибий пишет, что государство беотийцев было окончательно расстроено, и у них в течение чуть ли не 25 лет не было вынесено ни одного приговора ни по частным жалобам, ни по государственным делам (XX, 6). Чтобы предотвратить социальные конфликты и облегчить положение демоса, руководители Беотийского союза вынуждены были отсрочить взыскание долгов, устраивать общественные раздачи и обеды.

Лишь очень немногие полисы были достаточно богаты, чтобы поддерживать независимое существование и социальную стабильность за счет государственного содержания обедневших граждан, как это делалось на Родосе, хотя там не было демократического правления (Strab., 14, 2, 5). Еще в конце IV в. среди зажиточных греческих собственников окончательно оформилось понимание того обстоятельства, что гарантировать автономию полиса и внутреннее спокойствие может только сильная поддержка извне. Иными словами, полис мог сохранять социальную стабильность только в составе бо-

лее крупного государственного объединения²¹. Но и в государствах такого типа поставленные проблемы не исчезли; они с полной силой проявлялись в кризисных ситуациях, как это случилось с Ахейским союзом в годы Клеоменовой войны.

Не избежал подобных проблем и Этолийский союз. «Показателями имущественного и социального расслоения этолийского общества второй половины III — первой трети II в. являются: посвящения этолийцев в дельфийский храм и другие святилища; распространение роскоши и появление людей, состояние которых оценивалось в несколько десятков, а то и сотен талантов; изменение состава вооруженных сил союза в сторону падения значения пехоты и повышения роли конницы в боевых операциях; развитие наемничества и пребывание этолийцев на военной службе в восточноэллинистических государствах; массовая задолженность свободного населения»²². Резкое социальное расслоение привело к возникновению в Этолии протестных настроений и брожения, которое проходило под традиционными лозунгами отмены долгов. Около 206 г. долговой вопрос приобрел особую остроту, так что стратегам Скопасу и Доримаху было поручено разработать законы о кассации долгов, которые, однако, в результате активного противодействия ростовщиков не были приняты. Борьба затянулась на ряд лет (Polyb., XIII, 1; XXX, 2; Liv., 42, 4).

Противопоставляя две воюющие федерации, обычно считают, что Этолийский союз был демократичнее Ахейского²³,

²¹ Сизов С. К. Ахейский союз. С. 16.

²² Власюков С. Ю. Этолийский союз эллинистического времени (социально-экономические отношения и политическая организация). Автореф. ... к. и. н. М., 1991. С. 10.

²³ Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 23; Oliva P. Die soziale Frage... S. 56; Дж. Файн (Fine J. The Background of the Social War... P. 146) указывает, что Арат возражал против любых мер, ведущих к перераспределению земли и отмене долгов.

поэтому демократические круги Греции стояли на стороне этолийцев, а ахейцы и Македония поддерживались консервативными силами греческих городов²⁴. Исследователи в данном случае ориентируются на разные социально-политические условия, в которых формировались федерации. Ахейский союз складывался в процессе борьбы с тираническими режимами и объединял города, в большинстве своем олигархические, ориентированные на консерватизм и традиционализм. Их соперник — Этолийская лига — развивалась в иной обстановке и включала города демократические, имевшие менее консервативную социально-политическую структуру.

Эти различия, конечно, могли привести к расколу эллинов на два военно-политических блока, к росту противоречий между ними и к неизбежной войне. Однако в меньшей степени играли роль и имперские амбиции обеих сторон. Поэтому едва ли правомерно утверждение, что «Этолия осталась, после установления власти Македонии в большей части Эллады, единственной демократической страной, и, следовательно, борьба против Македонии и олигархического Ахейского союза была в какой-то степени борьбой за демократию»²⁵. В противоположность этому высказыванию В. Тарн полагает, что Ахейская лига тоже имела достаточно демократическую конституцию, при этом она была менее демократична, если сравнивать с Этолией 275 г., и более демократичной, чем Этолия в 220 г.²⁶

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что обоими союзами управляли самые состоятельные граждане. Как утверждал Дж. Ларсен²⁷, значение «демократии» измени-

²⁴ *Oliva P.* Die soziale Frage... S. 58.

²⁵ *Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950. С. 250.

²⁶ *Tarn W. W.* The Greek Leagues and Makedonia. P. 739.

²⁷ *Larsen J. A. O.* Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968. P. 232.

лось, и в эллинистическое время те государства, которые некогда считались олигархическими, можно назвать демократическими. По мнению С. К. Сизова, нет никаких оснований противопоставлять «демократический» Этолийский союз «аристократическому» Ахейскому, а если говорить о практической политике, то «высшие должности в Этолийской федерации из года в год занимали представители немногих клановых группировок, почти ту же ситуацию можно увидеть у ахейцев»²⁸. И в том, и в другом союзе существовала одинаковая эллинистическая «демократия»: республиканский строй, используемый в интересах зажиточной элиты.

Борьба между имущими и неимущими слоями населения в конце III в. была значительным фактором, который принимался во внимание эллинистическими правителями. Некоторые исследователи считают, что Филипп V в определенные моменты своего правления изменял традиционной политике своих предшественников, которые опирались на аристократические круги Греции, и обращался к поддержке народных масс²⁹. При этом три инцидента напрямую связаны с Союзнической войной — путч Хилона в Спарте в 219 г., заговор Апеллеса и проблемы в Ахейской федерации в 218 г., революция в Мессении. Однако, как убедительно показала Д. Мендельс³⁰, подобная точка зрения на социальную политику Филиппа не вполне справедлива. Конечно, царю были свойственны демократические жесты. Тит Ливий, например, рассказывает (27, 31, 4), что на Немейских

²⁸ Сизов С. К. Этолийский союз. С. 66.

²⁹ Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J.-C. P., 1921. P. 228 ss.; Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 164 ff.; Cary M. A history of the Greek World... P. 190; Larsen J. A. O. Greek Federal States... P. 363; Briscoe J. Rome and the class struggle... P. 53.

³⁰ Mendels D. Polybius, Philipp V and the Socio-economical Questions in Greece // Ancient Society. Louvain, 1977. № 8. P. 156 ff.

играх он, угождая народу, снял царский убор с головы, скинул пурпурный плащ и вообще всю царскую одежду и обликом сравнялся со всеми, ибо — «для свободных граждан нет ничего приятнее» (Liv., 27, 31, 4). Но такое поведение не определяет политику царя в целом. Он в данном случае сыграл нужную ему роль, создал тот образ правителя, который от него ожидали³¹. На деле же Филипп оставался верен курсу своих предшественников и опирался на зажиточные круги греческих государств.

Учитывая все вышеизложенное, следует отметить, что наличие или отсутствие социальных проблем в греческих полисах нельзя рассматривать по принципу, к какой федерации — Этолийской или Ахейской — относился тот или иной город. Действительность была намного сложнее. В каждом государстве социальные проблемы переплетались с политическими и международными, а решение этих вопросов перестало быть внутренним делом государства — в возникавшие конфликты слишком часто вмешивались третьи силы.

Наиболее ярко, с нашей точки зрения, вся совокупность социальных и политических противоречий проявились в двух пелопоннесских государствах — Мессении и Спарте. Примечательно, что в Союзнической войне они стояли по разные

³¹ Многочисленные анекдоты об эллинистических правителях наглядно демонстрируют, что все они создавали желаемый публичный имидж посредством выбора своего сопровождения, меняя свои одеяния и т. п. Известно, что Антиох IV нередко снимал царское облачение и обходил рынок, пожимая руки граждан (Polyb., XXVI, 1, 5), Птолемей XII был флейтистом и участником мимических представлений (Strab., XVII, 1, 11). Поведение Филиппа V в сравнении с такими царями выглядит довольно скромным. Подробнее см.: Ханиотис А. Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире // *Antiquitas aeterna*. Вып. 1: Эллинистический мир. Казань, 2005. С. 174–180 и 189.

стороны линии фронта, что свидетельствует о существовании глубоких социальных проблем, свойственных не отдельным полисам той или иной федерации, а всем государствам Греции.

1. Спарта в период Союзнической войны

После разгрома Клеомена в битве при Селассии в 222 г. и его бегства в Египет, македонские войска без сопротивления вступили в Спарту. Было восстановлено старое государственное устройство (Plut. Cleom., 30; Polyb., II, 70, 1) — правительство эфоров без царей. Эта система была полной противоположностью той, что создавал Клеомен. Отменил ли Антигон Досон недавнюю реформу распределения земли, вопрос спорный. Возможно, изгнанные прежде спартанские граждане вернулись и завладели своей собственностью вновь, но содействовал ли этому захвату македонский царь остается неизвестным. Вероятно, гибель новых спартанских арендаторов при Селассии избавила его от необходимости разбирать земельные споры³². Сомнения у современных исследователей остаются и по поводу отмены Антигоном социальных реформ Клеомена. Конечно, едва ли все преобразования спартанского царя остались в силе, но в равной степени невозможно с уверенностью говорить и о полной их ликвидации.

После поражения в Клеоеновой войне Спарта, скорее всего, стала членом Эллинской лиги³³. К сожалению, Поли-

³² Cary M. A history of the Greek World... P. 163; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 362; Oliva P. Sparta and her Social Problems. P. 266. Разные точки зрения по вопросу отмены или сохранения всех реформ Клеомена см.: Shimron B. The Spartan Polity after the Defeat of Cleomenes III // The Classical Quarterly. Vol. 14. № 2. 1964. P. 232—239.

³³ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. С. 250; Самохина Г. С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э. // Социальная структура и политическая организация

бий прямо не пишет об этом, он лишь намекает на этот факт в нескольких пассажах. Так, Филипп V говорит у него, что лакедемоняне пока ни в чем не провинились перед κοινῆ σφιδάχεια, а свои внутренние дела союзники могут улаживать сами (IV, 24, 4–6). Кроме того, когда послы Эллинской лиги были отправлены по решению синедриона πρὸς τοὺς σφιδάχους для ратификации решения о войне с этолийцами (Polyb., IV, 26, 2), они прибыли и в Спарту (Polyb., IV, 34, 1). Первый из упомянутых фрагментов, пожалуй, действительно может служить доказательством участия Спарты в Эллинской лиге. Филипп говорил о событиях, связанных с убийством в Спарте предводителей промакедонской партии (Polyb., IV, 22–23). Однако виновные тогда остались безнаказанными, так как царь признал совершенные убийства внутренним делом государства. Подобные действия Филиппа находят лишь одно объяснение: Филипп желал продемонстрировать союзникам, что соблюдение условий договора для него намного важнее, чем потеря нескольких своих сторонников. Второй пассаж подтверждает членство Спарты

античного общества. Л., 1982. С. 109; *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху / Пер. с нем. Ю. Г. Виноградова. М., 1999. С. 186; *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 4. 1 Abt. Berlin—Leipzig, 1925. S. 718, Anm. 1; *Tarn W. W.* The Greek Leagues and Macedonia. P. 762; *Fine J.* The Background of the Social War... P. 152; *Larsen J. A. O.* Greek Federal States... P. 325; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. T. 1. Nancy, 1966. P. 361; *Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen. Leipzig, 1937. S. 30; *Oliiva P.* Sparta and her Social Problems. P. 264; *Forrest W. G.* A history of Sparta 950–192 B. C. L., 1980. P. 148; *Walbank F.* A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 457; *Walbank F.* Macedonia and the Greek Leagues. P. 472; *Hammond N. G., Walbank F. W.* A history of Macedonia. P. 362; *Errington R. M.* A history of Macedonia. Berkeley—Los Angeles—Oxford, 1990. P. 183.

в лиге, так как сам факт возможности ратификации в Спарте решения о войне ставит ее в один ряд с другими участниками общеэллинского союза.

Однако другие сведения Полибия позволяют усомниться в принятии Спарты в состав союза. Во-первых, прослеживается явное противопоставление спартанцев членам лиги: этолийцы постановили поддерживать мир со Спартой, Мессенией «и всеми прочими», чтобы привлечь на свою сторону ахейских союзников (Polyb., IV, 15, 8). Кроме того, когда спартанские послы пообещали Филиппу «исполнять во всем обязанности союзников» (Polyb., IV, 23, 6), царь Филипп в ответ на это отправил в Спарту посла, призывая спартанцев «оставаться дружественно расположенными к нему и македонянам» (Polyb., IV, 24, 8). Спартанцы не упоминаются в числе союзных делегатов в Коринфе, где решался вопрос об объявлении войны Этолийской федерации (Polyb., IV, 25, 1–4).

Но молчание Полибия относительно спартанских синедров в Коринфе (Polyb., IV, 25) вовсе не доказывает отсутствие самих спартанских делегатов на заседании синедриона. Стоит вспомнить, что на этом заседании было высказано много жалоб от союзников на этолийцев, что послужило причиной принятия решения об объявлении им войны. Вполне возможно, что у Спарты таких жалоб не было, с обвинениями они не выступали, именно поэтому их представители и не упомянуты в числе присутствовавших. Стоит вспомнить пасаж Полибия, в котором этолийцы намеренно противопоставляли спартанцев их союзникам (IV, 15, 8). Вероятно, они рассчитывали на отход Спарты от лиги в будущем (что и произошло). В таком случае, этолийцы должны были постоянно демонстрировать свое искреннее расположение к ее гражданам. Может быть, изменившиеся взаимоотношения с этолийцами и повлияли на позицию спартанцев в Коринфе. Им не в чем было обвинить Этолию на собрании синедров.

На основании упомянутых пассажей Полибия Б. Шимрон³⁴ делает вывод, что со Спартой действительно был заключен договор, но это была симмахия «с Филиппом и македонянами», поскольку данные Полибия об этом, как он полагает, «более вяжные», чем об участии спартанцев в Эллинской лиге. Кроме того, по его мнению, Арат, один из «архитекторов» лиги, был заинтересован не во включении Спарты в лигу, а скорее в ее аннексии. Однако ему пришлось считаться с тем немаловажным обстоятельством, что победителем при Селассии был не он, а Антигон, поэтому ахейский стратег вынужден был следовать за македонским царем.

Причин столь великодушного отношения Антигона Досона к Спарте было несколько. Во-первых, он надеялся привлечь симпатии большинства жителей Греции, во-вторых, Спарта служила политическим противовесом Ахейской федерации, в-третьих, македонский царь стремился действовать мягко и осмотрительно, поскольку любое проявление жесткости по отношению к грекам было бы негативно воспринято союзниками Македонии. Г. Бенгтсон полагает³⁵, что лишение Спарты независимости не входило в интересы ахейцев и македонян, им было достаточно изгнать царя Клеомена. Н. Хэмонд³⁶ также высказывается за существование альянса Спарты с македонским царем, а не с Эллинской лигой. В то же время В. Д. Жигунин³⁷ считает, что «Спарта как побежденная держава» вообще не могла быть членом лиги.

³⁴ *Shimron B. Late Sparta... P. 68; Shimron B. The Spartan Polity after the Defeat... P. 237–238.*

³⁵ *Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Dason. München, 1971. S. 49.*

³⁶ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 372, n. 1.*

³⁷ *Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств... С. 159.*

Не углубляясь в дискуссию по данному вопросу, необходимо отметить, что утверждение о включении Спарты в Эллинскую лигу, вероятно, ближе к истине, поскольку самыми убедительными свидетельствами участия Спарты в союзе являются два приведенных выше указания Полибия о вмешательстве во внутренние дела союзников и о ратификации решения о войне. Во-первых, в деле об убийстве промакедонски настроенных лиц в Спарте Филипп следовал договору лиги: во внутренние дела союзников он вмешиваться не стал, поскольку совершенные кровавые деяния все же не представляли угрозы для союза в целом, и ограничился выражением неудовольствия (Polyb., IV, 22–24). Во-вторых, тот факт, что в Спарте должна была проводиться ратификация положения о войне, выглядел бы довольно странно, если бы спартанцы не участвовали в вынесении самого решения.

Вероятно, Спарту можно считать государством, находившимся на «особом положении» в Эллинском союзе. Включая ее в лигу, союзники поставили Спарту под общий контроль. Спартанцам было запрещено (как и другим членам союза) вести самостоятельную внешнюю политику, совершать враждебные действия по отношению к членам лиги под угрозой наказания. Возвращение изгнанных Клеоменом граждан, видимо, должно было повлечь улаживание вопросов собственности, что на время отвлекло бы спартанцев от участия в политических интригах. Кроме того, в Пелопоннесе был оставлен царский представитель Таврион (Polyb., IV, 6, 4; 87, 8), которому, вероятно, подчинялся уполномоченный по делам Спарты беотиец Брахилл³⁸ (Polyb., XX, 5, 12). Таким образом, Спарта находилась под постоянным контролем союзников.

³⁸ Самохина Г. С. Панэллинская идея в политике Македонии... С. 117.

Несмотря на эти предосторожности в Спарте, видимо, сохранилась сильная проклеоменова фракция. Это очевидно из того факта, что трое из пяти назначенных эфоров склонялись на этолийскую сторону. Накануне заседания синедров в Коринфе, где было принято решение о войне, эти трое эфоров устроили в Спарте беспорядки, в ходе которых были убиты многие известные в городе граждане, вероятно, промакедонски настроенные (Polyb., IV, 22, 4–12). Однако при приближении македонского царя Филиппа V к городу, спартанцы выразили ему свою лояльность. Спарта осталась в составе союза, а Филипп воздержался от чрезвычайных мер³⁹. Столь невнимательному отношению к поддерживавшим его людям, убитым в ходе переворота, можно найти лишь одно объяснение: македонский царь не хотел применять силу. Как гегемон лиги он должен был прежде всего думать о сохранении дружественных отношений с этим — включенным в Эллинский союз силой — государством. Применение войск и пролитие крови могло привести к взрыву антимакедонских настроений в других государствах и немедленному их отпадению от союза. Действие в рамках договора лиги не позволяло вмешиваться во внутренние дела государства, если они не угрожали другим союзникам. Поэтому македонский царь и ограничился высказыванием недовольства.

Однако мирный исход этого конфликта не разрешил существовавшие в Спарте проблемы. В рассматриваемый нами

³⁹ По версии Плутарха, мысль воздержаться от наказания спартанцев внушил царю Арат (Plut. Arat., 48, 5). Однако Н. Хэммонд полагает, что это решение принадлежало самому Филиппу; Арат же едва ли был в то время с ним, поскольку должен был заниматься сбором войск Ахейского союза (Hammond N. G., *Walbank F. W. A history of Macedonia*. P. 373, n. 1). Думается также, что в начале своего правления македонский царь стремился к сотрудничеству с греками и сохранению Общего Мира (Polyb., IV, 16, 2–3).

период в ней продолжалась политическая борьба, при этом каждая группировка, претендовавшая на власть, имела свои взгляды по вопросам внешней и социальной политики. Как уже отмечалось выше, после разгрома Клеомена в Спарте было восстановлено прежнее государственное устройство (Polyb., II, 70, 1). Поэтому против лиги были настроены бывшие клеоменисты⁴⁰, те, кто надеялся на продолжение реформ, и молодежь⁴¹. Столь сильная оппозиция, конечно, повлияла на нежелание Спарты участвовать в Союзнической войне на стороне недавних противников. Однако открытый отказ от военных действий государства, находящегося под контролем союзников, мог повлечь нежелательные санкции. Поэтому спартанцы предпочли действовать осторожно и воздержались от ответа, отложив решение вопроса о ратификации.

Тем временем подготовка сторон к войне шла полным ходом, причем она не ограничилась мобилизацией населения и вооружением армий. И ахейцы, и этолийцы стремились обеспечить выступление своих союзников единым фронтом, чтобы начать войну в наиболее благоприятных для себя условиях. Казалось, этой цели удалось достичь Арату: позиции Этолии в Пелопоннесе были ослаблены изменой Мессении; в войну с Этолией вступал не только Ахейский союз, но и вся Эллинская лига; сохранялась надежда, что Спарта, к которой проявили терпеливое отношение, воздержится от перехода на сторону врага.

Однако в период с осени 220 г. (заседание в Коринфе) до весны 219 г. (выборы у ахейцев) в Спарте произошел переворот. Полибий приводит довольно противоречивые

⁴⁰ Новые спартиаты должны были быть фанатично преданы государственному деятелю, повысившему их статус: *Ласи Р. М.* Применимость понятия революции к реформам Агида, Клеомена и Набида в Спарте // ВДИ. 2002. № 4. С. 83 сл.

⁴¹ *Shimron B. Late Sparta... P. 70 f.*

сведения о спартанских событиях: «...когда были выбраны новые эфоры, те самые люди, которые вначале произвели кровавый переворот, обращались к этолянам с просьбой прислать посла. Этоляне охотно согласились на это, и вскоре прибыл в Лакедемон в качестве посла Махат. Тотчас явился он к эфорам... (sic! — Н. С.) они требовали допустить Махата к народу, назначить царей согласно исконным установлениям и не терпеть столь продолжительного упразднения власти Гераклидов. Эфоры не одобряли всего этого, но были бессильны совладать с яростью противников и, опасаясь возмущения молодежи, отвечали, что относительно царей они рассудят после, а Махата согласились допустить в народное собрание. Когда народ собрался, выступил Махат и в длинной речи убеждал собравшихся присоединиться к Этолийскому союзу, а в то же время нагло выставлял против македонян неосновательные обвинения, лживо и бессмысленно превозносил этолян. По удалении Махата начались ожесточенные препирательства. Одни высказывались за этолян и советовали примкнуть к их союзу, другие возражали. Старшие возрастом напоминали народу об услугах Антигона и македонян, а также о злоключениях, причиненных Хариксеном и Тимеем, когда этоляне со всем войском опустошили их страну... После этих разъяснений лакедемоняне изменили свое решение и склонились наконец к тому, чтобы оставаться в союзе с Филиппом и македонянами. Когда дело приняло такой оборот, Махат ни с чем возвратился домой.

Винновники переворота ни за что не желали примириться с таким положением дел и, совратив часть молодежи, замыслили ужаснейшее злодеяние. По случаю некоего исконного жертвоприношения возмужавшие граждане с оружием в руках должны были участвовать в торжественном шествии к храму Афины... Часть вооруженной молодежи, участвовавшей в процессии, внезапно напала на приносивших

жертву эфоров и умертвила их... лютость их простерлась до того, что все эфоры были умерщвлены подле жертвенника и у самого стола богини. Убийцы не остановились и на этом: во исполнение замысла они убили Гирида и единомышленных с ним геронтов, изгнали противников этолян, выбрали эфоров из своей среды и заключили союз с этолянами» (Polyb., IV, 34, 3 — 35, 5).

Из приведенного выше пассажа следует, что невозможно говорить о безусловной внешнеполитической ориентации Спарты на Этолию; сторонники Македонии имелись среди геронтов, оказывавших гораздо большее влияние на политику Спарты, чем народное собрание. Именно конфликт между всесильными эфорами и советом геронтов проявился в принятом спартацами решении встать на македонскую сторону в предстоящей войне. Согласно Полибию, после расправы над промакедонскими лидерами в Спарте прошли выборы новых эфоров, вероятно, проэтолийски настроенных (Polyb., IV, 34, 3). По их просьбе в Спарту явился этолийский посол Махат. Однако переговоры с ним, вероятно, собирались вести лишь эфоры. Это утверждение следует из указания ахейского историка, что кто-то (вероятно, представитель враждебной эфорам фракции) требовал представления посла народу (Polyb., IV, 34, 5). К сожалению, в тексте Полибия в этом месте имеется пробел, а в парижском списке 1649 г. на полях сделана пометка: «чего-то недостает»⁴². Действительно, в изложении хода переговоров есть противоречие, объяснение которого, вероятно, скрывает лакуна. В народном собрании Махат убеждал спартанцев заключить военный союз с Этолией и обвинял македонян. Тем не менее, спор был решен в пользу сохранения альянса с Македонией. Огромную роль в принятии постановления

⁴² Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. С. 406. Примечание к IV, 34, 5.

сыграло старшее поколение. Но люди, склонявшие народ на сторону Этолии, не смирились. Во время торжественной процессии у храма Афины молодежь набросилась на эфоров и перебила их; при этом не вполне ясно, были ли уничтожены лишь промакедонски настроенные эфоры или действительно «все эфоры». Примечательно, что затем настала очередь геронтов, вероятно, именно тех, кто содействовал принятию решения о сохранении союза с македонским царем. Из страны были изгнаны противники этолийцев. После этого Спарта заключила союз с Этолийской федерацией.

В предложенном выше изложении событий следует обратить внимание на противопоставление не только политических противников, настроенных в пользу Македонии или Этолии, но и на противоречия между молодежью и людьми старшего возраста. Полибий, в частности, пишет, что именно молодежь настаивала на выступлении Махата перед народным собранием (Polyb., IV, 34, 5–6), эфоры даже опасались возмущения молодого поколения людей. После выступления начались «ожесточенные препирательства» (Polyb., IV, 34, 8), что свидетельствует о бурном эмоциональном подъеме и накале страстей. Неудача в народном собрании побудила эфоров прибегнуть с помощью молодежи к насильственному перевороту (Polyb., IV, 35, 1–5).

Можно сделать еще одно замечание. Источник, с одной стороны, утверждает, что Махат прибыл по приглашению эфоров (Polyb., IV, 34, 3), а с другой стороны, указывает, что эфоры только под давлением противников и молодежи согласились на выступление Махата в народном собрании (Polyb., IV, 34, 6). В следующем пассаже автор заявляет, что именно эфоры замыслили злодеяние (Polyb., IV, 35, 1), но затем подчеркивает, что молодежь умертвила всех эфоров и выбрала новых из своей среды (Polyb., IV, 35, 3 и 5). Скорее всего, здесь возможны два варианта объяснений: либо

Полибий несколько преувеличил размеры содеянного, и пострадали не все эфоры (что вероятнее), либо ситуация вышла из-под контроля, и у молодежи нашлись собственные лидеры, хотя ни одного из них Полибий не называет.

Примечательно, что в отличие от соседней Мессении, где примерно в то же время правительство сменилось подобным образом⁴³, в Спарте переворот, видимо, произошел без участия внешних сил. Посольство этолийцев оказалось неудачным, поэтому Махат, как отмечает Полибий (IV, 34, 10), возвратился домой до начавшихся убийств. Конечно, в Спарте существовали сторонники Этолии, однако нет оснований для утверждения, что им была оказана помощь извне. Дело в том, что момент для переворота был выбран удачно: эллинские союзники были заняты подготовкой к войне, основное внимание Арата в это время было сосредоточено на проблеме сбора наемников, так как в Клеоменовой войне ахейцы не доплатили им жалованье (Polyb., IV, 60, 2). Приближались выборы, военные действия должны были начаться вскоре после этого. Аналогичные проблемы стояли и перед этолийцами. Таким образом, внимание обоих противников было отвлечено от Спарты.

⁴³ В Мессении в конце 220 г. — вероятно, с ахейской помощью — был организован переворот. Скучные сведения о нем излагает Полибий. События могли развиваться следующим образом. Осенью 220 г. мессенские власти сообщили союзникам о своем решении не браться за оружие. Далее Полибий упоминает, что благодаря приверженности миру мессенские должностные лица «повергли родину в величайшие несчастья» (IV, 32, 2). О перевороте в Мессении см.: Polyb., VII, 10, 1; Roebuck C. A. A history of Messenia from 369 to 146 B. C. Chicago, 1941. P. 81 ff.; Mendels D. Messene 215 B. C. An enigmatic revolution // Historia. Bd. 29. 1980. P. 247 ff.; Сивкина Н. Ю. Государственный переворот в Мессении в 220 г. до н. э. // Античный мир. Белгород, 1999. С. 26–37.

Закономерен вопрос: почему в таком случае в народном собрании сразу не было принято решение о союзе с Этолией, если после переворота этот альянс был легко заключен? Ссылаясь на ахейский источник (Polyb., IV, 34, 9), можно выдвинуть следующее объяснение: решение о сохранении союзных отношений с Македонией было поддержано старшим поколением спартиатов. Эфоры, вероятно, знали, что в Спарте враги Эллинской лиги составляли большинство и надеялись провести вопрос о присоединении к Этолии в рамках законности. Однако, по мнению Б. Шимрона⁴⁴, высокий возрастной ценз при голосовании обусловил торжество умеренной точки зрения. Столь осторожная позиция голосующих выглядела разумно. Поражение в Клеоеновой войне, которое Спарта потерпела от Эллинской лиги, и наличие в непосредственной близости македонского отряда под командованием Тавриона, заставляло воздерживаться от необдуманных шагов: силы союзников вновь могли обрушиться на Спарту. С другой стороны, этолийцы тоже не внушали большого доверия, поскольку прежде неоднократно опустошали спартанские земли (Polyb., IV, 34, 9–10).

Что касается молодых людей, которые традиционно придерживаются радикальных взглядов, то в тексте источника есть указание на обстоятельство, побудившее их взяться за оружие. Поражение в войне и продиктованные условия мира, вероятно, расценивались ими как унижительные. Надежда на улучшение существующего положения вещей, видимо, возродилась слухами о возможном возвращении изгнанного царя Клеомена. Намек на это можно усмотреть у Полибия и Плутарха (Polyb., IV, 35, 6; Plut. Cleom., 34). Полибий, в частности, пишет, что инициаторы переворота «питали надежду и поджидали, что Клеомен возвратится в Спарту здоровым и невредимым», а Плутарх указывает на горячее стремление

⁴⁴ Shimron B. Late Sparta... P.70.

изгнанного царя вернуться на родину. Таким образом, можно предположить, что проэтолийски настроенные эфоры, не добившись в народном собрании нужного им решения, обратились к чувствам национальной гордости спартанцев и подняли молодежь на переворот.

В результате, по словам Полибия, обстановка накануне войны оказалась благоприятной для этолийцев (IV, 36, 8): на их стороне выступили Спарта и Элида, македонский царь Филипп был долго занят военными приготовлениями. Фактически этолийцам удалось разбить единый фронт пелопоннесцев еще до начала боевых действий, хотя нет оснований говорить, что это случилось, благодаря их интригам или дипломатии. В случае со Спартой этолийцам не пришлось прилагать значительных усилий, чтобы организовать ее разрыв с союзниками. Правильнее было бы сказать, что они смогли воспользоваться результатом переворота. Следует принять во внимание тот факт, что, согласно изложению Полибия, лишь после учиненной молодежью расправы вновь выбранные эфоры назначили двух царей. Таким образом, вероятно, можно говорить о переплетении внутренних и внешних проблем в Спарте. С одной стороны, и эфоры и молодежь были настроены на заключение союза с Этолией против Эллинской лиги. Но с другой стороны, гибель эфоров от рук молодых мятежников была вызвана нежеланием первых потерять реальную власть.

Впрочем, для новых эфоров этот вопрос, видимо, оказался не менее принципиальным. Примечательны фигуры назначенных царей. Одним стал Агесиполид, внук Клеомброта, который в то время был еще ребенком. В другом царском доме было достаточно претендентов на трон, тем не менее вторым царем был избран Ликург, который не имел прямого отношения к царскому роду, но дал всем эфорам взятку (Polyb., IV, 35, 10–14). Правда, некоторые исследователи считают, что он все же принадлежал к боковой ветви дома

Эврипontiдов⁴⁵. Согласно А. Феррабино⁴⁶, именно Ликург выступил организатором восстания после известия о смерти Клеомена.

Ликург возглавил спартанское войско и вторгся в аргивские земли в первый год Союзнической войны (Polyb., IV, 36, 4). Этот факт весьма показателен. Полибий сообщает, что Махат в ходе своего вторичного посещения уговорил спартанцев объявить войну ахейцам (IV, 36, 1). Однако сначала Ликург нападает на шесть аргивских городков. Хотя Аргос, видимо, входил в лигу⁴⁷, сам выбор удара заставляет задуматься над истинными причинами такого направления боевых действий. Вторжение спартанцев невозможно оправ-

⁴⁵ *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 484.* С ним согласен: *Tomlinson R. H. Argos and the Argolid: from the end of the Bronze Age to the Roman occupation. Ithaca—N. Y., 1972. P. 162.*

⁴⁶ *Ferrabino A. Arato di Sicyone e l'idea federale. Firenze, 1921. P. 152 f.*

⁴⁷ Полибий сообщает, что Аргос вошел в Ахейскую федерацию после смерти македонского царя Деметрия, когда многие тираны добровольно сложили с себя власть и присоединили к союзу свои города (Polyb., II, 44). В годы Клеоменовой войны Аргос был в числе многих других городов, которые перешли на сторону спартанского царя Клеомена (Polyb., II, 52, 2), но в результате восстания Аристотеля и ахейской поддержки город «раскался» и вернулся в союз (Polyb., II, 53, 6). Вероятно, вполне справедливо мнение, что Клеомен не оправдал надежды народных масс на социально-экономические преобразования, поэтому Аргос легко был возвращен в Ахейскую федерацию (*Tomlinson R. A. Argos and the Argolid: from the end of the Bronze Age... P. 160; Mendels D. Polybius, Philip V and the socio-economic questions... P. 169*). Хотя сведений о вступлении Аргоса или участии его в делах Эллинской лиги нет, тем не менее в годы Союзнической войны ахейский стратег защищал аргивские земли от спартиатов (Polyb., V, 92, 8), что подтверждает союзный статус этой территории.

дать лишь договоренностью о совместных действиях новых союзников. В этом случае логичнее было нападать не на мелкие пограничные городки, а, например, на Аргос, который занимал выгодное стратегическое положение. Полибий говорит, что этот полис лежит на пути из Коринфа в Тегею (Polyb., V, 18, 1; 24, 10) и из Тегеи в Лаконику (Polyb., V, 20, 3 и 10). Заняв ее, Ликург перехватил бы инициативу кампании, создал бы реальную угрозу ахейским землям и оказал весомую помощь союзнику. Вместо этого, царь занимается мелкими операциями. Конечно, спартанских сил для захвата Аргоса требовалось больше, чем для этих городков; Ликург вполне мог их не иметь. Но в таком случае допустимо предположение, что этолийцы явно переоценили своего союзника, которого так настойчиво призывали к войне.

Скорее всего, данная акция спартанского царя носила самостоятельный характер и едва ли была согласована с союзниками. Она имела целью удовлетворение требований молодежи о возвращении былой воинской славы. Вполне вероятно, до 222 г. города, ставшие объектом нападения Ликурга, контролировались спартамцами, поэтому возвращение их было своеобразной демонстрацией силы. Примечателен и тот факт, что, по словам Полибия (IV, 36, 4), жители этих аргивских городов не были готовы к отражению атаки и не приняли никаких мер обороны, полагаясь на существующие отношения. Только после этого похода Ликург избрал своей целью ахейские земли (Polyb., IV, 36, 6).

Итак, как уже отмечалось выше, этолийцы смогли воспользоваться результатом переворота в Спарте. Примечательно, что ахейцы, со своей стороны, не предприняли каких-либо мер для удержания союзника. Об этом не сохранилось никаких свидетельств. Не вполне ясна судьба Брахилла, в обязанности которого входило наблюдение за этим регионом. Возможно, он погиб задолго до переворота, еще накануне встречи синедров в Коринфе. Никакой реакции на переворот

не последовало и от царского представителя в Пелопоннесе Тавриона, основной задачей которого было сохранение мира на полуострове. Нейтральная позиция столь заинтересованного лица объясняется, с одной стороны, недостаточно крупными силами, находившимися в его распоряжении для возможного вторжения в Спарту. Но гораздо большее значение имеет то обстоятельство, что несколько раньше разбираемых событий произошел государственный переворот в Мессении. Внимание Тавриона, видимо, было отвлечено мессенскими событиями.

В ходе Союзнической войны спартанцы вели довольно активные действия. После похода на аргивские города (Polyb., IV, 36, 6) Ликург нанес удар по Афинею мегалопольцев, который и захватил после осады (Polyb., IV, 37, 6; 60, 3). Однако эта цель требует одного уточнения. Сам Полибий указывает, что Ликург желал начать свое царствование подобно Клеомену (Polyb., IV, 37, 6). Этот захват также можно рассматривать как демонстрацию спартанских сил. Любопытно сравнение: первые кампании Клеоменовой войны — это также операции против областей Аргоса и Мегалополя (Plut. Cleom., 4, 6 sqq.). Вероятно, сказывалась старая рознь между Лакедемоном, Аргосом и Мегалополем⁴⁸.

Обращает на себя внимание еще одно существенное обстоятельство. Перечисленные объекты спартанских атак в начале Союзнической войны не были крупными полисами, способными оказать серьезное сопротивление и выдержать длительную осаду. Видимо, Ликург действительно не располагал значительными силами для нападения на такие города, как Мегалополь или Аргос. Согласно указанию Полибия (IV, 36, 4), в его распоряжении были наемники и отряд граждан, а этого было явно недостаточно, чтобы коренным образом повлиять на ход войны. Да и в последую-

⁴⁸ Сизов С. К. Ахейский союз. С. 98.

щие годы действия спартанцев не оказали реальной помощи этолийцам. Все операции Ликурга, вероятно нацеленные на ослабление Эллинской лиги, принесли незначительные результаты. Видимо, правильнее будет говорить, что Ликург преследовал в этой войне собственные интересы: он укреплял или, что ближе к истине, пытался отстоять свое право быть главой государства.

Действительно, есть все основания утверждать, что позиции Ликурга на протяжении военных лет оставались довольно шаткими. Как уже отмечалось выше, в Спарте имелись бывшие клеоменисты, надеявшиеся на продолжение реформ, экстремистская молодежь, жаждавшая воинской славы и усиления государства, умеренные слои населения и недовольные эфоры, еще недавно обладавшие всей полнотой власти. Ликург, чтобы сохранить власть в своих руках, должен был быть искусным дипломатом и полководцем, хотя практика показала, что ему далеко не всегда удавалось соответствовать требованиям времени. Он был вынужден вести боевые действия, причем организовывать их так, чтобы успешные операции, с одной стороны, подкрепляли его авторитет, а с другой — не привлекали бы пристального внимания со стороны руководителей Эллинской лиги.

Несмотря на все старания, его походы, видимо, не обеспечили стабильности внутри государства. В разгар зимы 219/8 г. спартанец Хилон, рассчитывая на престол, задумал переворот. Полибий утверждает, что он планировал идти путем Клеомена (τοῖς πολλοῖς ὑποδείξαι τὴν ἐλπίδα τῆς κληροῦχίας καὶ τῶν ἀναδασμῶν — IV, 81, 2), обеспечив себе поддержку толпы (πλήθος)⁴⁹. Он набрал двести человек единомышленников (λαβὼν κοινωνοῦς τῆς τόλμης εἰς διακοσίους

⁴⁹ Эту версию поддерживает А. И. Павловская (Греция и Македония в эпоху эллинизма // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 427).

τὸ πλῆθος — IV, 81, 3) и перебил эфоров — сторонников Ликурга. Но самого царя захватить не удалось, так как тот успел бежать из своего дома. Дальнейшие действия Хилона выглядят лихорадочными попытками найти опору своей власти: он нападал на врагов, ободрял друзей, раздавал обещания. Но все оказалось напрасным — народ не пошел за ним. Хилон был вынужден бежать из Спарты в Ахайю, а спартанские граждане тем временем готовились к отпору македонским войскам (Polyb., IV, 81, 3–11).

Сообщения Полибия о данном перевороте очень скудные; они порождают неоднозначное толкование тех событий, поэтому исследователи, как правило, ограничиваются лишь отдельными высказываниями на данную тему. Открытыми остаются вопросы о целях Хилона, о достоверности его намерения продолжать реформы в духе Клеомена, о силах, поддержавших переворот. Что касается причин поражения Хилона, то обычно называют следующие: 1) Он был проахейски или даже промакедонски настроен, что не вписывалось в общую картину спартанских умонастроений того времени; 2) Не было массы людей, жаждавших социальных реформ (как это было в 243 г.), которые стали бы опорой его власти; 3) Хилон был первым, кто пытался организовать переворот, являясь частным лицом⁵⁰. Приведенные причины поражения Хилона, конечно, справедливы, однако нуждаются в некоторых дополнительных замечаниях.

Попытка путча, по мнению Ф. Уолбэнка⁵¹, свидетельствует о том, что Ликург не оправдал надежд народа на перемены. В таком ракурсе, обещание Хилона продолжить социальные реформы, конечно, могло привлечь на его сторону бывших клеоменистов. Однако здесь следует сделать одно

⁵⁰ Shimron B. Late Sparta... P. 75–76.

⁵¹ Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 534.

уточнение. Полибий говорит, что за Хилоном шло всего двести человек и что его сторонники были из толпы (Polyb., IV, 81, 3). Данное замечание свидетельствует в пользу того факта, что гибель новых спартанских арендаторов при Селассии, вероятно, решила проблемы перераспределения земли⁵². Кроме того, наличие даже в среде эфоров бывших клеоменистов позволяет утверждать, что земельная реформа официально отменена не была. В противном случае, на стороне Хилона оказалось бы гораздо больше недовольных. Ликург, видимо, не стал продолжателем дел этого реформатора, поэтому не пользовался доверием тех эфоров, которые принадлежали к клеоменистской партии⁵³. Именно на существующих разногласиях между царем и эфорами и намеревался сыграть Хилон, уничтожив лишь эфоров — сторонников Ликурга (Polyb., IV, 81, 4). Однако он не учел тот факт, что Ликурга и клеоменистов сближал один немаловажный фактор — общий враг. Антиахейская позиция Ликурга и его успешные, хотя и скромные, боевые действия против Эллинской лиги, напоминавшие начало Клеоменовой войны 229—222 гг., привели царя к компромиссу с этой партией. В целом его внешнюю политику даже можно назвать проклеоменовой. Таким образом, вполне понятно, почему народные массы не поддерживали Хилона: во внутренних делах уже не было былой остроты социальных противоречий, да и в области внешней политики — действия Ликурга вполне устраивали большинство спартиатов.

Не оказала поддержку Хилону и спартанская молодежь. Молодые люди жаждали реванша после поражения в Клеоменовой войне, и Ликург предоставил им возможность возродить былую воинскую славу Спарты. Хилон, захватив

⁵² Cary M. A history of the Greek World... P. 163; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 362.

⁵³ Shimron B. Late Sparta... P. 77.

власть, не предпринял никаких военных действий против членов Эллинской лиги, не смог превзойти отвагой, храбростью, полководческими способностями Ликурга. Сторонниками Хилона, таким образом, не стали ни бывшие приверженцы Клеомена, ни молодежь. За ним шли только его друзья и плохоуправляемая масса бедноты. Однако удовлетворение надежд последних на социальные реформы таило в себе опасные последствия. Выполнив требования толпы, Хилон вступал в конфликт не только с зажиточными, но и со средними слоями населения. В силу этих обстоятельств, можно предположить, что Хилон вовсе не собирался проводить социальные преобразования, а его заявления носили демагогический характер.

Следует рассмотреть и внешний фактор в этой попытке переворота. Хилон едва ли был проахейски или промакедонски настроен⁵⁴. Факт его бегства в Ахайю не дает оснований утверждать, что путч был инициирован Аратом или, тем более, Филиппом. Македонский царь первый год кампании провел в Акарнании и на военные действия в Пелопоннесе не оказал никакого влияния: он не откликнулся на ахейскую просьбу о помощи и не прислал войска (Polyb., IV, 61–66). Это была его первая самостоятельная война. Невозможно предположить, что царь с юных лет был талантливым политиком, дипломатом и военным. Ситуация изменилась к следующей операции. Зимой 219 г. он почувствовал уверенность в своих силах — его кампания в Пелопоннесе прошла

⁵⁴ Предположение Феррабино о промакедонской ориентации Хилона (*Ferrabino A. Il problema dell'unita nazionale nella Grecia antica I: Arato di Sicione e l'idea federale. Firenze, 1921. P. 179 ff.*) вызывает сомнения. Уже Ф. Уолбэнк отрицал роль македонян в этом событии. Тот факт, что Хилон бежал в Ахайю, а не к Филиппу говорит, по его мнению, что не македонский царь был инициатором переворота (*Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 534*).

удачно (Polyb., IV, 67–80). Однако, Хилон не мог надеяться на помощь македонской армии, поскольку с Филиппом в поход отправились незначительные силы⁵⁵. В разгар зимы, когда произошел путч, Филипп находился в Трифилии (Polyb., IV, 81, 1), уже заканчивая победное шествие по Пелопоннесу. Однако, находясь в непосредственной близости от Спарты, он не воспользовался благоприятным моментом смуты, чтобы ввязаться в нее. Филипп предпочел остановиться в Мегалополе, а позднее и вовсе распустил своих воинов (Polyb., IV, 87, 13). Если даже мы выскажем предположение, что царь неслучайно оказался так близко от спартанских границ, то для Хилона факт близости македонских сил был не поддержкой, а скорее компрометирующим фактором. В Спарте были слишком сильны антимакедонские настроения; присутствие македонян могло вызвать лишь гнев и раздражение, но отнюдь не симпатии к Хилону.

Справедливо также замечание Д. Мендельс⁵⁶ об отношении Полибия к Филиппу. Историк не упускал случая подчеркнуть отрицательные стороны царя. Но в случае с Хилоном, он не воспользовался такой возможностью. О переменах в характере македонского лидера Полибий говорит лишь в связи с попыткой Филиппа ввести гарнизон в крепость мессенцев. Но это событие произошло гораздо позднее путча в Спарте — в 215 г. Таким образом, в источнике нет никакого намека на сотрудничество Хилона с Филиппом.

⁵⁵ Известно, что царь Филипп пришел в Пелопоннес, имея лишь 3 000 меднощитников, 2 000 пельтастов, 300 критян и 300 всадников (Polyb., IV, 67, 6). Вспомогательные силы царь потребовал у союзника — Ахейской федерации. Соединение с ополчением произошло у Кафий (Polyb., IV, 70, 2). Полибий утверждает, что общее число армии Филиппа после объединения возросло до 10 000 человек (Polyb., IV, 70, 1).

⁵⁶ *Mendels D. Polybius, Philip V and the socio-economic questions...* P. 156–157.

Не следует забывать и еще один важный вектор политики македонского царя в этот период: он считался с условиями Общего Мира, включенными в договор Элинской лиги⁵⁷. Одно из условий оберегало автономию греческих государств. Конечно, в условиях войны говорить о соблюдении автономии нелогично. Филипп, естественно, нарушал этот пункт соглашения⁵⁸, но он был вынужден постоянно оглядываться на реакцию других участников Элинской лиги, особенно на Ахейский союз, поскольку все члены лиги были довольно независимы от центральной власти. Именно поэтому царь пытался придать своим шагам более или менее легитимный вид, объясняя свои шаги условиями военного времени. Но он никогда не прибегал для этого к интригам и не вмешивался во внутренние дела других — тем более вышедших из союза — государств. Таким образом, нет достаточных оснований для утверждения, что македонский царь мог оказать Хилону какую-либо поддержку.

⁵⁷ Напомню, основными условиями договора об Общем Мире являются следующие: 1) запрещение междоусобных конфликтов; 2) автономия греческих государств; 3) гарантия помощи в случае нарушения мира; и 4) борьба с пиратством. Привлекая свидетельства Полибия, можно утверждать, что все перечисленные условия были включены в договор 224 г. (Polyb., IV, 3, 8; 15, 2; 16, 5; 24, 5).

⁵⁸ Македонские гарнизоны, по традиции, находились в стратегически важных пунктах Греции — в Коринфе (Polyb., II, 52, 4; 54, 1; IV, 6, 5; XVIII, 11, 5; 45, 5; Liv., 32, 16, 18), в Халкиде на Эвбее (Polyb., XVIII, 11, 5; 45, 5), в Деметриаде (Polyb., XVIII, 11, 5; 45, 5); возможно, в Орее и в Эретрии (Polyb., XVIII, 45, 5; Liv., 16, 12), а также в Орхомене (Polyb., IV, 6, 6; Plut. Arat., 45). Эти три города были так называемыми «цепями Эллады» в силу своей значимости для македонского царя. Примечательно то, что македонский царь теперь владел целыми городами. Не только Акрокоринф, но и сам Коринф, контролировался со времен Антигона Досона, а Орхоменом царь вообще владел, по словам Полибия, «как своей собственностью» (IV, 6, 5).

Относительно Арата можно говорить то же самое. Несмотря на то, что Арату приходилось организовывать государственные перевороты⁵⁹, его участие в спартанских событиях весьма сомнительно. Стратегом был в то время его сын, Арат Младший, который в первую кампанию думал лишь о сборе наемников. У него не было сил даже на оказание помощи подвергшимся этолийским атакам ахейским городам (Polyb., IV, 37 и 57–60). Зимой же 219 г. он участвовал в боевых действиях, организованных Филиппом. Причем эта кампания была полной неожиданностью не только для врагов, но и для союзников (Polyb., IV, 67, 6). Едва ли у стратега была возможность в таких обстоятельствах готовить переворот в Спарте. Что касается Арата Старшего, то в его распоряжении не было ни финансов, ни военных сил для содействия путчу.

Считать же Хилона проахейски настроенным также не следует. Во-первых, провозглашенные им планы социальных преобразований, хотя они и не были внедрены в жизнь, не соответствовали ахейскому политическому курсу — ахейское руководство было противником подобных реформ. Во-вторых, видные спартанские сторонники Эллинской лиги были убиты в прежних смутах (Polyb., IV, 22–23). Если роль Хилона в государственной жизни была незначительной, то Арат мог о нем вообще не знать. Но в таком случае Хилона нельзя считать проводником ахейской политики. В-третьих, бегство в Ахайю также не является аргументом в пользу его политической ориентации. Дело в том, что в ходе войны ему ничего не оставалось, как бежать в Ахайю и просить убежища у врага Спарты. Поэтому гораздо ближе к истине утверж-

⁵⁹ Карьера Арата началась с изгнания из его родного города Сикиона тирана, затем последовал переворот в Коринфе. Последнее подобное мероприятие прошло в Мессении, о чем будет сказано ниже. Подробнее см., напр.: Plut. Arat., 5–9; 18–23.

дение о том, что он пытался организовать переворот в личных целях, желая стать царем.

Вполне допустимо предположение, что на переворот его подтолкнул пример самого Ликурга, чьи права на трон были сомнительны. Кроме того, на момент прихода к власти Ликург также не пользовался поддержкой ни одного определенного социального слоя или политической партии. Примечателен тот факт, что сам царь в момент смуты предпочел скрыться; вернулся он только после бегства Хилона (Polyb., IV, 81, 7; V, 5, 1). Ликург не предпринял никаких мер, чтобы подавить путч. Весьма вероятно, что он, как никто другой, понимал переменчивость удачи, поэтому не стал испытывать судьбу и бежал. Последнее явно свидетельствует о непрочности его собственного положения.

Во многом попытка Хилона захватить власть была обречена на провал именно вследствие бегства царя. Ведь несмотря ни на что, пока Ликург был жив, он оставался законно избранным царем Спарты. Физическое устранение царя давало Хилону шанс занять его место и следовать выбранным Ликургом курсом. В сложившейся ситуации сопоставление обещаний узурпатора с реальными делами законного царя было не в пользу Хилона. Таким образом, компромисс Ликурга с партией клеоменистов позволил царю преодолеть этот политический кризис. Хилону нечего было противопоставить и военным шагам царя. Поэтому, несмотря на свою непрочную позицию в государстве, Ликург сумел сохранить власть.

Однако уроки из этого переворота, во всей видимости, царь извлек. С одной стороны, поведение народных масс убедило Ликурга в правоте избранной им политики, но с другой — это понимание привело к обратному результату. Царь допустил ошибку, полагая, что располагает поддержкой народа и поэтому его власти более ничто не может угрожать. Он забыл о непостоянстве народных симпатий и о том,

что настроения широких слоев населения требуют особого внимания политика. Последствия пренебрежения этим правилом быстро сказались. В следующем году в Спарте вновь разразился кризис власти. Эфоры получили донос, что Ликург затекает переворот. Они собрали молодежь и ночью пришли к дому царя. Однако Ликург был предупрежден и успел бежать в Этолию (Polyb., V, 29, 8—9). Вернулся он лишь на следующий год, летом 217 г., когда была обнаружена лживость доноса (Polyb., V, 91, 1—2).

Сообщения Полибия очень скупы, они порождают неоднозначное толкование этих событий. Можно сделать вывод, что ситуация в государстве не только не стабилизировалась, но еще более обострилась. Борьба за власть между царем и эфорами продолжалась. Восстановление доклеоменовой конституции способствовало этому. Вероятно, именно эфоры управляли государством в течение почти годового отсутствия царя. Но теперь это старинное противостояние двух ветвей власти вступило в новую фазу — эфоры почувствовали свое преимущество над царем. Этому обстоятельству в немалой степени способствовало убийство во время путча Хилона эфоров — сторонников Ликурга (Polyb., IV, 81, 4). Вероятно, вновь избранные на эту должность лица не были лояльно настроены по отношению к царю. Они вновь привлекли молодежь к решению государственных вопросов, хотя должны были помнить последствия недавнего прошлого, когда слабоуправляемая экстремистская масса молодых людей была использована для государственного переворота, после того как народное собрание отказалось вступить в союз с Этолией (Polyb., IV, 35, 1—5). Теперь же, всего год спустя, этих же молодых людей попытались привлечь для ареста, а, возможно, и устранения царя — союзника Этолии и неплохого командующего. Внешне рамки законности были соблюдены. Молодежь выполняла приказ эфоров, обладавших, как и в старые времена, функцией над-

зора за установленным порядком. Хотя не так давно они с немалым энтузиазмом по приказу других эфоров нарушили все установленные правила, не остановившись и перед убийством должностных лиц. Такое поведение молодого поколения можно объяснить отсутствием политической позиции; в обоих случаях они руководствовались скорее эмоциями, чем приказами. Кроме того, в случае с Ликургом, видимо, определенную роль сыграли какие-то неблагоприятные поступки царя, вызвавшими в Спарте недовольство широкого круга лиц.

Возможно, донос о стремлении Ликурга к перевороту был недалек от истины. Примечательно, что Тит Ливий (34, 26, 14) называет Ликурга, как и Клеомена, тираном. Следует вспомнить о втором царе — Агесиполиде, который был выбран одновременно с Ликургом, но был еще ребенком, так что Ликург с самого начала фактически правил один. Ливий говорит, что Агесиполид был изгнан Ликургом, хотя и не указывает, когда именно это произошло (*ibid.*). Есть лишь весьма расплывчатое указание на то, что это случилось после смерти Клеомена (*Liv.*, 34, 26, 14). Как известно, спартанский реформатор погиб весной 219 г. А обвинение Ликурга в стремлении к тирании приходится на лето 218 г. Таким образом, хронология событий не нарушена ни в малейшей степени. Сначала потребовалось время, чтобы известие о гибели Клеомена пришло в Грецию, потом шли боевые действия кампании 219 г., затем весной 218 г. Ликург вторгся в Мессению. Изгнание Агесиполида вполне могло иметь место по окончании первых операций войны, но до начала кампании второго года, т. е. в начале 218 г. В таком случае, именно изгнание второго царя в начале 218 г. могло вызвать негативную реакцию спартанцев. Даже сторонники Ликурга решились лишь предупредить его о грозящей опасности (*Polub.*, V, 29, 9), но не оказали помощи в противостоянии с эфорами.

Примечателен и тот факт, что за последние несколько десятилетий в Спарте по сравнению с прежними временами усилились монархические настроения. Прерогативы царской власти еще в правление Агиса IV были расширены; причем этот процесс сопровождался прямым нарушением полисной конституции. В борьбе с политическими противниками часто использовались тиранические приемы: изгнание царей, физическая расправа с ними, опора правителя на наемников⁶⁰. Вероятно, ликвидация института царской власти после разгрома при Селассии преследовала вполне определенную цель: управление переходило вновь в руки эфората, что порождало элемент нестабильности в государстве. Однако расчет руководителей Эллинской лиги на отстранение таким способом Спарты от активного участия во внешнеполитических делах не оправдался. В обстановке внутренней смуты накануне Союзнической войны эфорат был вынужден назначить нового царя. Опыт недавних лет и опора Ликурга на наемников (Polyb., IV, 36) таили в себе угрозу узурпации власти. Поэтому изгнание второго царя не могло быть оценено иначе, как дальнейший шаг в этом направлении.

Довольно странно в изложении Полибия выглядит и оправдание Ликурга. Потребовалось около года, чтобы установить лживость доноса. Закономерен вопрос, а проводилось ли по делу какое-либо следствие? Скорее всего, нет. Ввиду отсутствия подозреваемого разбор дела должен был быть приостановлен либо ему могли заочно вынести приговор. Тем не менее через год Ликург был оправдан. Но Полибий не приводит никаких подробностей о том, как это произошло. Как была установлена истина? Путем признания доносчика? Весьма сомнительно, если его словам верили так долго. Воз-

⁶⁰ *Перова В. И.* Спарта во второй половине III в. до н. э.: полис или монархия // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 1996. С. 33.

можно ответ кроется в смене эфоров. На следующий год должны были быть выбраны другие люди, среди которых могли быть сторонники Ликурга.

Кроме того, изгнание Агесиполида, видимо, было не главным источником недовольства. Основную причину народного гнева следует искать в неудачах на поле битвы. Действительно, все первые успехи начала войны были перечеркнуты безрезультатными походами 218 г. В начале лета Ликург вторгся в Мессению, но его операция оказалась неудачной — никаких приобретений сделано не было. Затем он захватил Тегею, однако акрополь взять не смог и вернулся в Спарту фактически ни с чем (Polyb., V, 17, 1). Едва его войска оставили Тегею, как туда прибыл Филипп (Polyb., V, 18). Как только к македонскому правителю подоспело ахейское ополчение, Филипп незамедлительно вторгся в Лаконику. По свидетельству Полибия, спартанские земли были опустошены (V, 19). На помощь Филиппу шли мессенские воины, однако они были разбиты Ликургом (Polyb., V, 20). Тем не менее эта маленькая победа не дала Ликургу никаких преимуществ. На поле битвы под стенами Спарты сражение между македонским и спартанским войском закончилось победой Филиппа (Polyb., V, 23). Путь на Спарту был открыт, однако царь предпочел вернуться в Коринф, поскольку перед ним стояли иные цели. Столь быстрая и полная победа македонян унизила возродившееся было чувство национальной гордости спартанцев. Естественно, что во всех неудачах они винили прежде всего Ликурга. На фоне столь явных провалов изгнание царем соправителя позволяло обвинить Ликурга в желании изменить государственный строй.

Примечательно, что за следующий год — год без Ликурга — Спарта не вела активных боевых действий. Полибий не приводит никаких данных на этот счет. Складывается впечатление, будто спартанцы понесли столь ощутимый урон,

что долго не могли придти в себя после поражения. Но, вероятно, не меньшую роль сыграло и то, что Ликургу просто не нашлось достойной замены. Конечно, во внутренних делах эфоры были вполне компетентны и управляли сами, но другого командующего в их распоряжении не было. Возобновление походов началось после возвращения в страну царя. К сожалению, действия его вновь были неудачными. Совместный план нападения на Мессению в 217 г. был разработан со стратегом этолийцев в Элиде Пиррием. Однако войска союзников не смогли соединиться друг с другом, были отбиты и вернулись ни с чем (Polyb., V, 91, 3; 92, 2—6).

Этолийцы в отношении Спарты все годы войны вели себя пассивно. Нет ни одного свидетельства этолийской помощи Ликургу, за исключением предоставления ему убежища. В боевых операциях спартанцы полагались лишь на собственные силы. Планы совместных действий, видимо, вырабатывались этолийскими стратегами без учета конкретной обстановки и различий в тактике ведения военных действий, как это было в последней операции. Позиция этолийцев показывает, что даже союзники не воспринимали Спарту в качестве реальной силы. Возможно, этолийским стратегам было вполне достаточно тех трудностей, которые спартанцы создавали врагу в Пелопоннесе. Действительно, Ликург, хоть и не нанес существенного урона противнику, постоянно отвлекал ахейцев и македонян от основного театра боевых действий.

Таким образом, возвращение Ликурга в Спарту можно рассматривать с двух позиций. Во-первых, в Спарте за прошедший без царя год изменилось настроение граждан, прошли выборы новых должностных лиц. Во-вторых, возвращение Ликурга было во многом обусловлено военной необходимостью. Этолия в 218 г. тоже подверглась вторжению македонской армии (Polyb., V, 5—14). Вступая в новую кампанию, призванную стать реваншем за разорение их земель, этолийцы должны были спланировать участие в ней

спартанцев. Поэтому оправдание царя могло быть организовано и под давлением союзника.

Таким образом, фактическое участие спартанцев в войне было довольно скромным. Тем более, что в конце войны стратег Арат Старший нашел выход, как обезопасить себя от спартанских атак. Он разработал план действий союзников в Пелопоннесе, разделив свои силы на три части и не позволяя силам противника объединяться. Западную часть полуострова должны были защищать эпилекты и наемники Ахейского союза; за восточной наблюдал македонский представитель в Пелопоннесе Таврион, а Лаконику должны были блокировать мессенские войска и отряд Тавриона (Polyb., V, 92, 7–10). Кроме того, война вскоре (летом 217 г.) была завершена миром в Навпакте.

Несмотря на неудачи последнего периода войны Ликург сумел сохранить власть в своих руках⁶¹. Вероятно, немалое значение имело то, что итоги войны не коснулись собственно спартанских земель — территориальных потерь Спарта не понесла. В международном же плане ее позиции были ослаблены, поскольку соседняя Мессения вошла в сферу влияния Ахейского союза. В Пелопоннесе по-прежнему базировался Таврион⁶². Так что какие-либо действия спартан-

⁶¹ Когда именно умер Ликург неизвестно. Вероятно, до 212 г., так как в год начала I Македонской войны царем был его сын Пеллопс, хотя реально правил Маханид — видимо, в качестве регента (Liv., 34, 32, 1–2). См. также: Shimron B. *Late Sparta...* P. 77; Walbank F. *A historical commentary on Polybios. Vol. 2.* Oxford, 1967. P. 255.

⁶² Где именно в Пелопоннесе находилась ставка Тавриона неизвестно. Источники об этом не упоминают. Однако, по нашему мнению, он мог базироваться в Орхомене, в Аркадии. Город был взят приступом македонскими войсками в Клеомену войну и не возвращен ахейцам. Полибий даже говорит (IV, 6, 5–6), что царь владел им как собственностью. Историк отмечает и удобное

цев, расцененные лидерами Эллинской лиги как враждебные, могли довольно быстро вызвать ответную реакцию.

2. Мессения в период 220—216 гг.

Мессения в конце III века оказалась в эпицентре борьбы за первенство в Пелопоннесе между двумя крупнейшими объединениями того времени — Ахейским и Этолийским союзами. Интересы обеих лиг требовали включения Мессении в сферу их влияния на полуострове. Правительство Мессении, со своей стороны, надеялось, используя соперничество двух федераций, извлечь максимальную выгоду из создавшегося положения. Однако внешнеполитическая нестабильность отразилась на внутренней жизни государства и привела к двум государственным переворотам в Мессении.

О внутриполитической жизни Мессении в указанный период источники сохранили весьма скудную информацию, которая остается предметом дискуссий среди исследователей. Полибий сообщает (VII, 10, 1), что в Мессении утвердилось народовластие, часть граждан была изгнана, имущество их поделено, «старые» граждане тяготились равенством прав с «новыми»⁶³. Затем Полибий дает прекрасный отзыв о влия-

положение крепости: «мне кажется, ему хотелось не только владеть проходом в Пелопоннесе, но и господствовать над внутренними частями его при помощи поставленного в Орхомене гарнизона и собранных там сил». Из сказанного явствует, что помимо гарнизона там располагались какие-то другие македонские отряды. О каких еще подразделениях идет речь, если не о солдатах Тавриона?

⁶³ Polyb., VII, 10, 1: Οὔσης δημοκρατίας παρὰ τοῖς Μεσσηνίοις, καὶ τῶν μὲν ἀξιολόγων ἀνδρῶν πεφυγαδευμένων, τῶν δὲ κατακεκληρουχημένων τὰς τούτων οὐσίας ἐπικρατούτων τῆς πολιτείας, δυσχερῶς ὑπέφερον τὴν τούτων ἰσηγορίαν οἱ μένοντες τῶν ἀρχαίων πολιτῶν. Ф. Уолбэнк отмечает, что под «новыми» гражданами не-

тельном и знаменитом мессенце Горге (VII, 10, 2–5), а следующая глава (VII, 11) посвящена описанию событий, разыгравшихся во время жертвоприношения на горе Ифоме. Там располагался мессенский кремль, в который македонский царь Филипп V давно собирался ввести свой гарнизон. Полибий пересказывает диалог македонского царя с Аратом, стратегом Ахейского союза, который заставил Филиппа отказаться от задуманного плана.

Плутарх (Arat., 49), со своей стороны, утверждает, что в городе вспыхнула междоусобная война. Для урегулирования конфликта в Мессению поспешили Арат и Филипп V. Прибыв на один день раньше, македонский царь спровоцировал столкновение между народом и должностными лицами — стратегами. Толпа уничтожила около двухсот граждан. На следующий день Филипп отправился на гору Ифому для принесения жертв. Сцена жертвоприношения (Plut. Arat., 50) полностью совпадает с версией, изложенной Полибием (VII, 11). О ней же упоминает и Страбон (8, 4, 8). Намек на эти события можно усмотреть и в словах Павсания (2, 9, 4), что Арат удерживал царя от поступков, на которые тот уже решился.

Обычно считается, что у Плутарха (Arat., 49) речь идет о государственном перевороте, имевшем место в 215 г., а Полибий (VII, 10, 1) сообщает о последствиях этой революции⁶⁴. Однако более убедительна версия Д. Мендельса, которая полагает, что в источниках отражены два разных

обязательно должны подразумеваться те, кто захватил имущество изгнанных (Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 2. P. 57).

⁶⁴ Walbank F. Philip V of Macedon. Cambridge, 1967. P. 72, n. 3; 299 ff.; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 2. Oxford, 1967. P. 57; Roebuck C. A. A history of Messenia... P. 81, n. 73.

переворота: Плутарх (Arag., 49) описывает смуту в 215 г., а Полибий (VII, 10, 1) — события 219 г.⁶⁵ При сопоставлении этих источников наблюдаются некоторые несоответствия, на которые обратила внимание Д. Мендельс⁶⁶. Более того, в тексте «Всеобщей истории» есть и другие противоречия, вызывающие споры среди историков⁶⁷. В частности, нумерация параграфов одного из изданий труда Полибия⁶⁸ отличается от остальных. Так, в данном издании глава 12 седьмой книги предшествует главе 11. В результате этой перестановки, изложение событий становится более упорядоченным. В та-

⁶⁵ Mendels D. Messene 215 B. C. ... P. 247 ff.

⁶⁶ Mendels D. Messene 215 B. C. ... P. 248. У Плутарха (Arag., 49) должностными лицами в 215 г. в Мессении являются «стратегы», а Полибий утверждает, что в 220 г. они назывались эфорами (Polyb., IV, 4, 2; 31, 2). С другой стороны, у Полибия отсутствуют сведения об убийстве двухсот граждан, а у Плутарха нет ни слова об изгнаниях, конфискациях и разделе имущества. Примечательно, что Полибий терпимо относится к новому режиму (VII, 10, 1), хотя никогда не был сторонником революционных действий (ср. II, 47, 3; IV, 81; XIII, 6; XV, 21). Кроме того, он положительно отзывался о богатом и влиятельном мессенце Горге (VII, 10, 2–5), но в другом пассаже (IV, 31, 1) неодобрительно говорит о мессенских олигархах. Столь противоречивые высказывания Полибия можно объяснить тем, что в 219 г. в Мессении был установлен новый режим, вероятно, проахейский, который был свергнут в 215 г. Даже Ф. Уолбанк, признавая только один переворот и считая, что Горг пришел к власти в 215 г., обратил внимание на то, что благодаря богатству и имени его нельзя отнести к сторонникам крайней формы демократии, с которыми в 215 г. имел дело Филипп (Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 2. P. 57).

⁶⁷ См.: Сивкина Н. Ю. Государственный переворот в Мессении в 220 г. до н. э. // Античный мир. Белгород, 1999. С. 28 сл.

⁶⁸ Polibii historiae. Editionem a L. Dindorfio curatam retractavit T. Büttner-Wobst. Vol. 1. 1882.

ком варианте после благоприятного отзыва о Горге (VII, 10, 2–5) следует, как противопоставление, отрицательная характеристика Филиппа (VII, 11; в русск. изд. — VII, 12). Намек на роль последнего в перевороте можно усмотреть в словах, что со времени мессенских событий отношение к нему совершенно изменилось⁶⁹ (VII, 11, 10; в рус. изд. VII, 12, 10). Речь в данном случае могла идти только о кровавом столкновении и той роли, которую сыграл в нем царь. Конец главы автор связывает с последующими главами логичным переходом. Он заявляет, что дальнейшие события покажут, что изменения, произошедшие в Филиппе, не принесли ему успехов. В подтверждение этого далее рассказывается о жертвоприношении на горе Ифоме (VII, 12; в русск. изд. — VII, 11) и о конфликте с Аратом (VII, 13).

В таком порядке описания событий становится более понятной причина упоминания Полибием Горга. Важно не то, что Полибий настроен благожелательно к проахейскому лидеру, а то, что Горг, вероятно, был изгнан или убит во время второго переворота. Таким образом, с помощью противопоставления характеристик Горга и Филиппа Полибий подчеркивает негативную роль македонского царя в произошедшем, как принято считать, в 215 г. перевороте в Мессении.

Ход революции Полибий не рассматривает, но вместо этого он указывает причину переворота — установление такой формы правления как демократии и недовольство ею «старых» граждан (VII, 10, 1). Скорее всего, такое положение в Мессении сложилось ранее, еще после переворота 219 г. Иными словами, пассаж VII, 10, 1 содержит описание последствий революции 219 г., а фрагменты VII, 10, 2–5; 11–12 следует рассматривать как следствие второго переворота.

⁶⁹ Polyb., VII, 11, 10; в рус. изд. VII, 12, 10: ...ἀπὸ τοίνυν τῶν κατὰ Μεσσηνίους ἐπιτελεσθέντων ἀπαντα τὴν ἐναντίαν ἐλάμβανε διάωσειν αὐτῶν...

Еще одно доказательство для подтверждения предположения о двух революциях можно найти в другом пассаже Полибия (IV, 32, 1–2). До Союзнической войны 220–217 гг. у власти в Мессении находились олигархи (Polyb., IV, 4, 2; 31, 2; 32, 1). По свидетельству Полибия, они всегда были расположены к миру и благодаря этому повергли родину в величайшие несчастья (IV, 32, 1–2). Скорее всего, автор намекает на переворот 219 г. Дело в том, что вторая революция произошла после Союзнической войны и ее нельзя ставить в зависимость от антивоенной позиции правящей группы. А первый переворот как раз и был вызван нежеланием правящего режима вступить в Союзническую войну⁷⁰.

Первый переворот был произведен, вероятно, с ахейской помощью. Прежде всего следует уточнить дату низвержения строя. По мнению Д. Мендельс⁷¹, революция произошла в 219 г. Такая датировка вполне приемлема. Однако, на наш взгляд, исходя из данных источника, можно предложить и несколько другой, уточненный вариант — не 219 г., а конец 220 г.

Для уточнения даты следует сопоставить все известные события. Арат принял должность стратега в 220 г. на пять дней раньше срока (Polyb., IV, 7, 10). Затем в начале лета 220 г. произошла битва при Кафиях, так как через несколько дней после сражения состоялось очередное всеахейское собрание⁷² (Polyb., IV, 14, 1). После этого последовало собрание синедров Эллинского союза в Коринфе, где было

⁷⁰ См.: Сивкина Н. Ю. Государственный переворот в Мессении в 220 г. до н. э. // Античный мир. Белгород, 1999. С. 34.

⁷¹ Mendels D. Messene 215 B. C. ... P. 248.

⁷² Ежегодно проводились четыре регулярных собрания: весной (дважды), летом и осенью. (См.: Сивов С. К. Ахейский союз. С. 55.) В данном случае весенние собрания уже прошли (Polyb., IV, 6, 7; и IV, 7, 1 sqq.). Следующим могло быть только летнее.

принято решение о войне. Заседание, вероятно, проходило осенью 220 г., поскольку после этого сообщается о выборах у этолийцев (Polyb., IV, 27, 1), которые обычно проходили после осеннего равноденствия (Polyb., IV, 37, 2). Позднее Филипп отправился в Македонию, где, перезимовав, занялся сбором войска. Тем временем государства-участники Эллинской лиги должны были ратифицировать решение о войне. Вероятно, еще осенью стал известен отказ мессенцев принять участие в войне под предлогом того, что соседняя Фигалея контролируется этолийцами.

За период с осени 220 г. (заседание в Коринфе) до весны 219 г. (выборы у ахейцев) произошел переворот в Спарте, которая сменила внешнеполитическую ориентацию и выступила против ахейцев (Polyb., IV, 34–36). В результате, по словам Полибия, обстановка накануне войны была благоприятной для этолийцев (IV, 36, 8): на их стороне выступили Спарта и Элида, Филипп был все еще занят военными приготовлениями, эпироты медлили, а мессенцы «держались спокойно». Слова ἤσυχίαν εἶχον можно перевести как «хранили спокойствие, тишину». Но такая формулировка не означала, что в Мессении низвержение правящей верхушки еще не произошло. Напротив, спокойствие могло быть *результатом* переворота. В таком случае события могли развиваться следующим образом. Осенью 220 г., как было отмечено выше, мессенские власти заявили о своем отказе взяться за оружие. Далее Полибий упоминает, что благодаря приверженности миру они «повергли родину в величайшие несчастья» (IV, 32, 2). Следующие главы посвящены описанию событий в Спарте (IV, 34–36). После этого историк сообщает, что мессенцы в начале 219 г. «держались спокойно» (IV, 36, 8).

Примечательно, что Полибий ничего не говорит о реакции ахейцев на переворот в Спарте. Но такое событие не могло пройти незамеченным. Тем более, что спартанцы, в

прошлом враги ахейцев в Клеоменовой войне, были поставлены под контроль союзников. В Пелопоннесе находился царский уполномоченный Таврион (Polyb., IV, 6, 4; 87, 8). Не мог оставаться безучастным и Арат, который должен был сознавать все нежелательные последствия проэтолийского переворота в Спарте. Тем не менее никаких сведений о попытках пресечь деятельность этолийского эмиссара в Спарте или о наказании отложившегося союзника источники не сообщают. Чем же были заняты Арат и Таврион, если не событиями в Спарте? Скорее всего — подготовкой и проведением переворота в Мессении, чем и воспользовались этолийцы. Поэтому слова Полибия, вероятно, следует понимать так: «величайшие несчастья» (IV, 32, 2) — это необходимость низвержения правящего режима, а «спокойствие» (IV, 36, 8) — констатация положения дел в стране после революции. Таким образом, в вышеизложенной интерпретации переворот произошел в конце 220 г.

В результате государственного переворота в Мессении была установлена демократия, равенство всех граждан, был произведен передел земли (Polyb., VII, 10, 1). Перечисленные мероприятия, вероятно, ожидалось еще во времена Клеоменовой войны, когда весь Пелопоннес надеялся на социальные преобразования. Конечно, социальные реформы Клеомена нашли отклик среди беднейших слоев соседних государств, что заставило зажиточные круги спланиваться вокруг Арата⁷³. Вероятно, подобная ситуация была одной из причин, заставивших мессенское правительство нарушить нейтралитет в той войне и выступить на стороне Ахейского

⁷³ Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 289; Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia. P. 755; Rostovtseff M. The social and economic history... Vol. 1. P. 209; Shimron B. Late Sparta... P. 47.

союза в решающей битве при Селаснии. Поскольку тогда социальных преобразований, видимо, не произошло, то в результате переворота 220 г. появилась возможность частично удовлетворить требования демоса за счет передела земли изгнанных олигархов.

Однако одним из должностных лиц стал Горг — богатый и знатный мессенец, что позволяет говорить об изгнании не всех знатных граждан. Видимо, образцом для нового режима в Мессении стало демократическое устройство Ахейского союза⁷⁴. Ахейский политический строй в официальных документах именовался «демократией» (Syll³, 665, v. 17). Тем не менее на практике власть принадлежала узкому кругу зажиточных и влиятельных граждан⁷⁵. Вполне вероятно, что в Мессении было установлено нечто подобное.

Плутарх называет должностных лиц Мессении «стратегами» (Plut. Agat., 49), хотя Полибий указывал, что прежде они назывались «эфорами» (Polyb., IV, 4, 2; 31, 2). Возможно, назначение стратегов явилось частью чрезвычайного положения в Мессении⁷⁶. По другой версии⁷⁷, стратеги сменили эфоров согласно конституционной реформе, проведенной после переворота 220 г., инициатором которой мог стать Горг. Думается, что право на существование имеет и то, и другое предположение. Можно лишь отметить, что, используя как образец союзную организацию ахейцев, проахейская партия мессенцев, пришедшая к власти, могла заимствовать и наименование высшего должностного лица. Пожалуй, акт переименования был необходим не столько новому правительству, сколько тем силам, которые стояли за этим пере-

⁷⁴ Mendels D. Messene 215 B. C. ... P. 248.

⁷⁵ Более подробно о союзной организации ахейцев см.: Сивков С. К. Ахейский союз. С. 49 сл.

⁷⁶ Roebuck C. A. A history of Messenia... P. 81, n. 76.

⁷⁷ Walbank F. Philip V of Macedon. 1967. P. 72, n. 3.

воротом. Новое государственное устройство должно было показать бывшим союзникам мессенцев — этолийцам окончательную победу ахейцев в борьбе за Мессению.

Должность стратега, которую в Ахейском союзе занимал Арат, в Мессении, видимо, получил Горг. Вполне вероятно, что, как и в Ахейском союзе, стратег должен был ежегодно избираться. Поэтому срок полномочий Горга истек в конце 219 — начале 218 г. Однако неизвестно, как фактически обстояли дела в условиях военного времени. Можно лишь предполагать, что ахейцы и в последующие годы не оставляли проахейское правительство в Мессении без внимания. Более того, если прежде Арат стремился уменьшить этолийское влияние на Мессению, то в годы Союзнической войны его в меньшей степени заботило, как не допустить в Пелопоннес македонян⁷⁸.

Внешнеполитическая ситуация после окончания Союзнической войны наложила отпечаток не только на отношения между Аратом и Филиппом, но и на позицию Мессении в

⁷⁸ Примечательна сцена принятия Филиппом V послов от акарнанцев и мессенцев в 218 г. (Polyb., V, 5). Акарнанцы просили его вторгнуться в Этолию, а мессенцы обратились с просьбой о помощи. Мессенских представителей поддержал Леонтий, начальник пельтастов, входивший в ближайшее окружение Филиппа. За предложение акарнанских послов выступил Арат, который смог убедить Филиппа в целесообразности и преимуществах этого предприятия, обещая свою помощь мессенцам. Арат преследовал сразу две цели: руками Филиппа он опустошал земли своего врага — Этолии; ахейцы же, оказывая помощь мессенцам, не допускали в Пелопоннес македонские войска. Стоит лишь отметить, что Филипп, принимая решение, едва ли поддавался внушению Арата; он руководствовался своими замыслами, которые заключались в нанесении решающего удара в самое сердце Этолии — по Ферму, затем по этолийскому союзнику — Спарте. Обе победы должны были способствовать завершению войны в целом.

Эллинской лиге. В этот период интересы Македонии и ее союзников окончательно расходятся. Следует вспомнить цели, которые преследовали союзники, образуя Эллинскую лигу. Македонский царь Антигон Досон, ставший гегемоном лиги, стремился с помощью союза проникнуть в Грецию и утвердиться в ней. После его гибели власть оказалась в руках молодого царя Филиппа, который еще не имел достаточного опыта в управлении и дипломатии, чем не преминул воспользоваться Арат. Ахейский союз пошел на образование Эллинской лиги под давлением обстоятельств: неминуемого поражения в Клеоменово войне. После ее завершения и гибели Антигона Арат рассчитывал, что сможет использовать свое влияние на молодого македонского царя для проведения нужной Ахейскому союзу политики. Действительно, на первых порах ему это вполне удавалось. Характерным примером является вступление Македонии в Союзническую войну (Polyb., IV, 61, 4; V, 5, 8).

Влияние Арата на царя Филиппа было настолько сильным, что он, вероятно, причастен к устранению некоторых влиятельных лиц из числа ближайшего окружения Филиппа — Апеллеса, Мегалея и Леонтия. Полибий сообщает, что Апеллес стремился поработить ахейцев и интриговал против Арата, стремясь устранить его влияние на царя (IV, 82—85), а позднее даже составил заговор против Арата (V, 2, 8). Со своей стороны, Арат был не менее заинтересован в устранении этих людей, которые олицетворяли агрессивные устремления Македонии. Вероятно, казнь ближайших помощников была вызвана не только желанием Филиппа самостоятельно управлять государством (Polyb., V, 26, 15), но и интригами Арата, который находился при Филиппе (Polyb., V, 26, 6).

После окончания Союзнической войны Арат по-прежнему был заинтересован в расширении Ахейского союза и ослаблении Этолии. С другой стороны, и македонский царь

теперь лучше понимал цели Арата и стремился избавиться от его влияния. При этом он действовал в рамках условий об Общем Мире, стремясь сохранить согласие в регионе. Не следует слишком доверять Полибию, обвинявшему царя в разжигании следующего конфликта в Мессении⁷⁹. Напротив, Филипп прибыл для умиротворения граждан, именно этим объясняются его переговоры с представителями разных слоев населения. Однако слова, видимо, не возымели успеха. Характерно, что македонские силы не были вовлечены в конфликт, хотя как гегемон лиги царь, вероятно, имел право использовать войско. Вместе с тем подобный поступок был бы расценен как агрессия. Поэтому царь и пытался мирно занять Ифому после переворота. В случае размещения там македонского гарнизона Филипп V получал двойной выигрыш. Во-первых, в его распоряжении оказался бы еще один стратегический пункт в Пелопоннесе. Во-вторых, Мессения воздержалась бы от дальнейших смут и переворотов. Но отдать в руки македонян столь мощную крепость, приравненную к Акрокоринфу, Арат не мог себе позволить.

Плутарх сообщает (Plut. Arat., 49), что в городе вспыхнула междоусобная борьба: толпа (ἐπέλθοιτες) уничтожила около двухсот граждан (Plut. Arat., 49). Во главе народа оказались демагоги (οἱ μὲν ἄρχοντες ἐπελαμβάνοντο τῶν δημαγωγῶν). Чем же был вызван социальный взрыв? Вероятно тем, что причины для недовольства существующим положением были не только у лишившихся власти в результате переворота 220 г. олигархов, но и у низов общества. Скорее всего, иллюзии относительно демократии и равнопра-

⁷⁹ Филипп намеренно спровоцировал кровавое столкновение в Мессении: *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 2. P. 57–60.* Есть и другое предположение: Филипп не имел никакого отношения к произошедшему столкновению (*Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 396.*)

вия, «объявленных» в 220 г., рассеялись уже в ходе войны. У власти по-прежнему оставались зажиточные граждане, которые следовали в русле ахейской политики, что и вызывало недовольство. В ходе военных действий территория Мессении испытывала неоднократные вторжения спартанцев. Особенно сильным было разорение в 218 г., когда мессенцам пришлось отправлять послов к Филиппу, занятому осадой Палы на Кефалении (Polyb., V, 5, 2–10; Plut. Arat., 48, 5). Естественно, пострадали прежде всего мелкие собственники.

В результате войны Мессения не получила никаких компенсаций за свое участие в ней ни на частном, ни на международном уровне. Мессенские войска не участвовали в таких кампаниях, как разгром Ферма или разорение Спарты, поэтому, вероятно, не получили трофеев, подобных тем, что достались другим союзникам. Территориальных приращений сделано не было. Даже отобранные ранее Пилос⁸⁰ и Кипариссия не были возвращены Мессении.

Плутарх не случайно употребил термин «тираны» по отношению к должностным лицам мессенского государства (Plut. Arat., 49): вероятно, они не проводили политику социального умиротворения, не компенсировали населению тяготы войны. Недовольство правительством не скрывали и зажиточные слои населения (Polyb., VII, 10, 1). Вполне вероятно, что нестабильностью внутри государства могли попытаться воспользоваться этолийцы. Возможно, именно они оказывали помощь демагогам в борьбе с существующим правительством, надеясь на возвращение Мессении под этолийский контроль.

⁸⁰ В 208 г. этолийцы требовали от ахейского союза вернуть Пилос мессенцам, а в 195 г. мессенцы жаловались римскому сенату на ахейцев по поводу отнятых у них Асины и Пилоса (Liv., 27, 30; Polyb., XVIII, 42, 8).

Отдельно следует остановиться на датировке конфликта. Это вопрос довольно сложный, так как источники не сообщают точной даты события. Однако есть все основания утверждать, что переворот произошел не в 215 г.⁸¹, как это полагает большинство историков. Традиционная датировка основывается на сообщении Плутарха, что вскоре после революции в Мессении Филипп в борьбе с римлянами лишился своего флота (Plut. Agat., 51).

Известно, что после завершения Союзнической войны в Греции в 217 г. и до битвы при Каннах, произошедшей летом 216 г., Филипп всю зиму строил и оснащал флот (Polyb., V, 109, 1–4). Летом 215 г. Филипп заключил союз с Ганнибалом (Liv., 23, 39). Тит Ливий сообщает, что в этот год Филипп не успел ничего предпринять против римлян; военные действия начались только следующим летом, т. е. в 214 г. (Liv., 23, 39; 24, 40). Выйдя в море летом 214 г., македонский царь направился к иллирийскому городу Аполлонии. Согласно Титу Ливию (24, 40), он осадил город, но вмешательство римлян побудило его к отступлению, в результате которого Филипп потерял весь флот и вынужден был по суше вернуться в Македонию. Таким образом, если уничтожение македонского флота произошло в 214 году, а Плутарх утверждает, что переворот в Мессении предшествовал данной военной кампании, то, вполне естественно, что исследователи относят дату революции к концу 215 года.

Плутарх не сообщает подробностей уничтожения македонского флота. Он отмечает, что Филипп выступил против римлян, но лишился флота и потерпел полную неудачу (Agat., 51). После этого он совершил еще одно насилие над мессенцами, разорив их страну. Вторжение в мессенские земли,

⁸¹ Сивкина Н. Ю. Переворот в Мессении в 216 г. до н. э. // Проблемы антиковедения и медиэвистики. Н. Новгород, 1999. С. 41 сл.

подтверждаемое Полибием (VIII, 10, 1), произошло в конце 214 — начале 213 года⁸². Таким образом, информацию Плутарха и Тита Ливия, на первый взгляд, вполне можно совместить. После заключения союза Филиппа с Ганнибалом, в конце 215 года произошел переворот в Мессении. Затем Филипп отправился к Аполлонии, потерял там флот и вернулся в Македонию. Вскоре после этого последовало разорение мессенских земель.

Существует, однако, и другая версия потери Филиппом флота. Излагает ее Полибий, который утверждает, что еще накануне битвы при Каннах Филипп, построив суда, двинулся к Аполлонии (V, 109, 4–6), но затем, испугавшись слуха о приближении римского флота, отступил (Polyb., V, 110, 1–6). Это «позорное» событие сам Филипп объяснил необходимостью «устроения дел в Пелопоннесе» (Polyb., V, 110, 6). Данный пассаж хронологически не соответствует версиям Тита Ливия и Плутарха. Помимо расхождения в хронологии событий, данные свидетельства не совпадают и в некоторых частных фактах.

Ливий сообщает об осаде Аполлонии и о римской помощи городу (24, 40). Полибий, напротив, указывает, что Филипп до города не доплыл, повернув на полпути назад (V, 110, 1–4). Согласно Титу Ливию, после неудачи под Аполлонией Филипп сжег остатки флота и направился в Македонию по суше (24, 40). Полибий же утверждает, что Филипп отступал по морю и плыл без остановки до Кефаллени (V, 110, 5). Кроме того, ни Ливий, ни Плутарх не упоминают объяснения Филиппа по поводу гибели флота. Полибий же намекает на какие-то события в Пелопоннесе (V, 110, 6). Действительно, что могло вызвать изменение планов македонского царя, если не конфликт в Мессене? Таким обра-

⁸² Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Тl. 2. S. 471; Roebuck C. A history of Messenia... P. 83.

зом, логичнее предположить, что источники сообщают о двух разных событиях, произошедших в 216 г. после битвы при Каннах и в 214 г. во время осады Аполлонии.

Необходимо также ответить на вполне закономерный вопрос: каким образом, узнав о волнениях в Мессене, Филипп смог прибыть туда раньше Арата? Как уже отмечалось выше, когда стало известно о событиях в Мессени, туда поспешили Филипп V и Арат. Однако Филипп опередил ахейского лидера на один день (Plut. Arat., 49; Polyb., VII, 13, 6). Как ему это удалось, если Арат находился в Пелопоннесе, а македонский царь — за его пределами? Где в таком случае получил известие Филипп? Вероятно, не в Македонии. Царю, при всей его стремительности не удалось бы опередить ахейского стратега. Плутарх не указывает местонахождение македонского царя и не объясняет, почему Арат опоздал.

Ответ, пожалуй, можно найти лишь у Полибия. Филипп, направляясь к Аполлонии, вместе с флотом находился у входа в Ионийский пролив (Polyb., V, 110, 2). Вероятно, изменение планов и спешное отступление македонского флота было вызвано не столько испугом перед римским флотом, сколько известием о волнениях в Мессене. Именно на это событие и ссылается Филипп, оправдывая свое отступление (Polyb., V, 110, 6). Всего сутки потребовалось македонянам, чтобы доплыть до острова Кефалления (Polyb., V, 110, 5). Отсюда царь легко мог добраться до Мессени и прибыть раньше Арата. Но в таком случае переворот произошел не в 215 году, а в конце 216 года.

Учитывая вышесказанное, можно отметить еще одно обстоятельство, способствующее выяснению вопроса о дате переворота. В конце 215 года союз македонского царя с Ганибалом был уже заключен. Союзники Филиппа неоднократно упоминаются в договоре (Polyb., VII, 9, 1 sqq.). Следовательно, Арат должен был знать о нем. В таком случае его вмешательство, которое не позволило македонскому царю

ввести гарнизон в мессенскую крепость, фактически оставляло город в руках новой власти, настроенной явно не в пользу ахейцев. Накануне войны в Иллирии можно было ожидать, что старые враги — этолийцы — воспользуются моментом, чтобы вернуть своего прежнего союзника — Мессению. Арат как мудрый дипломат должен был это понимать и постараться удержать данное государство в составе лиги, хотя бы и с помощью солдат Филиппа. Факты же говорят о том, что он, не позволив установить македонский гарнизон на Ифоме, почти способствовал выходу Мессении из Эллинской лиги. Нет оснований полагать, что Арат мог совершить такой серьезный дипломатический промах.

Совсем иначе выглядит его поступок, если переворот произошел в конце 216 года, когда союз с Ганнибалом еще не был подписан. Новая война еще не планировалась, поэтому установление очередного македонского гарнизона, тем более в мирное время, должно было вызвать сопротивление Арата. Воспрепятствовав Филиппу, Арат, вероятно, мог надеяться, что со временем его влияние на мессенцев восстановится — при условии, что македонское войско не сможет ему помешать.

В качестве еще одного доказательства правильности датировки переворота 216 годом можно привлечь хронологию стратегий Арата, который, очевидно, должен был прибыть в Мессению как стратег Ахейского союза, а не как частное лицо. Список ахейских стратегов — это предмет особой и давней дискуссии⁸³. Не являясь специалистом в этой области, позволю высказать свою точку зрения. Известно, что Арат умер в семнадцатую стратегию, т. е. в 213 г. (Plut. Arat., 53). При этом стратегом он становился каждый второй год, так как непрерывно избираться было нельзя (Plut. Arat., 24, 5;

⁸³ См.: Сизов С. К. Семнадцать стратегий Арата // Акра. Н. Новгород, 2002. С. 134.

30, 6; 38, 2; Cleom., 15, 1). Однако стратеги в Союзническую войну известны благодаря Полибию; он же приводит данные, которые противоречат указанному выше заявлению Плутарха. Речь идет о том, что в 219 г. стратегом был Арат Младший, в 218 г. — Эперат и лишь в 217 г. был избран Арат Старший. Иными словами, нельзя говорить, что Арат каждый второй год становился стратегом.

Следует принять во внимание еще один момент. Выборы ахейских стратегов всегда проходили весной, но во II веке они имели место в период осеннего равноденствия⁸⁴. Когда произошло изменение — неизвестно. По мнению Ф. Уолбэнка, возможно, в 217 г. была проведена некая реформа, и выборы стали проходить осенью⁸⁵. Конечно, изменение даты выборов могло иметь место и после смерти Арата. Точных данных об этом не сохранилось. Тем не менее события Союзнической войны и некоторые косвенные указания Полибия позволяют предположить, что реформа могла произойти еще осенью 218 г. и была связана с бездарным командованием Эперата. С одной стороны, есть свидетельство Полибия, что Эперат сложил полномочия в конце 218/7 года и на должность стратега в начале лета был избран Арат Старший (V, 30, 7). С другой стороны, тот же автор говорит, что лишь только было покончено с войной (мир был подписан летом 217 г.), ахейцы выбрали стратегом Тимоксена (V, 106, 1). Причем после этого пассажа говорится о выборах в Этолии (V, 107, 5), которые всегда проходили осенью, и о мероприятиях Филиппа до наступления зимы (Polyb., V, 108).

Если реформа имела место в стратегию Арата, то его годовой срок исполнения обязанностей сократился на половину — с весны 217 до осени 217 г. Конечно, едва ли Арата

⁸⁴ Walbank F. Philip V of Macedon. 1967. P. 300, n. 3

⁸⁵ Ibid.

устраивало сокращение срока его полномочий. Возможно, примириться с этим обстоятельством ему помогло фактическое исполнение функций стратега с осени 218 г., когда официально у власти еще находился Эперат. Как сообщает Полибий, стратег вел дела неумело, им пренебрегали войска и ни во что не ставили наемники; поэтому никто не исполнял его распоряжений (V, 30, 1). А при описании вторжения Филиппа в Спарту в том же 218 г. историк упоминает об Арате, который вел фалангу из Амикл к царю Филиппу (V, 23, 7). Речь в данном случае не может идти о македонской фаланге; доверить ее бездарному полководцу, вроде Арата, вряд ли было возможно. Тем более, что Арат был представителем союзников и македонские силы едва ли стали бы подчиняться ему; в окружении Филиппа всегда можно было найти достойного македонского командира. С другой стороны, если речь шла об ахейском ополчении, то его должен был вести Эперат — как союзный стратег. Однако никаких упоминаний о действиях Эперата в конце кампании 218 г. историк не делает. Последнее сообщение о стратеге у Полибия встречается еще до рассказа о нападении на Ферм, когда Филипп приказал Эперату отправиться на помощь к мессенцам (Polyb., V, 5, 10—11). Однако была ли оказана эта помощь остается неизвестным.

Понимая, что бездарные действия Эперата во время войны ставят под угрозу само существование Ахейского союза, Арат, получив, вероятно, официальное разрешение, был вынужден выполнять некоторые обязанности вместо Эперата, в том числе и командование войсками, хотя официально стратег имел полномочия до конца срока службы. Таким образом, если наша гипотеза о сокращенной стратегии Арата в 217 г. верна, то Тимоксен возглавлял федерацию с осени 217 до осени 216 г., когда его вновь сменил Арат. Следующая стратегия 214/3 года была семнадцатой по счету, исполняя ее Арат умер. Поскольку принято считать, что смерть его при-

шлась на 213 г., то это не противоречит полученным данным, так как последняя стратегия в основном приходится на этот год. В таком случае его стратегия 216/5 г. совпадает с датой переворота в Мессении.

Последствия переворота оказались выгодны этолийцам: власть в Мессении оказалась в руках демагогов, которые, вероятно, не имели опыта управления государством. Естественно, что одна из внешних сил должна была оказывать им «помощь». Но такой силой теперь не могли быть ахейцы. Во-первых, новое правительство было инициатором ниспровержения прежнего проахейского режима. Во-вторых, после революции Арат не имел опоры среди граждан Мессении.

Поддержку мог оказать македонский царь. Новое правительство должно было помнить, что Филипп как гегемон Эллинского союза мог вмешаться в борьбу, поскольку в союзном договоре было условие, запрещавшее ниспровержение тех государственных устройств, которые существовали в государствах-участниках лиги на момент подписания соглашения. Однако царь не стал прибегать к силовым методам и настраивать против себя население союзной Мессении. Именно на дружеское отношение граждан к себе рассчитывал Филипп, надеясь мирно занять Ифому со своими войсками. Однако ему не удалось ввести гарнизон в мессенскую крепость из-за угрозы Арата о расторжении лиги (Plut. Arat., 50; Polyb., VII, 11).

Характерно, что конфликт двух лидеров Эллинского союза имел не только политическую, но и личную подоплеку, хотя источники пытаются отрицать роль второго фактора. Речь идет о жене Арата Младшего, которую Филипп обольстил и увез в Македонию. Обвинение правителя в нравственной распущенности вызвано, главным образом, тем фактом, что в роли обманутого мужа оказался сын Арата. Действительно, молодой царь увез Поликратию от мужа. Но во-первых, это было сделано с ее согласия, поэтому посту-

пок Филиппа можно осуждать точно так же, как похищение Елены Спартанской Парисом. Во-вторых, гораздо важнее тот факт, что «с 213 г. до неизвестной нам даты Поликратия была официальной первой женой Филиппа», т. е. царицей, а их сын Персей будет последним царем Македонии⁸⁶. Однако едва ли подобные аргументы могли возыметь какое-либо действие на Арата Старшего, поэтому вполне вероятно, что в конфликте на Ифоме он в немалой степени руководствовался нанесенным его семье оскорблением.

Не желая прибегать к открытому насилию, македонский царь не имел теперь другого пути, кроме как отступить и не вмешиваться во внутренние дела другого государства. Провал попытки размещения гарнизона в еще одном стратегически важном пункте Пелопоннеса, на Ифоме, и, вероятно, антимакедонская пропаганда ахейцев в этой связи, заставили мессенцев отвернуться от македонского царя. Противодействие Арата оставило вопрос о Мессении открытым. Не уступив крепость македонскому царю и не имея возможности самому контролировать союзника, ахейский лидер фактически подтолкнул мессенцев в этолийский лагерь. Конфликт Арата и Филиппа позволил противнику воспользоваться ситуацией и вернуть мессенские земли под этолийский контроль. В ходе первой римско-македонской войны Этолия и Мессения воевали уже на стороне римлян. Первое свидетельство о мессенцах, участвовавших совместно с этолийцами в войне, относится к 210 г. (Polyb., IX, 30, 6). Однако переход на сторону этолийцев произошел, вероятно, еще в 213 г. и был вызван очередной попыткой македонского царя занять мессенский кремль⁸⁷.

⁸⁶ *Le Bohec S. Les reines de Macédoine de la mort d'Alexandre à celle de Persée // Revue d'Histoire Ancienne. Т. 4. 1993. Р. 232.*

⁸⁷ Подробнее см.: *Сивкина Н. Ю. Поход Деметрия Фарского на Мессению // Акра. Н. Новгород, 2002. С. 125 слл.*

Таким образом, события, развернувшиеся в ходе и после Союзнической войны в двух рассмотренных выше государствах, свидетельствуют не только о наличии внутренних социальных проблем, но и о неспособности местных властей контролировать ситуацию. Причем можно говорить о прямой зависимости обострения противоречий — как между политическими группировками, так и между представителями разных социальных слоев — от успехов или неудач в военных действиях. Эта нестабильность способствовала вмешательству во внутренние дела государств внешних сил, предлагавших свой путь разрешения возникших конфликтов. К вышесказанному следует добавить, что ситуация усугублялась попытками установления амбициозными лидерами режимов личной власти. Таким образом, в каждом государстве наблюдалось свое переплетение интересов, противоречий и требований, которое было обусловлено не приверженностью к определенному политическому режиму, не выступлением на той или иной стороне в этой войне, а конкретными историческими условиями.

Первые кампании Союзнической войны наглядно продемонстрировали, что по количеству успешно проведенных военных действий перевес оказался на стороне Эллинской лиги. Тем не менее мирный договор не был подписан, война затянулась на три года. Македония и ее союзники были вынуждены тратить гораздо больше людских ресурсов и материальных средств, чем Этолия. Им приходилось охранять дороги и содержать гарнизоны. У Филиппа возникли финансовые трудности из-за необходимости использовать большое число наемников. Недостаток средств ставил македонского царя в экономическую зависимость от союзников.

Отряды ахейской федерации не играли существенной роли в боевых действиях, так что все бремя ведения войны было возложено на Македонию. При этом на военных успехах сказывалась и несогласованность действий между лидерами лиги. Кроме того, этолийская тактика ведения войны позволяла действовать небольшими силами, быстро и неожиданно нападать на противника, причинять материальный ущерб. Для греческих союзников Македонии существенной проблемой становилась оборона собственных земель. Следующий объект вражеской атаки было невозможно предугадать, что оставляло психологический перевес в войне за этолийцами. Более того, в отличие от противника, этолийцы довольно успешно использовали флот, что также давало им преимущество перед македонянами и Ахейским союзом.

Последний год войны не ознаменовался столь громкими успехами македонской армии, как предыдущий. Стороны явно устали от сражений, поэтому прежней согласованности и единства действий между лидерами Эллинского союза не наблюдалось. Стратегом Ахейского союза вновь был избран Арат Старший (Polyb., V, 91, 1). Одно это обстоятельство говорит о том, что возросшее в прошлом году влияние Филиппа было несколько подорвано провалом мирных переговоров. Весной 217 г. Арат основательно готовился к войне, собирая войско и приводя в порядок дела, запущенные Эператом (Polyb., V, 91, 4—5). В этом военном сезоне он вновь сражался в Пелопоннесе без основных македонских сил. Филипп предпочел действовать на севере, видимо, полагая, что на юге серьезных столкновений не предвидится. А с отдельными нападениями ахейцы смогут справиться и собственными силами.

Возобновление военных действий произошло лишь летом, после возвращения в Спарту Ликурга. Но предпринятые спартанским царем операции вновь были безуспешными. Совместный спартано-этолийский план нападения на Мессению был выработан вместе со стратегом этолийцев в Элиде Пиррием, однако, войска Ликурга и Пиррия не смогли соединиться, были отбиты и вернулись ни с чем (Polyb., V, 91, 3; 92, 2—6). Полибий подчеркнул, что численность отрядов обоих командующих для успеха задуманной операции была явно недостаточной.

Более того, в конце войны Арат нашел выход, как обезопасить ахейские земли от спартанских атак¹. Он разработал план действий союзников в Пелопоннесе. Имевшуюся в его распоряжении армию он разделил на три части и не позволял силам противника объединяться. Западную часть полуострова должны были защищать эпилекты и наемники Ахей-

¹ Walbank F. Philip V of Macedon. Hamden, 1940. P. 62.

ского союза; за восточной наблюдал македонский представитель в Пелопоннесе Таврион, а Лаконику должны были блокировать мессенские войска и силы Тавриона (Polyb., V, 92, 7—10). Кроме того, ахейцы разделили свой флот: три корабля были направлены к Актэ и в Арголидский залив, другие три — к Патрам и Диме (Polyb., V, 91, 8). Следует отметить, что разработка плана кампании в Пелопоннесе на этот год перешла от македонского царя к Арату. И замысел последнего был вполне удачным. Предложенная Аратом система безопасности позволяла избегать больших сражений с обязательным участием македонской армии. Небольшие локальные столкновения не требовали присутствия царя и всего его войска на полуострове.

Преимущества распределения ахейских сил сказались незамедлительно. Элейцы, недовольные Пиррием, призвали к себе стратегом Эврипида (Polyb., V, 94, 2). Тот, выбрав удачный момент, когда Арат отправился на ахейское собрание, с 2 000 пехотинцами и 60 всадниками вторгся в фарскую область (Polyb., V, 94, 3). Местный гипостратег Лик, получивший от Арата наемников для контроля над западной частью полуострова (Polyb., V, 94, 1), напал на Эврипида, разбил его и возвратил всю захваченную врагом добычу (Polyb., V, 94, 5—6). В то же время ахейский наварх напал на этолийское побережье, захватил пленных и 2 корабля (Polyb., V, 94, 8).

В разгар жатвы Эврипид вновь выступил в поход, избрав целью земли тритеев (Polyb., V, 95, 6). В ответ на это ахейская конница и наемники под командованием Лика и Демодока вторглись в Элиду (Polyb., V, 95, 7). Устроив засаду, они разбили элейцев, захватили пленных и опустошили окрестности (Polyb., V, 95, 8—10). Одновременно с этим походом ахейский наварх опустошал калидонское и навпактское побережье, дважды разбив посылаемые против него силы (Polyb., V, 95, 11).

Примерно в то же время этолийский стратег Агет предпринял нападение на земли Акарнании и Эпира, которые ему удалось разграбить беспрепятственно (Polyb., V, 96, 1). В ответ на этот рейд акарнанцы вторглись в область Страта, но, не решившись действовать без союзников, вернулись домой (Polyb., V, 96, 3). Несколько позднее неудачей для Агета закончилась попытка захвата города фанотеян в Фокиде (Polyb., V, 96, 4–8). Рассчитывая на измену главы города Язона, этолийцы проникли в акрополь. Однако здесь их поджидал отряд Александра, командира македонского отряда², видимо, организовавшего эту ловушку³. Потеряв отборных воинов, Агет был вынужден отступить.

Что касается Филиппа, то его деятельность в этом году развернулась сначала в Пеонии, затем в Фессалии (Polyb., V, 97–100), где, по мнению М. Кэри⁴, он «применил на

² Г. Бенгтсон считает, что Фокиду нельзя назвать македонской провинцией, скорее она была под македонским протекторатом. Александр в ней был стратегом или «постоянным македонским военным губернатором в Гераклее», которому подчинялись «губернаторы» фокидских городов: *Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944. S. 363–364.*

³ Скорее всего, организация этой засады принадлежит назначенному в Фокиду Александру. Единственный известный Александр в окружении македонского царя был членом опекунского совета, созданного Антигоном Досоном в помощь молодому Филиппу. Он занимал должность начальника дворцовой стражи (ἐπὶ τῆς βασιλείας — Polyb., IV, 87, 8), т. е., возможно, ему подчинялись царские телохранители. Есть версия, что он был командиром гипаспистов: *Hatzopoulos M. B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes, 2001. P. 60.* Если именно его Филипп оставил в Фокиде, то, вероятно, полномочия Александра напоминали функции Тавриона в Пелопоннесе.

⁴ *Cary M. A history of the Greek World from 323 to 146 B. C. L., 1932. P. 166.*

практике еще один метод Александра Македонского» — Филипп использовал свои осадные машины при штурме городов. Лишь после победы над дарданами царь смог вернуться к греческим делам и продолжил Союзническую войну. Дарданы оставались серьезной угрозой на северных границах македонского государства. С помощью укрепленных крепостей на границах царства Филипп планировал оттаивать их вторжения или, если дарданам удалось бы прорваться вглубь страны, перехватывать их, нагруженных добычей, на пути домой. Два опорных пункта уже существовали в долине Аксий⁵. Теперь царь отнял у дарданов стратегически важный город Билазоры (Polyb., V, 97, 1), расположенный на пути в Македонию. Таким образом, Филипп обезопасил границы своего государства (см. рис. 1 на с. 76 настоящего издания).

Двинувшись после победы в Фессалию и получив подкрепления от македонского офицера Хрисогона, базировавшегося там, царь достиг Мелитеи и попытался штурмом захватить город (Polyb., V, 97, 5). Но попытка закончилась неудачей. Полибий объясняет провал плохой подготовкой македонян — они имели слишком короткие лестницы для штурма (V, 97, 6). Правда у автора сохранилось еще одно описание этой атаки в другой книге (IX, 18, 5—9). Здесь, помимо коротких лестниц, приведена и вторая причина неудачной атаки. Царь должен был прийти в полночь, но он, поторопившись, подошел к городу вечером. Премакедонская партия, с которой, видимо, был уговор о содействии ночной атаке, ничем не могла помочь Филиппу в вечернее время. Не имея возможности оставаться незамеченным, царь решился на штурм, но понес большие потери и вынужден был отступить. По справедливому замечанию Ф. Уолбэн-

⁵ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 385.*

ка⁶, расхождение в описании событий, видимо, кроется в разном контексте, в котором упоминается штурм Мелитеи: в пятой книге Полибий подчеркивает отсутствие лестниц нужной длины и рассуждает о плохой подготовке командиров, а в девятой книге указывает на время и роль изменников при захвате городов.

Отказавшись от продолжения штурма, Филипп отступил и стал поджидать осадные орудия из Ларисы (Polyb., V, 99, 1). Основной целью его похода была вовсе не Мелитея, а Фтиотидские Фивы (Polyb., V, 99, 2–3). Этот город был удачно расположен: владея им, можно было контролировать Магнесию, Фессалию и даже область Деметриады⁷. Поскольку крепостью владели этолийцы (Polyb., V, 99, 4), Фивы были удобным плацдармом для частых нападений на македонские и фессалийские земли. Осаду Фив⁸ царь вел по всем правилам (Polyb., V, 99, 7 — 100): он собрал здесь 150 катапульт, 25 камнеметов, занял господствующие вершины, вел земляные работы, невзирая на неудобство местности для организации подкопов. Когда стена обрушилась, защитники предпочли сдать город, не дожидаясь атаки. Тем не менее, население Фив было продано в рабство (Polyb., V, 100, 8), а город переименован в Филиппополь⁹. Таким образом, можно констатировать, что македонский царь после

⁶ Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 2. Oxford, 1967. P. 145.

⁷ Стены Фив достигали в окружности 3 км: Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 386.

⁸ Время осады Фив — вероятно, вторая половина июня, что следует из синхронизации с битвой у Тразименского озера. См. также: Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 412.

⁹ Столь суровое обращение, видимо, было вызвано их изменой и переходом на сторону Этолийского союза: Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 386, n. 2.

неудачи под Мелитеей, предпочел придерживаться выработанной в прошлые кампании тактики. Он наносил удар по наиболее важному в стратегическом плане пункту, рассчитывая на быстрое подчинение остальных крепостей после достигнутого успеха.

Падение Фив было важным шагом на пути завоевания Фтиотидской Ахайи. Но дальнейшие шаги царя были прерваны известием о пиратских действиях бывшего союзника Скердилаида (Polyb., V, 101, 1–2). Тот, посчитав, что Филипп не доплатил ему, напал на 4 корабля Тавриона, приставших рядом (Polyb., V, 95, 1–4). После захвата македонских судов Скердилаид занялся грабежом торговых кораблей в Малийском заливе. Филиппу пришлось снаряжать целую эскадру для погони за Скердилаидом. Однако македоняне не застали иллирийцев у Малей. Царь отдал приказ кораблям переправиться в Коринфский залив¹⁰. Сам же, отложив на время мысли о наказании пиратов, прибыл в Аргос на Немейские празднества (Polyb., V, 101, 4–5). Согласно Полибию (Polyb., V, 101, 6), здесь Филипп получил известие о победе Ганнибала над римлянами у Тразименского озера. И именно эта весть, по мнению ахейского историка, стала причиной желания царя побыстрее завершить Союзническую войну, чтобы обратиться к захвату западных земель (Polyb., V, 101, 6 — 102, 1). Историческая традиция рассматривает эту весть в контексте последующих событий: новые амбиции Филиппа проявились в заключении внезапного мира с Этолией в 217 г., высадке затем македонских сил в Иллирии в 216 г. и, наконец, в договоре македон-

¹⁰ Н. Хэммонд утверждает, что у царя было 50 военных кораблей, которые переправили его армию в Коринфский залив, обогнув Пелопоннес, в то время как легкие суда перетащили через перешеек: Hammond N. C. *The Macedonian State. Origins, institutions and history.* Oxford, 1989. P. 335.

ского правителя с Ганнибалом в 215 г. Римские писатели позднее преувеличили значение этого договора, но Полибий «резче других историков показал, что царь планировал захватить Иллирию, и даже не исключал предположение о македонском вторжении в Италию»¹¹. Однако правильнее, на наш взгляд, рассматривать заключение мира не в контексте событий следующих лет, а с точки зрения экономических и политических возможностей союзников к продолжению боевых действий.

Согласно нашему источнику, Филипп собрал военный совет, который поддержал его предложение о заключении мира (Polyb., V, 102, 2). Поэтому царь отправил к этолийцам уроженца Навпакта Клеоника, проксена ахейцев (Polyb., V, 95, 12), освобожденного из плена. А чтобы враги не подумали, будто Филипп усиленно добивается мира, царь с кораблями и войском отправился в Эгий, оттуда прошел к Ласиону, взял укрепление в Периппиях и делал вид, что намеревается вторгнуться в Элиду (Polyb., V, 102, 5–6). Клеонику пришлось совершить два или три перехода к этолийцам и обратно к Филиппу, прежде чем царь уступил их просьбам о мирных переговорах (Polyb., V, 102, 7). Как гегемон лиги македонский царь созвал представителей союзных государств для обсуждения вопроса о мире. Пока синедрион собирался, Филипп успел совершить плавание к Закинфу и «устроить дела острова» (Polyb., V, 102, 8–10). Хотя Полибий не сообщает никаких подробностей об этой операции македонского царя, однако, можно предположить, что остров был подчинен и должен был в будущем стать морской базой для македонского флота. Известно, что в первую Македонскую войну Марк Валерий Левин взял приступом остров, но не его крепость (Liv., 26, 24, 15). Возможно, там

¹¹ Eckstein A. M. Greek Mediation in the First Macedonian War, 209–205 B. C. // *Historia*. Bd. 50. Hft. 3. 2002. P. 270.

находился македонский гарнизон, оставленный Филиппом на Закинфе в 217 г.

Из приведенного выше описания хода военных действий можно отметить несколько существенных моментов. Во-первых, этот сезон был так же неудачен для этолийцев, как и кампании 218 г. Этолийские территории часто становились объектами атак. Грабеж Акарнании и Эпира, призванный, вероятно, показать врагам, что этолийцы по-прежнему сильны и в состоянии вести привычный образ жизни за счет соседей, не принес желаемого результата. Более того, акарнанцы отважились без союзников вторгнуться в Этолию и дойти до Страта беспрепятственно. Указание ахейского историка (Polyb., V, 96, 3), что они испугались и поэтому вернулись домой, можно рассмотреть и в другом ракурсе: их никто не остановил ни на пути к Страту, ни на обратной дороге.

Положение союзников Этолии в Пелопоннесе также выглядело довольно бедственно. Безуспешный поход Ликурга в Мессению был последней попыткой спартанцев проявить себя в этой войне. Земли Элиды и в предшествующие кампании, и в этом сезоне довольно серьезно пострадали. Естественно, что угроза вторжения македонского царя накануне переговоров воспринималась этолийцами как вполне реальная. Едва ли Элида была способна долго противостоять противнику.

Неудачи этолийцев наблюдались и на других театрах военных действий. В Этолийский союз входила часть Фокиды. Попытка захватить еще один фокидский город и выбить оттуда македонян закончилась неудачей для этолийского стратега Агета. Еще в первый год войны этолийцы потеряли часть акарнанских городов. В 217 г. Филипп отбил важный стратегический пункт — Фтиотидские Фивы. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что у Этолийской федерации были все основания стремиться к миру.

С другой стороны, нельзя отрицать того обстоятельства, что срыв переговоров в 218 г. не вызвал второго сокрушительного удара по Этолии ахейской коалиции. Поэтому теперь этолийцы находились в более выгодном положении, чем в прошлом году. Сил для их окончательного разгрома союзники не нашли, на тяжелую и дорогостоящую войну в горах Этолии не решились, понимая, что шансы добиться победы при этолийской тактике партизанской войны невелики. Следовательно, Эллинская лига не имела возможности диктовать условия мира с позиции победителя. В сложившихся обстоятельствах этолийцы могли торговаться об условиях мирного договора.

Хотя территориальные приобретения Эллинской лиги очевидны, но и внутри этой организации стали проявляться разногласия. В Ахейском союзе единства не было. В 219 г. Димы, Патры и Тритея даже отказались платить сборы в союзную казну, они постановили набрать на эти деньги наемников для своей защиты, поскольку федеральный центр не смог ее организовать (Polyb., IV, 60, 4—5). В 217 г. Арату пришлось умиротворять мегалополитов, о недовольстве которых пишет Полибий (Polyb., V, 93).

В стане Филиппа тоже было неблагополучно. Успехи кампании 218 г. были омрачены придворными смутами и казнью заговорщиков (Polyb., V, 25 и 27). Кроме того, по свидетельству Плутарха (Flamin., 2), «македонская держава давала Филиппу достаточно войска для одного сражения, но в случае длительной войны все пополнение фаланги, снабжение деньгами и снаряжением, убежища, где можно было бы укрыться, зависели от греков». Царь накануне вторжения на Кефаллению получал материальную помощь от ахейцев (Polyb., V, 1, 10—12). Грабеж Ферма позволил преодолеть некоторые финансовые трудности. Но генеральное сражение, которое решило бы исход войны, так и не состоялось. Война затягивалась, принося союзникам по Эллинской лиге новые

материальные траты, в отличие от их противника, привыкшего жить за счет врага как в мирное, так и в военное время. Скорее всего, именно возросшие материальные затраты принуждали македонского царя к скорейшему завершению военных действий.

Между лидерами Эллинской лиги тоже не было единства. На протяжении всех военных лет македонский царь пытался принизить авторитет Арата среди греческих союзников. В противовес ахейскому стратегу Филипп демонстрировал элинам свое стремление быть защитником греков и устроителем мира. Возможно, в таком контексте следует рассматривать разрыв союзных отношений с илирийцами. Напомним, Скердилаид вновь занялся пиратством. Поводом к его измене послужила невыплата Филиппом денег по договору (Polyb., V, 95, 1). Такое пренебрежение к союзнику, конечно, можно объяснить нехваткой денег в казне. Но, возможно, причина скупости царя лежит несколько глубже.

Македонский правитель, авторитет которого среди союзников снизился после придворной смуты 218 г., в очередной раз попытался напомнить элинам о своей роли спасителя греков. Война близилась к завершению, царь перестал нуждаться в Скердилаиде, который обходился казне довольно дорого. Не следует также пренебрегать еще одним замечанием Полибия, который упоминает, что у царя в конце войны были в распоряжении двенадцать палубных кораблей, восемь открытых и тридцать полоторных (Polyb., V, 101, 2). Поэтому острой необходимости в илирийских судах уже не было. Отказ от финансирования Скердилаида решал сразу две задачи: с одной стороны, Филипп сэкономил значительную сумму денег, а с другой, он провоцировал пиратские набеги илирян на корабли своих союзников. Естественно, что задачу преследования нарушителей договора должен был взять на себя царь — гегемон лиги. В случае успеха

греки должны были осознать необходимость македонского присутствия в Греции. Однако в полной мере этот план Филиппу реализовать не удалось; его морские силы были еще довольно скромными, чтобы полностью ликвидировать пиратские рейды иллирийцев. А на суше преследование Скердилаида по завершении Союзнической войны привело царя к столкновению с римскими войсками.

Таким образом, можно с большой долей вероятности говорить, что участники Эллинского союза были готовы к миру. Но утверждение, что Филипп стремился закончить войну, чтобы осуществлять западную программу завоеваний¹², по нашему мнению, не имеет под собой весомых оснований. Исследователи, говоря об этом, следуют за Полибием. Однако, как неоднократно отмечалось, его сведения нельзя назвать вполне достоверными, когда речь заходит об этолийцах или македонянах. Таким образом, утверждение о наличии у македонского правителя планов завоеваний на Западе можно поставить под сомнение. Филипп не мог серьезно планировать вторжение в Италию, располагая единственной гаванью в собственном царстве.

¹² Версию о наличии «западной программы» поддерживают: Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху / Пер. с нем. Ю. Г. Виноградова. М., 1999. С. 188; Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J.-C. P., 1921. P. 163 ss.; Holleaux M. The Romans in Illyria // САН. Vol. 7. 1928. P. 853; Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia // САН. Vol. 7. 1928. P. 768; Dell H. J. Antigonos III and Rome // Cl. Ph. Vol. 42. № 2. 1967. P. 102; Tomlinson R. H. Argos and the Argolid: from the end of the Bronze Age to the Roman occupation. Ithaca—N. Y., 1972. P. 164; Errington R. M. Rome and Greece to 205 B. C. // САН². Vol. 8. Cambridge, 1989. P. 94; Fine J. Macedon, Illyria and Rome, 220—219 B. C. // JRS. 1936. Vol. 26. P. 38—39. Против: Hammond N. G. The Macedonian State. P. 337.

Ахейский историк говорит, что весть о победе Ганнибала при Тразимене Филипп получил в Аргосе и под давлением Деметрия Фарского склонился к мысли о мире в Греции, о покорении Иллирии и о переправе в Италию (Polyb., V, 101, 6–102, 1). Но в другом пассаже Полибий упоминает (Polyb., V, 100, 9–10), что еще во время осады Фтиотидских Фив к Филиппу прибыли послы Родоса, Хиоса, Византия и даже от царя Птолемея с предложением вновь стать посредниками между ним и этолийцами¹³. И тогда же царь согласился и отправил их в Этолию. Таким образом, переговоры о мире начались еще до получения известия о битве при Тразименском озере.

Следующий этап переговоров связан с отправкой в Этолию в качестве посла Клеоника. Причем Полибий подчеркнул, что царь «не стал дожидаться послов для ведения мирных переговоров в общем собрании» (Polyb., V, 102, 4). Под «собранием», видимо, понимался совет союзников — синедрион лиги. А послы, которых царь не стал ждать, — это посольство Этолийской федерации. Но тогда резонно возникает вопрос: почему царь считал, что это посольство вообще прибудет? Ответ может быть лишь один: посредники уже вели переговоры и продвинулись весьма далеко на

¹³ Хиос и Родос участвовали в посредничестве вторично (Polyb., V, 24, 11). Мотивы их не вполне ясны, так же как участие Византия. Вероятно, большую роль играл ущерб торговле, наносимый войной: *Walbank F. Aratus of Sicyon*. Cambridge, 1933. P. 151. За эту точку зрения высказывается: *Хабихт Х.* Афины. С. 187 сл. Что касается вмешательства Египта, то, по одной версии, целью его было спасение Этолии — источника наемников (*Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia*. P. 387), по другой — Египет начал новую политику сближения с Македонией против Антиоха (*Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies...* P. 78, n. 2).

этом поприще. Сначала они должны были заключить перемирие, видимо, как в прошлом году (Polyb., V, 28, 1–3), а затем организовать встречу посольства Этолии с представителями лиги, то есть с советом. Временной фактор в данном случае не стоит игнорировать. Если посольство отправилось в Этолию в то время, когда Филипп осаждал Фивы¹⁴, то к моменту получения царем сведений о Тразименском сражении¹⁵ переговоры длились уже более месяца. Таким образом, их нельзя ставить в прямую зависимость от известия о Ганнибаловой победе.

В таком случае необъяснимым пока остается привлечение Клеоника к переговорам. Вероятно, Полибий соединил два несвязанных друг с другом события в одно целое. Факт поездки Клеоника следует объяснять не переменой планов царя и появлением новой цели на Западе, а повторением прошлогоднего сценария ведения переговоров. Видимо, события развивались медленно, складывалось впечатление, что этолийцы не чувствуют себя побежденной стороной и не торопятся заключать мир на невыгодных для себя условиях. Именно этим обстоятельством вызваны дальнейшие шаги Филиппа, такие, как угроза нападения на Элиду и отправка Клеоника в качестве посла. Македонский царь не собирался попадать в смешную ситуацию, откладывая боевые действия и второй раз предоставляя врагам передышку и возможность собраться с силами.

¹⁴ Осада Фив, видимо, произошла одновременно с битвой при Тразименовом озере, приблизительно в июне 217 г. См. таблицу синхронизмов в кн.: *Walbank F. Selected papers. Studies in Greek and Roman history and historiography.* L.—N. Y., 1985.

¹⁵ Филипп получил вести о победе Ганнибала на Немейских играх, которые проходили обычно в июле—августе третьего года олимпиады: *Латышев В. В. Очерк греческих древностей.* СПб., 1889. С. 128.

Более того, Н. Хэммонд полагает, что у Филиппа первоначально был иной план — гораздо более глобальный, чем нападение на Элиду. Реализовать этот замысел, по нашему мнению, было не поздно в случае повторного срыва переговоров. Сущность нового предприятия сводилась к следующему. Отправив корабли в Коринфский залив перед своей поездкой на Немейские игры, Филипп собирался высадиться на этолийскую территорию всей армией, соединиться с войсками, стоящими в Южной Фокиде, и окружить Дельфы¹⁶. Предположение не лишено оснований, если принять во внимание желание царя прославиться громкими победами и поддерживать свой имидж освободителя. Следует вспомнить свидетельство Полибия, который утверждал (IV, 25, 8), что при объявлении войны этолийцам в 220 г. в Коринфе одно из условий гласило: оказать помощь амфикиотонам в восстановлении своих законов и в возвращении под их власть святилища. Х. Хабихт даже полагает, что это было основной целью Эллинской лиги при провозглашении войны¹⁷, реализовать которую было возможно путем отторжения аннексированных земель тех государств, кто издавна владел в Амфикиотонии голосами, но вынужден был уступить их этолийцам. В случае удачи, отбирая у этолийцев контроль в Дельфийской Амфикиотонии и получая в ней голоса, македонский царь смог бы влиять на внутренние греческие дела без применения военной силы, как в прежние времена поступал другой македонский царь — Филипп II. При такой расстановке сил позиции этолийцев на международной арене были бы значительно ослаблены.

¹⁶ В одном труде Н. Хэммонд говорит лишь о вторжении на Этолийское побережье (*Hammond N. G. The Macedonian State. P. 335*), в другом — пытается реконструировать замысел Филиппа (*Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 387*).

¹⁷ Хабихт Х. Афины. С. 190.

Учитывая все вышесказанное, вероятно, не следует говорить о спешном намерении Филиппа завершить войну. Новая победа могла принести гораздо более существенные выгоды, чем подписание мира. Поэтому, пока Клеоник совершал свои поездки из одной ставки в другую, Филипп, видимо, не бросал начатых приготовлений. Свидетельство этому — заявление Полибия об угрозе Элиде (V, 102, 6). Филипп продолжал сосредотачивать войска, готовя их к переброске и оставил эти планы, взвесив все «за» и «против», только после приезда этолийского посольства.

Также вряд ли можно утверждать, что в 217 г. у македонского царя зародились планы западного вторжения¹⁸. В ходе Союзнической войны они не могли оформиться, для этого еще не сложились условия. Поворот в македонской политике произошел позднее, чем принято считать в современной историографии. Сложившийся в литературе взгляд на изменение внешней политики Филиппа во многом, по нашему мнению, связан с концепцией Полибия о «сцеплении» (συζπλοκή) событий¹⁹. Согласно его теории, события Ганнибаловой войны в Италии «сцепились» с событиями Союзнической войны в Греции. Естественно, историк должен был представить читателю ключевое «звено сцепления»; таким «звеном» стало известие о победе Ганнибала при Тразимене.

Кроме того, несмотря на высказывания Полибия (V, 101, 8—10), влияние Деметрия Фарского не могло иметь решающего значения для царя в это время. Конечно, Филипп должен был выслушать его советы, поскольку тот лучше

¹⁸ Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues. P. 481; Briscoe J. The Antigonids and the Greek states, 276—196 B. C. // Imperialism in the Ancient World. Cambridge, 1978. P. 153 ff.

¹⁹ Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. С. 18—19.

знал обстановку в Адриатике. Но следует помнить, что окончательное решение оставалось за царем и — как глава государства — он руководствовался многими соображениями, а не одним «внушением» Деметрия. Кроме того, не вызывает сомнения факт, что именно Полибий превратил Деметрия в «злого гения» Филиппа в противоположность мудрому советнику Арату. Не следует забывать того весьма существенного обстоятельства, что к моменту написания «Всеобщей истории» у Полибия уже четко сложилось представление об иллирийце, как о человеке безрассудном, чья карьера в Греции была тому подтверждением²⁰. Однако за назидательными фактами из биографии иллирийского авантюриста совершенно скрыта истинная политика македонского царя.

Римское посольство летом 217 г. к Филиппу с требованием выдачи Деметрия (Liv., 22, 33, 3) и отказ царя обычно рассматриваются как начало дипломатических отношений между Римом и Македонией, которое имело негативный оттенок²¹. Однако это не совсем так; данное утверждение верно лишь в отношении римлян. Сенат не видел большой разницы между молодым полуварварским иллирийским государством и стареющей эллинистической Македонией. Примечательно, что в отличие от аналогичного случая с Тевтой, Рим не рассматривал отказ Филиппа как повод к немедленной войне. В то время в Италии шли боевые действия,

²⁰ Достаточно указать, что, по мнению Полибия, Деметрий подтолкнул Филиппа к разорению Ферма в 218 г., во время смуты в Мессене побуждал царя захватить Ифому, да и погиб в 214 г. во время неудачного и небрежно организованного нападения на Мессену. Подробнее см.: *Eckstein A. M. Polybius, Demetrius of Pharus, and the Origins of the Second Illyrian War // Gl. Ph. Vol. 89. № 1. 1994. P. 55–56.*

²¹ *Hammond N. C. The Macedonian State. P. 337.*

поэтому можно говорить о нежелании Рима открытого конфликта с Македонией. Римляне лишь впоследствии расценили все мероприятия Филиппа как враждебные их протекторату над Иллирией²². Римскому менталитету была чужда идея Общего Мира. К тому же с первых иллирийских войн они уже начали реализовывать свою восточную политику²³. Что касается Македонии, то римское требование о выдаче Деметрия, которое было бы уместно в отношении побежденного правителя, естественно, задело самолюбие царя. Но из этого обстоятельства не следует делать вывод о стремлении Филиппа к войне с римлянами.

Победа Ганнибала у Тразименского озера сама по себе ничего не могла означать для македонской политики. Одна громкая победа, совершенная в далекой стране, с которой

²² В каждой из войн против эллинистических государств Рим был агрессором; ни один из его врагов не представлял непосредственную опасность для его безопасности: *Giovannini A. Review Discussion: Roman Eastern Policy in the Late Republic // AJAH. Series 1. Vol. 9. № 1. 1984. P. 37.*

²³ В Полибиевой концепции римской внешней политики имеется противоречие. С одной стороны, Полибий изображает экспансию Рима как процесс, в котором одна стадия неизбежно влечет за собой другую (*Polyb., I, 6, 3–4*). С другой стороны, рассматривая причины отдельных конфликтов Рима с соседними государствами, историк считает виновниками этих войн не римлян, а их противников (*Polyb., III, 7, 1–3; IX, 22, 1; etc.*). Это противоречие стало источником для возникновения в современной историографии различных, порой взаимоисключающих концепций: *Кащеев В. И. Проблема римской политики на эллинистическом Востоке: историографический и методологический аспекты // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 170. Подробнее обзор историографии вопроса о сущности восточной политики Рима см.: Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., 1993. С. 46 слл.*

не приходилось непосредственно иметь дела, полководцем, о котором македонский царь едва ли что-нибудь знал, не могла быть поворотным пунктом, изменившим весь ход истории эллинистических государств. Такое утверждение равносильно предположению, что Восточный поход Александра Македонского был вызван убийством его отца Филиппа II, организованным персами. Филипп V не мог знать планов Ганнибала, особенностей римской тактики ведения войны, их менталитета, столь непохожего на греческий²⁴. Такие скоропалительные решения были не в характере царя.

Не следует ссылаться при этом на его молодость, горячность и честолюбие. За годы Союзнической войны он проявил свою отличную военную и организаторскую подготовку. Во всех рассмотренных операциях он вполне реально оценивал свои силы и возможности. Его основной целью все эти годы было укрепление позиции гегемона Эллинской лиги и постепенное расширение сферы македонского влияния в Греции. Но обе поставленные задачи были далеки от завершения. При жизни Арата Филипп не пользовался тем уважением и авторитетом, на который рассчитывал и которого добивался в ходе боевых действий. Укрепление позиций в Элладе также было довольно слабым; царю постоянно приходилось оглядываться на союзников, их желания и угрозы. Стоит вспомнить хотя бы намек Арата на расторжение договора лиги во время жертвоприношения на Ифоме²⁵.

²⁴ Македония не вела войн на уничтожение в отличие от Рима, вообще не склонного к компромиссу. Подробнее об особенностях ментальности римской армии см., напр.: *Махлаюк А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности*. Н. Новгород, 2000.

²⁵ Заявление Арата, что «важнее любых гор и крепостей верность и любовь союзников», фактически было предупреждением о

Понимая все это, царь должен был быть авантюристом, вроде Деметрия Фарского, чтобы мыслить о переправе в Италию и о мировом господстве²⁶. Филипп, конечно, не был лишен честолюбивых замыслов, но его нельзя назвать мечтателем на троне, он всегда руководствовался практическими мотивами. И в первую очередь, как у всех македонских правителей, сфера его интересов охватывала безопасность своих границ и подчинение тем или иным способом Греции.

Более реальным, по мнению некоторых исследователей, выглядит предположение о том, что «Деметрий мог обратить внимание царя на ситуацию в Иллирии, что было важнее для Македонии, чем битва при Тразименском озере»²⁷. Казалось, он мог воспользоваться трудностями римлян и вытеснить их из Иллирии. Однако, как ни привлекательна такая точка зрения, она также подводит нас к положению, что Филипп все годы войны пристально наблюдал за делами западных соседей (вторая Иллирийская война шла параллельно Союзнической — в 219—218 гг.), ожидая подходящего момента для установления своего протектората над ними²⁸. Подобная предусмотрительность выглядит сом-

расторжении договора Эллинской лиги в случае захвата крепости (Plut. Arat., 50; Polyb., VII, 11).

²⁶ В то время мировое господство еще мыслилось в рамках державы Александра: Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. С. 254.

²⁷ Беликов А. П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 61; Хабихт Х. Афины. С. 188; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. 2. 1979. P. 65; Fine J. Macedon, Illyria and Rome... P. 38—39; Walbank F. Aratus of Sicyon. P. 152; Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues. P. 481.

²⁸ Fine J. Macedon, Illyria and Rome... P. 39.

нительно, а спонтанное поведение было не духе царя, как мы уже отмечали.

Обычно поворот в македонской политике и ухудшение характера царя связывают с влиянием на него Деметрия Фарского²⁹. Однако, по нашему мнению, присутствие последнего должно было не сподвигнуть царя на завоевании Иллирии, а, напротив, удержать правителя от необдуманных действий. История преподнесла Филиппу наглядный урок: Деметрий только что пытался воспользоваться трудностями Рима в своих интересах, но его затея провалилась. Римляне показали, что в любых обстоятельствах готовы к войне. Македонский царь должен был это понимать. Кроме того, Деметрий, нарушив договор с римлянами, занимался грабежами на море. И в этом аспекте действия Рима выглядят законными и справедливыми: они, так же как и македонский царь, боролись с пиратством. Филипп, демонстрируя в ходе всей войны приверженность положениям Общего Мира, не мог в тот момент руководствоваться только советами иллирийского пирата и, тем более, развязывать новый военный конфликт ради него. Это шло вразрез с общим курсом македонской политики того периода.

Филипп V действительно мог прислушиваться к советам Деметрия, но не в отношении политического курса Македонии, а в морском деле. Иллирийский авантюрист занимался пиратством не один год до бегства в Македонию. Естественно, он знал иллирийское и греческое побережье, особенности кораблей, приемы ведения морского боя. Допустимо предположение, что Филипп принял его столь радушно и возвысил именно по причине его знаний и опыта в морепла-

²⁹ О роли советов Деметрия см.: *Walbank F. Philip V of Macedonia*. 1940. P. 64 f.; *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia*. P. 387.

вании. Стоит вспомнить, что морское дело после Антигона Гоната было фактически заброшено в Македонии. Молодой царь Филипп, создавая новую систему контроля над Грецией, нуждался в сильном флоте. Поэтому советы Деметрия, видимо, были ценными. Можно привести еще один аргумент в пользу последнего утверждения: когда македонский правитель в 216 г. занялся строительством кораблей для переброски сил к Аполлонии, то он построил 100 лемб (Polyb., V, 109, 3—4). Иными словами, за образец был принят иллирийский тип кораблей.

Македонско-иллирийские взаимоотношения всегда были сложными, достаточно вспомнить хотя бы итоги последнего сотрудничества Филиппа со Скердилаидом. Конечно, в прежние времена не было случая, чтобы македонские цари не воспользовались слабостью соседей в своих целях, но теперь ситуация коренным образом отличалась от предшествовавших эпох. Речь уже шла не о двух государствах (Иллирии и Македонии), а о трех (Иллирия, Македония и Рим). Филипп не мог не понимать, что попытка вытеснения со спорной территории другой державы вызовет ответные действия; было бы наивно с его стороны думать иначе. Тот военный опыт, который он приобрел за годы Союзнической войны, не позволил бы ему совершать опрометчивые шаги. Царь, несмотря на свои яркие и успешные кампании, достойные продолжателя дел Александра Великого, испытал и неудачи, и крушение замыслов, и сопротивление оппозиции. Начинать масштабные действия в Иллирии можно было только при твердой поддержке союзников. Однако царю не удалось уменьшить влияние на греков Арата. Прошло слишком мало времени, чтобы греческие союзники уверились в отсутствии у Филиппа желания поработить их и убедились бы в реальных преимуществах союза с Македонией. Нужно отметить и тот факт, что уже в конце 218 г. стало очевидно, что ввязываться в новую

продолжительную войну было слишком дорого для македонского бюджета³⁰.

Кроме того, необходимо учитывать настроения самих иллирийцев. Ни один македонский правитель не мог принудить их к подчинению. Партизанская тактика войны, которую иллирийцы так же хорошо освоили, как и этолийцы, и явное превосходство иллирян в действиях на море давали слишком мало шансов на победу Филиппу. Царь не мог не осознавать этого. Греческие поселения на иллирийском побережье не имели тесных связей с Македонией и в экономическом отношении были ориентированы на запад, вследствие чего можно было ожидать их упорного сопротивления и вмешательства римских войск. Поэтому версию о стремлении македонского правителя ликвидировать римский протекторат над Иллирией стоит поставить под сомнение.

Цели Филиппа в отношении Иллирии в конце Союзнической войны не касались римлян. При этом не следует говорить и о том, что он планировал установить собственный протекторат над этими землями. Его ближайшей заботой становилась война со Скердилаидом — нарушителем Общего Мира, напавшим на земли западной Македонии. Именно для борьбы со Скердилаидом, а не с Италией, как убедительно показал А. П. Беликов³¹, царь построил 100 лемб. Не для вторжения в Италию, а для защиты гречес-

³⁰ По сообщению Плутарха (*Plut. Aeth. Paul.*, 28), доходы македонских царей в сравнении с доходами Птолемеев и Селевкидов были невелики, они превышали установленную римлянами подать в 100 талантов всего в два с чем-то раза, т. е. составляли примерно чуть более 200 талантов в год. Правда Р. Эррингтон полагает, что эта цифра отражает лишь поземельный налог, а не всего государственного дохода Македонии: *Errington R. M. Geschichte Macedoniens: Von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches. München, 1986. S. 200.*

³¹ Беликов А. П. Рим и эллинизм... С. 63–64.

кого побережья от пиратов, борясь за свободу мореплавания, царь намеревался создать морские базы на западном побережье Балкан (предположительно, в Аполлонии и Навпакте).

Его устремления по-прежнему были обращены на Грецию. Некоторые исследователи даже полагают, что уже с приходом к власти Филиппа V начинается открытый македонский диктат в отношении Греции³², навсегда похоронивший все возможности подлинно независимого развития федеративной Эллады. Это утверждение не совсем верно. В союзе с Македонией греческие государства продолжали существовать и развиваться; зависимыми они стали лишь с появлением римского фактора. Филипп намеревался контролировать Грецию в качестве гегемона Эллинской лиги, борющегося за мирное и спокойное сосуществование греческих городов. Такая программа постоянно требовала реального подтверждения. По замыслу царя, начало реализации этих планов было положено Союзнической войной, в ходе которой царь убедительно продемонстрировал военное превосходство македонян над греками, лояльное отношение к союзникам и готовность к сотрудничеству. Теперь настало время перенести боевые операции из обессиленной и жаждущей мира Греции в другой регион; при этом новые военные действия должны были пойти во благо греческой торговле. Вероятно, фигура Скердилаида соответствовала «образу нового врага». С одной стороны, он запятнал себя грабежами, поэтому наказание его можно было представить как борьбу за греческие интересы. С другой стороны, Скердилаид нарушил договор с римлянами; вследствие этого македонский

³² *Briscoe J.* The Antigonids and the Greek states, 276–196 B. C. P. 153 f.; *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 64; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. T. 2. Nancy, 1979. P. 60.

правитель не ожидал их вмешательства. К сожалению, Рим, привыкший мыслить иными категориями, усмотрел в слишком активных действиях македонян угрозу своей восточной политике³³.

Можно привести еще один аргумент, подтверждающий отсутствие у македонского царя спешных планов завершения Союзнической войны. Согласно правилам международного права, сторона, выступающая инициатором переговоров о мире, должна была отправить к противнику глашатая³⁴, который выступал организатором «встречи на высшем уровне». Однако в случае с данной войной Полибий говорит лишь о международных посредниках — послых Хиоса, царя Птолемея и др. Примечательно, что при объявлении войны, наряду с официальным постановлением о ее начале, глашатай был использован — ахейцами и спартанцами (Polyb., IV, 25; 26, 7; 36, 1; 36, 6). Таким образом, ахейский историк подтверждает факт соблюдения греками принятых в международной практике правил. Что касается Клеоника, то автор не употребляет по отношению к нему подобный термин. Кроме того, глашатай должен был быть представителем

³³ Началом восточной политики Рима, по нашему мнению, вероятно, следует считать вторую Иллирийскую войну.

³⁴ В прежние времена вслед за формальным объявлением войны межгосударственные контакты осуществлялись с помощью глашатаев, а не послов, так как безопасность возвестителей защищалась несравненно надежнее. Особа глашатая считалась священной и неприкосновенной. Он пользовался возможностью свободно приближаться к кому бы то ни было даже без предварительной договоренности относительно перемирия, не подвергаясь при этом опасности угодить в плен: *Курилов М. Э.* Спартанская дипломатическая практика в VI—IV вв. до н. э. Автореф. ... к. и. н. Саратов, 1999. С. 9—10. О роли глашатая в эпоху эллинизма см.: *Кащеев В. И.* «Кегух» у Полибия // Из истории межгосударственных отношений в эпоху эллинизма. М., 1997. С. 31—80.

воюющей стороны, а вышеназванный Клеоник из Навпакта был пленным, хотя и ахейским прокшеном. Судя по тем сведениям, которые передает Полибий, он выступал в качестве «курьера», «посланца». Хотя случалось, что глашатай и прежде выполнял разные функции, в том числе и курьерские, все же он был должностным лицом конкретного государства. Посланник Филиппа им не был.

Таким образом, утвердившийся в историографии взгляд, что причиной завершения Союзнической войны стало намерение македонского правителя реализовать свою «западную программу», по нашему мнению, недостаточно обоснован. Война подошла к своему логическому завершению, которое и было оформлено миром в Навпакте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА И ИТОГИ ВОЙНЫ

Когда представители греческих государств собрались на совет, Филипп отправил к этолийцам Арата, Тавриона и еще несколько человек на переговоры (Polyb., V, 103, 1). Этолийцы предложили царю переправиться с войском на их территорию (Polyb., V, 103, 3). Филипп расположился лагерем недалеко от Навпакта, сюда же прибывали этолийские послы (Polyb., V, 103, 4–6). Для обсуждения мирных условий царь отправил к ним синедров (Polyb., V, 103, 7). Первое и основное положение будущего договора гласило, что каждая сторона останется при своих владениях (Polyb., V, 103, 7). Мир на принципах status quo, естественно, устраивал этолийцев. Далее последовало обсуждение частных вопросов (Polyb., V, 103, 8). Полибий сохранил информацию лишь о переговорах с Этолией. Вероятно, со Спартой и Элидой тоже был заключен мир¹. Допустимо предположение, что представители этих государств также присутствовали в Навпакте.

Полибий не сообщает подробностей ни о предъявленных к этолийцам требованиях, ни о процедуре принятия мирных условий. Как отметил ахейский историк, самым примечательным из выступлений послов было воззвание уроженца Навпакта Агелая, обращенное к македонскому царю и его союзникам (Polyb., V, 103, 9). Дословное изложение этой речи приводит Полибий (Polyb., V, 104):

¹ Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 388.

«Он [Агелай] говорил, что для элинов должно быть всего желаннее никогда не воевать друг с другом, что они должны вознести богам великую благодарность, если, пребывая в полном согласии, крепко взявшись за руки, как бывает при переправе через реку, они в состоянии будут отражать общими силами нашествие варваров и спасти свои жизнь и свои города. Если же вообще (τὸ παρὰπαν) это невозможно, то он желал бы, чтобы по крайней мере на этот раз (κατὰ γὰρ τὸ παρὸν) они соединились между собою и оберегали друг друга в такое время, когда на западе встали сильные полчища и возгорелась великая война. И теперь уже для всякого ясно, кто хоть немного разумеет в государственных делах, что, восторжествуют ли карфагеняне над римлянами, или римляне над карфагенянами, победитель ни в каком случае не удовольствуется властью над италийцами и сицилийцами, что он будет простираť свои замыслы и поведет свои войска далеко за пределы, в каких подобало бы ему держаться. Поэтому навпактиец Агелай убеждал всех, наипаче Филиппа, принять меры против грозящей опасности. Благоразумие внушает, чтобы он перестал обессиливать элинов (καταφθείρειν τοὺς Ἑλλήνας) и тем готовить в них легкую добычу для злоумышляющего врага, чтобы он, напротив, берег их как самого себя и вообще заботился о них, как о своем собственном достоянии (ὡς οἰκείων καὶ προσקרῖτων αὐτῷ). Таким способом действий, говорил он, Филипп стяжает себе благоволение элинов и найдет в них преданных пособников (βεβαίους συναγωνιστὰς) в своих предприятиях; тогда и иноземцы будут меньше посягать на его владычество, устрашаемые верным союзом с ним элинов. Если царь стремится к приумножению своих владений, то он советует ему обращать взоры на запад и зорко следить за нынешними войнами в Италии, дабы в положении мудрого наблюдателя выждать удобный момент и попытаться добыть себе всемирное владычество (τῆς τῶν ὄλων

ἀντιποίησασθαι δυναστείας). Настоящий момент благоприятствует таким стремлениям. Распри и войны с эллинами он убеждал царя отложить до времен более спокойных и позаботиться больше всего о том, чтобы сохранить за собой возможность заключать с ними мир или воевать по своему желанию. “Если царь допустит только, чтобы поднимающиеся теперь с запада тучи (τὰ προφαίονενα ὑβὶ ἀπὸ τῆς ἐσπέρας νέφη) надвинулись на Элладу, то следует сильно опасаться, как бы у всех нас не была отнята свобода мириться и воевать и вообще устраивать для себя взаимные развлечения, — отнята до такой степени, что мы будем вымаливать у богов как милости, чтобы нам вольно было воевать и мириться друг с другом, когда хотим, и вообще решать по-своему наши домашние распри”».

Точки зрения современных исследователей и на подлинность, и на конкретное содержание этой речи расходятся весьма существенно. С одной стороны, сам автор неоднократно в своем произведении подчеркивал теоретические принципы использования речей: историк свободен выбирать самые существенные речи среди массы находящегося в его распоряжении материала; он может сократить речь, чтобы сконцентрироваться на предметах первой необходимости, может воспользоваться собственными словами и фразеологией; но историк не имеет права искажать ее фактическое содержание, главные аргументы должны быть сохранены (II, 56, 10; III, 20, 1; XII, 25; XXIX, 12, 9–10; XXXVI, 1, 2–7). Однако Полибий далеко не всегда соблюдает провозглашенные им же самим правила написания истории. Вполне очевидно, что он вводил в речи персонажей собственные мысли и идеи. Если хотя бы одна из приведенных им речей будет признана фиктивной, то это даст повод ученым сомневаться и в отношении всех остальных свидетельств ахейского историка. Поэтому дискуссии вокруг выступления Агелая не утихают до сих пор.

Одни исследователи считают ее подлинной², другие приписывают ее фантазии Полибия³. Н. Хэммонд, например, полагает, что Агелай не мог с такой пронизательностью предвидеть будущее, поскольку до 217 г. греки практически не интересовались римскими завоеваниями. «Аудитория Агелая посчитала бы его паникером, а не практичным человеком»⁴. Полибий знал лишь о направленности речи, то есть о необходимости заключения мира, а остальное добавил от себя, поскольку автор относился к поколению, на деле видевшему бедственный результат эллинских разногласий.

В противовес Н. Хэммонду Ф. Уолбэнк утверждает⁵, что имеющаяся в нашем распоряжении речь этолийского посла восходит к современной Полибию записи. Однако в одной из более поздних работ его заявления уже не являются столь категоричными. Предположение о том, что греки сознавали неминуемость римского вторжения в Элладу вскоре после

² За подлинность речи, например, высказываются: *Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia*. Т. 2. Gotha, 1899. S. 460; *Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia* // *CAH*. Vol. 7. 1928. P. 768; *Walbank F. A historical commentary on Polybios*. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 629; *Pédech P. La méthode historique de Polybe*. P., 1964. P. 264; *Deininger J. Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland 217–86 v. Chr.* Berlin—N. Y., 1971; *Deininger J. Bemerkungen zur Historizität der Rede des Agelaos 217 v. Chr. (Polyb. 5, 104)* // *Chiron*. Vol. 3. 1973. S. 103–108.

³ *Mørholm O. The Speech of Agelaus at Naupactus 217 B. C.* // *Classica et Mediaevalia*. Vol. 28. 1967 (ersch. 1970). P. 240–253; *Mørholm O. The Speech of Agelaus again* // *Chiron*. Vol. 4. 1974. P. 127–132; *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia*. P. 391.

⁴ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia*. P. 391.

⁵ *Walbank F. Philip V of Macedon*. Hamden, 1940. P. 66; *Walbank F. A historical commentary on Polybios*. Vol. 1. P. 629.

завершения войны с Ганнибалом, он считает безосновательным, но допускает версию, что некоторые из греков могли верить в это; метафора о «тучах с запада» является отголоском существовавших у них опасений⁶. В. Тарн видит доказательство подлинности речи во враждебном отношении Полибия к этолийцам, полагая, что если бы речь не была аутентичной, историк никогда не вложил бы ее в уста этолийца⁷. Существует точка зрения о том, что идея панэллинского союза против римлян была весьма популярна в то время, а речь Агелая отражает подлинную антиримскую пропаганду, характерную для 217—199 гг.⁸

В качестве доказательства против аутентичности рассматриваемой речи можно подчеркнуть следующие моменты:

— во-первых, в 217 г. о Риме в греческом мире еще никто не думал; идея сцепления событий на Западе и на Востоке (I, 3, 4; IV, 28, 5; V, 31, 4—5; V, 104, 4—9) — кабинетная теория Полибия;

— во-вторых, упоминание о «карфагенской угрозе» (V, 104, 3) также является следствием рассуждений историка о неизбежности мирового господства победителя во второй Пунической войне (I, 3, 6; XV, 9, 2; XV, 10, 2);

— в-третьих, прослеживается много схожих элементов между этой речью и панэллинскими речами Ликиска и Фрасикрата (IX, 37 — 39; XI, 4—6);

— в-четвертых, бросается в глаза «резкий контраст между наступательными и оборонительными мотивами у Агелая»⁹. Почти такую же речь Юстин (29, 2, 9 — 3, 1)

⁶ *Walbank F.* Selected papers. Studies in Greek and Roman history and historiography. L.—N. Y., 1985. P. 257.

⁷ *Tarn W. W.* The Greek Leagues and Makedonia. P. 768.

⁸ *Deininger J.* Der politische Widerstand... S. 25 ff.

⁹ *Mørholm O.* The Speech of Agelaus at Naupactus 217 B. C. P. 240 ff. Критика его точки зрения: *Deininger J.* Bemerkungen zur

приписывает Филиппу, обращавшемуся к союзникам. В ней также упоминаются и опасность для Греции, и надвигающаяся с запада гроза: «Филипп говорил, что видит, как в Италии разрастается туча жестокой и кровопролитной войны; он видит надвигающуюся с Запада грозу...» (Just., 29, 3, 1). «На западе возвысились две новые державы — пунийцев и римлян, которых одно только удерживает от нападения на Грецию и Азию — они все еще воюют между собой за господство» (Just., 29, 2, 9).

Ф. Мищенко подчеркивал¹⁰, что речь Агелая в значительной мере принадлежит самому Полибию. Но при этом отмечал убеждение историка в возможности спасения Эллады под главенством Филиппа, если бы царь не походил на прочих македонских царей и был свободен от присущих самовластному владыке слабостей.

Практически все исследователи обращают внимание на панэллинские мотивы, звучащие в речи Агелая. Подобные идеи содержатся в речи Гермократа в Геле в 424 г. (Thuc., 4, 59–64); они были порождением сходной обстановки в 424 и 217 гг. Исократ в речи «Филипп» (V, 119 и 127) желал объединить всех греков для нападения на Персию¹¹. Мотив объединения греков перед лицом общего врага звучит и в речи акарнанского посла в Спарте Ликиска в 210 г. (Polyb.,

Historizität der Rede des Agelaos... S. 103–108. Контраргументы: Mørkholm O. The Speech of Agelaus again. P. 127–132.

¹⁰ Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994. С. 45.

¹¹ О поиске выхода из кризиса полиса и предложениях Исократы см., напр.: Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 50 сл.; Шифман И. Ш. Александр Македонский. Л., 1988. С. 11 сл.; Фролов Э. Д. Панэллинизм в политике IV века до н. э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 164 сл.; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 90.

IX, 37–39), родосца Фрасикрата, выступавшего в этолийском собрании в 207 г. с целью склонить Этолию к миру с Филиппом (Polyb., XI, 4–6), македонских послов к этолийцам в 199 г. (Liv., 31, 29, 12 sqq.). Причем три из названных — речи Агелая, Ликиска и Фрасикрата — переданы Полибием. На основании этого сопоставления у читателя вполне логично возникает вопрос, не являются ли они риторическими композициями ахейского историка. При этом одни исследователи признают более поздние речи сконструированными (в отличие от речи Агелая), а другие настаивают на аутентичности всех речей¹². Можно также отметить одну особенность при ответе ученых на вопрос о подлинности выступления Агелая: версии исследователей зависят от признания или непризнания ими планов завоевания Италии у Филиппа. Авторы, которые указывают на изменение внешнеполитического курса царя, как правило, признают и подлинность речи; их противники отрицают достоверность данных Полибия¹³. Однако, на наш взгляд, гораздо ближе к истине версия, рассматривающая все речи не как риторические упражнения ахейского историка, и не как

¹² Ф. Уолбэнк, например, признает подлинность всех речей: *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 629; Vol. 2. Oxford, 1967. P. 163, 275.* За то, что подлинной была лишь речь Агелая, а остальные сконструированы: *Pédech P. La méthode historique de Polybe. P. 264, 265, 268 ss.*

¹³ Самым характерным является противостояние мнений Н. Хэммонда и Ф. Уолбэнка. Н. Хэммонд не признает наличия «западной программы завоеваний» у Филиппа и, следовательно, отрицает подлинность речи Агелая: *Hammond N. C. The Macedonian State. Origins, institutions and history. Oxford, 1989. P. 337; Hammond N. C., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 391.* Точка зрения Ф. Уолбэнка прямо противоположная: *Walbank F. Macedonia and the Greek Leagues. P. 481; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 629.*

их подлинный пересказ, а как «политический анализ римско-греческих отношений»¹⁴.

Решая вопрос об аутентичности речей, нельзя не обратить внимание на позицию Арата на переговорах (Polyb., V, 103, 1). Полибий, сконцентрировавшись на выступлении Агелая, изменяет самому себе, не упомянув о предложениях ахейского стратега. Естественно, возникает вопрос, можно ли интерпретировать этот факт в пользу достоверности выступления Агелая, чье красноречие заставило историка сделать этолийца главным героем переговоров? Или он сознательно замалчивает мнение Арата, предложения которого не соответствовали замыслу произведения Полибия? Существует версия, что поскольку именно Арат затеял войну, то он должен был желать окончательного разгрома Этолийского союза, но его мнение Филипп уже не учитывал, ориентируясь в своей политике на Запад. Арат перестал числиться в числе ближайших советников царя, и его заботы выглядели мелочными на фоне так называемых «туч с Запада» (τὰ προφαίβομενα οὖν ἀπὸ τῆς ἑσπέρας νέφης)¹⁵.

В данном случае, однако, легко можно привести контр-аргументы. Полное уничтожение противника было совершенно не в греческих традициях. Если характеризовать действия обеих сторон на всех театрах Союзнической войны, то можно выделить тенденцию, общую для воюющих государств: противники ограничивались разорением территорий и захватом добычи. Ни одна операция не была доведена до полного разгрома врага, хотя возможность этого всегда существовала. Поэтому правильнее будет говорить, что Арат желал поражения противника в войне и его ослабления на

¹⁴ Eckstein A. M. Greek Mediation in the First Macedonian War, 209–205 B. C. // *Historia*. Bd. 50. Hft. 3. 2002. P. 296.

¹⁵ Golan D. *The Res Graeciae in Polybius. Four Studies*. Como, 1995. P. 59 ff.

международной арене. Это было достигнуто. Кроме того, военные годы не лучшим образом сказались на состоянии самого Ахейского союза; выявились противоречия и внутренний разлад между союзниками, поэтому стратег, вероятно, и не настаивал на продолжении боевых действий. Именно этими обстоятельствами объясняется прежде всего пассивность Арата на переговорах. Следует также помнить, что решение о заключении мира принимал не он, и даже не Филипп, а синедрион союзников. Поэтому молчание Полибия о роли Арата в Навпакте нельзя использовать как аргумент в пользу аутентичности речи Агелая.

Разбирая вопрос о подлинности речи или о невозможности принять на веру ее содержание, исследователь должен обратить внимание на фигуру оратора. Агелай дважды на протяжении войны упомянут Полибием. Первый раз (IV, 16, 10—11) автор называет его, наряду с Доримахом и Скопасом, организатором нападения на Кинефу в 220 г., закончившимся уничтожением города и его населения. Во второй раз (V, 3, 1) историк вспоминает о нем в 218 г., когда Агелай, опять же вместе со Скопасом и вспомогательными силами, был отправлен стратегом Доримахом в Элиду. Таким образом, представленный писателем нашему вниманию образ Агелая несколько не соответствует его пышной и цветистой речи. Перед нами предстает не выдающийся оратор, чей дар красноречия мог бы убедить друзей и врагов в надвигающейся угрозе с запада, а боевой командир, более склонный к солдатскому образу жизни, чем к риторическим рассуждениям и дипломатии. Следует обратить внимание на тот факт, что, как правило, государственный деятель той эпохи обладает каким-то одним талантом — либо военным, либо дипломатическим. Даже Арат — явно идеализируемая историком личность — был искусным дипломатом, но бездарным полководцем. Зато один из этолийских лидеров может у Полибия с одинаковым успехом и организовать военный

набег, и, при случае, продемонстрировать образец политического красноречия.

Возможно, данный случай как нельзя лучше подтверждает версию, что произносимые перед публикой речи воспринимались современниками, и в частности Полибием, как действие, тесно связанное с театральными представлениями. «“Театральное” поведение не является измышлением автора, оно представляет собой реальное явление, но в искаженном свете»¹⁶.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что вопрос об аутентичности речи Агелая можно решать до бесконечности. Вероятнее всего, приведенный образец красноречия принадлежит самому историку; оригинал был намного скромнее. Полибий, конечно, изменил эту речь, расставил нужные ему акценты. Ведь не следует забывать основную дидактическую идею его труда: показать, как Рим подчинил весь известный в то время мир, и научить греков пользоваться уроками прошлого в их отношениях с Римом (VIII, 10, 5–8; XII, 25, 8–9). Историк эффектно оттеняет тот момент, когда история разных стран начала сливаться во всеобщую. По мысли Полибия, оратор был призван подчеркнуть, что судьба греков зависела, с одной стороны, от Пунической войны, развернувшейся на Западе, а с другой стороны, от македонской политики и от выбора самого Филиппа¹⁷. Скорее всего «мировое господство Филиппа», «тучи с Запада» и тем более римско-карфагенские отношения — это эффектные, «театрализованные» построения, которые использовал историк для более доступного понима-

¹⁶ Подробнее см.: Ханиотис А. Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире // *Antiquitas aeterna*. Вып. 1: Эллинистический мир. Казань, 2005. С. 155–190.

¹⁷ Pédech P. La méthode historique de Polybe. P. 506.

ния читателями его основной идеи¹⁸. Но в словах Агелая высказана одна главная идея, надежды на которую были еще весьма высоки в греческом мире. На наш взгляд, ее подлинность в речи можно признать безоговорочно. Поэтому нам представляется гораздо более важным, чем решение вопроса об аутентичности речи Агелая в целом, рассмотреть именно эту мысль. Речь идет о сохранении Общего Мира в Греции.

Вспомним тот факт, что Агелай обращается к македонскому царю и его союзникам по Эллинской лиге, в договоре которой идея Общего Мира была закреплена официально. Договор об Общем Мире играл большую роль в политике Филиппа V в первые годы его правления и, соответственно, в ходе войны. Остановимся на этом несколько подробнее.

В 224 г. в ходе Клеоменовой войны между Ахейским союзом и Спартой по инициативе ахейского стратега Арата был образован Эллинский союз. По характеру эта лига была *συνδικα*, о чем Полибий неоднократно заявляет¹⁹. Но наряду с военным союзом историк упомянул и общеэллинский мир — *κοινὴ εἰρήνη* (IV, 3, 8). Едва ли автор имел в виду особый тип договора. По мнению немецкого исследователя Мартина Йене²⁰, договор об Общем Мире давно исчерпал себя, поскольку такой тип договора не принес в IV в. стабильности в греческие полисы. Думается, что в конце III в. это обстоятельство было учтено элинами при заключении договора с Македонией. Скорее всего, проводя аналогию с

¹⁸ Спектакли и зрелища в эллинистический период окончательно завоевали внимание жителей городов. В сущности, эллинистические города стали городами зрителей: Ханиотис А. Театральность вне театра. С. 188.

¹⁹ *συνδικα*: Polyb., IV, 9, 4; 15, 2; 16, 1; 23, 6; *κοινὴ συνδικα*: Polyb., IV, 9, 2; 24, 5; 24, 6; 29, 7; 55, 2.

²⁰ Jehne M. Koine eirene. Stuttgart, 1994.

союзами 338 и 302 гг., основанных соответственно Филиппом II и Антигоном Одноглазым, мы можем предположить, что во всех этих лигах имело место включение в договор о военном союзе нескольких положений из договора об Общем Мире²¹.

Характерными условиями Общего Мира являются следующие²²: 1) запрещение междоусобных конфликтов, 2) автономия греческих государств, 3) гарантия помощи в случае нарушения мира, 4) борьба с пиратством. Привлекая свидетельства Полибия, можно утверждать, что все перечисленные условия были включены в договор 224 г. (Polyb., IV, 3, 8; 15, 2; 16, 5; 24, 5). Столь широкие уступки грекам со стороны македонского царя вполне объяснимы. На момент заключения союза Антигон Досон фактически не контролировал Грецию, а в 224 г. ему представилась заманчивая перспектива вновь распространить свое влияние южнее Фермопил. Однако, если он желал закрепиться в Греции, то на первых порах должен был проводить политику, не вызывавшую недовольства новых союзников. Столь осторожное закрепление достигнутых успехов требовало много времени и сил²³. Погибнув вскоре после заключения договора, македонский царь не успел показать свои истинные намерения. Неудивительно, что и впоследствии греки вспоминали Антигона как «правителя мягкого и справедливого» (Polyb., II, 47, 4; 64, 6; 70, 1; 70, 7; IV, 87, 6; V, 9, 9 sqq.; Liv., 32, 21 и 25).

Традиционно считается, что новый македонский царь Филипп V, вступивший на престол после неожиданной

²¹ Perlman S. Greek diplomatic tradition and the Corinthian league of Philip of Makedon // *Historia*. Bd. 34. 1985. P. 153–174.

²² Ibid.

²³ Will E. *Histoire politique du monde hellénistique*. T. 2. 1979. P. 60.

смерти Антигона, проводил в отношении греков менее гибкую политику: при нем македонский диктат принял довольно жесткие формы²⁴. Такое мнение на первый взгляд выглядит вполне уместным: в качестве доказательства обычно приводят сообщения Полибия о нарушениях царем некоторых условий Общего Мира. Но несмотря на эту господствующую в литературе точку зрения, есть все основания утверждать, что на первом этапе правления Филиппа идеи Общего Мира нашли реальное отражение в его политике; нарушителями же этих условий были, главным образом, сами греки. Следует соотнести провозглашенные принципы с действиями македонского царя и греков. Только такое сопоставление позволит говорить, были ли эти условия фикцией или реальностью.

Основное обвинение в адрес царя касается нарушения свободы и автономии греческих городов²⁵. Но не следует

²⁴ *Briscoe J. The Antigonids and the Greek states, 276–196 B. C. // Imperialism in the Ancient World. Cambridge, 1978. P. 153 f.; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. С. 64. Э. Виль (Will E. Histoire politique du monde hellénistique. Т. 2. 1979. P. 60) указывает на темперамент Филиппа, его гордость и гневливость, что слишком часто влекло за собой опрометчивые поступки. Напротив, В. И. Кашеев считает, что политика Филиппа V отличается от шагов его предшественников; при нем в области освобождения греков велась довольно активная работа, хотя в значительной мере и чисто пропагандистская: Кашеев В. И. Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III–II вв. до н. э.) // Античный мир и археология. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 43.*

²⁵ Еще в классический период эти термины традиционно упоминаются вместе. Исследователи разграничивают их так: понятие «свобода» определяется как «суверенность государства, соответствующая природе», а «автономия» как «суверенность государства, гарантированная другими полисами». Автономия означает

забывать, что к концу III в. изменилось само понятие «автономии»: оно превратилось фактически в средство пропаганды. Еще во времена борьбы диадохов лозунг «свободы» греков стал традиционным в программах претендентов на роль «союзников» эллинов. Т. Райдер даже утверждал²⁶, что провозглашение автономии греков стало чисто тактическим маневром спорящих диадохов; греки же обычно возлагали надежды на нового соперника, которого еще не знали. С подобным демагогическим заявлением выступил в 319 г. Полиперхонт, сменивший Антипатра на посту регента (Diod., XVIII, 56 sq.; Plut. Phoc., 32.1). В 315 г. Антигон Одноглазый, находясь около Тира, провозгласил всех греков ἐλευθέρους, ἀφρουρήτους, αὐτονόμους (Diod., XIX, 61, 2). После этого шага Антигона его враги вынуждены были провозглашать то же самое, и в 311 г. «свобода» греков была подтверждена в соглашении диадохов (Diod., XIX, 105, 1). С 307 г. Деметрий Полиоркет «освобождал» греческие полисы по приказу отца (Diod., XX, 45, 1). Но на деле «свобода» городов часто зависела от военной обстановки и удачливости диадохов. Так в 310 г. Птолемей, рассчитывая на поддержку греков, обвинял Антигона в нарушении провозглашенной им ранее нормы. Надписи III в. часто включают ставшие уже техническими термины — ἐλευθερία, αὐτονομία, δημοκρατία, ἀφορολογία. Однако из всей династии Антигонидов они зафиксированы только для

свободу государства вести свои собственные дела, т. е. избирать магистратов, изменять и вводить законы, устанавливать государственный строй, не навязанный извне. Однако уже в V в. провозглашение «свободы» и «автономии» нередко носило декларативный характер. Подробнее об этом см.: *Строгоцкий В. М. Полис и империя в классической Греции*. Н. Новгород, 1991. С. 74 сл.

²⁶ *Ryder T. T. B. Koine Eirene*. P. 110 ff.

Филиппа V²⁷. Причина этого кроется в плохой сохранности источников.

Кроме того, и прежде случалось, что в полисе, считавшемся «свободным», был устанавлен гарнизон²⁸. Такая ситуация существовала не только в союзе Филиппа II или в лиге 302 г. Понятие «свободы» не исключало присутствие иностранных гарнизонов в наиболее важных пунктах Греции уже во времена Первого Афинского морского союза²⁹. Сами ахейцы с некоторыми полисами обходились не как с равноправными членами федерации, а как с зависимыми общинами. Пока они владели Коринфом, в Акрокоринфе стоял гарнизон из «ахейцев», на подмогу им во время Клеоменовой войны посылались всадники и наемники для предотвращения возможного мятежа (Polyb., II, 52, 4; Plut. Arat., 24, 1; 40, 5; Cleom., 17, 7). Когда Филипп V в 218 г. передал союзникам захваченную Псофиду, в город был введен ахейский гарнизон (Polyb., IV, 72, 9). Во главе Кинефы и Псофиды были поставлены полномочные представители союза с титулом *στρατηγὸς τῆς πόλεως* (Polyb., IV, 17, 5; 72, 9). Очевидно, прав Ф. Г. Мищенко, заявляющий, что степень свободы полисов Ахейского союза была неодинаковой³⁰. В кризисной ситуации, в сложной обстановке обычные нормы взаимоотношений союза и полиса соблюдать было трудно³¹. Но фактически то же самое оправдание можно применить и к лиге Филиппа V.

Естественно, что в союзе 224 г., так же как в предшествовавших организациях, условие, запрещающее введение

²⁷ Кащеев В. И. Лозунг освобождения греков... С. 43.

²⁸ Briscoe J. The Antigonids and the Greek states, 276–196 B. C. P. 149.

²⁹ Строгоцкий В. М. Полис и империя... С. 85, 88.

³⁰ Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий. С. 130.

³¹ Сизов С. К. Ахейский союз. М., 1989. С. 76.

в города гарнизонов, соблюдалось не полностью. Македонские гарнизоны по традиции находились в стратегически важных пунктах Греции — в Коринфе (Polyb., II, 52, 4; 54, 1; IV, 6, 5; XVIII, 11, 5; 45, 5; Plut. Arat., 16; Liv., 32, 16, 18), в Халкиде на Эвбее (Polyb., XVIII, 11, 5; 45, 5), в Деметриаде (Polyb., XVIII, 11, 5; 45, 5); возможно, в Орее и в Эретрии (Polyb., XVIII, 45, 5, Liv., 32, 16, 12), а также в Орхомене (Polyb., IV, 6, 6; Plut. Arat., 45). Согласно недавним находкам, можно утверждать, что македонский гарнизон находился еще в одном пункте восточной Локриды, в Кине³². Там был найден военный устав гарнизонной службы, идентичный известному ранее из Халкиды. Находка такого документа придает этому населенному пункту стратегическую значимость и позволяет предположить, что подобные тексты имелись и в других крепостях, удерживаемых македонскими силами³³. Три города — Коринф, Деметриада и Халкида — были так называемыми «цепями Элады» в силу своей значимости для македонского царя. Но следует указать и на то, что многие гарнизоны, например на Эвбее, появились в городах только в ходе военных действий — в период Союзнической войны 220—217 гг. Поскольку после окончания этой войны Филипп V был втянут в конфликт с римлянами, условия военного времени продолжали оправдывать существование гарнизонов в греческих городах. Примечателен тот факт (Liv.,

³² Полибий упоминает Кин в рассказе о кампании 219 г. (Polyb., IV, 67, 6—7), когда Филипп переправился из Фессалии на Эвбею, оттуда достиг Кина, а затем через Беотию и Мегариду подошел к Коринфу. Возможно, именно тогда в Кин был введен македонский гарнизон.

³³ Hatzopoulos M. B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes, 2001. P. 29 ss.

33, 31, 11), что после поражения во второй Римско-македонской войне Филипп потерял все греческие крепости. Коринф был передан ахейцам, но в Акрокоринфе остался римский гарнизон. Халкиду и Деметриаду римляне оставили за собой, мотивируя этот шаг тем же обстоятельством, которое прежде использовал македонский царь: приближалась новая война — с Антиохом.

Как известно, от потери автономии недалеко было и до потери союзниками свободы. Именно в этом направлении, по мнению греков, действовал македонский царь. Справедливости ради стоит отметить, что эллинские лидеры поступали аналогично македонским. Приведем лишь одно свидетельство из греческой истории. В ответ на обвинение Перикла в том, что господство афинян над союзниками подобно тирании (Plut. Per., 12, 1), тот не только согласился с этим утверждением, но и доказывал правомерность, законность и неизбежность такого господства, подчеркивая вместе с тем, что отказываться от этого господства тем более опасно (Thuc., II, 62, 1–3). Если сравнить положение афинских союзников при Перикле и членов Эллинской лиги в период Союзнической войны, то можно с уверенностью утверждать, что греки обладали бóльшей автономией при Филиппе V, чем при Перикле.

Не следует оставлять без внимания и то обстоятельство, что македонский царь был не единственным претендентом на чужие земли. Известно, что в ходе Союзнической войны Филипп по настоянию эпиротов летом 219 г. прошел через Фессалию в область амбракиотов и осадил хорошо укрепленный Амбрак. По версии Полибия, на захвате крепости настаивали эпироты (Polyb., IV, 61, 5 и 8), хотя ахейские интересы требовали вторжения македонской армии в Этолию (Polyb., IV, 61, 3). Осада продолжалась более сорока дней (Polyb., IV, 63, 2). За это время этолийцы не только продолжали успешные операции в Пелопоннесе, но

даже, воспользовавшись моментом (κατὰ τὸν καιρὸν τοῦτον), отправили войско под командованием Скопаса в Македонию³⁴ (Polyb., IV, 62, 1–2). Однако этот набег не отвлек македонян от осады: результатом ее стал захват Амбрака и передача его эпиротам (Polyb., IV, 63, 3).

Затем в ходе той же кампании Филипп захватил Эниады и укрепил их, оценив стратегическое положение города и его преимущества. При этом, покидая город, царь, вопреки ожиданию, не оставил здесь гарнизона (Polyb., IV, 65, 8–66, 4). Несколько позднее, во время летней кампании 218 г., македонский царь предлагал элейцам заключить с ним сепаратный мир. При этом он обещал сохранить их ἐλευθέρους, ἀφρουρήτους, αὐτονομούς (Polyb., IV, 84, 5). Таким образом, едва ли можно говорить, что Филипп V полностью игнорировал автономию греческих городов.

Можно отметить еще один факт, свидетельствующий об уважении к союзникам македонского правителя. Речь идет об обвинениях, выдвинутых в 219 г. Аратом против Апеллеса. Суть их сводилась к тому, что ахейским войскам не предоставили их долю в добыче, ахейских солдат по приказу Апеллеса изгоняли с постоя и даже применяли к ним телесные наказания. В ответ царь заверил Арата, что подобное больше не повторится, а Апеллесу приказал все дела улаживать только через ахейского стратега (Polyb., IV, 76). Этот незначительный инцидент интерпретируется Полибием как демонстрация злых планов Апеллеса против независимых ахейцев. Но для нас в данном пассаже более важен ответ царя. Несмотря на неэффективность ахейцев в военных действиях, Филипп признавал важность сохранения союза с ними.

³⁴ В числе испытавших нашествие был Дий; грабежу подвергся храм Зевса (Polyb., IV, 62, 2; V, 9, 1; 9, 6; 11, 2; 11, 8).

Другим условием Общего Мира была гарантия свободы мореплавания (Polyb., IV, 3, 8). Однако Македонию нельзя обвинить в нарушении этого пункта договора. Напротив, пиратство было неотъемлемой стороной именно эллинской жизни³⁵ и часто относилось к сфере политики, а не частных преступных деяний. Опыт судовождения и преимущества легкого типа кораблей делали пиратских лидеров привлекательным объектом для вербовки и выполнения специальных операций. Пират воспринимался как безработный наемник. При этом чем более компетентен он был в своем деле, тем больше оснований было взять его на службу. Греческие государства использовали пиратов в своих кампаниях, поддерживали их материально и предоставляли место для базирования. В борьбе с пиратами все эллинистические цари не оказывали никакой помощи грекам; более того, все они были в дружественных отношениях с предводителями пиратов³⁶. Вероятно, македонского царя можно было бы упрекнуть в тесных связях с иллирийскими пиратами. Но даже дружественное расположение к иллирийцам, которые не отличались стремлением придавать своим действиям законный вид, было продиктовано стратегической необходимостью и не ставило Филиппа в экстраординарное положение по сравнению с другими правителями.

Накануне Союзнической войны иллирийцы под командованием Скердилаида выступили на стороне этолийцев против ахейцев (Polyb., IV, 16, 6–11; 29, 6). Но Филипп смог привлечь иллирийцев на сторону Эллинской лиги, они даже были включены в ее состав (Polyb., IV, 29, 7). Таким

³⁵ О роли пиратов см.: *Davies J. K. Cultural, social and economic features of the Hellenistic world // CAH². Vol. 7. 1984. P. 285 ff.*

³⁶ *Тарн В. Эллинистическая цивилизация. С. 100; Cary M. A history of the Greek World... P. 242; Davies J. K. Cultural, social and economic features... P. 287.*

образом, по формальным причинам, Филиппа нельзя обвинить в пособничестве пиратам. Более того, македонские корабли неоднократно становились объектом захвата со стороны как этолийских (Polyb., IV, 6, 1), так и иллирийских пиратов (Polyb., V, 108, 1–2). Запрещение пиратства в договоре 224 г. было направлено прежде всего против этолийцев. Они отличались тем, что даже в мирные годы грабили суда любого государства в любое время и без какого бы то ни было «права» на это. Другие государства использовали пиратов лишь в том случае, если правительство в период войны санкционировало эти действия. Можно также привести мнение Дж. Ларсена, который считает, что «пиратство к 224 г. уже не было пиратством в полном смысле слова, это был захват товаров в качестве компенсации за предполагаемые беззакония»³⁷. Для этолийцев же пиратство было источником дохода.

Так, например, накануне Союзнической войны Доримах, разведав дела в Пелопоннесе, подтолкнул этолийцев к вторжению в Мессению «напоминанием о добыче, предстоящей им в мессенской земле, беззащитной и во всем Пелопоннесе единственной, нетронутой в предыдущей войне» (Polyb., IV, 3, 5). Естественно, что временное прекращение грабительских рейдов, связанное с заключением в 224 году договора о создании Эллинской лиги, вызвало в Этолии недовольство (Polyb., IV, 3, 8–9). Полибий сообщает, с каким восторгом этолийцы встретили сообщение о возобновлении традиционной политики (Polyb., IV, 3, 6). В нашем источнике есть еще одно любопытное упоминание событий накануне войны (IV, 6, 4): этолийцы захватили форт Кларий в мегалопольской области, который был отбит войском стратега Тимоксена и отрядом Тавриона. Примечателен не сам факт

³⁷ Larsen J. A. O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968. P. 210 f.

агрессии, а то обстоятельство, что нападение не было воспринято союзниками как экстраординарное явление, требующее урегулирования на официальном уровне. По мнению Дж. Ларсена³⁸, причина кроется в том, что налетчики были частными лицами, и борьба с ними входила в сферу деятельности Тавриона.

В ходе войны Филипп пытался покончить с морским разбоем, которым занимались жители Кефаллени³⁹, но цель не была достигнута. После окончания Союзнической войны опять же македонские земли пострадали от вторжения бывших союзников — иллирийских пиратов под предводительством Скердилаида (Polyb., V, 108, 1–2). Он же захватил и несколько македонских кораблей. Полибий в качестве причины набега называет недовольство иллирийцев полученной платой за участие в Союзнической войне (Polyb., V, 95, 1). Пожалуй, это лучшее свидетельство в пользу соблюдения условий Общего Мира македонским царем, который, видимо, не позволил союзнику заниматься пиратством даже в ходе войны.

Полибий в одном пассаже утверждает, что Филипп, планируя войну с римлянами, намеревался сначала покончить с делами в Иллирии (Polyb., V, 108, 3–4). Вполне вероятно, что это заявление следует истолковывать не в смысле захвата иллирийских территорий, а как борьбу с отрядом Скердилаида, т. е. борьбу с пиратами (хотя царь вынужден был отказаться от этого плана). Таким образом, македонский царь и после Союзнической войны продолжал придерживаться идей Общего Мира.

³⁸ Larsen J. A. O. Rev.: Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957 // Cl. Ph. Vol. 53. № 4. 1958. P. 250.

³⁹ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1980. С. 253.

Следующий пункт договора касался запрещения военных действий между участниками союза и помощь членов лиги пострадавшему от нападения. Вероятно, именно это условие подразумевается у Полибия (IV, 16, 5). Он сообщает, что лакедемоняне обязались воздерживаться от всяких неприязненных действий против македонян и Филиппа. В случае нападения на одного из союзников потерпевший мог обратиться за помощью катὰ τὰς ὁμιλοῦσας (Polyb., IV, 15, 2). В другом пассаже, в речи Филиппа (IV, 24, 5), проводится положение, что наказание от имени симмахии должно следовать лишь за обиды, которые касаются всего союза. Но и в данном случае македонского царя нельзя обвинить в нарушении условий Общего Мира. Напротив, он как гегемон лиги вынужден был вмешаться в чуждый ему конфликт между ахейцами и этолийцами и начать Союзническую войну⁴⁰.

Филипп и до объявления войны старался сохранить мир в Греции (Polyb., IV, 16, 2—3), и в ходе военных действий стремился принудить Этолийский союз к соблюдению Общего Мира. Это желание объясняет и тот факт, что в состав делегации, заключавшей мир с этолийцами, вошел Таврион (Polyb., V, 103) — македонский представитель в Пелопоннесе, наблюдавший за сохранением Общего Мира в данном регионе⁴¹.

⁴⁰ За объявлением войны стоял глава Ахейского союза Арат; Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1980. С. 251; Fine J. The Background of the Social War of 220—217 B. C. // *AJPh*, Vol. 61. 1940. P. 150 ff.; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 453.

⁴¹ Титул Тавриона — ὁ ἐπὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ βασιλικῶν πραγμάτων καταλελειμμένος (Polyb., IV, 6, 4) — следует сопоставить с наименованием так называемых «стражей мира» в союзе Филиппа II — οἱ ἐπὶ τῇ κοινῇ φυλακῇ τεταγμένοι (Ps.-Dem., XVII, 15). Можно говорить о существовавших между этими должностями.

В 218 г. Филипп пытался заключить союз с элейцами, пообещав защитить их от внешних врагов. Они должны были стать свободными (ἐλευθέρους), избавленными от гарнизонов (ἀφορολογήτους) и жить по своим государственным установлениям (τοῖς ἰδίοις πολιτεύμασι — Polyb., IV, 84, 5). По мнению Ф. Уолбэнка⁴², македонский царь таким путем добивался присоединения Элиды к Эллинской лиге, но его попытка не удалась (Polyb., IV, 84, 6—9). Если оставить в стороне политические планы царя, то его предложение свидетельствует как о существовании условий Общего Мира в договоре лиги, так и о стремлении Филиппа к их соблюдению.

Итоги Союзнической войны были успешны, так как Этолия была нейтрализована, ее пиратские набеги на греческие территории прекратились. Таким образом, можно утверждать, что Филипп V на начальном этапе своего правления по мере возможности старался соблюдать условия Общего Мира. Он видел неоспоримое преимущество в сохранении спокойствия в Греции, пока Македония наращивала силы для реализации новых замыслов молодого царя.

В связи с вышесказанным речь Агелая и его идея о необходимости Общего Мира показывает, что этолийцы готовы были не только считаться с этим условием, косвенно

ми отличиях. В союзе 338 г. «стражем» мог стать любой македонский офицер, который получал чрезвычайные полномочия для проведения какой-то одной акции, но после ее завершения офицер слагал с себя полномочия «стража». В союзе 224 г. Таврион, располагая такими полномочиями, был назначен не для выполнения какой-то одной операции, а на длительный срок и в конкретный регион. Поэтому должность Тавриона в отличие от положения «стража» в Коринфской лиге, была более ответственна: на такой пост уже нельзя было назначить любого офицера. Таврион входил в ближайшее окружение македонского царя.

⁴² Walbank F. Philip V of Macedon. 1940. P. 49.

послужившим одной из причин к началу Союзнической войны, но и соблюдать его. Фактически они таким образом признавали себя побежденной стороной. Недаром после заключения мира⁴³ в Навпакте они стали проявлять недовольство, как указывает Полибий, тем обстоятельством, что договор «отрезал им все пути добычи на стороне и отнял у них всякую надежду на будущее» (V, 107, 6). Поэтому, с нашей точки зрения, основным пунктом договора было не столько условие *status quo*, о котором пишет Полибий (V, 103, 7—8)⁴⁴, тем более что территориальные изменения все таки имели место, а именно новая попытка установления Общего Мира в Греции, гарантом которого по-прежнему выступал македонский царь и его армия.

Что касается изменения границ, то Этолийский союз понес некоторые потери, но мощь их федерации не была уничтожена; этолийцы сохранили влияние в Дельфах. Амрак отошел к Эпиру (Polyb., IV, 63, 3), Эниады — к Акарнании, к ней же — Фтии и, видимо, остатки Метрополя (Polyb., IV, 63, 8; 64, 3), Фтиотидские Фивы — к Македонии. Ахейский союз приобрел Псофиду (Polyb., IV, 72, 9), Ласий (Polyb., IV, 73, 2) и небольшие крепости, такие как Страт (Polyb., IV, 73, 2) и Тейхос (Polyb., IV, 83, 5). Фигаля, вероятно, теперь также контролировалась ахейцами (Polyb., IV, 79, 5)⁴⁵. В их сферу влияния вошла и Мессе-

⁴³ Мир был заключен до осеннего равноденствия этого года, то есть в конце лета 217 г. или, самое позднее, в начале сентября: SVA, III, 520.

⁴⁴ Polyb., V, 103, 7—8: Τὸ μὲν οὖν πρῶτον ὁ βασιλεὺς πάντας ἐξέπεμπε τοὺς ἡκοντας παρὰ τῶν συμμάχων, κελεύσας ἐπὶ τούτοις προτείνειν τὴν εἰρήνην τοῖς Αἰτωλοῖς ὥστ' ἔχειν ἀμφοτέρους ἂ νῦν ἔχουσιν· δεξαμένων δὲ τῶν Αἰτωλῶν ἐτοίμως, τὸ λοιπὸν ἤδη περὶ τῶν κατὰ μέρος συνεχεῖς ἐγίνοντο διαποστολαὶ πρὸς ἀλλήλους...

⁴⁵ SVA, III, 520; Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 2. P. 58.

ния, хотя и ненадолго⁴⁶. Трифилия, Алифера и Герея остались за Македонией⁴⁷.

Наибольшую выгоду по итогам войны получили Македония и Ахейский союз. Ахейцы в боевых операциях проявили себя только в последний год войны, однако, благодаря Филиппу, получили контроль над значительными территориями. Поэтому не вполне правы те исследователи, которые считают, что единственным победителем в войне была Македония⁴⁸. Действительно, с одной стороны, можно говорить о столь серьезном проникновении Македонии в Грецию, что это означало фактически восстановление их прежнего влияния, утраченного ранее в ходе Деметриевой войны. Но с другой стороны, перечисленные стратегически важные пункты — это ключевые крепости на границах лиги. И находились они под контролем не одной Македонии, но и ее союзников. Гавани на западном побережье Греции и попытка Филиппа создать там базы для македонского флота не следует рассматривать как свидетельства подготовки царя к вторжению в Италию. Филипп заботился прежде всего о соблюдении Общего Мира, морские базы были необходимы для борьбы с пиратством, процветавшим именно в западных водах. Союзники, таким образом, не были отстранены от общегреческих проблем, поэтому нельзя согласиться с мнением Ф. Уолбэнка⁴⁹, что симмахия фактически стала отожд-

⁴⁶ *Roebuck C. A. A history of Messenia from 369 to 146 B. C.* Chicago, 1941. P. 80 f.

⁴⁷ В 208 г. Филипп вернул Герею, Трифилию и Алиферу ахейцам: *Liv.*, 28, 8, 6. Однако Ф. Уолбэнк считает, что это было лишь обещание, на самом же деле царь возвратил Трифилию и Герею только в 199 г. (*Liv.*, 33, 5, 4): *Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 2. P. 606.*

⁴⁸ *Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia.* P. 384, 389.

⁴⁹ *Walbank F. Aratus of Sicyon.* P. 153 ff.

дествляться с македонским царем. Вероятно, таким было желание Филиппа, но ему, как показали последующие события, не удалось его реализовать.

Эллинский союз 224 г. оказался прочнее предшествовавших греко-македонских объединений 338 и 302 гг. Сформировалось ядро «Соединенных Штатов Греции», и желание мира среди греков возросло⁵⁰. Основным следствием этой войны стали шесть лет мира как между греческими государствами, так и между Грецией и Македонией. При этом нет никаких свидетельств нарушения установленных условий македонским царем⁵¹. Следующая война, изменившая сложившийся баланс сил, шла уже с участием Рима.

⁵⁰ Cary M. A history of the Greek World... P. 166.

⁵¹ Eckstein A. M. Greek Mediation in the First Macedonian War... P. 272 f. О нарушениях Общего Мира в период 217–211 гг. см.: Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. P. 390.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Противоречия конца двадцатых годов III в. вылились в так называемую Союзническую войну 220–217 гг. Участие в ней приняли две крупнейшие федерации того времени — Этолийский и Ахейский союзы, а также Македония, вмешавшаяся в этот конфликт в силу союзнических обязательств перед ахейцами. Македонский царь Филипп V, являясь гегемоном Эллинской лиги, возглавил общее руководство военными кампаниями, определял стратегию и тактику в этой войне. Политический портрет царя Филиппа, созданный Полибием, прочно закрепился в историографии. Но ахейский историк изобразил предпоследнего царя Македонии как правителя, жестко диктующего свои требования грекам, как поработителя Эллады. Причина столь неприязненного отношения Полибия к царю кроется в ахейском патриотизме историка и в дидактических целях его «Всеобщей истории». Однако эпиграфические открытия последних лет должны восстановить справедливость и вернуть этому правителю заслуженное место в греческой истории.

Филипп V оказался в гораздо более сложной ситуации, чем его предшественники на троне. Став правителем в семнадцать лет, он не пользовался достаточным авторитетом у союзников по Эллинской лиге, чтобы стать признанным гегемоном и самостоятельно определять политику союза. Последняя роль принадлежала ахейскому стратегу Арату, который, оказывая влияние, а иногда и прямое давление на молодого царя, надеялся руками македонян решать проблемы Ахейской федерации. Едва ли кто из греков мог предположить, что в этом юном правителе кроется талант пол-

ководца и политика, достойный знаменитых царей Филиппа II и Александра Македонского. Союзническая война в полной мере раскрыла его способности.

Установление македонского контроля над Грецией, от которого не отказывался ни один Антигонид, не могло идти прежним, насильственным путем. Поэтому Филипп V предпочел иные методы подчинения Эллады. Он планировал использовать в своих интересах договор Общего Мира. Весь начальный период своего правления, до вмешательства римлян в дела Эллады, он посвятил реализации этого грандиозного замысла. Именно македонский царь в этот период стал тем лидером, который желал мирного сотрудничества в рамках общей с греками организации и прилагал немалые усилия для установления мира на Балканах. К сожалению, царю не хватило времени реализовать свои идеи в полной мере. Он слишком поздно понял исходившую от римлян угрозу. Поэтому, хотя история не любит сослагательного наклонения, возможно, не будет слишком опрометчиво с нашей стороны утверждать, что если бы римляне вмешались в греческие дела лет на десять позднее, то они встретили бы совершенно иную картину — объединенную под эгидой Македонии Грецию, выступавшую единым фронтом против общего врага.

Греческие государства — члены лиги не были послушными сателлитами Македонии. Царю приходилось действовать осторожно, избегать силовых методов, взывать к мирным настроениям греков. Подобная задача изначально ставила перед гегемоном Эллинской лиги серьезные проблемы. С одной стороны, распространение его власти не должно было восприниматься греками как акт агрессии. С другой стороны, Филипп практически сразу был втянут в Союзническую войну и привел на греческие земли македонское войско. Кроме того, опора на зажиточные слои населения в городах требовала подавления социальных движений. Но организовать этот шаг без применения силы было невозможно. Стремле-

ние руководить лигой единолично наталкивалось на сопротивление ахейского стратега, на которого ориентировались многие партнеры по союзу. Выход из столь трудной ситуации был найден царем именно в ходе военных действий.

Война с самого начала приняла затяжной характер, обусловленный традиционной этолийской тактикой нанесения отдельных ударов по врагу. Ахейцы возложили основную тяжесть военного бремени на Македонию. Однако силы последней были рассчитаны, скорее, на проведение решающего генерального сражения, от которого этолийцы весьма успешно уклонялись. В результате вся война распалась на ряд локальных кампаний, причем совместные действия союзников зафиксированы лишь для отдельных операций.

Тактика Македонии в первый год войны заключалась в постепенном продвижении македонских сил по западным областям Греции и укреплением их в стратегически важных районах. К числу достижений этого периода относится приобретение Эниад — крупного порта, из которого можно было контролировать северное побережье Коринфского залива. Осторожная тактика Филиппа в этот период объясняется неуверенностью царя в себе, он впервые самостоятельно командовал столь серьезными силами. Начиная со следующей кампании македонский царь показал себя талантливым полководцем, способным трезво оценивать возможности своей армии в каждой конкретной ситуации. Самым неожиданным и удачным предприятием стал поход в 218 г. на Ферм — этолийский союзный центр. Все македонские вторжения в Этолию в прежние годы были неудачными. Филипп столь мастерски провел эту операцию, что этолийцы были готовы пойти на заключение мира и отказались от этой мысли лишь из-за дворцовых интриг и смут при дворе македонского царя, которые внушили им определенные надежды. Можно утверждать, что в этой войне Филипп весьма успешно подражал Александру Македонскому, не уступая ему в отдельных слу-

чаях ни в скорости передвижения, ни во внезапности удара, ни в использовании отвлекающих маневров, что обусловило удачу практически всех его начинаний.

Однако перед Александром и Филиппом V задачи стояли разные. Если Александр стремился сокрушить Персидскую державу, то Филипп не ставил целью уничтожение враждебного государства. Чтобы сломить мощную федерацию, нужны были иные силы, чем те, что имелись в распоряжении Македонии и ее союзников. Греки имели множество территориальных претензий к Этолии, однако, приобретения эллинских союзников были скромными. Частичный успех в немалой степени был обусловлен прочностью Этолийской федерации. Целью же македонского царя Филиппа, в отличие от ахейского стратега, стало принуждение этолийцев к соблюдению Общего Мира в Греции. Этот договор подразумевал отказ от традиционной практики пиратских рейдов этолийцев на земли других эллинов. Успех коалиции в войне и мирный договор, подписанный в 217 г. в Навпакте, не лишал Этолию независимости и не требовал вступления в Эллинскую лигу. Однако выполнение условий Общего Мира означало ослабление международных позиций Этолийской федерации и ставило под угрозу возможность удержания на своей стороне последних союзников. Таким образом, итогом войны было не сохранение прежнего status quo, а открытое признание этолийцами своего проигрыша готовностью соблюдать параграфы Общего Мира.

Дальнейшие шаги Филиппа, направленные против бывшего союзника Скердиланда, также были рассчитаны на выполнение условий договора Общего Мира. После победы в войне борьба с иллирийским вождем, по замыслу царя, стала бы обоснованием сохранения в Греции гарнизонов и подтверждением стремления македонян к сохранению мира и благополучия в регионе. Не оставил царь без внимания и социальное движение. Как показали события в Спарте и в Мессене, в

ходе и после этой войны социальный фактор по-прежнему был существенным инструментом в руках политиков. Цепь переворотов в этих государствах сопровождалась демагогическими заявлениями политиков с целью привлечь на свою сторону низы общества для достижения той или иной политической цели. Поэтому без сильного сдерживающего фактора, как правило внешнего, ни одно государство не могло оставаться стабильным. Поскольку подобная социальная ситуация была характерна для всех греческих городов, Эллинская лига должна была стать той организацией, которая призвана сохранять внутренний мир и спокойствие в Греции.

Наличие «общего врага» — этолийцев, Скердилаида, спартанцев — в политическом аспекте, низов общества — в социальном, было необходимо для греко-македонской интеграции. «Общий враг» должен был стать той основой, которая сближала бы разные категории населения греческих городов с македонянами. Тем более что Филипп действительно был настроен на мирное решение всех проблем и неоднократно демонстрировал готовность сотрудничать в единственно приемлемой для эллинов форме партнерства — в рамках Эллинского союза. Строго соблюдая букву договора лиги, обосновывая перед союзниками свои действия, он стремился закрепить в стратегически важных пунктах Греции и на морском побережье, что давало ему возможность быстрого реагирования как на социальные смуты, так и на враждебные акции противника. Такая система, если бы она приняла законченный вид, вновь сплотила бы греков под эгидой Македонии. Причем союз необязательно должен был привести к прямому подчинению Эллады. Тот факт, что Антигон Досон, а затем Филипп не пытались бороться против федеративного движения, а также стремление предпоследнего македонского царя к мирному сосуществованию с греками, которое он неоднократно подчеркивал, позволяет утверждать, что новое объединение Греции и Македонии имело все шансы на успех.

Но действия Филиппа остались непонятыми современниками — ни греками, ни римлянами. Эллина в силу прежнего опыта общения с македонскими царями подозревали его в желании любыми средствами подчинить Элладу, установить тиранические режимы в большинстве городов и притеснять их призрачную свободу. Характерно свидетельство Тита Ливия (27, 30, 5). Говоря о переговорах этолийцев с Филиппом в ходе первой римско-македонской войны, он сообщает, что посредники не столько заботились об этолийцах, сколько опасались, что вмешательство царя Филиппа в дела Греции грозит ее свободе. Примечательно то обстоятельство, что высказывание принадлежит посольствам царя Птолемея, Родоса, Хиоса и Афин, т. е. послам исконно враждебных Македонии государств. Хотя в конце III в. реальная угроза свободе Греции исходила уже от Рима, а не от Македонии, греки традиционно продолжали видеть в Македонии «империю зла». Что касается римлян, то непонимание деяний македонского царя было основано на несходстве фундаментальных политических ценностей эллинистического мира и Рима. Строя свою восточную политику, римляне мыслили иными категориями. Для них война давно стала образом жизни, а накануне второго столкновения с Карфагеном во враждебных замыслах по отношению к себе они подозревали всех соседей. Македония была первым эллинистическим государством, столкнувшимся с Римом, у нее не было возможности извлечь уроки из чужих ошибок. Парадокс ситуации конца III в. заключался в том, что все мирные устремления македонского царя были восприняты как коварные планы и источник угрозы, который следовало подавить любыми средствами. Нарушив существовавшее на Балканах равновесие сил, римляне уничтожили последний шанс на мирное сотрудничество греческих государств в рамках той организации, в договоре о создании которой провозглашался Общий Мир — κοινὴ εἰρήνη.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМА — Античный мир и археология. Саратов.
ВДИ — Вестник древней истории.
АЖАН — American Journal of Ancient History.
АJPh — American Journal of Philology.
САН — Cambridge Ancient History; САН² — Cambridge Ancient History. 2nd ed.
Cl. Ph. — Classical Philology.
Cl. Q. — Classical Quarterly.
IG — Inscriptiones Graecae. Vol. II—III (editio minor). Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. Ed. J. Kirchner. Berlin, 1913—1940.
ISE — Iscrizioni storiche ellenistiche. Testo critico, traduzione e commento a cura di L. Moretti. Vol. I. Firenze, 1967.
JHS — The Journal of Hellenic Studies.
JRS — The Journal of Roman Studies.
SB — Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften.
SVA — Die Staatsverträge des Altertums, III: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. / Hrsg. von H. H. Schmitt. München, 1969.
Syll³ — Sylloge Inscriptionum Graecarum / ed. W. Dittenberger. Editio tertia. V. 1—3. Leipzig, 1915—1924.

1. *Беликов А. П.* Полибий между греками и римлянами: оценка политической деятельности историка // ВДИ. 2003. № 3. С. 150–161.
2. *Беликов А. П.* Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003.
3. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1980.
4. *Борухович В. Г.* Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и его значение // Учен. зап. ГГУ. Вып. 46. 1959. С. 199–208.
5. *Васильевский В. Г.* Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869.
6. *Власюков С. Ю.* Этолийское народное собрание // Antiquitas aeterna. Вып. 1: Эллинистический мир. Казань, 2005. С. 107–121.
7. *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980.
8. *Грацианская Л. И.* «География» Страбона. Проблемы источникововедения // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1986 г. М., 1988. С. 6–175.
9. *Дройзен И.* История эллинизма. Т. 1–3. СПб., 1997–2002.
10. *Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980.
11. *Кашцев В. И.* Из истории межгосударственных отношений в эпоху эллинизма: Два очерка. М., 1997.

12. *Кащеев В. И.* Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III—II вв. до н. э.) // АМА. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 41—50.
13. *Кащеев В. И.* Полибий и его «прагматическая история» // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 23—30.
14. *Кащеев В. И.* Проблема римской политики на эллинистическом Востоке: историографический и методологический аспекты // *Методология и методика изучения античного мира.* М., 1994. С. 166—175.
15. *Кащеев В. И.* Проблемы государственности эллинистической Греции в научном творчестве Дж. Ларсена // ВДИ. 1982. № 4. С. 143—150.
16. *Кащеев В. И.* Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220—146 гг. до н. э. М., 1993.
17. *Кондратюк М. А.* Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30—20-х гг. IV века до н. э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25—42.
18. *Кошеленко Г. А.* Греция в эллинистическую эпоху // *Эллинизм: экономика, политика, культура.* М., 1990. С. 141—185.
19. *Ласи Р. М.* Применимость понятия революции к реформам Агида, Клеомена и Набида в Спарте // ВДИ. 2002. № 4. С. 80—85.
20. *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. СПб., 1889.
21. *Левек П.* Эллинистический мир / Пер. с франц. Е. П. Чиковой. М., 1989.
22. *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
23. *Маринович Л. П.* Конец классической Греции (Ламийская война) // *Эллинизм: экономика, политика, культура.* М., 1990.
24. *Махлаюк А. В.* Армия римской империи. Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000.

25. Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. СПб., 1994.
26. Немировский А. И. Полибий как историк // ВИ. 1974. № 6. С. 87–106.
27. Павловская А. И. Греция и Македония в эпоху эллинизма // История Европы. Т. 1. М., 1988.
28. Перова В. И. Спарта во второй половине III в. до н. э.: полис или монархия // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 1996. С. 31–37.
29. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950.
30. Рововский А. А. Понятие эллинизм: цивилизационный подход (постановка проблемы) // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 22–31.
31. Ротермель Л. Р., Шофман А. С. Герман Бенгтсон и его концепция эллинизма // ВДИ. 1984. № 4. С. 160–171.
32. Садыков М. Ш. К содержанию понятия «дипломатический кризис» (на примере карфагено-римских взаимоотношений в III в. до н. э.) // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 32–40.
33. Самохина Г. С. Иллирийские войны (о принципах римской политики на Балканах в конце III в. до н. э.) // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород, 1991. С. 42–56.
34. Самохина Г. С. К методологии исторического исследования в эпоху эллинизма: понятие аподейктической истории у Полибия // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 113–120.
35. Самохина Г. С. О системе исторических доказательств в интерпретации Полибия // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 56–57.
36. Самохина Г. С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 104–119.

37. Самохина Г. С. Полибий: эпоха, судьба, труд. М., 1995.
38. Самохина Г. С. Polybiана: история как наука в эллинистической историографии III—II вв. до н. э. // ВДИ. 1986. № 4. С. 95—102.
39. Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийскии полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 119—134.
40. Свенцицкая И. С. Рец. на кн.: F. W. Walbank. The Hellenistic World. London, 1992 // ВДИ. 1994. № 2. С. 196—199.
41. Сивкина Н. Ю. К вопросу о наследовании должности гегемона в Эллинской лиге 224 г. до н. э. // Материалы IX чтений памяти профессора Н. П. Соколова. Н. Новгород, 2004. С. 57—59.
42. Сивкина Н. Ю. Поход Деметрия Фарского на Мессению // Акра. Н. Новгород, 2002. С. 125—132.
43. Сивкина Н. Ю. Состав Эллинской лиги 224 г. до н. э. // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н. П. Соколова. Н. Новгород, 1998. С. 43—48.
44. Сизов С. К. Ахейский союз. М., 1989.
45. Сизов С. К. Клеомен III и освобождение илотов // Актуальные проблемы истории. Н. Новгород, 2002. С. 28—38.
46. Сизов С. К. Отцы-основатели США об уроках древнегреческого федерализма // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 1994. С. 87—93.
47. Сизов С. К. Семнадцать стратегий Арата // Акра. Н. Новгород, 2002. С. 132—142.
48. Сизов С. К. Тайная дипломатия в годы Клеоменово́й войны // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 58—71.
49. Сизов С. К. Федерализм и военная организация в эллинистической Греции (III—II вв. до н. э.) // Между войной и миром: история и теория. Н. Новгород, 1998. С. 5—21.

50. Сизов С. К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н. Новгород, 1990.
51. Смыков Е. В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 80–106.
52. Строгоцкий В. М. Возникновение и развитие исторической мысли в Древней Греции (на материале изучения «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского). Горький, 1985.
53. Строгоцкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Н.Новгород, 1991.
54. Тарн В. Эллинистическая цивилизация / Пер. с англ. С. А. Ляскового. М., 1949.
55. Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. Т.1. СПб., 1994. С. 5–34.
56. Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Элады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–62.
57. Фролов Э. Д. Панэллинизм в политике IV века до н. э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 157–207.
58. Фуллер Д. Военное искусство Александра Македонского. М., 2003.
59. Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху / Пер. с нем. Ю. Г. Виноградова. М., 1999.
60. Ханиотис А. Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире // Antiquitas aeterna. Вып. 1: Эллинистический мир. Казань, 2005. С. 155–190.
61. Шифман И. Ш. Александр Македонский. Л., 1988.
62. Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 4. 1 Abt. Berlin—Leipzig, 1925.
63. Bengtson H. Die Diadochen: Die Nachfolger Alexanders des Grossen. München, 1987.
64. Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson. München, 1971.

65. *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München, 1944.
66. *Billows R.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley—Los Angeles—London. 1990.
67. *Bosworth A. B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, N. Y., 1988.
68. *Bosworth A. B.* Rev.: Errington R.M. Geschichte Macedoniens: Von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches // Cl. Ph. Vol. 84. № 2. 1989. P. 160—165.
69. *Briscoe J.* A commentary on Livy. Books XXXIV—XXXVII. Oxford, 1981.
70. *Briscoe J.* The Antigonids and the Greek states, 276—196 B. C. // Imperialism in the Ancient World. Cambridge, 1978.
71. *Briscoe J.* Rome and the class struggle in the Greek states 200—146 B. C. // Studies in ancient society. London, 1978. P. 53—73.
72. *Cary M.* A history of the Greek World from 323 to 146 B. C. London, 1932.
73. *Cary M.* A history of Rome. London, 1960.
74. *Cawkwell G.* Philip of Macedon. Bristol, 1978.
75. *Chrimes K. M.* Ancient Sparta. A reexamination of the evidence. Manchester, 1949.
76. *Davies J. K.* Cultural, social and economic features of the Hellenistic world // CAH². Vol. 7. 1984. P. 257—320.
77. *Deininger J.* Bemerkungen zur Historizität der Rede des Agelaos 217 v. Chr. (Polyb. 5, 104) // Chiron. Vol. 3. 1973. S. 103—108.
78. *Deininger J.* Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland 217—86 v. Chr. Berlin—N. Y., 1971.
79. *Dell H. J.* Antigonos III and Rome // Cl. Ph. Vol. 42. № 2. 1967. P. 94—103.
80. *Dell H. J.* The origin and nature of the Illyrian piracy // Historia. Bd. 16. H. 3. 1967. P. 345—357.

81. *Eckstein A. M.* Greek Mediation in the First Macedonian War, 209–205 B. C. // *Historia*. Bd. 50. Hft. 3. 2002. P. 268–297.
82. *Eckstein A. M.* Polybius, Demetrius of Pharus, and the Origins of the Second Illyrian War // *Cl. Ph.* Vol. 89. № 1. 1994. P. 46–59.
83. *Edson C.* Rev.: Walbank F. W. Philip V of Macedon // *The American Historical Review*. Vol. 47. № 4. 1942. P. 826–827.
84. *Ellis J. R.* Philip II and macedonian imperialism. London, 1976.
85. *Errington R. M.* A history of Macedonia. Berkeley—Los Angeles—Oxford, 1990.
86. *Errington R. M.* Geschichte Macedoniens: Von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches. München, 1986.
87. *Errington R. M.* Philip V, Aratus and the «Conspiracy of Apelles» // *Historia*. 1967. Bd. 16. Hft. 1. P. 19–36.
88. *Errington R. M.* Rome and Greece to 205 B. C. // *CAH²*. Vol. 8. Cambridge, 1989. P. 81–106.
89. *Ferguson W. S.* Demetrius Poliorcetes and the Hellenic League // *Hesperia*. 17. № 2. 1948. P. 112–133.
90. *Ferrabino A.* Arato di Sicyone e l'idea federale. Firenze, 1921.
91. *Fine J.* The Background of the Social War of 220–217 B. C. // *AJPh*. Vol. 61. 1940. P. 129–165.
92. *Fine J.* Macedon, Illyria and Rome, 220–219 B. C. // *JRS*. 1936. Vol. 26. P. 24–39.
93. *Fine J.* The Mother of the Philip V of Macedon // *The Classical Quarterly*. Vol. 28. № 2. 1934. P. 99–104.
94. *Forrest W. G.* A history of Sparta 950–192 B. C. London, 1980.
95. *Fuks A.* Agis, Kleomenes and Equality // *Cl. Ph.* Vol. 57. № 3. 1962. P. 161–166.
96. *Carlan Y.* Hellenistic science: its application in peace and war. War and sieecraft // *CAH²*. Vol. 7. 1984. P. 353–362.

97. *Giovannini A.* Review Discussion: Roman Eastern Policy in the Late Republic // *AJAH*. Series 1. Vol. 9. № 1. 1984. P. 33–42.
98. *Golan D.* Aratus' policy between Sicyon and Argos: an attempt at Greek Unity // *Rivista Storica dell'Antichita'*. Anno III. 1973. P. 59–70.
99. *Golan D.* The Res Graeciae in Polybius. Four Studies. Como, 1995.
100. *Griffith G. T.* Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935.
101. *Gruen E. S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1. Berkeley—Los Angeles—London, 1984.
102. *Hammond N. G.* The continuity of Macedonian institutions and the Macedonian kingdoms of the Hellenistic era // *Historia*. Bd. 49. Hft. 2. 2000. P. 141–160.
103. *Hammond N. G.* Illyris, Rome and Macedon in 229–205 B. C. // *JHS*. Vol. 58. 1968. P. 1–21.
104. *Hammond N. G.* The Macedonian State. Origins, institutions and history. Oxford, 1989.
105. *Hammond N. G.* Philip of Macedon. Baltimore, 1994.
106. *Hammond N. G., Griffith G. T.* A history of Macedonia. Vol. 2. Oxford, 1979.
107. *Hammond N. G., Walbank F. W.* A history of Macedonia. Vol 3. Oxford, 1988.
108. *Harris W.* War and imperialism in republican Rome 327–70 B. C. Oxford, 1979.
109. *Hatzopoulos M. B.* L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes, 2001.
110. *Heuss A.* Antigonos Monophthalmos und die griechischen Städte // *Hermes*. LXXII. 1938. S. 133–194.
111. *Heuss A.* Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen. Leipzig, 1937.
112. *Holleaux M.* The Romans in Illyria // *CAH*. Vol. 7. 1928.

113. *Holleaux M.* Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J.-C. P., 1921.
114. *Jehne M.* Koine eirene. Stuttgart, 1994.
115. *Klose P.* Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt in der Zeit von 280 bis 168 v. Chr. München, 1972.
116. *Larsen J. A. O.* Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968.
117. *Larsen J. A. O.* Representative government in Greek and Roman history. Berkeley—Los Angeles, 1956.
118. *Larsen J. A. O.* Representative government in the Panhellenic Leagues // Cl. Ph. Vol. 20. 1925. P. 313—329.
119. *Larsen J. A. O.* Rev.: Pédech P. La méthode historique de Polybe // Cl. Ph. Vol. 62. № 3. 1967. P. 214—218.
120. *Larsen J. A. O.* Rev.: Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1 // Cl. Ph. Vol. 53. № 4. 1958. P. 246—251.
121. *Larsen J. A. O.* Rev.: Walbank F. W. Philip V of Macedon // Cl. Ph. Vol. 38. № 1. 1943. P. 56—58.
122. *Larsen J. A. O.* The Aetolian-Achaean Alliance of 238—220 B. C. // Cl. Ph. Vol. 70. № 3. 1975. P. 159—172.
123. *Larsen J. A. O.* The Aetolians and the Cleomenic war // The classical tradition detetary and historical studies in honor of Harry Caplan. Ithaca, 1966.
124. *Le Bohec S.* Antigone Doson, roi de Macedoine. Nancy, 1993.
125. *Le Bohec S.* Les reines de Macédoine de la mort d'Alexandre à celle de Persée // Revue d'Histoire Ancienne. T. 4. 1993. P. 229—245.
126. *Lehmann G.* Untersuchungen zur historischen Glaubwürdigkeit des Polybios. Münster, 1967.
127. *Mandel J.* A propos d'une dynastie de tyrans à Argos (IIIe siècle avant J. C.) // Athenaeum. Vol. 57. 1979. P. 293—307.
128. *Mendels D.* Messene 215 B. C. An enigmatic revolution // Historia. Bd. 29. 1980. P. 246—250.

129. *Mendels D.* Polybius, Philipp V and the Socio-economical Questions in Greece // *Ancient Society*. Louvain, 1977. № 8. P. 154–174.
130. *Mørkholm O.* The Speech of Agelaus again // *Chiron*. Vol. 4. 1974. P. 127–132.
131. *Mørkholm O.* The Speech of Agelaus at Naupactus 217 B. C. // *Classica et Mediaevalia*. Vol. 28. 1967 (ersch. 1970). P. 240–253.
132. *Nachtergael G.* Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes. Bruxelles, 1977.
133. *Niese B.* Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia. Tl. 2. Gotha, 1899.
134. *Nissen H.* Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius. B., 1863.
135. *Ogden D.* Polygamy, prostitutes and death. The hellenistic dynasties. London, 1999.
136. *Oliva P.* Der Achäische Band zwischen Makedonien und Sparta // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1986. С. 130–139.
137. *Oliva P.* Die soziale Frage im hellenistischen Griechenland // *Eirene*. № 12. 1974. P. 47–61.
138. *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971.
139. *Pédech P.* La méthode historique de Polybe. P., 1964.
140. *Perlman S.* Greek diplomatic tradition and the Corinthian league of Philip of Makedon // *Historia*. Bd. 34. 1985. P. 153–174.
141. *Petzold K. E.* Ein Betrag zur römischen Aussenpolitik im 3 Jahrhundert // *Historia*. Bd. 20. H. 3. 1973.
142. *Pritchett W. K.* Studies in ancient Greek Topography. Part VI. Berkeley—Los Angeles—London, 1989; Part VII. Berkeley—Los Angeles—London, 1991.
143. *Roebuck C. A.* A history of Messenia from 369 to 146 B. C. Chicago, 1941.
144. *Rostoutseff M.* The social and economic history of the Hellenistic world. Vol. 1–3. Oxford, 1941.

145. *Ryder T. T. B.* Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxford, 1965.
146. *Shimron B.* Late Sparta. The Spartan revolution 243–146 B. C. Buffalo, 1972.
147. *Shimron B.* The Spartan Polity after the Defeat of Cleomenes III // The Classical Quarterly. Vol. 14. № 2. 1964. P. 232–239.
148. *Schwahn W.* Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien. Leipzig, 1930.
149. *Tarn W. W.* Macedonia and Greece // CAH. Vol. 7. 1928. P. 197–223.
150. *Tarn W. W.* The Greek Leagues and Makedonia // CAH. Vol. 7. 1928. P. 732–768.
151. *Tarn W. W.* The social question of the third century // The Hellenistic age. Cambridge, 1925.
152. *Tomlinson R. H.* Argos and the Argolid: from the end of the Bronze Age to the Roman occupation. Ithaca—N. Y., 1972.
153. *Treves P.* Studi su Antigono Dosone // Athenaeum. Vol. 12. 1934. P. 381–411; Vol. 13. 1935. P. 22–56.
154. *Walbank F.* Aratus of Sicyon. Cambridge, 1933.
155. *Walbank F.* A historical commentary on Polybios. Vol. 1–3. Oxford, 1957–1979.
156. *Walbank F.* Macedonia and Greece // CAH². Vol. 7. 1984. P. 221–256.
157. *Walbank F.* Macedonia and the Greek Leagues // CAH². Vol. 7. 1984. P. 446–513.
158. *Walbank F.* Philip V of Macedon. Hamden, 1940; 2-nd ed. Cambridge, 1967.
159. *Walbank F.* Polybios. Berkeley—Los Angeles—London, 1990.
160. *Walbank F.* Selected papers. Studies in Greek and Roman history and historiography. London—N. Y., 1985.
161. *Wilcken U.* Alexander der Grosse und der Korinthische Bund // SB Berlin. Abh. 18. 1922. S. 97–118.

162. *Wilcken U.* Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes // SB München. Abh. 10. 1917. S. 1–40.
163. *Wilcken U.* Philipp II von Makedonien und die panhellenische Idee // SB Berlin. Abh. 18. 1929. S. 291–318.
164. *Wilcken U.* Über eine Inschrift aus dem Asklepieion von Epidaurios // SB Berlin. Abh. 18. 1922. S. 122–132.
165. *Wilcken U.* Zu der epidaurischen Bundesstele vom J. 302 v. Chr. // SB Berlin. Abh. 26. 1927. S. 277–301.
166. *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. T. 1–2. Nancy, 1966; 2-eme ed. Nancy, 1979.
167. *Williams M. F.* Philopoemen's special forces: peltasts and a new kind of Greek light-armed warfare (Livy. 35. 27) // Historia. Bd. 53. Hft. 3. 2004. P. 257–277.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Я. Тыжов. Новая книга по истории эллинизма</i>	5
Введение	11
<i>Глава I. Накануне войны</i>	49
1. Причины и повод к войне	49
2. Два этолийских рейда в Пелопоннес	90
3. Процедура оформления начала войны	110
<i>Глава II. Принципы набора и состав союзных войск</i>	126
1. Войска Эллинской лиги	126
2. Армия Этолийской федерации	160
<i>Глава III. Боевые действия первого года войны</i>	168
<i>Глава IV. Зимняя кампания Филиппа V в Пелопоннесе</i> ...	192
<i>Глава V. Военный сезон 218 г.</i>	210
<i>Глава VI. Социальные проблемы и дипломатическая борьба в Пелопоннесе</i>	250
1. Спарта в период Союзнической войны	261
2. Мессения в период 220—216 гг.	291
<i>Глава VII. Летняя кампания 217 г.</i>	312
<i>Глава VIII. Заключение мира и итоги войны</i>	338
Заключение	364
Список сокращений	370
Литература	371